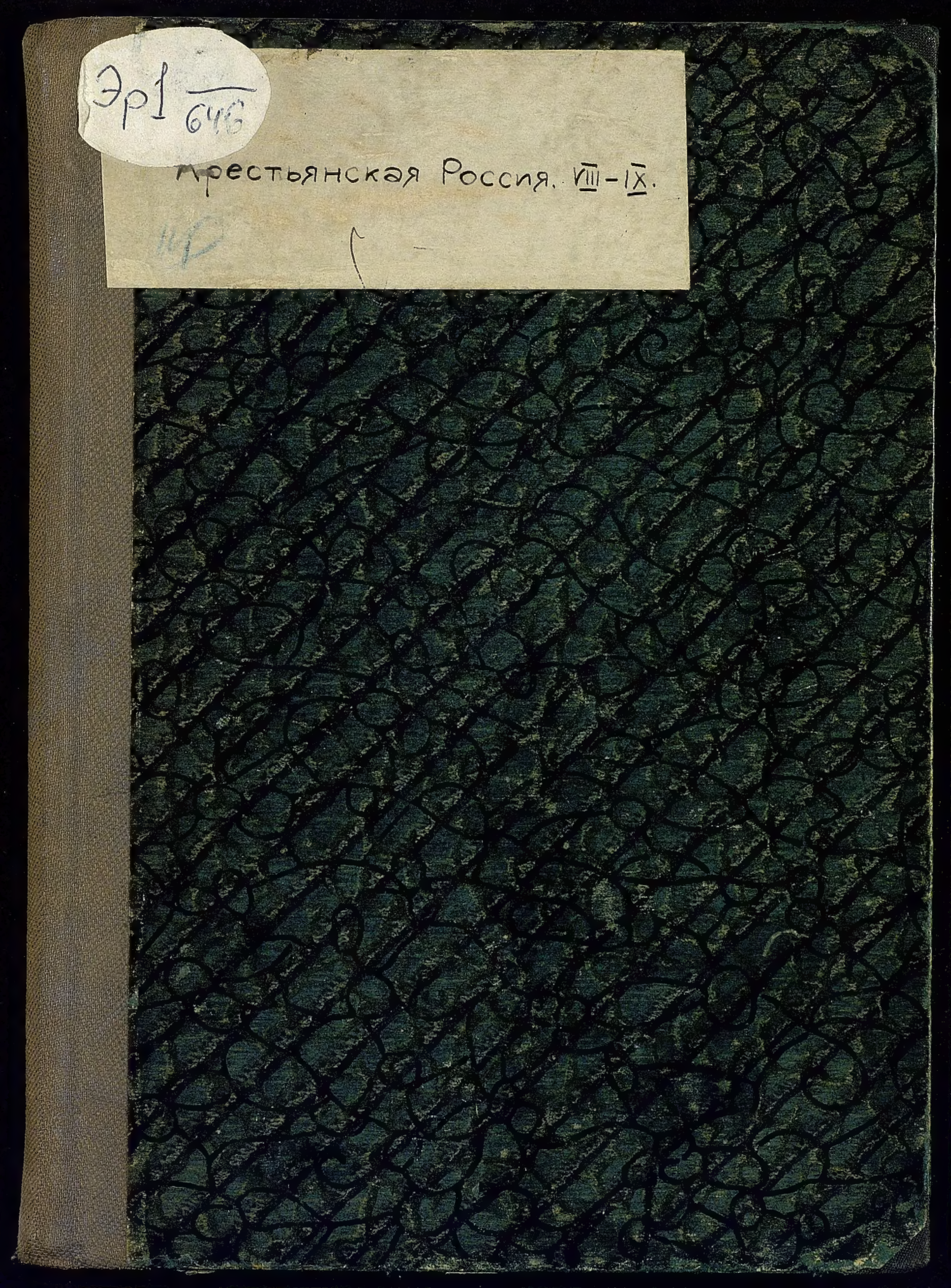
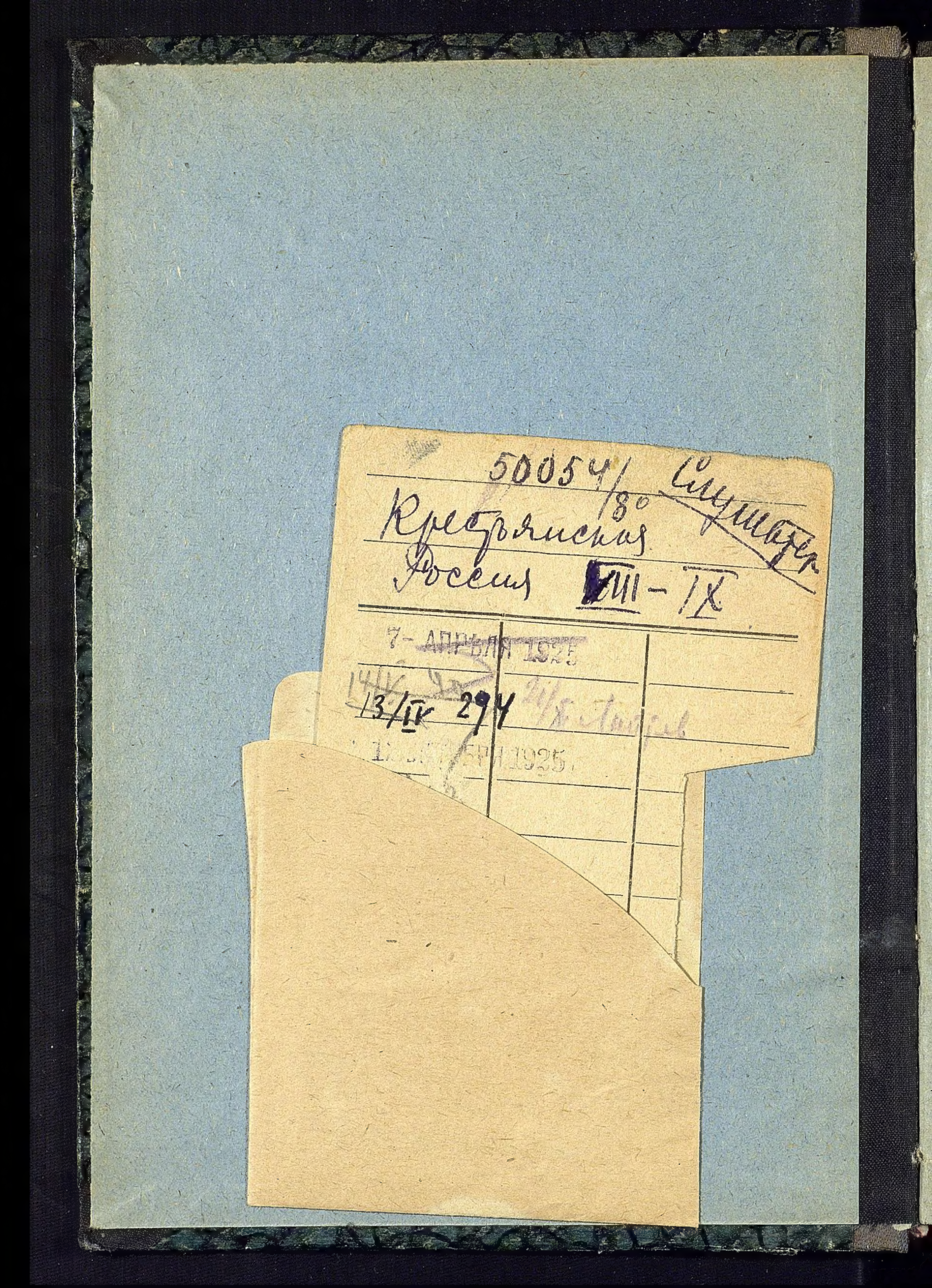
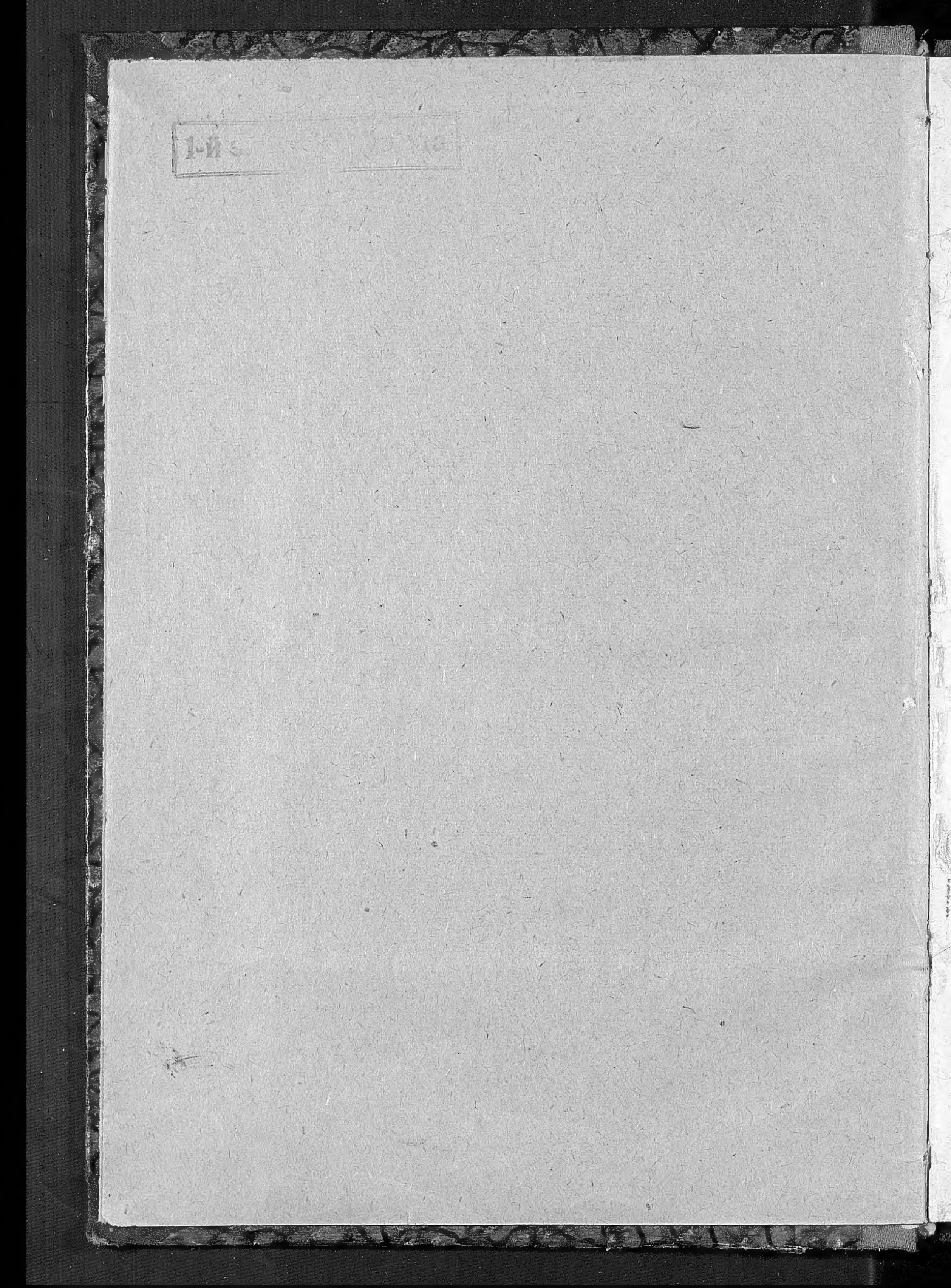


Эр1 / 646
Крестьянская Россия. VIII - IX.


50054/8°
Крестьянская Россия VIII - IX
7 - АПРЕЛЯ 1925
13/IV 294
1925



КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

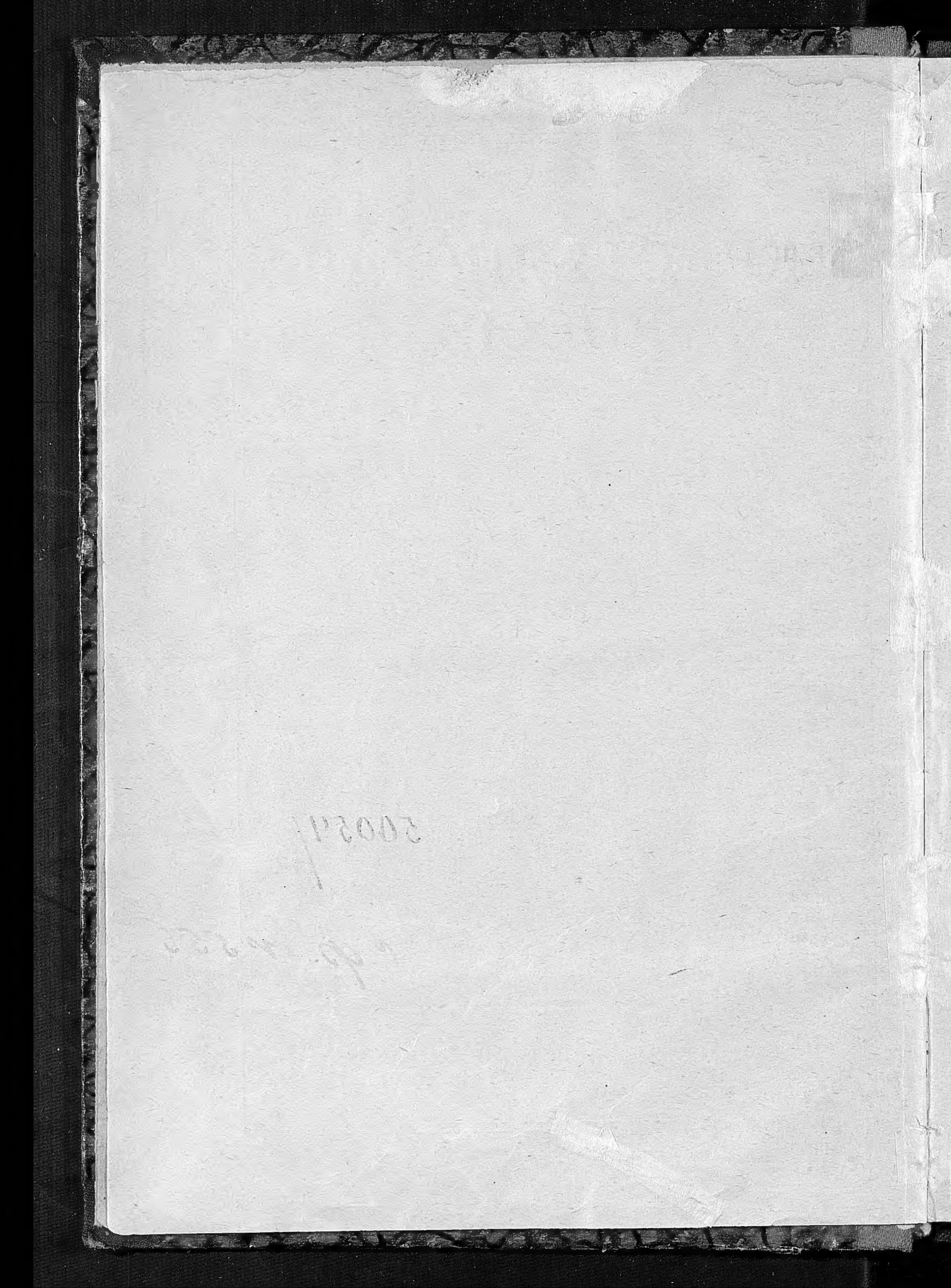
СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ВОПРОСАМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ
И ЭКОНОМИЧЕСКИМ

ПОД РЕДАКЦІЕЙ: А. А. АРГУНОВА, А. Л. БЕМА,
С. С. МАСЛОВА

VIII–IX

ПРАГА
1924

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ“



К ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНІЙ В РОССІИ

I

Исторія крестьянских движеній в Россіи еще не написана. Собрано не мало матеріалов, бросающих свѣт на отдѣльные их моменты. Были предпринимаемы попытки болѣе или менѣе систематическаго обслѣдованія тѣх или иных эпизодов, относящихся к этим движеніям. Но связной исторіи крестьянских движеній на всем пространствѣ исторической жизни Россіи мы еще не имѣем, а потому и не установлена еще и общая схема этих движеній в их историческом развитіи, не намѣчены основные переходные их моменты, не различены в достодолжной мѣрѣ их виды, отличающіеся друг от друга по своим мотивам, цѣлям, формам и по своему отношенію к другим современным им элементам общественнаго броженія.

Недостаточная выясненность всѣх этих вопросов породила ряд ходячих мнѣній, распространенность которых равняется только их необоснованности. Эти мнѣнія принимаются на вѣру, повторяются, как аксіомы, не требующія доказательств, и полагаются в основу различных обобщающих умозаключеній.

Наибольшей распространенностью пользуются два таких ходячих положенія. Сплошь да рядом приходится слышать утвержденія о том, что русская крестьянская масса ни о чем ином не помышляла и не помышляет, ни к чему иному не стремилась и не стремится, как только к возможно большему расширенію площади своего землепользованія. Ублаготворите крестьянина в полной мѣрѣ землей, — и он останется глух и нѣм по отношенію ко всяким другим вопросам политической жизни, и вы уже ничѣм не выбьете его из колеи полнаго политическаго безразличія. С этой теоріей глубокаго крестьянскаго аполитизма конкурирует противоположная теорія, приписывающая крестьянской массѣ склонность к активному бунтарству во имя чисто анархических идеалов, не мирящихся ни с какими формами государственной власти. С точки зрѣнія первой теоріи всѣ крестьянскіе бунты и возстанія во всѣ времена руководились цѣликом стремленіем к земельным захватам. Сторонники второй теоріи объясняют мятежныя движенія крестьянских масс исконной и стихійной враждой их ко всякой государственности.

Эти скороспѣлыя обобщенія могли возникнуть и распространиться только в силу того, что исторія крестьянских движеній не была детально обслѣдована во всем их объемѣ. Двѣ методологическія ошибки имѣли при этом особенно важное значеніе. Во-первых, отличительныя черты крестьянских дви-

женій извѣстнаго хронологическаго періода без фактической провѣрки распространялись на всю исторію крестьянства и принимались за неотъемлемую принадлежность всѣх вообще крестьянских движеній, вытекающую из основ крестьянскаго міровоззрѣнія и крестьянской коллективной психологіи. Во-вторых, сплошь да рядом не дѣлалось отчетливаго различія движеній подлинно крестьянских от движеній иных социальных низов, все бралось за одну скобку и ставилось безраздѣльно на счет одного крестьянства.

Прослѣдить вліяніе этих коренных ошибок на ходячія сужденія о крестьянских движеніях являлось бы очень важной и общественно-полезной научной задачей. Здѣсь мы не можем заняться выполненіем ея в сколько-нибудь значительном объемѣ. Но мы позволим себѣ привести нѣсколько соображеній и фактических справок, которыя, быть может, пригодятся для правильной постановки затронутаго нами вопроса.

Общеизвѣстно и безспорно, что послѣ отмѣны крѣпостного права, в теченіе всей второй половины XIX ст. и в началѣ XX ст., земельный голод служил основной пружиной крестьянских движеній. Потребность в землѣ была столь настоятельна, что крестьянство, не обинуясь подчиняло этой потребности всѣ другіе жизненные интересы и готово было ухватиться за любой способ, который обѣщал удачу в этом направленіи, готово было пойти за любой политической программой, если только она сулила землю в наибольшем количествѣ. Самый крестьянскій монархизм коренился в той мысли, что только монарх, вопреки господам, может дать народу землю, отняв ее у господ. А с другой стороны, революціонно-соціалистическая пропаганда в деревнѣ извлекала свои относительные успѣхи лишь из завѣдомаго недоразумѣнія, которое пропагандисты обыкновенно не считали нужным особенно усердно разсѣивать: крестьянину проповѣдывали обобществленіе земли, а он предпочитал понимать эту проповѣдь, как обращеніе возможно большаго количества земли в с в о ю собственность и, поняв именно так даваемыя ему обѣщанія, охотно рукоплескал затѣм всѣм остальным частям столь заманчивой программы.

Из таких-то фактов иные дѣлали то скороспѣлое заключеніе, что крестьянскому кругозору вообще недоступны какія-либо общественныя стремленія помимо первобытной тяги к землѣ: ко всему остальному он безразличен и равнодушен. При этом как-то улетучивалось простое соображеніе: в видимом равнодушіи и безразличіи крестьянина к политическим вопросам мог вѣдь на самом дѣлѣ таиться как раз чисто политическій реализм, состоявшій в стремленіи выдвигать на первую очередь коренной и ближайшій вопрос, затрагивавшій неотложный насущный интерес, и этому вопросу подчинять всѣ другіе. И гдѣ же основаніе утверждать, что, добившись прочнаго земельнаго устройства, крестьянство, опираясь на свое матеріальное благосостояніе, не обнаружило бы затѣм тяги и к другим жизненным

благам, достиженіе которых требует активнаго участія в государственной и общественной жизни? Здѣсь, помимо того общаго соображенія, что крестьянин есть человѣк и ничто человѣческое не может быть ему чуждо, — мы имѣем полное основаніе опереться и на историческіе факты.

В своем историческом прошлом крестьянин бунтовал не из-за одной только земли. Крестьянство выступало на арену политической борьбы и тогда, когда вопрос о малоземельи не имѣл для него значенія. Завоеваніе личной свободы и стремленіе к достиженію хотя бы минимальных условій достойнаго человѣческаго существованія вызывали крестьянскую массу на сопряженную с огромными жертвами борьбу не в меньшей мѣрѣ, нежели и тяга к землѣ. В XVI, XVII, XVIII вѣках и в первой половинѣ XIX-го политическій мотив в крестьянских движеніях не уступал по своей силѣ мотиву экономическому.

Порой на этой почвѣ разгорались движенія, грозившія ниспровергнуть всѣ устои государственнаго порядка. Дает ли это основаніе приписывать крестьянству природные анархическіе инстинкты? Очень рискованно спѣшить с утвердительным отвѣтом на этот вопрос. Здѣсь прежде всего надлежит тщательно разграничить пріемы борьбы от ея конечной цѣли.

Пріемы борьбы дѣйствительно принимали под час такой характер, что их можно было бы счесть за мятежныя выступленія против самаго принципа государственности. Но сплошь да рядом то было лишь слѣдствіем того, что всякія иныя формы отстаиванія своих интересов были для крестьянской массы недоступны, тогда как самыя цѣли этих движеній не заключали в себѣ ничего анархическаго и сводились лишь к мечтѣ о переустройствѣ государственнаго порядка на началах большей соціальной справедливости. Притом анархическій налет на этих движеніях в значительной мѣрѣ исходил как раз не от крестьянства, а от других слоев бунтующей массы. У нас как-то повелось принимать без критики ту мысль, что при всѣх мятежных движеніях минувших эпох крестьяне, холопы, казаки, вольные и гулящіе люди, инородцы сливались в общую компактную массу, охваченную одним порывом. Это одно из крупных предубѣжденій, вредящих правильному пониманію исторических явленій. Перечисленныя группы дѣйствительно весьма часто соединялись для общих выступленій, но это еще не значит, что онѣ сливались при этих соединеніях в однородное цѣлое. Как раз наоборот: именно отсутствіем такой слитности объясняется крах многих из этих выступленій. По состоянію источников далеко не всегда представляется возможным точно разложить то или иное движеніе на его составные соціальные элементы. Но в тѣх случаях, когда это удается, нерѣдко оказывается, что именно крестьяне в большей мѣрѣ, нежели холопы, гулящіе люди и казаки склонны были противостоять анархическим эксцессам.

В теченіе ряда вѣков крестьянство прибѣгало к мятежам, отстаивая личную независимость и протестуя против неравномѣрности податных тягостей. Разумѣется все это слишком далеко от анархическаго отрицанія всякой государственности.

II

Уже в XVI ст. источники вскрывают перед нами картину широкаго движенія низших слоев населенія из центральных районов Московскаго государства на его окраины. Крестьянство играло значительнѣйшую роль в этом движеніи. Крупныя боярскія и монастырскія вотчины центральнаго района замѣтно пустѣли по причинѣ этого отлива населенія от центра к периферіи и этим запустѣніем, этим разбродом рабочаго населенія вызывался и тот сельско-хозяйственный кризис центральных частей государства, который так обстоятельно завѣрен в нашей спеціальной исторической литературѣ, и крушеніе крупной землевладѣльческой знати той эпохи под ударами террористической политики Ивана IV.

Чѣм же вызывался этот отлив населенія от центра на юг? То было явленіе многосложное. Прежде всего здѣсь дѣйствовало влеченіе земледѣльческаго люда к болѣе плодородным пространствам черноземнаго района. На долгое время скученное на центральном суглинкѣ военными опасностями, со всѣх сторон окружавшими Московскую Русь, земледѣльческое населеніе по мѣрѣ ослабленія этих опасностей ринулось туда, гдѣ почва могла с наибольшею щедростью вознаградить труд земледѣльца. Итак, это было движеніе, в своей основѣ, не только не противогосударственное, но, наоборот, направленное на удовлетвореніе потребностей народнаго хозяйства и, слѣдовательно, укрѣпленіе государственнаго благосостоянія. В противоположность этому, — стремленіе землевладѣльцев искусственно задержать земледѣльческое населеніе на центральном суглинкѣ ради обезпеченія рабочими руками княженецких, боярских и монастырских вотчинных хозяйств, там расположенных, — шло в разрѣз с общественной пользой, ибо не соотвѣтствовало поставленію земледѣльческаго труда в условія, могущія обезпечить наибольшую его производительность. Крестьянин-землероб, врѣзавшійся тогда своей сохой вглубь окраинных в то время черноземных степей, несомнѣнно творил великое государственное дѣло.

К этому, однако, необходимо прибавить, что не одна лишь тяга к чернозему гнала крестьянина XVI вѣка на окраины государства. Покидая прежнія мѣста, пускаясь на заманчивый простор окраинных степей, крестьяне и бобыли спасались от закрѣпощенія и от тяжелых государственных податей и повинностей.

При свѣтѣ соціальных изысканій, произведенных за послѣдніе тридцать-сорок лѣт, нѣт уже никакой возможности под-

держивать старыя представленія о том, что XVI ст. было эрой крестьянской свободы, продолжавшейся вплоть до того момента, когда Борис Годунов при царѣ Өедорѣ росчерком пера установил на Руси крѣпостное право. Теперь нам уже вполнѣ хорошо извѣстно, что правительственные указы конца XVI вѣка не внесли какого-либо перелома в положеніе крестьян и что в теченіе всего XVI ст. закрѣпостительный процесс дѣлал быстрые успѣхи. Главным образом, на почвѣ крестьянской задолженности у землевладѣльцев возник тогда институт «крестьянской старины», и крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческих землях, разбились на двѣ группы: новопорядчиков и старожильцев. Старожильцы уже в XVI в. формально были лишены права перехода, т. е. оказались закрѣпленными за владѣльцами тѣх земель, на которых они сидѣли. Но и свобода новопорядчиков была чрезвычайно относительна. Отдѣльные владѣльцы получали сепаратныя жалованныя грамоты, прикрѣплявшія к ним их крестьян. Время от времени правительство назначало сроки, в теченіе которых крестьянскій переход воспрещался повсемѣстно. Все свидѣтельствовало о том, что крестьянство быстро приближается к полному закрѣпощенію. И тайные побѣги крестьян от землевладѣльцев стали в XVI ст. распространеннѣйшим явленіем. Крестьяне перебѣгали от одного господина к другому, а значительный процент этих крестьян направлялся за Оку и вливался там в колонизаціонный поток, о котором было сказано выше. В источниках можно найти не мало указаній на то, что бѣгущіе на юг искали в степном просторѣ не только свободы от личной неволи, но и болѣе легкой жизни в смыслѣ свободы от государственных податей и повинностей. Бремя этих податей и повинностей быстро разросталось по мѣрѣ того, как затягивалась и расширялась та борьба с внѣшними врагами, в обстановкѣ которой строилось Московское государство, и которая придавала такой напряженный характер этому государственному строительству. Для крестьянства это бремя получило сугубую тяжесть, ибо, неся государственныя подати и повинности, крестьяне в то же время отправляли господскія работы и платежи. Государство и землевладѣлец как бы конкурировали друг с другом в извлеченіи из крестьянскаго кармана всего того, что можно было оттуда извлечь, и в эксплоатации личной рабочей силы крестьянина. Какая-либо льгота в отношеніи государева тягла сейчас же вызывала соотвѣтствующее увеличеніе господских повинностей, и крестьянин оказывался в безвыходном кругу, из котораго для него было так соблазнительно выскочить путем побѣга на южную окраину, гдѣ, как он надѣялся, его не так-то легко и скоро настигнут владѣльческое ярмо и царскіе пристава.

Весьма ошибочно было бы усматривать в этом движеніи какое-то возстаніе против самой идеи государственнаго порядка. То была лишь единственно доступная тогдашним соціальным низам форма самообороны против односторонняго направленія,

по которому пошло тогда строительство этого порядка. То была самооборона против рѣзкаго соціальнаго неравенства, которое полагалось в основу этого порядка и должно было привести к полному порабощенію низших слоев населенія. Народная масса, лишенная государственнаго инстинкта, могла бы отвѣтить на такую тенденцію государственнаго строительства анархическим бунтом, направленным на разрушеніе всяких государственных связей. Невозможно отрицать того, что мятежныя выступленія масс в XVII стол. сопровождались и такими чисто анархическими эксцессами. Но все же основное существо этих движеній было иное.

Массы бѣглаго люда, скопившіяся к концу XVI вѣка на южных и юго-западных окраинах государства, пришли в открытое броженіе впервые при появленіи перваго Самозванца. Теперь уже вполнѣ завѣрено, что Самозванщина, как орудіе политической борьбы, была изобрѣтеніем не соціальных низов, а общественных верхов. Перваго Лжедимитрія выставили московскіе бояре с цѣлью ниспровергнуть Бориса Годунова. Очень знаменательно, что бояре прибѣгли именно к такому средству. В этом сказалась их увѣренность в том, что во имя наслѣдственных прав законнаго царя всего легче будет поднять массы против Годунова. Расчет этот вполнѣ оправдался. «Димитрія воскреснувшее имя» оказало на массы дѣйствіе электрической искры. Ополченіе Самозванца, продвигаясь к Москвѣ, словно катящійся снѣжный ком, по мѣрѣ движенія разросталось, увеличивалось в объемѣ. К нему приставали казацкіе отряды и разнообразные элементы населенія юго-западной окраины Московскаго государства, среди которых не послѣднее мѣсто занимали бѣглые холопы и крестьяне. Они шли под знамена названнаго Димитрія в надеждѣ получить за оказанную ему помощь при достиженіи им отцовскаго престола великія и богатыя милости. Весьма знаменательно, что для вовлеченія их в это движеніе потребовалась видимость легальнаго титула. Они возставали за права законнаго наслѣдственнаго царя не для разрушенія государства, а для того, чтобы в рамках возстановленнаго законнаго государственнаго порядка получить облегченныя и болѣе согласныя с соціальной справедливостью условія существованія. Послѣдующія событія скоро показали, что названный Димитрій был не болѣе, как орудіем в руках боярских партій, и его мимолетное торжество лишь расчистило путь к престолу для представителя титулованной знати — князя Василія Шуйскаго.

Тогда всколыхнулись всѣ противобоярскіе элементы населенія. На Москву двинулись одновременно два ополченія — дворянское под предводительством Ляпунова и казацко-крестьянско-холопское под предводительством Болотникова. Эти два ополченія попытались было пойти рука об руку. Но от их соединенія ничего не вышло. Союзники по недоразумѣнію очень скоро убѣдились в том, что им невозможно стать поли-

тическими попутчиками. Они сошлись было на общей цѣли, ниспроверженія боярскаго правительства Шуйскаго, но очень скоро им стало ясно, что эта временная общая цѣль нисколько не может прикрыть глубокой соціальной розни, раздѣлявшей их друг от друга. Болотников в разсылаемых им «прелестных письмах» (т. е. письмах, направленных к прельщенію, или прокламаціях, как сказали бы мы теперь) призывал к побитію боярь и дворян, что, впрочем, вовсе не означало намѣренія уничтожить наличную сословную группировку и административную іерархію, ибо в их же прокламаціях указывалось на то, что участники возстанія будут сами получать боярство, и воеводство, и дьячество. В средѣ соціальных низов, как-будто, намѣчался такой план: разгромить наличное боярство и дворянство, угрожающее народу закрѣпостительными стремленіями, и затѣм оставить в силѣ прежній общественный строй, только иначе перетасовав элементы населенія между подраздѣленіями этого строя. Конечно, это была программа совершенно фантастическая, отличавшаяся большой неясностью политической мысли, но в ней во всяком случаѣ не было ничего анархическаго: болотниковцы вовсе не хотѣли разрушать ни государства вообще, ни даже существовавших форм государственнаго порядка, они только мечтали о том, чтобы продвинуть на верхнія ступени соціальной лѣстницы обитателей соціальнаго дна, смѣстив оттуда тѣх, кто на этих ступенях ранѣе укрѣпился. Ляпуновцам такая перспектива отнюдь не могла быть по сердцу, и они отшатнулись от болотниковцев, а на этом их расколѣ построил свое торжество Шуйскій по правилу divide et impera.

Торжество Шуйскаго было непродолжительно. Вскорѣ послѣ того, как его правительство справилось с означенным выше движеніем, — под Москвой вырос лагерь Тушинскаго вора, и началась продолжительная борьба легальной и лойяльной Руси, возглавленной Шуйским, с Русью бунташной, средоточіем которой являлось Тушино.

Тушинское движеніе ошибочно было бы разсматривать, как продолженіе предыдущих возстаній против власти Шуйскаго. Тушиновщина представляла собою новый этап смуты, отличавшійся от предшествующих своеобразными особенностями. Эти особенности состояли в том, что под знамена Тушинскаго вора стекались люди разнообразнѣйших общественных состояній; тут были и бояре, и дворяне, и посадскіе, и крестьяне, и холопы, и казаки, и духовенство. Тушинскій лагерь представлял собою как бы Московское государство в миніатюрѣ, с той особенностью, что от всѣх общественных разрядов сюда являлись элементы, недовольные своим положеніем. Эта разношерстная толпа с прибавкой польских отрядов, соединившихся с Тушинским вором, никак не могла бы сойтись на каком-нибудь общем планѣ построенія новаго порядка взамѣн того, от котораго они бѣжали в Тушино. Они могли объединиться до извѣстной степени лишь на почвѣ разрушитель-

ных, а никак не созидательных дѣйствій. По этой именно линіи и пошло развитіе тушиновщины. В отличіе от прежних движеній, она получила вскорѣ по преимуществу погромный характер. Набѣги тушинцев на различныя мѣстности, остававшіяся вѣрными царю Василію, отмѣчались грабительскими эксцессами; перед приближеніем тушинцев пустѣли города и селенія; люди спасались в лѣса, а селенія наполнялись лѣсными звѣрями; женщины в паническом ужасѣ бросались в воду с крутых обрывов, чтобы не попасть в руки насильников; иныя думали укрыться в лѣсной чащѣ под покровом ночи; но ночи были ясны: онѣ освѣщались заревом окрестных пожаров, зажженных тушинцами. Уходили тушинцы, и послѣ них оставалось пустынное, разгромленное пепелище. Такими красками рисуются картины тушинских набѣгов в повѣстях о Смутном времени, написанных людьми, которые пережили эти мрачные годы.

Послѣдній по времени изслѣдователь этих движеній (С. Н. Тхоржевскій — «Народныя волненія при первых Романовых») особенно подчеркивает любопытное для нас наблюденіе. Среди этого погромнаго людского водоворота ранѣе всего и сильнѣе всего потянули к порядку и замиренію — крестьяне и посадскіе люди, в то время, как поляки, казаки и служилые люди из состава тушинцев длили смуту, спѣша в то же время выловить себѣ из этого мутнаго водоворота заманчивую добычу. Переходя на службу к тушинскому «вору» служилые помѣщики и не думали отказываться от права владѣнія населенными помѣстьями, наоборот: они требовали от вора обычной награды за службу и спѣшили нахватать себѣ вотчин и помѣстій за счет тѣх, кто передавался царю Василію. До нас дошло нѣсколько десятков грамот на помѣстья и вотчины, выданных от имени второго Самозванца дворянам и дѣтям боярским, признавшим его власть. И в грамотах этих неизмѣнно писалось, что живущіе на тѣх землях крестьяне обязаны новаго своего помѣщика слушать и пашню его пахать и доход помѣщиков платить. Так, крестьянство скоро должно было на дѣлѣ убѣдиться, что побѣда тушинцев над Шуйским вовсе не сулила бы крестьянству лучшей жизненной доли. Не даром вѣдь и в составленном в Тушинѣ проектѣ условій призыва на престол королевича Владислава значилась статья: а крестьянам быть на прежнем основаніи.

Первыя массовыя отпаденія от власти тушинскаго вора (если не считать «перелетов», т. е. отдѣльных лиц, которые сегодня служили вору, завтра Шуйскому, послѣзавтра опять вору и т. д.) и послѣдовали со стороны крестьян различных волостей и людей посадских, а тушинскіе дворяне и дѣти боярскіе, посылаемые вором на усмиреніе этих крестьянских возстаній, сражались бок-о-бок с поляками и казаками против деревенских и посадских мужиков. «Именно мужики Поморья и Замосковных городов — справедливо говорит названный выше

изслѣдователь — посадскіе люди и черные крестьяне были главной силой, поднявшейся против тушинских погромщиков».

Так падает стереотипное представленіе, что за царя Василія стояли соціальные верхи, а Тушинскій вор опирался на соціальные низы. Так падает и распространенное мнѣніе, что крестьянская масса всегда была готова поддержать всякое анархическое движеніе против государственнаго порядка. Не мѣшает помнить, что в эпоху Смуты, разыгравшейся на рубежѣ XVI и XVII вв., бывали моменты, когда именно крестьянство вмѣстѣ с посадскими людьми вносило щедрую долю своих усилій в дѣло возстановленія порядка и охраны его против своекорыстных мятежных выступленій тѣх служилых дворян, которые готовы были служить тому, от кого надѣялись получить «больше прежняго почесть, дары и имѣнія».

III

В исторической наукѣ теперь весьма прочно установлено то положеніе, что Смута разрѣшилась торжеством средних общественных слоев за счет соціальной верхушки и соціальнаго дна. Дворянство и посадское крестьянство становится в началѣ XVII ст. руководящей общественной силой. Старая, досмутная титулованная знать вышла из Смуты с большим уроном своего былого значенія. А низшим слоям населенія торжество средних общественных слоев грозило быстрым дальнѣйшим закрѣпощеніем. Именно в первой половинѣ XVII ст. окончательно завершается и законодательным порядком закрѣпляется закрѣпощеніе крестьян. Возстановлявшаяся послѣ Смуты московская государственность строилась на крѣпостном правѣ, т. е. на таком фундаментѣ, который не только не мог охранить государственное зданіе от вулканических сотрясеній почвы, но и сам по себѣ представлял не что иное, как соединеніе взрывчатых веществ. С ярмом закрѣпощенія крестьянство никогда не могло равнодушно примириться. И по мѣрѣ того, как государственный строй все ближе проникался крѣпостническими элементами, крестьянство все сильнѣе и шире охватывалось чувством отчужденности и враждебности к основам этого строя.

Чрезвычайно важно, однако, при этом замѣтить, что даже в періоды наибольшаго развитія крѣпостного права и наиболѣе острых проявленій недовольства крестьян своим положеніем, это недовольство лишь в видѣ частных исключеній окрашивается подчас в оттѣнок отрицанія самой идеи государственнаго порядка. По общему правилу, крестьянская политическая мысль упорно и настойчиво работает в том смыслѣ, что крѣпостное право не соотвѣтствует нормальному государственному порядку и является его нетерпимым искаженіем. И пото-

му, поднимая возстанія против крѣпостного права, крестьяне вовсе не чувствовали себя противниками государственнаго порядка, а пребывали в полном убѣжденіи, что они борятся за начала истинной и правильной государственности. Этим объясняется цѣлый ряд явленій, характеризующих развитіе крестьянских движеній в эпоху существованія крѣпостного права. Во-первых, обостреніе и расширеніе этих движеній идет строго параллельно развитію самаго крѣпостного права; во-вторых, — всѣ крестьянскія возстанія и бунты стремятся стать под знамя политической лойяльности; отсюда возникает опредѣленная схема, глубоко внѣдряющаяся в сознаніе крестьянской массы; схема эта сводится к тому, что крѣпостное право измышленно «господами» вопреки намѣреніям государственной власти, вслѣдствіе того, что «господа» либо насильственно овладѣли волею царя и держат ее у себя в плѣну, либо ввели носителя верховной власти в пагубное заблужденіе, скрывая от него истину. Потому-то крестьянскія возстанія поднимаются под лозунгом: «на господ во имя царя». Этим объясняется то общественное явленіе, что особенно сильные взрывы крестьянских волненій наблюдались при перемѣнѣ царствованія или в началѣ каждаго новаго царствованія, — крестьянство спѣшило подать свой голос, пока «господа» еще не успѣли подчинить себѣ новаго монарха, а так как никакая иная форма оказательства своих стремленій, кромѣ неповиновенія господской власти, не была доступна крестьянам, то крестьяне и поднимали бунт против господ в увѣренности, что с высоты престола эти их дѣйствія должны будут встрѣтить поддержку и одобреніе. Той же самой схемой объясняется и популярность в крестьянских массах самозванщины. Если фактическая дѣйствительность слишком уже рѣзко начинала противорѣчить тому убѣжденію, что монарх должен стоять за крестьянскіе интересы, то народная мысль находила выход из такого противорѣчія в том объясненіи, что престол занят не подлинным монархом, а либо обманщиком, либо узурпатором, а настоящій царь до времени скрывается, чтобы в надлежащій час призвать народ к защитѣ своих прав. Какая благодарная почва для самозванщины!

Для иллюстраціи всѣх этих общих наблюденій достаточно припомнить ряд извѣстных фактов.

Мятежныя движенія крестьянства проявляются с полной силой лишь послѣ того, как крѣпостное право окончательно сформировалось и закрѣпилось. Уже первая половина XVII ст. была наполнена мятежами. Но — как показали новѣйшія детальныя изслѣдованія — в этих мятежах главенствовали не крестьянскія массы, а как раз тѣ средніе общественные слои, которые послѣ смуты чувствовали за собой наибольшую силу и спѣшили использовать ее для того, чтобы получить от новой династіи в свою пользу желательныя им сословныя преимущества. Новая династія и отвѣтила на эти мятежныя движенія изданіем

Соборнаго Уложенія 1649 г. Уложеніе царя Алексѣя удовлетворило главнѣйшія домогательства посадских людей и служилаго дворянства. На первом мѣстѣ здѣсь слѣдует поставить окончательное закрѣпленіе крѣпостного права на крестьян. Это и послужило сигналом для начала уже крестьянских движеній.

В XVII ст. лучшим показателем недовольства того или иного общественнаго класса своим положеніем служили побѣги на Дон, под крыло казацких вольностей. И вот, изслѣдователи отмѣчают важное для нас явленіе. За первую половину XVII ст. движеніе из центральной Руси на Дон не носит массового характера. Туда уходят одиночки и притом в значительной мѣрѣ преступники, спасающіеся от кар, авантюристы, ищущіе фортуны. В наибольшем числѣ туда бѣгут боярскіе холопы, которым опостылила холопская неволя и которые нерѣдко достигали затѣм на Дону высокаго положенія. Так, напр., в 1640 г. войсковым дьяком на Дону оказался бывшій холоп кн. Одоевскаго, отлично служившій войску и пером и мечом и пользовавшійся на Дону большим уваженіем и вліяніем (см. назв. соч. г. Тхоржевскаго). Бѣгут также на Дон стрѣльцы и городовые казаки. Но за всю первую половину XVII ст. архивные документы не указывают ни одного случая побѣга на Дон к р е с т ь я н. Картина рѣзко измѣняется, начиная с 60 годов XVII ст. В 1667 г. в Москву уже приходят донесенія о том, что во многіе донскіе городки в изобиліи являются бѣглые боярскіе люди (т. е. холопы) и к р е с т ь я н е с женами и дѣтьми, так что в тѣх городках чувствуется даже недостаток продовольствія. Это — знаменательный симптом. Крестьянская масса, почувствовав на себѣ ярмо окончательно сложившейся крѣпостной неволи, — всколыхнулась, забродила и потянулась туда, гдѣ надѣялась найти опорную точку для предстоявшей борьбы за свою свободу. Там, на Дону, уже назрѣвала Разиновщина.

Весною 1667 г. Разин, окруженный шестью сотнями «товарищей», на стругах поднялся по Дону из Черкасскаго городка до Паншина, оттуда перевалил на Волгу, по Волгѣ спустился в Каспійское море, захватил Яицкій городок, разгромив стрѣльцов, там сидѣвших, и, перезимовав со своим флотом в названном городкѣ, весною 1668 г. на цѣлые полтора года бросился грабить приморскія владѣнія Персіи. Эта чисто пиратская экспедиція охватила все западное побережье Каспійскаго моря, гдѣ разграбленіе ряда городов с шахскими дворцами и громадными складами кизилбашских купцов дало казакам несмѣтную добычу. Перезимовав на полуостровѣ у Астрабадскаго залива. Разин совершил затѣм такой же набѣг к устью Куры и к осени 1669 г. вернулся на Дон. В теченіе зимы 1669—1670 г. Разин, окруженный ореолом персидских побѣд, занимал в войскѣ какое-то особое положеніе самостоятельнаго вождя, независимаго от войскового атамана. Он готовился к новым подвигам, но уже на иной аренѣ. В эту зиму бѣгство из центральной Руси на Дон приняло эпидемическій характер. Среди

бѣглецов все еще преобладали холопы. Но и крестьянская масса начинала приходить в сильное броженіе.

Планы Разина были рѣшены. На очереди у него стоял поход на Волгу. Он рѣшил тряхнуть Москвой также, как тряхнул Персіей. Весной 1670 г. он объявил своему воинству рѣшеніе идти вверх по Волгѣ — «с боярами повидаться». Цѣлью выступленія было опредѣлено: «за великаго государя стоять, а измѣнников-бояр выводить». Это был лозунг, с помощью котораго Разин всего лучше мог обезпечить себѣ сочувствіе и содѣйствіе низших масс населенія. Движеніе по Волгѣ открылось рядом блестящих удач. Царицын сдался разиновцам почти без сопротивленія. Жители сами отворили ворота города казакам, немногочисленные защитники-стрѣльцы были изрублены казацкими саблями, а воевода утоплен в рѣкѣ. У Чернаго Яра произошла первая встрѣча с царским военным отрядом. Успѣх сам дается Разину в руки: стрѣльцы перебили собственных голов и сотников и передались на сторону казаков. Затѣм приступом была занята Астрахань, и воевода кн. Прозоровскій сброшен был с колокольни, а мѣстные жители сами начали сѣщи дворян, сотников, боярских людей и пушкарей. 20 іюля Разин двинулся вверх по Волгѣ. Саратов и Самара сдались без боя, жители там встрѣчали разиновцев с хлѣбом-солью и сами вязали и убивали мѣстных воевод. Такое поведеніе городских жителей нижняго и средняго Поволожья объясняется характером этих городских поселеній. Города этого края представляли собой не торговопромышленные центры, а сравнительно недавно построенные военные форпосты. Посадскіе люди в этих городах не обладали капиталами, не вели обширных торговых операцій и сливались с низшими слоями населенія, с стрѣльцами и казаками. Только под Симбирском Разин встрѣтил надлежащій отпор со стороны правительственных войск. В распоряженіи симбирскаго воеводы Милославскаго находилось гораздо больше военных сил, нежели у воевод на южном Поволожьи, да кромѣ того к Симбирску придвинулся к моменту прихода туда разиновцев отряд помѣщичьей конницы под начальством кн. Барятинскаго.

Отряд Барятинскаго был, правда, потѣснен разиновцами и отступил к Тетюшам, но Милославскій крѣпко засѣл в Симбирскѣ и в теченіе цѣлаго мѣсяца отражал приступы Разина. Так поступательное движеніе ополченія Разина было остановлено. Но к этому времени «разиновщина» вышла уже далеко за предѣлы чисто казацкаго набѣга. Произошло то же самое, что и сто лѣт спустя во время «пугачевщины»: казацкое выступленіе осложнилось возстаніем приволжских инородцев против московской государственной власти и возстаніем крѣпостного крестьянства против власти господ. Чуваши, черемисы, мордва и отчасти татары составляли многочисленные отряды, присоединившіеся к разиновцам. А затѣм — всколыхнулась крестьянская масса, и мятеж сразу охватил громадное про-

странство, соотвѣтствующее позднѣйшим губерніям Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, а затѣм перекинулся и за Волгу, на рѣки Унжу и и Ветлугу. По всему этому раіону рыскали разиновскіе партизанскіе отряды, которые поддерживали возставших крестьян и помогали им грабить помѣщичьи усадьбы и убивать самих помѣщиков. Разинскій атаман Максим Осипов проник в Нижегородскій уѣзд, взял приступом богатый Макарьевскій монастырь, и вскорѣ в Москву летѣли донесенія о том, что по всему Нижегородскому уѣзду «в селах и деревнях крестьяне забунтовали, помѣщиков и вотчинников побивают, а которыя помѣстья и вотчины московских людей и их в тѣх помѣстьях и вотчинах нѣт, и в тѣх мѣстах побивают приказчиков с женами и дѣтьми и помѣстья и вотчины их раззоряют». На Ветлугу пробрался и атаман Илюшка Иванов и собрал там из помѣстій и вотчин крестьян 370 человѣк и с этим отрядом побивал «по мірской сказскѣ» боярских приказчиков.

Опираясь на крестьянское возстаніе, Разин счел нужным еще ярче подчеркнуть лойяльный лозунг своего движенія. Объявляя с самаго начала, что он призывает «за государя стоять, а боярь изводить», Разин теперь, во удостовѣреніе своей преданности царскому дому и церковной іерархіи, распространил слух, что в его войскѣ находится царевич Алексѣй Алексѣевич (на самом дѣлѣ незадолго до того умершій) и опальный патріарх Никон (сидѣвшій узником в Ѳерапонтовом монастырѣ на Бѣлоозерѣ). Это был почти вплотную подход к старой идеѣ самозванщины, хотя и не в прямой окончательной ея формѣ.

Осложнившись широко раскидывавшимся крестьянским возстаніем, разиновщина выросла в страшную опасность для правительства. Совершенно также, как позднѣе при Пугачевѣ, народная молва стала обгонять фактическіе успѣхи возстанія, и пока крестьянскіе бунты охватывали среднее Поволожье и прилегающія к нему мѣстности, уже в самой Москвѣ стали поговаривать в нѣкоторых кругах населенія, что Разин стоит за народ и что его надо встрѣтить хлѣбом-солью. Так свидѣтельствует один иностранец в своих записках. Но, с другой стороны, превращеніе казацкаго набѣга в крестьянское возстаніе ускорило развязку, ибо побудило московское правительство принять энергичныя мѣры для скорѣйшаго подавленія мятежа. 1 августа 1670 г. на театр событій из Москвы было двинуто многочисленное дворянское войско. По словам иностранца-очевидца, в блестящем военном смотрѣ, устроенном в Москвѣ перед выступленіем этого войска, участвовало до 60 тысяч дворян. Предводителем этой рати был назначен боярин кн. Юрій Долгорукій. Пока войско Долгорукова подвигалось к раіону возстанія, Милославскій и Барятинскій уже нанесли разиновцам сокрушительный удар. 1 октября под Симбирском произошло генеральное сраженіе. Войско Разина было разбито на голову,

и сам Разин, жестоко израненый, надолго исчез со сцены. Он объявился вновь лишь в февралѣ 1671 г. в Черкасском городкѣ, когда поволжское возстаніе было уже почти ликвидировано, и казацкіе старшины вскорѣ признали за благо во исполненіе приказа из Москвы без дальних размышленій схватить Стеньку и выдать его московскому правительству на казнь.

Послѣ неудачи разиновцев под Симбирском Долгорукій дѣятельно занялся подавленіем крестьянскаго возстанія, избрав своей опорной базой Арзамас. Отсюда по всѣм направленіям разсылались отряды дворянской конницы для усмиренія возставших крестьян. По словам современников, дворяне, «гдѣ чернь найдут, сейчас и рубят». Плѣнных живыми не брали, рубили и вѣшали их немедленно, без суда. Арзамас был окружен висѣлицами, на которых висѣло по 40 и 50 человѣк, тут же стояли колья с насаженными на них отсѣченными головами и живыми людьми, нѣкоторые, посаженные на кол, жили до третьяго дня и даже говорили. Наблюдатель-иностранец замѣчает, что Арзамас представлял собою в это время «подобіе ада». Общее число казненных, не считая убитых в сраженіи, тот же иностранец считает 11 тысяч человѣк. К январю 1671 г. возстаніе было окончательно подавлено, если не считать рѣдких слабых вспышек кое-гдѣ среди инородцев.

Неудачу возстанія, одно время принявшаго было такіе внушительные размѣры, новѣйшіе писатели склонны объяснять техническими причинами, отсутствіем организаціи, необъединенностью всего движенія. Нам думается, что причину надо искать глубже, и что неудача была неизбѣжна и предрѣшалась заранѣе всей совокупностью обстоятельств. Коренная причина неудачи заключалась в том, что соединеніе казацкаго и крестьянскаго движенія было не органическим, а чисто механическим. Давно пора оставить стереотипное представленіе о том, что казак, бунтовавшій против «боярской» Москвы, и крестьянин, поднимавшійся против крѣпостного права, дѣлали какое-то общее дѣло, шли к одной и той же цѣли. Без помощи казацких военных сил поволжскіе крестьяне не могли успѣшно бороться с правительственными войсками, а между тѣм казаки вовсе не думали отождествлять свои планы и цѣли с стремленіями крестьянства. Для разиновцев поход на Волгу был не болѣе, как н а б ѣ г ради захвата добычи, подобный тому набѣгу, который за год до того Разин совершил с таким успѣхом на приморскія владѣнія Персіи. «Стоять за великаго государя, выводить измѣнников-бояръ» — всѣ эти пышные лозунги имѣли лишь декоративно-агитаціонный характер. Подлинная подкладка разинскаго выступленія была гораздо болѣе прозаичной. Она была точно формулирована в донесеніи, посланном в Москву царицынским воеводой, можно сказать, накануне разинскаго похода на Волгу. Воевода писал: «на весну от казаков без воровства, конечно, не будет, потому что н а

Дону стало гораздо много, а кормиться им нечѣм, никаких добыч не стало».

Итак, в то время, как для крестьян возстаніе было попыткой переустройства соціальных отношеній, для казаков это был лишь набѣг ради добычи. Побѣдоносно подвигаясь от Астрахани до Симбирска, разиновцы успѣли-таки настолько хорошо вознаградить себя за риск своего предпріятія, что при первом серьезном неуспѣхѣ можно было до времени и бросить дѣло. Потерпѣв пораженіе под Симбирском, казаки отхлынули обратно на Дон, а поволжскіе крестьяне оказались предоставленными своей судьбѣ, и дворянскому ополченію Долгорукаго была обезпечена вѣрная побѣда.

IV

Исход разиновщины показал, что крестьянство было не в силах остановить или направить на иные пути развитіе завязавшихся соціальных процессов. Россія переступала порог XVIII столѣтія в видѣ военной монархіи, опиравшейся на систему всеобщаго закрѣпощенія государственной службѣ и государеву тяглу. Крѣпостное право на крестьян служило фундаментом всему этому государственному порядку, при котором, однако, и сами земле- и душевладѣльцы оказывались тоже подневольными государевыми холопами, «служилыми людьми», обезпеченными пожизненной обязательной службѣ. Крѣпостной крестьянин работал принудительно на господина лишь потому и для того, чтобы сам этот господин мог нести принудительно-обязательную государеву службу, к которой он также был безвыходно на всю жизнь прикрѣплен. Извѣстно, что реформа Петра Вел. цѣликом восприняла и утвердила эту старую схему государственно-общественнаго порядка, лишь придав ей нѣкоторыя новыя внѣшнія очертанія.

По смерти Петра В., со второй четверти XVIII ст. начинается переход государственно-общественнаго порядка на совершенно новыя основанія. Сверху до низу закрѣпощенная военно-полицейская монархія начинает перерабатываться в сословно-дворянскую монархію. При преемниках Петра дворянин постепенно превращается из служилаго человѣка в необязаннаго службѣ привилегированнаго земле- и душевладѣльца. Вмѣстѣ с тѣм крѣпостное право на крестьян, расширяясь в своем объемѣ и обостряясь в формах своего внѣшняго проявленія, утрачивает свою прежнюю государственную мотивировку. Прежде крѣпостная зависимость крестьянина объяснялась и оправдывалась обязательною службою дворянина-душевладѣльца. С ослабленіем, а затѣм и с полной отмѣной для дворян обязательной службы, крѣпостная зависимость крестьянина лишилась прежняго государственнаго обоснованія, и крѣпостной крестья-

нин, оставаясь, как и раньше, государственным тяглецом, уплачивая государственную подать, в то же время все болѣе и болѣе переходил на положенiе частнаго имущества своего господина. Иначе говоря, — крѣпостная зависимость быстро стала приближаться к зависимости рабской.

Крестьянская масса отдавала себѣ очень ясный отчет в сущности этой соцiальной трансформацiи. Крестьяне отлично улавливали государственный, публично-правовой элемент крѣпостного права, как оно сложилось в Московской Руси. Это крестьянское пониманiе нашло себѣ мѣткое выраженiе на страницах трактата крестьянина-публициста Посошкова. Посошков пишет, что «дворянам крестьяне не вѣковые владѣльцы, настоящiй их владѣлец — государь, а дворяне владѣют временно». И в полном согласiи с этими взглядами крестьяне дѣлали затѣм тот вывод, что измѣненiе прежняго положенiя дворянства должно повлечь за собою соотвѣтствующее измѣненiе и в положенiи крестьянина: с раскрѣпощенiем дворянина должно совмѣститься и освобожденiе крестьянина от крѣпостной зависимости. И когда на повѣрку оказалось, что «вольность дворянская» не только не приносит свободы крестьянской массѣ, но, наоборот, влечет за собою сугубое порабощенiе крестьян, тогда народная мысль восприняла это явленiе, как искаженiе основных начал здравой государственности в угоду корыстным интересам владѣльческих классов и за недоступностью для крестьян каких-либо иных форм воздѣйствiя на ход государственной жизни, крестьяне и реагируют на рост дворянских вольностей и на обостренiе своей зависимости от душевладѣльцев массовыми отказами от повиновенiя помѣщичьей власти и тѣм начальственным приказам, в которых власть призывала крестьян слушать во всем своих господ. По формѣ эти крестьянскiе бунты носили всѣ черты настоящих возстанiй. По существу крестьяне, поднимавшiе знамя этих возстанiй, отнюдь не смотрѣли на свои выступленiя, как на противогосударственные, анархическiе акты. Не разрушенiе государственнаго порядка, а борьба с явной неправдой, которая, по убѣжденiю крестьян, не могла совмѣщаться с правильным государственным порядком, — составляла задачу мятежных выступленiй крестьянских масс в эпоху образованiя дворянских привилегiй в XVIII столѣтiи.

Усиленными вспышками крестьянских волненiй сопровождался каждый поворотный момент в процессѣ нарожденiя сословно-дворянской монархiи XVIII вѣка. Первый особенно острый взрыв крестьянских волненiй в XVIII в. падает на время царствованiя Елизаветы Петровны, когда, как раз законодательное закрѣпленiе дворянских владѣльческих прав вступило в полосу широкаго развитiя, и право владѣнiя населенными имѣнiями было провозглашено монополiей потомственнаго дворянства. В царствованiе Елизаветы крестьянскiя волненiя начали уже принимать форму настоящих сраженiй между возставшими

крестьянами и правительственными войсками. Так, напримѣр, в вотчинах, купленных Демидовым у Головкина в Калужском уѣздѣ, в 1741 и 1752 г.г. дѣло доходило до планомѣрных военных дѣйствій. В 1752 г. тамошніе крестьяне в количествѣ трех тысяч человѣк, с пушками и ружьями разбили цѣлый драгунскій полк и взяли в плѣн полковника.

Волненія тотчас перекинулись и на ряд других уѣздов и для усмиренія их пришлось двинуть шесть полков с пушками. Это — прямо одна из отдаленных репетицій грядущей пугачевщины.

Изданіе Петром III манифеста о вольности дворянской (18 февраля 1762 г.) вызвало новый взрыв крестьянских волненій. Господствующій мотив этих волненій сводился к глубокому убѣжденію крестьян в том, что дворяне пошли против царя. Крестьяне отказывались вѣрить тому, что объявленіе дворянской воли не соединялось с отмѣною крѣпостного права и приходили к убѣжденію, что царскій манифест о крестьянской волѣ злонамѣренно скрыт дворянами. И вот по Россіи прокатилась еще болѣе сильная волна крестьянских бунтов. Нам извѣстны волненія, вспыхнувшія тогда в уѣздах тверском, клинском, бѣлевском, галицком, каширском, тульском, епифанском, волоколамском, вяземском и других. Для усмиренія этих волненій были двинуты полки, для дѣйствія которых была выработана особая подробная инструкція. А вмѣсто ожидаемаго крестьянами манифеста о волѣ вышел іюньскій манифест 1762 г., в котором говорилось: «с великим гнѣвом и негодованіем увѣдомились Мы, что нѣкоторых помѣщиков крестьяне, будучи прельщены и ослѣплены от непотребных людей ложными слухами, отложились от должнаго помѣщикам своим повиновенія, а потому и далѣе поступили на многія своевольства и продерзости». Далѣе верховная власть заявляла о своем намѣреніи «помѣщиков при их имѣніях и владѣніях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновеніи содержать», с ослушниками и со злонамѣрными распространителями возмутительных слухов обѣщано было поступать по всей строгости законов.

С большими усиліями подавленныя тогда крестьянскія волненія вспыхнули с новой силой тотчас по воцареніи Екатерины II. К волненіям помѣщичьих крестьян присоединились обширныя волненія крестьян горнозаводческих и монастырских. Сама Екатерина опредѣляла общее число бунтовавших тогда крестьян разных категорій в 100 тысяч душ, причем около 60 тысяч приходилось на долю крестьян монастырских.

Екатерина 12 августа 1762 года отмѣнила секуляризаціонныя мѣры Петра III и вернула монастырям и архіереям населенныя имѣнія. Но крестьяне массами отказывались давать подписки о повиновеніи духовным властям и упорно вѣрили в подложность предъявляемых им правительственных распоряженій. А в то же время появились спеціалисты по части составленія подложных манифестов от имени императрицы о крестьянской во-

лѣ. Так в этой профессіи был тогда уличен бѣглый дворовой человѣк одного зубцевскаго помѣщика, проживавшій в Москвѣ. Явились и другіе сочинители, большею частью предлагавшіе свои услуги по этой части попадавшим в Москву ходокам от различных вотчин. Ходоки, оплатив труд сочинителя, увозили с собою в свои палестины драгоцѣнную бумажку, которая затѣм в многих списках быстро облетала обширные раіоны, воспламеняя воображеніе народных масс и их готовность отстоять эту им дарованную и затѣм злонамѣренно от них похищенную волю.

Эта грандіозная вспышка крестьянских волненій в первые годы Екатерининскаго царствованія сразу и в помѣщичьих, и в монастырских, и горнозаводческих вотчинах отличалась по силѣ внушительности от разыгравшейся десять лѣт спустя «пугачевщины» только тѣм, что у нея не было общей объединяющей организаціи и общаго вождя. Зато движеніе на этот раз было раскинуто в различных мѣстностях государства.

В теченіе послѣдующаго десятилѣтія также не было недостатка в проявленіях крестьянских волненій. Они вспыхивали то тут, то там, в отдѣльных вотчинах. Чувствовалось, что положеніе принимает все болѣе напряженный характер и что дѣло лишь за каким-либо подходящим предлогом для того, чтобы мѣстныя вспышки народнаго недовольства приняли вновь массовый характер.

Очень скоро обнаружилось в каком направленіи заработает в этом случаѣ народная мысль. Уже в началѣ 60-х годов появились признаки того, что в сознаніи масс оживает старая тяга к самозванщинѣ. В 1763 г. распространились упорные слухи о том, что Петр III жив и скрывается у яицких казаков. В 1765 г. в Полтавщинѣ объявился какой-то бродяга, присвоившій себѣ имя Петра III. Были и другіе случаи подобнаго рода. Успѣха эти попытки не имѣли, но постоянно возобновлявшіеся толки о том, что Петр Ѳедорович жив и скрывается в простом народѣ, пріучили народную массу относиться с довѣріем к возможности внезапнаго обнаруженія Петра Ѳедоровича, и личность этого обиженнаго царя, который рано или поздно возстанет на защиту своих прав, стала окружаться в народном сознаніи легендарным ореолом печальника о народных страданіях и будущаго мстителя за них. Таким образом, психологически почва для появленія самозванца была готова.

Побудительный толчек к началу возстанія и на этот раз, как и в XVII ст. пришел с Дона. Нужно, однако, рѣшительно отвергнуть довольно распространенныя романтическія фантазіи на тему о том, что казачество по самой своей природѣ являлось естественным вождем народа в борьбѣ за свободу и равенство. На самом дѣлѣ «пугачевщина» возникла на Дону на почвѣ внутренних смут среди казачества, вовсе не представлявшаго собою в то время внутренне сплоченной общины жизненными идеалами среды. Пугачевщина зародилась в связи с дол-

говременной борьбой между рядовым казачеством и казацкой старшиной, опиравшейся на петербургское правительство. Вот эта связь казацкой «старшины» с петербургским правительством и придала казацкому движенію, направленному первоначально против старшинских привилегій, характер возстанія против государственной власти. А затѣм возстаніе расширилось и приняло грандіозныя очертанія только потому, что к нему пристали во имя своих особых интересов другіе элементы: инородцы и крѣпостные крестьяне. Но, как и во время Разина, эта связь оказалась лишь механической и потому не могла стать прочной, не могла выдержать серьезных испытаній.

В сущности «пугачевщина» сложилась из ряда самостоятельных движеній, лишь внѣшним образом объединившихся личностью Пугачева. В развитіи пугачевщины необходимо различать нѣсколько періодов. Первый період: от появленія самозванца до начала осады Оренбурга. Пока пугачевское движеніе не болѣе, как продолженіе предшествующих внутренних неурядиц в Яицком казачьем войскѣ. — Второй період — оренбургскій: движеніе расширяется, выходит за предѣлы чисто казацких смут, осложняясь движеніем инородцев и заводских крестьян Оренбургскаго края. Князь Голицын, разбив силы Пугачева под Татищевской крѣпостью, нанес пугачевщинѣ непоправимый удар в Оренбургском краѣ и послѣ этого — Пугачев бѣжит в Башкирію. Начинается третій, башкирскій період, гдѣ Пугачев дает свое имя в сущности совершенно особому движенію, представлявшему собою прямое продолженіе прежней борьбы башкирских туземцев Уфимскаго края с правительственной руссификаціей. Но из Башкиріи пугачевскія полчища вытѣсняются энергичными дѣйствіями Михельсона, и тогда Пугачев вновь мѣняет арену своей дѣятельности, он бѣжит на Волгу и сжигает Казань. Начинается четвертый и послѣдній період: поволжскій. Так, лишь наружно и обманчиво распространеніе пугачевщины на новые раіоны производит впечатлѣніе послѣдовательных у с п ѣ х о в движенія. На самом дѣлѣ это было м е т а н і е из стороны в сторону вслѣдствіе ряда н е у д а ч. Из Оренбургскаго края Пугачев перебрасывается в Башкирію послѣ пораженія, понесеннаго под Татищевскою крѣпостью; из Башкиріи он устремляется к Волгѣ, будучи тѣсним Михельсоном. На Волгѣ пугачевское движеніе сразу получает широкія перспективы. Как и при Разинѣ, там вспыхивает возстаніе крѣпостного крестьянства. Перебираясь на Волгу, Пугачев учитывал все значеніе крестьянских настроеній для успѣха своего предпріятія. Еще только собираясь идти на Казань, он заказывал своим грамотѣям новые манифесты о том, что император Петр Өедорович жалует всѣх вѣрных своих подданных «вольностью без всякаго требованія в казну подушных и иных податей» и к этому добавлялось: — «в Россіи дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не

будет, понеже каждый восчувствует прописанную вольность и свободу». Успѣх, выпавшій на долю Пугачева под Казанью, лучше всяких манифестов, воспламенил крестьянское населеніе Поволожья. Появленіе пугачевских отрядов в разных мѣстностях Казанскаго и Нижегородскаго края тотчас влекло за собою погромы крестьянами помѣщичьих усадеб. А в это время сам Пугачев, начав движеніе от Казани к Чебоксарам, разсылал новый манифест, в котором говорилось: «жалуем всѣм находящимся прежде в крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиков, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны». Крестьянам по уничтоженіи их крѣпостной зависимости обѣщалось—«свобода от податей и рекрутчины, владѣніе всѣми землями, лѣсными и сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями» и освобожденіе «от всѣх прежде чинимых от злодѣев дворян и градских мздоимцев отягощеніев». В концѣ манифеста содержалось предписаніе: «кои дворяне в своих помѣстьях и вотчинах находятся, оных казнить, ловить и вѣшать, а по истребленіи оных дворян всякій может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, кои до вѣка продолжаться будут». Этот манифест до глубины всколыхнул крестьянскія массы. Крестьяне Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздов возстали почти поголовно. К лагерю самозванца безпрерывно текли густыя толпы: это крестьяне вели к нему своих связанных господ, подвергая их на пути надругательствам и истязаніям. А у Самозванца почти всѣх приводимых к нему помѣщиков ожидала висѣлица. Крестьянское возстаніе быстро распространялось, выходя далеко за предѣлы раіона непосредственных дѣйствій пугачевщины. Помѣщичьи усадьбы пылали. Трупы помѣщиков валялись по дорогам. Вѣсти о том, что творилось на Поволжьи, на крыльях тысячеустой молвы залетали и в центральныя мѣстности и всюду производили глубокое впечатлѣніе и на крѣпостное населеніе, и на помѣщиков. По запискам Болотова можно отчетливо прослѣдить, как разросталась паника помѣщиков по мѣрѣ хода событій. Никто не сомнѣвался в том, что стоит только пугачевцам приблизиться к Москвѣ, как в ней немедленно вспыхнет народный мятеж. «Вся подлость и чернь — пишет Болотов, — а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь так втайнѣ, сердцами своими были злодѣю сему преданы, в сердцах своих всѣ бунтовали и готовы были при малѣйшей возгорѣвшейся искрѣ произвести огонь и поломя». Теперь и правительство затрепетало за Москву и, наконец, рѣшило взяться серьезно за подавленіе возстанія. Панин был назначен главным начальником над всѣми дѣйствіями по усмиренію мятежа, и в его распоряженіе отпускались большія военныя и финансовыя средства.

А между тѣм, как Екатерина и ея совѣтники трепетали за Москву, Пугачев, вопреки настоянію приближенных к нему лиц, принимал рѣшеніе прямо противоположное. Пугачев испугался того всероссійскаго масштаба, какой начало принимать

поднятое им движеніе. Его потянуло назад, в болѣе узкую родную ему казацкую среду. На увѣщанія нѣкоторых лиц идти на Москву он отвѣчал: «не пришло еще мое время; потерпите, дѣтушки, когда придет время, я сам без вашего зова это сдѣлаю, теперь же пойду на Дон, там меня знают и примут с радостью». Теперь, как и при Разинѣ, казачество не поддержало крестьянскаго движенія. В то самое время, как Пугачев устремился на юг, к Дону и Яику, казачество отшатнулось от пугачевщины, обнаружило утомленіе и пресыщенность затянувшейся борьбой и на почвѣ этого утомленія в казацких кругах быстро заработала мысль в направленіи неблагопріятном Пугачеву. 24 августа Михельсон недалеко от Сарепты нанес окончательное пораженіе пугачевцам, а 14 сентября Пугачев был схвачен и связан казаками и представлен по начальству. Послѣ поимки Пугачева возстаніе потухло очень быстро. Оставленное казаками крестьянство не могло сколько-нибудь сопротивляться правительственным войскам, двинутым на искорененіе мятежа.

Крах пугащевщины подѣйствовал подавляющим образом на дух крѣпостной массы. На всю остальную часть Екатерининскаго царствованія крестьянство затихает; мечта о возможности сверженія крѣпостной зависимости блекнет; тѣм не менѣе и в эти годы время от времени вспыхивают в отдѣльных вотчинах мѣстныя волненія, но только они уже не принимают значительных размѣров и не перекидываются в другіе раіоны. Семевскій насчитывал в дошедших до нас документах до 20 таких случаев; возможно, что их было больше, но не о всѣх остался слѣд в архивных матеріалах.

Новая широкая волна крестьянскаго движенія прокатилась по России в царствованіе Павла. По документам видно, что побудительным толчком явились в данном случаѣ два обстоятельства: 1) перемѣна царствованія, ибо так уже повелось, что при каждой перемѣнѣ царствованія открывались крестьянскія надежды на возможность улучшенія крестьянской жизненной доли, и крестьянская масса приходила в безпокойное броженіе и 2) изданный Павлом указ о трехдневной барщинѣ, побудившій крестьян во многих вотчинах встрепенуться и возстать против тяжелых барских повинностей.

Павлов-Сильванскій, предпринявшій обслѣдованіе документов, относящихся к крестьянским волненіям при Павлѣ, пришел к заключенію, что в эти годы крестьяне, возстающіе на господ, уже не думают о сверженіи крѣпостного права, а ставят перед собой болѣе узкую задачу добиться облегченія крѣпостных повинностей. Громадное большинство крестьянских волненій при Павлѣ было вызвано стремленіем настоять на пониженіи непомѣрных несносных оброков и поборов всякаго рода и сокращеніи барщины. Гораздо рѣже поводом к волненіям служило жестокое обращеніе помѣщиков и их приказчиков с крестьянами. В нѣкоторых случаях эти волненія разгорались

до значительных размѣров и дѣло доходило до карательных экспедицій и кровавых столкновеній крестьян с правительственными военными командами. Но в общем все еще чувствовалось то пониженіе в настроеніи крѣпостной массы, которое было вызвано подавленіем пугачевщины. Это особенно выразилось в том, что крестьяне во время этих волненій уже не ставили вопроса о крѣпостном правѣ во всем его объемѣ, а стремились лишь к возможному смягченію суровости своей неволи. Конечно, это вовсе не означало, что крестьянство примирилось с подневольным существованіем, а только под вліяніем былых разочарованій поблекла надежда на достиженіе свободы.

Критическим моментом для крѣпостного права могло оказаться вторженіе в Россію Наполеона. В расчетах Наполеона не малую роль играла мысль о том, что обѣщаніем свободы можно будет поднять на господ крѣпостное крестьянство и тѣм лишить Россію возможности сопротивляться иноземному нашествію. Из дошедшей до нас частной переписки того времени явствует, что и сами помѣщики в ожиданіи непріятелей сильно опасались внутренних осложненій от возможных крестьянских бунтов. Однако, крѣпостное крестьянство обмануло надежды Наполеона. За исключеніем кое-каких мѣстных эксцессов, оно не обнаружило готовности поднять гражданскую войну в момент непріятельскаго вторженія в Россію. Разумѣется, это вовсе не означало того, что в сознаніи крестьянской массы погасла мечта о волѣ. Вторая четверть XIX стол. принесла с собою новый взрыв крестьянских волненій, на этот раз достигшій особой остроты и напряженности.

В связи с ростом денежнаго хозяйства внутренній хозяйственный обиход крѣпостной вотчины в это время подвергался глубокой переработкѣ. Помѣщики стали расширять свои хозяйства, добиваться поднятія их производительности, завязывать все болѣе разроставшіяся связи с рынком. Все это вызвало крайнее напряженіе крѣпостных повинностей. В оброчных хозяйствах быстро росли оброки. Барщинныя имѣнія все в большей мѣрѣ приближались к типу рабовладѣльческих плантацій: расширялась барская запашка, барщина умножалась и в нѣкоторых вотчинах занимала уже все рабочее время крестьянина, крестьянскіе надѣлы обрѣзывались и мѣстами барщинные крестьяне совсѣм снимались с надѣлов, присоединенных цѣликом к барским полям и превращались в безземельных батраков при господском хозяйствѣ и сажались на «мѣсячину». Крестьянство отвѣтило на этот дальнѣйшій нажим крѣпостной неволи массовыми волненіями, которыя в 40-х и 50-х годах минувшаго столѣтія, по общему голосу современников, пріобрѣтали с каждым годом все болѣе зловѣщій характер и все болѣе широкое территоріальное распространеніе. Этот новый рѣзкій подъем волны крестьянских возстаній сыграл тогда не малую роль в рѣшимости правительства покончить с крѣпостным правом. Именно при свѣтѣ многочисленных извѣстій о

крестьянских бунтах той поры становятся вполнѣ понятными слова Александра II, обращенныя к представителям московскаго дворянства: «пора отмѣнить крѣпостное право сверху прежде, нежели оно начнет отмѣняться снизу». Отмѣна крѣпостного права — вот тот лозунг, под которым крѣпостная масса вновь выступала тогда на арену соціальной борьбы. И кто же сочтет возможным усмотрѣть в этом лозунгѣ противогосударственное, анархическое начало?

В 1861 г. с крестьянства снимается ярмо неволи. И с этой поры крестьянскія движенія вступают в новый фазис. Борьба за волю смѣняется борьбой за землю, ибо земельный голод стал первостепенным мотивом в жизни пореформенной освобожденной деревни. Но этот дальнѣйшій фазис крестьянскаго движенія нуждается в особом разсмотрѣніи.

А. Кизеветтер.

ПОСЛѢВОЕННАЯ ЕВРОПА И ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

I

В 1919 г. появилась маленькая книжка американскаго банкира Франка Вандерлипа: «Что случилось с Европой?» Книжка написана на обратном пути из Европы, на пароходѣ, послѣ трех с половиной мѣсячной поѣздки автора по Европѣ и послѣ многочисленных бесѣд с ея государственными дѣятелями и финансистами. Дѣловой американец замѣтил многое, чего не видѣли иные из этих дѣятелей — и пришел в ужас. Он почувствовал, что міровая война глубоко подкопала самыя основы, на которых зиждется благосостояніе Европы, и что старому континенту угрожает гибель, если его отвѣтственные руководители не спохватятся во-время и не примут мѣр к оздоровленію, столь же радикальных, как радикальны были и совершенныя разрушенія.

Вандерлип был прав. В Европѣ не сразу замѣтили всей глубины и серьезности разстройств, произведенных четырьмя годами войны, потому что в ближайшіе два года послѣ перемирія еще господствовала благопріятная конъюнктура. Громадные барыши, нажитые поставщиками военнаго снабженія, еще маскировали общее оскудѣніе и вошедшая в привычку расточительность правительств и гипертрофированнаго бюрократическаго аппарата скрывала паденіе покупательной силы обывателя, катастрофическое сокращеніе потребительскаго рынка и упадок здоровой производительности. Но уже в 1920 и 1921 гг. все это вполнѣ обнаружилось. Европа вступила в небывалый по размѣрам кризис, вѣрно предсказанный Вандерлипом. Пострадали, как он правильно замѣтил, не только побѣжденные, но и побѣдители. Пошатнулся международный базис европейскаго индустріализма, разстроилось установившееся десятилѣтіями равновѣсіе между странами, поставляющими сырье и странами, продающими товары. Разстройство міровых путей сообщенія, колебаніе валют, чрезвычайная задолженность правительств и запутанность финансов, соціальное безпокойство и непрочность внутренняго положенія — все это разстроило деликатную и чувствительную систему международнаго кредита, а без него невозможна никакая реконструкція*).

*) См. сводку поразительных цифр и фактов, подтверждающих эти выводы, в работѣ проф. *Dr. E. Schultze* «Die Zerrütung der Weltwirtschaft», 2-e, Aufl. W. Kohlhammer, 1923.

Вандерлип подошел тут к вопросу о роли Америки в возстановленіи Европы. В самом дѣлѣ, то, что потеряла Европа, выиграли другіе континенты — и прежде всего Америка. Многіе предсказывали еще до войны, что результатом большого европейскаго конфликта будет потеря Европой того руководящаго мѣста, какое принадлежало ей до сих пор среди других континентов. Британскія колоніи, Дальній Восток, Южная Америка давно стремились освободиться от европейских опекунов. Война дала им возможность и повод выдвинуться вперед и выиграть темп перед Европой*). Вандерлип кончал свою книгу пророческим планом спасенія Европы при помощи американскаго займа.

Но не поздно ли? Не есть ли обѣднѣніе Европы, паралич ея индустріи, остановка роста ея населенія, наконец, ея упорное нежеланіе — или неумѣніе — понять всю серьезность положенія и сговориться в своей средѣ о совмѣстном планѣ спасенія, — не суть ли это предвѣстники ея окончательнаго паденія? Здѣсь экономія и статистика подавали руку моральной и философской оцѣнкѣ. Говорить о «сумерках Европы» сдѣлалось модой в извѣстных интеллигентских кругах. И в матеріалах для подобнаго рода прогнозов, казалось, не было недостатка. Ибо разрушенія, произведенныя войной, касались не только финансов и народнаго хозяйства. Они захватили также и область народной души. Было немыслимо, чтобы нечеловѣческія условія современной войны не произвели в усиленных размѣрах того дѣйствія, которое войны всегда производят в народной морали. За крайним напряженіем воли к подвигу слѣдует душевная реакція. Культивированіе примитивных инстинктов нападенія и защиты, свобода примѣненія разрушительных склонностей, устраненіе всяких альтруистических мотивов деформирует психологію, созданную мирной культурной жизнью. Переход от распущенности походной обстановки к гражданской дисциплинѣ мирнаго времени не может совершиться сразу. Военные навыки, особенно при возможности сохранить часть оружія и аммуниціи, облегчают обостреніе соціальных противорѣчій и дают возможность прямого перехода к гражданской войнѣ. Послѣвоенная психологія дает таким образом самую благопріятную обстановку для соціальных экспериментов воинствующаго утопизма**).

Как извѣстно, теоретическій марксизм представлял себѣ соціальную революцію, как естественное завершеніе высшаго развитія капитализма и производительности народнаго труда. Но упрощенная марксистская доктрина — «ленинизма» — поняла, что обосновать жесточайшій вид войны, соціальную гражданскую войну, можно только на послѣвоенной психологіи. Вот

---

*) См. для иллюстраціи интересную книгу *A. Demangeon*, «Le déclin de l'Europe», Paris, Payot, 1920.

**) Много интересных замѣчаній о производимой войной психической деформаціи и одичаніи читатель найдет в книгѣ *G. F. Nicolai*, «Die biologie der Krieges», Zürich, 1917.

почему соціалисты этого направленія ждали с такимъ нетерпѣніем европейской войны, как сигнала к соціальной революціи и заранѣе разрабатывали методы, как воспользоваться «революціонной конъюнктурой», неизбѣжно создаваемой всякой войной. Пріемы Ленина в этом отношеніи вовсе не составляют его авторской собственности*).

Если смотрѣть на большевизм, как на один из продуктов общаго послѣвоеннаго разстройства, то уже нетрудно понять, почему из всѣх государств, затронутых войной, он водворился именно в Россіи. Печальная особенность Россіи состоит в сравнительной недавности и непрочности в ней элементов соціальнаго сцѣпленія. Явленія послѣвоеннаго разстройства хозяйства и психики в ней — тѣ же, что и в остальной Европѣ. Но в Россіи эти явленія сильнѣе подѣйствовали на національный организм и пріобрѣли особенно яркую и законченную форму. Процессы разрушенія соціальных связей не встрѣтили у нас такого сопротивленія, как встрѣтили в Европѣ со стороны развитой, проникшей в сознаніе и привычки народа государственности и со стороны прочно сорганизовавшихся имущих классов. Ни того, ни другого не хватало в Россіи**). Большевизм явился у нас не вопреки, а вслѣдствіе нашей отсталости, и в этом заключается простой отвѣт на «мучительный» вопрос, предложенный Троцкому на рабочем собраніи: «товарищ Троцкій, объясните пожалуйста, почему наиболѣе развитыя капиталистическія страны имѣют наиболѣе слабую коммунистическую партію (Америка, Англія). Этот вопрос мучит очень». Троцкій только и мог объяснить это давней англосаксонской культурой.

Теорія и практика міровой революціи, конечно, не имѣет ничего общаго по настроенію и по идейным источникам с теоріей «сумерков Европы». Но она коренится в тѣх же самых явленіях послѣвоенной психологіи и разстройства послѣвоеннаго хозяйства. Она стоит и падает, крѣпнет и слабѣет, живет и умирает, по мѣрѣ того, как развиваются или слабѣют симптомы послѣвоенной міровой катастрофы. В упомянутой книжкѣ Вандерлипа успѣх большевицкой пропаганды в Европѣ совершенно правильно поставлен в прямую связь с другими проявленіями послѣвоеннаго хаоса. Весь вопрос теперь в том, будет ли эта нездоровая почва, на которой так пышно расцвѣло это болотное растеніе, продолжать существовать и вести Европу к краху, или же у отвѣтственных руководителей Европы найдется достаточно той «мудрости», к которой взывает Вандерлип, чтобы оздоровить эту почву и тѣм самым искоренить ядовитые всходы.

---

*) Чтобы показать, что расчеты «ленинизма» на европейскую войну были ходячей монетой до 1914 г., я сошлюсь на книгу *Dufour'a* «Le syndicalisme et la prochaine révolution», Paris, 1913.

**) Болѣе подробное развитіе этой мысли см. в моей книгѣ «Russia to-day and to-morrow», изд. в Америкѣ, Macmillau, 1922.

II

Совѣтскіе вожди обезпокоены. Мудрость эта оказывается налицо! Она притом же является не индивидуальной, а коллективной: не мудростью отдѣльных мыслителей, а цѣлых общественно-политических теченій. В послѣдних выступленіях большевиков, Зиновьева, Троцкаго и других, она получает по праву принадлежащее ей названіе: «пацифистско-демократической эры». Конечно, большевики стараются успокоить себя и других, что эта эра — временная и переходная. Они даже увѣряют, что именно она-то и очистит путь для пришествія міровой революціи. Но их объясненія никак не сходятся с фактами.

Большевики не могут отрицать наличности двух фактов: 1) постепеннаго перехода Европы к «нормальному положенію» и 2) усиленія демократических теченій в Европѣ. Зиновьев в своей рѣчи перед пятым конгрессом коминтерна («Правда», 22 іюня) познакомил слушателей с діаграммами послѣдних выборов в Англіи, Франціи, Германіи, доказывающих эти положенія. Большевики не могут также скрыть, что н е н о р м а л ь н о было именно то положеніе, при котором они сами получили возможность захватить власть в Россіи и произвести ряд коммунистических вспышек в Европѣ. В рѣчи Троцкаго перед друзьями физико-математическаго факультета («Правда», 5 августа) находим ряд признаній, недалеких от знаменитаго заявленія академика Павлова, что Европѣ соціальная революція вовсе не угрожает. Она, собственно, не угрожает и Россіи. «На крестьянской сохѣ ни коммунизма, ни даже соціализма построить нельзя», признается Троцкій, ибо «основной, капитальнѣйшей предпосылкой соціальной революціи является опредѣленный (высокій) уровень развитія производительных сил». Эта «азбука» относится к Россіи. А вот что говорит тот же Троцкій по отношенію к Европѣ. «Исторія трех лѣт 1918—20 стоит еще всецѣло под знаком ликвидаціи имперіалистической войны и непосредственнаго ожиданія пролетарской революціи во всей Европѣ». Тѣм не менѣе и в этот наиболѣе благопріятный для переворота момент большевики не дотянули до побѣды. «Послѣднія точки этого п о с л ѣ в о е н н а г о п о д ъ е м а — сентябрьское возстаніе 1920 г. в Италіи, мартовскіе дни 1921 г. в Германіи». Затѣм «начинается період о т с т у п л е н і я, офиціально провозглашеннаго не без серьезной внутренней борьбы на III конгрессѣ коминтерна в серединѣ 1921 года». «Революціонныя событія, казалось, отодвинуты были в неопредѣленное, но достаточно далекое будущее». Конечно, с таким ходом вещей большевики никак примириться не могли, ибо он в корнѣ уничтожал всю их теорію и практику. И вот начинаются нервные поиски за новым «революціонным положеніем». Его пробуют создать на германской обстановкѣ паденія марки 1923 года, и даже назначают революцію на 9 ноября этого года. Но тут даже Радек доказывает большевикам, что их прогнозы далеко разошлись с дѣйствительностью. Чѣм дальше, тѣм труд-

нѣе становится истолковать в свою пользу двойной факт успокоенія и демократизаціи Европы, гарантирующій ее от дальнѣйших коммунистических вспышек.

Приходится вводить поправку в старую теорію близости мірового переворота. — «Демократическо-пацифистская эра» — это просто «новая иллюзія», объявляет Зиновьев. Это все — штуки буржуазіи, которая «начала замѣнять хирургію терапіей». Так как буржуазія «не может править посредством прежних методов», то она «вынуждена цѣпляться то за фашизм, то за соціал-демократію. Фашисты — это правая рука, соціал-демократы — лѣвая рука буржуазіи». Такое объясненіе дает, конечно, очень удобный повод обстрѣливать с новой позиціи меньшевиков, «соціал-предателей», ставших «третьей партіей буржуазіи». Но как метод пониманія и объясненія дѣствительных фактов, оно отнюдь не годится. И уже Троцкій пытается утончить черезчур лапидарное и по-просту глупое изображеніе Зиновьева. Совершенно вѣрно, говорит Троцкій: «фашизм есть состояніе гражданской войны со стороны буржуазіи», противопоставленное вооруженному возстанію, как методу гражданской войны со стороны пролетаріата. Но фашизм не может быть длительным, так сказать, нормальным состояніем буржуазнаго состоянія общества...Смѣна фашистскаго главы главой нормальнаго буржуазнаго «порядка» предопредѣлялась тѣм, что атаки пролетаріата, и первая (1918—21 гг.) и вторая (1923 г.) были отбиты. Буржуазное общество устояло, и к нему вернулся извѣстный прилив самоувѣренности». Другими словами, Троцкій принужден признать, что Европа вернулась к «нормальному» демократическому строю, как только покушенія коммунизма на демократію были отбиты в порядкѣ «освобожденія от уз легальности». От признанія к признанію — Троцкій идет и дальше. Он отвергает сравненіе «макдональдовщины в Англіи и лѣво-соціалистическаго блока во Франціи» с «керенщиной», которым раньше утѣшались коммунисты, предсказывая кратковременность и непрочность побѣды демократіи в Европѣ. Дѣйствительно, «такое наименованіе мы давали ожидавшемуся нами пришествію реформизма около трех лѣт тому назад, ожидая совпаденія парламентских перемѣн влѣво во Франціи и Англіи с революціонными перемѣнами в Германіи». Но теперь, послѣ краха иллюзіи — близости германской революціи, приходится измѣнить прогноз. «Керенщина есть непосредственное вступленіе к Октябрю». А ни в Англіи, ни во Франціи «п о л о ж е н і е н е т а к о в о, чтобы можно было говорить, в сколько-нибудь близкой перспективѣ, о захватѣ власти». Другими словами, демократія, в формѣ ли лѣвых несоціалистических партій или в формѣ режима «соціал-предателей», ставших «третьей партіей буржуазіи», водворилась в Европѣ прочно и надолго. В Европѣ и в европейских отношеніях, по Троцкому (не по Зиновьеву, конечно) нѣт, стало быть, больше мѣста для расчета на скорую соціальную революцію.

Как же быть, однако? Вѣдь «иллюзіи» этого рода поддержи-

вать необходимо: иначе тухнет душа большевизма, его вѣра и паѳос. И вот Троцкій бросается из Европы в Америку. Он пользуется тѣм несомнѣнным, уже отмѣченным выше фактом, что Америка вышла из войны усиленной за счет Европы. Теперь, по утрированному изображенію Троцкаго, Америка предписывает закон Европѣ, «сажает Европу на паек», — и Европа... должна возмутиться. Так нужно большевикам, чтобы Европа не пошла по указкѣ Америки, а именно возмутилась против нея. Нѣт нужды, что Америка предписывает мир и разоруженіе — то-есть то же, к чему офиціально стремятся коммунисты. Это — лицемѣріе, и американскій мир и разоруженіе — фиктивны. В особенности злит большевиков то, что здѣсь разоблачается их собственное лицемѣріе. Они только что устроили «недѣлю» против «имперіалистической бойни», а Европа сама принимает мѣры, — первыя дѣйствительныя мѣры, против повторенія «бойни». И большевикам приходится одновременно — и устраивать уличныя демонстраціи против войны и — устами Зиновьева — заявлять, что они намѣрены «всѣми силами бороться против рѣшенія экспертов, дающаго мир Европѣ». Они за «хирургію» против «терапіи», и поэтому, когда европейская демократія прибѣгает к терапевтическим средствам, они внѣ себя от негодованія. Как смѣет удаться Лондонская конференція! Вѣдь, таким образом, обращается в мираж их собственный соціальный переворот! И Троцкій пытается всячески издѣваться над «генералом Дауесом», который «положил ноги на стол Европѣ», и над «фабрикантами консервов и сгущеннаго молока», которые претендуют диктовать политику самому Пуанкаре и самому Муссолини... Поистинѣ, в забавныя положенія ставит большевицких вождей их непремѣнное желаніе как-нибудь сохранить вѣру в собственную иллюзію.

Троцкій теперь ждет «революціоннаго положенія» уже не в Европѣ, а на Тихом Океанѣ. Он надѣется, что, если не Европа, то Англія не попустит Америкѣ ея попыток — подумайте только — лишить Англію ея колоній, т. е. сдѣлать то самое, что большевики предоставляли самим себѣ — и произойдет новый міровой конфликт, гораздо сильнѣе предыдущаго. Тѣм самым расчет снова перемѣщается с прежней марксистской «азбуки» — развитія производительных сил — на «ленинскій» міровой захват власти большевиками в результатѣ новой, еще болѣе ужасной, чѣм прежняя, и уже не европейской только, а подлинно-міровой катастрофы.

Мы можем спокойно предоставить Троцкому и его послѣдователям утѣшаться этими новыми вспрыскиваніями в мертвое тѣло старой доктрины. Жизнь Европы и міра идет своим путем, и коммунисты тщетно пытаются догнать и опередить жизнь, плетясь в ея хвостѣ. Ликвидація послѣвоеннаго наслѣдства Европы не легка, но она производится неукоснительно. Сталкивающіеся интересы націй многосложны и переплетаются самым причудливым образом. Но попытки распутать их и привести в состояніе

новаго равновѣсія — вовсе не безнадежная сизифова работа. Возятся с этой работой не мудрецы, но и не преступники, шествующіе к своему раю по колѣна в крови. Взаимнаго довѣрія, на котором создается прочное «общество націй», пока еще далеко недостаточно в Европѣ, чтобы передовѣрить заботу о мирѣ исключительно международному учрежденію «Лиги». Но уровень международной честности все же безконечно выше, чѣм испытанная безчестность совѣтской власти, введшей обман в число своих главных орудій при подготовкѣ мірового переворота. Мір еще не вполнѣ осмыслил тот факт, что «фронт Ленина» претендует на такое же универсальное значеніе, как и фронт «Вильсона». В день, когда он это осмыслит, и отпор воинствующему «ленинизму» будет тоже универсальный. И большевики посильно приближают этот день своими антикультурными выступленіями среди культурнаго міра. Но во всяком случаѣ, это — дѣло не сегодняшняго дня. Перейдем к тому, что для мира совершается сегодня. В эти дни производится самая рѣшительная из попыток развязать главный узел, мѣшавшій спокойствію послѣвоенной Европы. Я разумѣю франко-германскія отношенія. Чтобы легче представить себѣ, как много уже сдѣлано и как далеко достигнутое теперь положеніе ушло от первоначальной постановки вопроса, бросим взгляд на европейскія настроенія и событія, предшествовавшія Лондонской конференціи.

III

Замиреніе Европы, несомнѣнно, пошло бы болѣе быстрым темпом, если бы побѣда над Германіей покончила с европейскими танагонизмами. Но эта побѣда только оживила и обострила внутренній антагонизм между двумя главнѣйшими союзными державами, Англіей и Франціей. Антагонизм этот — давняго происхожденія. Дѣло идет тут не о «коварствѣ» Альбіона и не об «имперіализмѣ» галльскаго пѣтуха, а о глубоком различіи во всей постановкѣ вопроса в внѣшней политикѣ того и другого государства. Островная Англія привыкла к «блестящему уединенію». Она выходит из него только тогда, когда на континентѣ чрезмѣрно усиливается та или другая держава и начинает грозить ея морскому преобладанію. Но покончив с очередным гегемоном Европы при помощи временнаго союза с слабѣйшей стороной, которой он грозит, Англія обыкновенно возвращается к своему нормальному состоянію — изоляціи и полной свободы дѣйствій. Таким образом, и война 1914—1918 гг. и Версальскій мир, увѣнчавшій побѣду союзников, для Англіи имѣл с самаго начала совершенно другое значеніе, чѣм для Франціи. Франція долго готовилась к этой войнѣ, соединяя с ней идею «реванша» и давно заготовив себѣ союзников на континентѣ. Участіе Англіи в войнѣ было импровизаціей, как и созданныя временно — только для войны — вооруженныя силы. Смысл союза для Англіи терялся, как только была достигнута цѣль: уничтожен германскій флот и отняты германскія колоніи. В дальнѣйшем Англія

по существу переходила из положенія союзника в болѣе обычное для нея положеніе — посредника, арбитра в континентальных спорах. Этим объясняется и ея роль на самой конференціи. Уже в началѣ 1920 г. лорд Керзон заявлял, что «в Версальском договорѣ нѣт ничего священнаго».

Для Франціи, напротив, этот договор был святыней, до которой она не дозволяла прикоснуться ни своим, ни чужим. Это был для нея итог прошлаго, не захлопнутая страница дочитанной главы исторіи, а базис для будущаго, гарантія нѣскольких десятилѣтій спокойнаго существованія лицом к лицу с непримиримым врагом, раздраженным собственным пораженіем. Франція особенно почувствовала себя в перманентной опасности, когда Америка отказалась подписать обѣщанный Вильсоном договор о гарантіи, а Англія не захотѣла одна выполнять обязанности гаранта. Франція поэтому цѣплялась за неприкосновенность буквы договора, в то время как в Англіи тотчас послѣ его заключенія радикальное и либеральное общественное мнѣніе стало требовать его коренного пересмотра.

Чѣм объясняется это требованіе? Повелительной необходимостью скорѣйшаго выхода из послѣвоеннаго кризиса. Всецѣло завися от внѣшних рынков, Англія особенно страдала от разстройства мірового равновѣсія, и от его неизбѣжнаго послѣдствія внутри, — безработицы и соціальнаго безпокойства. Матеріально она ничего не ожидала от Германіи послѣ того, как лишила ее флота и колоній. Ввоз германских денег и натуральных взносов по «репараціям» был для нея даже невыгоден. Напротив, Франція построила весь свой громадный бюджет на германских «репараціях», и экономическій подъем Германіи был для нея средством измѣрить величину этих репарацій. При такой разницѣ положенія взгляд на способы выйти из послѣвоеннаго кризиса должен быть разный у Франціи и у Англіи. И это различіе было главной причиной, затянувшей общеевропейское рѣшеніе.

Разница англійской и французской точек зрѣнія на условія міра и на способы замиренія Европы особенно ярко была выражена в нашумѣвшей книгѣ Джона Мейнарда Кейнса «Экономическія послѣдствія мира», вышедшей в ноябрѣ 1919 г. Кейнс был представителем британскаго казначейства на мирной конференціи, но вышел в отставку, когда убѣдился, что условія мира препятствуют экономическому возстановленію Европы. По его мнѣнію Версальскій мир, в лучшем случаѣ, есть временная уловка, чтобы обмануть націоналистически настроенное общественное мнѣніе стран-побѣдительниц, а в худшем случаѣ, — безсмысленное и неисполнимое обязательство, подвергающее длительной опасности спокойствіе Европы. Побѣдители так взвинтили публику своих стран, что в момент подведенія итогов не осмѣлились сказать правды: не рѣшились объявить публично, как мало могут они — в частности и Франція — получить за всѣ свои жертвы в случаѣ благоразумнаго рѣшенія. Поэтому и пришлось

отложить опредѣленіе размѣров взносов Германіи. Президент Вильсон в своей душевной простотѣ сдѣлался жертвой эгоизма Клемансо и Ллойд-Джорджа. Задача всей послѣдующей дипломатіи должна быть — как-нибудь спустить на тормозах с заоблачных высот общественное мнѣніе и выработать такія условія, которыя Германія могла бы не только подписать, но и исполнить.

Французская точка зрѣнія, конечно, совершенно противоположна этой. Германія может заплатить все, что на нее наложат, потому что у нея нѣт разоренных областей, которыя надо возстановлять, как у Франціи; ея фабрики и заводы нетронуты, пути сообщенія цѣлы, экономическое состояніе удовлетворительно, налоги гораздо меньше французских. Но Германія не хочет платить. Ея промышленники переводят всѣ свои барыши и самые капиталы в иностранные банки, правительство намѣренно ухудшает денежную систему и разстраивает бюджет, печать поддерживает готовность к сопротивленію и жалуется на плохія дѣла. В то же время Германія отказывается разоружиться и готовится к реваншу. Единственное средство заставить ее выполнять договор — это употребить силу.

В обѣих точках зрѣнія была, несомнѣнно, большая доля правды. Но свести эти доли истины во-едино было невозможно, не передѣлав національных психологій или, не пройдя через тяжелыя испытанія. А видимое противорѣчіе между Англіей и Франціей, прежде всего, ухудшало самое дѣло, так как поощряло Германію в ея сопротивленіи платежам. Германія дѣйствительно не хотѣла платить, пока ее не принудили к этому. Она дѣйствительно не считала себя ни виновной в начатіи войны, ни побѣжденной (ибо союзныя войска не пришли в Берлин). Она дѣйствительно имѣла в виду реванш. Франція, в свою очередь, дѣйствительно не могла свести концы с концами своего бюджета без германских репарацій. В счет германскаго долга она уже истратила (германцы утверждают: слишком широко и роскошно) около ста милліардов на возстановленіе опустошенных германцами провинцій, взяв эти деньги с населенія путем внутренних займов и истощив до конца свой внутренній кредит. Имѣя в виду неизбѣжность скораго примѣненія силы и германскаго реванша в неопредѣленном будущем, Франція дѣйствительно принуждена была держать большую армію и тратить на нее громадныя средства. Но наличность этой арміи вызвала подозрѣніе Англіи и Америки, возбуждая в первой желаніе нѣсколько осадить своего союзника, а во второй — нежеланіе путаться в европейскія ссоры и давать деньги на возстановленіе военных сил для будущих конфликтов. Без возстановленія — Германія не может платить, а ея возстановленіе дѣлает ее опасной для Франціи — политически и для Англіи — экономически. Вот тот сложный и запутанный узел, который предстояло развязать Европѣ, чтобы ликвидировать послѣвоенное разореніе и вернуться на путь нормальнаго разви-

тія, с котораго свела ее война. Как же Европа справилась с этим заколдованным кругом антагонизмов?

Начало было очень плохо. Из страха обжечь себѣ руки руководители мирной конференціи так и не рѣшились притронуться к вопросу о размѣрах германских платежей. Сумма их оставалась неопредѣленной до 5 мая 1921 г. Германцы предлагали вначалѣ уплатить 200 милліардов золотых марок; но эта сумма казалась тогда недостаточной. В ожиданіи опредѣленія гораздо большей суммы, Германію обязали по договору заплатить только за содержаніе оккупаціонных войск и в счет репарацій — 20 милліардов марок к маю 1921 г. Из них Германія заплатила только восемь и отказалась платить дальше, утверждая, что уплатила все. На конференціи в Парижѣ 29 января 1921 г. общая сумма германскаго долга была опредѣлена союзниками, послѣ неоднократных пониженій французских требованій, в 226 милліардов зол. марок. Германцы на это отвѣтили, что сумма 226 равняется в настоящее время 50 милліардам, из которых 20 уплачено, 8 можно получить путем займа, а остальные 22 она готова уплатить, по милліарду в год. Такое предложеніе даже Ллойд-Джорджу, готовому на уступки, показалось насмѣшкой. Отвѣтом на него был союзный ультиматум 3 марта и первая понудительная мѣра: занятіе на правом берегу Рейна городов Дуисбурга, Рурорта и Дюссельдорфа. Началась новая торговля, закончившаяся тѣм, что новая конференція в Лондонѣ установила 5 мая 1921 г. цифру 132 милліарда, но раздѣлила ее на три части — A, B и C. Первыя двѣ части, A и B, составляли ту же цифру 50 милліардов, которую согласилась признать Германія: на эту цифру Германія должна была выпустить шестипроцентныя обязательства: серіи A — на 12 милліардов и (1 ноября) серіи B — на 38 милліардов. Остальные 82 милліарда (серія C) оставались безпроцентным долгом вплоть до уплаты первых двух, и было очевидно, что эта сумма с того момента сдѣлается предметом торга, а не уплаты. На долю Франціи из 50 милліардов приходилось 26 (52%), т. е. меньше, чѣм уже сдѣланныя ею затраты на репараціи и на уплату пенсій. Эти условія Лондонской конференціи были предложены Германіи ультимативно, вмѣстѣ с цѣлым рядом напоминаній о неисполненных условіях договора. Союзники уже тогда грозили, в случаѣ несогласія, занятіем Рура. Германія подчинилась поневолѣ, не имѣя намѣренія исполнить обѣщанное. Этим закончилась стадія переговоров о вознагражденіи за военные убытки (не о «контрибуціи», т. е., вознагражденіи за расходы на войну: от контрибуціи союзники отказались еще на мирной конференціи). Началась вторая стадія — невыполненія обязательств.

IV

Чтобы представить себѣ в какой степени Лондонская конференція уменьшила платежи Германіи сравнительно с тѣм, что предполагалось раньше, достаточно привести таблицу, соста-

вленную Кейнсом во второй его книгѣ*). Ожидалось получить ежегодно с Германіи по этой таблицѣ:

		милрд. зол. мар.
1.	По расчету лорда Кенлиффа, утилизированному в англійской избирательной кампаніи 1919 г.	28,8
2.	По расчету министра Клотца, приведенному в палатѣ депутатов 5 сентября 1919 г.	18
3.	По расчету репараціонной комиссіи, апрѣль 1921 г.	8,28
4.	По рѣшенію Лондонской конференціи, 5 мая 1921 г.	4,6.

Притом, только два миллiарда из четырех предполагалось получить деньгами. Остальные $2^1/_2$ милліарда союзники разсчитывали получить, взявши 26% стоимости германскаго вывоза.

Германцы противопоставили этому расчету высокое обложеніе (50%—90%) стоимости вывозимых товаров, что сразу уменьшило перевѣс вывоза над ввозом, и приняли мѣры для сокрытія дѣйствительнаго перевѣса**). С другой стороны, началось с ускоренной быстротой паденіе стоимости бумажной марки, что обогатило небольшую кучку промышленников и экспортеров за счет народной массы — и сдѣлало невозможным никакія кредитныя операціи. Для англичан это немедленно послужило аргументом в пользу новаго пониженія германских обязательств. Для французов тѣ же явленія послужили доводом в пользу необходимости: 1) установить контроль над германскими финансами, 2) взять «продуктивные залоги» на германской территоріи и, в случаѣ надобности, эксплуатировать их самим. Чѣм дальше, тѣм больше обѣ точки зрѣнія расходились в разныя стороны и дѣлали невозможной общую союзную тактику относительно Германіи. А Германія все рѣшительнѣе пользовалась и своим внутренним положеніем и этими разногласіями, чтобы вовсе прекратить платежи.

1921 год прошел в отсрочках фактических платежей, с одной стороны и в постоянно усиливавшихся угрозах — примѣнить понудительныя мѣры, с другой. Германцы не безпокоились, так как отлично знали, что взять с них репараціи можно, только усилив их внѣшній вывоз, — а этого усиленія боится и не хочет Англія, так как не желает устраивать сама себѣ конкуренціи. С другой стороны, Франція понимала, что грозить гораздо легче, чѣм исполнить угрозы, ибо расходы на оккупацію германских территорій и на хозяйственную эксплуатацію их уже до Лондонской конференціи 1921 г. представлялись превышающими тѣ доходы, которые могут быть получены***).

Эти колебанія, однако же, уступили чисто твердой политикѣ защиты Версальскаго договора, когда, 13 января 1922 года,

*) Я пользовался французским переводом: «Nouvelles considérations sur le conséquences de la Paix», Paris 1922 г., стр. 69.

**) См. L. L. B. *Angas*. «Germany and her debts», London, 1923 г.

***) Об этих колебаніях см. книгу *Alfred Fabr-Luce* «La crise des alliances», Paris, 1922 г. стр. 210.

власть перешла к Пуанкаре. 20 мая в письмѣ к Клотцу Пуанкаре впервые устанавливает свое пониманіе Версальскаго договора: а именно то обстоятельство, что Франція может и одна, самостоятельно, без союзников, прибѣгнуть к понудительным мѣрам, если репараціонная комиссія установит нарушеніе германских обязательств. В репараціонной комиссіи, послѣ ухода Америки, оставалось четыре члена, и большинство голосов принадлежало Франціи (два голоса предсѣдателя Барту — и один голос бельгійскаго делегата).

Германія, однако, и в 1922 году не платит. Если в декабрѣ 1921 г. фунт стерлингов стоил 700 марок, то послѣ того марка упала до 2.000 в фунтѣ, в іюлѣ до 4—9 тысяч, а в сентябрѣ до 40 тысяч.

Платежи были отсрочены репараціонной комиссіей до 31 мая. На конференціи в Лондонѣ 7—14 августа англійскій и французскій взгляды, наконец, открыто сталкиваются. Надо напомнить, что как раз перед этой конференціей лорд Бальфур послал свою знаменитую ноту, в которой напоминал о долгѣ Франціи и заявил, что Англія может скостить только ту часть долгов союзников и Германіи, которая превышает ея собственный долг Америкѣ. Так как междусоюзные долги были заключены на предмет веденія общей войны, в которой Франція платила кровью, то естественно, что нота Бальфура вызвала во Франціи сильное возмущеніе. А когда на конференціи Ллойд-Джордж высказался против мѣр принужденія Германіи и стал настаивать на новых отсрочках платежей, то со стороны Пуанкаре он встрѣтил рѣзкій отпор. Пуанкаре выставил требованіе — взять «продуктивные залоги» на германской территоріи, в видѣ таможенных пошлин и налогов в оккупированных союзниками областях, эксплуатаціи рудников в Рурѣ и государственных лѣсов на лѣвом берегу Рейна. Впервые конференція союзников разошлась без всякаго соглашенія. Однако, 31 августа репараціонная комиссія все же дала Германіи отсрочку — послѣднюю — до 15 января 1923 года.

Германія отвѣтила на это демонстративным опросом иностранных банкиров и нотой Фишера 14 ноября, в которой отказалась от дальнѣйших платежей. Приходилось принимать то или другое окончательное рѣшеніе. Послѣ совѣта министров в Елисейском дворцѣ 27 ноября заговорили о предстоящей оккупаціи Рура. Этот совѣт обсудил предложенія, которыя 8 декабря Пуанкаре должен был представить союзникам на новой конференціи в Лондонѣ. Вступленіе в министерство вмѣсто Ллойд-Джорджа Бонара Лоу, проявившаго готовность пересмотрѣть вопрос о междусоюзных долгах, создавало, казалось, для совѣщанія союзников болѣе благопріятную атмосферу.

Однако, 8 декабря в Лондонѣ англійскій и французскій план столкнулись еще рѣзче, чѣм это было в августѣ 1922 года. Чтобы избѣжать разрыва, конференція была отсрочена до 2 января 1923 г., когда она собралась в Парижѣ. Но разногласіе от этого не уменьшилось. Бонар Лоу требовал сведенія всего германскаго долга к 50 милліардам, причем первые четыре года Германія ничего

не платила, слѣдующіе четыре года платила по 2 милліарда, потом в теченіе одиннадцати лѣт по $2^1/_2$. Это составило бы 40 милліардов первой серіи; 10 милліардов второй серіи пошли бы на покрытіе союзных долгов Америкѣ. Способы воздѣйствія на Германію должны были рѣшаться единогласно. Пуанкаре соглашался только на двухлѣтній мораторій, но со взятіем залогов. Под условіем аннулированія междусоюзных долгов он предлагал аннулировать и германскія обязательства серіи С (82 милліарда), 4 января была установлена невозможность сговориться, и конференція разошлась послѣ декларацій, констатировавших «дружественный разрыв». Франція пріобрѣтала свободу дѣйствій и через недѣлю воспользовалась ею для военной оккупаціи Рура.

V

Занятіем Рура начинается послѣдній період союзнаго конфликта из-за Германіи, только что закончившійся рѣшеніями Лондонской конференціи 16 августа 1924 года. Хотя Пуанкаре и заявлял, что франко-бельгійскія войска лишь сопровождают инженеров и техников, и цѣль оккупаціи есть понужденіе германцев — платить, но, конечно, в Англіи и Америкѣ поставили занятіе Рура в связь с стремленіем нѣкоторых французских кругов, «партикуляристов» и «реализаторов», ослабить Германію надолго расчлененіем на части и взять с нея репарацію путем прямой эксплуатаціи главнаго узла ея промышленности*). Покровительство Франціи рейнским сепаратистам и мѣры, принятыя для эксплуатаціи богатств Рура, должны были укрѣпить это мнѣніе.

Однако же, того отрезвляющаго и устрашающаго дѣйствія на Германію, на которое разсчитывала Франція, оккупація Рура не произвела. Напротив, в прямом расчетѣ на англо-саксонскую поддержку, Германія организовала сопротивленіе населенія, которое только для благозвучія называлось «пассивным», но управлялось и финансировалось из Берлина. Оккупаціонным войскам тоже пришлось перейти из первоначальной наблюдательной роли в активную, и «невидимая» оккупація превратилась в видимую и чрезвычайно осязательную. Палата вотумом 1 февраля поддержала Пуанкаре; Пенлеве и Эрріо с своими группами голосовали за правительство.

На организацію сопротивленія оккупантам пришлось отвѣтить организаціей эксплуатаціи Рура. Были округлены границы оккупированной территоріи, заняты узловые желѣзнодорожные пункты, взято в руки управленіе желѣзнодорожным движеніем, организован вывоз запасов угля, который рабочіе перестали добывать, проведена таможенная граница, начато взиманіе налогов. Германскіе націоналисты отвѣтили на это «взрывом народ-

*) См. об этих кругах в упомянутой книгѣ *Fabre-Luce* «La crise des alliances», p. p. 203—206. Возраженія Англіи там же, стр. 206—208.

ных страстей», убійством вождя сепаратистов Сметса, нападеніем на французских солдат в Эссенѣ, актами сопротивленія, которые повлекли за собой большое количество арестов и высылок чиновников и служащих.

Англія, наконец, дѣлает первую попытку вмѣшаться. 20 апрѣля Керзон произносит в палатѣ лордов рѣчь, в которой совѣтует Германіи выступить с серьезным предложеніем, обѣщая в таком случаѣ англійское посредничество. Канцлер Куно отвѣчает на это посылкой союзникам ноты 2 мая, в которой протестует против оккупаціи, как нарушенія Версальскаго договора, и, грозя продолженіем «пассивнаго сопротивленія» вплоть до эвакуаціи Рура, он предлагает уплатить в восемь лѣт 30 милліардов зол. марок при помощи иностранных займов, обезпеченіем которых должна служить вся національная экономія Германіи, стабилизація марки, упорядоченіе бюджета. Но союзники должны отказаться от всяких залогов и «санкцій» и должен быть возстановлен status quo до оккупаціи. Франція и Бельгія отвѣтили категорическим отказом, потребовав раньше всяких переговоров, прекращенія квази-«пассивнаго» сопротивленія. Керзон 8 мая выразил в верхней палатѣ сожалѣніе, что Франція поторопилась и пропустила случай для коллективнаго отвѣта союзников, а 13 мая отвѣтил Германіи, что Англія «разочарована» ея предложеніями, слишком недостаточными. 7 іюня Куно разослал новыя предложенія, в которых черезчур общая гарантія ежегодных платежей в 1,2—1,8 милліардов была замѣнена болѣе конкретными гарантіями: желѣзнодорожными доходами, взносами промышленников, нѣкоторыми таможенными доходами. Об этом уже можно было разговаривать, но в германском предложеніи ничего не было сказано о прекращеніи пассивнаго сопротивленія. Как отнесется Англія к этому умолчанію?

Первым актом новаго премьера, Стэнлея Болдвина, замѣнившаго заболѣвшаго Бонара Лоу (22 мая), было поставить Франціи и Бельгіи вопросы (нота 13 іюня): что они разумѣют под прекращеніем пассивнаго сопротивленія и какова их программа репарацій. Это была уже третья британская попытка выйти из тупика рурской оккупаціи. Это был также момент обостреннаго промышленнаго кризиса, безработицы и стачек. Идеологи рабочей партіи, вопреки фактам, искали объясненія кризиса в отсутствіи «дополнительнаго рынка для вывоза» в Германію и Россію и требовали возстановленія и соглашенія с той и другой. В ожиданіи французскаго и бельгійскаго отвѣта усилилась агитація в англійской и германской печати и участились террористическіе акты в Рурѣ*).

Бельгійскій министерскій кризис замедлил составленіе общаго отвѣта на британскую ноту 13 іюня и на германское предложеніе 8 іюня. Переговоры о том и другом начались только 3—4 іюля, а 12 іюля Болдвин и Керзон прочли в палатах декларацію, в кото-

*) См. фактическія подробности в книгѣ *René Pinon* «La Bataille de la Ruhr» 1923. (Chroniques du ministère Poincaré, II, Paris, 1924, p. p. 203—206).

рой осуждалась оккупація Рура, умалчивалось о пассивном сопротивленіи и рекомендовалась «анкета безпристрастнаго комитета о платежеспособности Германіи». Идеи деклараціи были затѣм подробно развиты в нотѣ 20 іюля, в которой Англія соглашалась требовать прекращенія пассивнаго сопротивленія Германіи, но под условіем, что «комитет безпристрастных экспертов» изслѣдует германскую платежеспособность и Рур будет эвакуирован. Комитет экспертов должен быть «эманаціей» репараціонной комиссіи, и в нем должен участвовать представитель Соединенных Штатов. Отвѣт Франціи, посланный 30 іюля, напоминал, что всѣ способы воздѣйствія на Германію были тщетно испробованы и остается способ, примѣненный самой Германіей к Франціи в 1871 году. Сопротивленіе Германіи прекратится, как только Англія открыто его осудит, а в крахѣ Германіи виновата только она сама. Переоцѣнку платежеспособности Германіи вправѣ произвести сама репараціонная комиссія.

Отвѣт Керзона 11 августа звучал раздраженно и рѣзко. На этот раз британскій министр прямо заявлял, что англійскіе юристы пришли к заключенію о незаконности занятія Рура, сравнивал в оскорбительных выраженіях контрибуцію 1871 г. с репараціями 1919 г., оспаривал бельгійскій пріоритет, требовал от союзников уплаты 14,2 милліарда долга, которые Англія должна Америкѣ, еще раз настаивал на «безпристрастной» экспертизѣ, как бы подчеркивая пристрастность репараціонной комиссіи, и в заключеніе, намекал на возможность сепаратнаго соглашенія Англіи с Германіей и взысканія долгов, если Франція и Бельгія не пойдут на соглашеніе. Пуанкаре отвѣтил 20 августа на ноту Керзона. Он развил свои прежніе аргументы и прежде всего настаивал на прекращеніи пассивнаго сопротивленія, послѣ чего обѣщал измѣнить характер оккупаціи Рура, но не обѣщал прекратить ее до выполненія Германіей всѣх ея обязательств.

Іюльская и августовская переписка исчерпали всѣ британскіе рессурсы примиренія. Вмѣстѣ с тѣм потеряла смысл и германская тактика сопротивленія, разсчитанная на уступку Франціи под англійским давленіем. 12 августа Куно, ставленник Штиннеса и крупных фабрикантов, подал в отставку. Его мѣсто заняло правительство «широкой коалиціи», предводимое Штреземаном. В этом сказался положительный результат занятія Рура, и наступила очередь для перемѣны тактики, как со стороны Германіи, так и со стороны союзников.

Для Германіи перемѣна была настоятельна. К 1 сентября фунт стерлингов равнялся уже 100 милліонам марок. Расходы второй половины августа равнялись 250 трилліонам, а доходы не достигали и 1,8 трилліона. Станки, печатавшіе бумажныя деньги, не успѣвали работать. Падающая валюта дала германскому правительству и предпринимателям все, что могла. Приходилось приниматься за стабилизацію марки, за новые налоги, долженствовавшіе открыть припрятанные капиталы. И прежде всего становилось невозможным финансировать «пассивное» со-

противленіе Рура. Само населеніе Рура призывало Штреземана к скорѣшему прекращенію сопротивленія, которое оно не в состояніи было выдерживать долѣе. Послѣ нѣскольких попыток выторговать за прекращеніе сопротивленія уступки у Франціи, Штреземан 24 сентября, наконец, объявил в офиціозном сообщеніи, что правительство не в состояніи поддерживать сопротивленія и должно от него отказаться. На слѣдующій день это рѣшеніе было подтверждено всѣми представителями германских государств. Но это еще не значило, что Германія готова была капитулировать перед Франціей. Возстановленіе суверенитета над Руром оставалось задачей германских политиков, а это мѣшало им непосредственно сговориться с Франціей. Попытки прямых переговоров о возстановленіи нормальной экономической дѣятельности в Рурѣ при этом условіи не привели ни к чему, а непрочность положенія кабинета и начавшіяся в Германіи смуты вообще затормозили сношенія. Тогда Англія выступила на помощь Германіи с новой иниціативой.

VI

Безкорыстіе вовсе не есть свойство хорошей внѣшней политики. Напротив, политическій дѣятель и дипломат обязан защищать національный интерес. И мы видѣли, как его защищали англійскіе, французскіе, германскіе политики. Но метод защиты національных интересов может быть различный, и вовсе не лучшій метод тот, который идет напролом и вразрѣз чужим національным интересам. Мы видѣли и то, как эта безоглядная тактика національных эгоизмов была испробована и завела всѣ три заинтересованныя европейскія державы — Англію, Францію и Германію — в тупик, из котораго не видно было выхода. Сама собой теперь навязывалась иная тактика — взаимных уступок и соглашеній. И к ней прибѣгли раньше, чѣм на посту премьеров Англіи и Франціи оказались демократы и соціалисты, для которых этот метод был не только дѣлом цѣлесообразности, но и дѣлом политическаго убѣжденія. С конца 1923 года внѣшняя политика Европы постепенно переходит в русло пацифизма, — в то самое русло, в котором остается до конца Лондонской конференціи. Очень характерным признаком этого періода является то, что европейскими дѣлами снова начинает интересоваться Америка.

Начало этого періода можно вести с одного эпизода, случившагося в дни Лондонской имперской конференціи. 23 октября, не предупредив товарищей и заранѣе оговорившись, что так не говорят отвѣтственные политики, южно-африканскій премьер, ген. Смэтс (Smuts) на обѣдѣ южно-африканскаго клуба произнес рѣчь, в которой в чрезвычайно рѣзких выраженіях осудил политику Франціи, из-за которой Европа идет к катастрофѣ, и потребовал созыва новой міровой конференціи, хотя бы и без Франціи, но с участіем Америки — для пониженія германских платежей. Англія должна установить такое же дружественное отношеніе

к Германіи, какое установила к Франціи послѣ крушенія Наполеона, а кредиторы Франціи должны заставить ее прекратить вооруженіе малых государств, окружающих Германію. Сматс намекал, что обо всем этом идут переговоры Англіи с Америкой. Через день, дѣйствительно, была опубликована переписка Керзона с Хьюзом. Керзон 12 октября спрашивал, согласны ли Соединенные Штаты на созыв конференціи для изслѣдованія положенія Германіи, согласны ли они участвовать в ней, хотя бы не всѣ союзники согласились, наконец, согласны ли они участвовать в разслѣдованіи, если оно будет поручено репараціонной комиссіи, или назначенной ею комиссіи.

Отвѣт Америки был совершенно не тот, какой ожидался: он был благопріятен Франціи. Америка соглашалась участвовать и в конференціи и в комиссіи, но под условіем единогласія всѣх держав и совѣщательнаго характера работ. Притом конференція не должна была преслѣдовать цѣли — освободить Германію от ея обязательств. Болдвин сообщил тогда имперской конференціи, что, получив этот отвѣт Америки, он обратился к Пуанкаре, «умоляя» его «дважды и трижды подумать, прежде чѣм он откажется от этого предложенія». Пуанкаре не нужно было «думать»: он согласился — но не на конференцію, а на подкомиссію экспертов, назначенную репараціонной комиссіей — и для опредѣленія не размѣра платежей Германіи, а только способов уплаты. Англія согласилась на подкомиссію, но с тѣм, чтобы в разслѣдованіе были включены и размѣры германских платежей. Пуанкаре возражал против уменьшенія размѣров, опредѣленных 5 мая 1921 г. Тогда Соединенные Штаты не соглашались участвовать в такой комиссіи, с ограниченными полномочіями.

Наконец, Франція вышла из этой путаницы, внеся через предсѣдателя репараціонной комиссіи Барту, 19 октября, в эту комиссію предложеніе — самой назначить комиссію экспертов для разслѣдованія германской платежеспособности на три ближайшіе года. Послѣ рѣзких возраженій англійскаго представителя, Брадбери, рѣшено было, прежде всего, выслушать в комиссіи германских представителей. Представители были вызваны, выслушаны, а затѣм, с согласія смягчившейся, в промежуткѣ, Англіи, репараціонная комиссія 30 ноября рѣшила образовать двѣ комиссіи экспертов: одну для изученія германскаго бюджета и стабилизаціи марки, другую для выясненія количества ускользнувших из Германіи капиталов. Это были тѣ комиссіи Дауса и Маккенна, которыя, сорганизовавшись в серединѣ января 1924 г (т. е. еще до принятія премьерства Макдональдом), перенесли, 29—30 января, свою дѣятельность в Берлин и, изслѣдовав порученные им вопросы на мѣстѣ, вернулись в серединѣ февраля в Париж и принялись, в контактѣ с правительствами, за составленіе отчетов. Одновременно с этим обрисовалось впервые смягченіе конфликта между Англіей и Франціей. Франція рѣшительно отказалась от поддержки сепаратистскаго движенія на Рейнѣ и обна-

ружила склонность к передачѣ германцам желѣзных дорог в Рурѣ. В личной перепискѣ с Пуанкаре Макдональд откровенно формулировал всѣ англійскія обвиненія против Франціи, очень точно опредѣлил разницу позицій Англіи и Франціи по отношенію к рынкам и к репараціям, — и в очень туманных выраженіях призывал к участію в общеевропейском соглашеніи при посредствѣ Лиги Націй. Между прочим, он предлагал Пуанкаре связать вопрос о репараціях с вопросом о междусоюзных долгах, — от чего отказался потом при переговорах с Эрріо. Отвѣт Пуанкаре, очень дѣльный, фактичный и сдержанный, был полной защитой традиціонных позицій Франціи. Точки зрѣнія опредѣлились, но не сблизились. В дальнѣйших переговорах (конца марта) выяснилось еще разногласіе по существенному вопросу: должно ли обезпеченіе безопасности Франціи предшествовать рѣшенію репараціоннаго вопроса по ожидаемому докладу экспертов, как думал Пуанкаре, или, напротив, слѣдовать за ним — и принять форму общаго разоруженія, как утверждал Макдональд в своей парламентской рѣчи 27 марта.

9 апрѣля доклад экспертов был, наконец, готов и представлен в репараціонную комиссію. Доклад приходил к непріятному для германцев заключенію, что Германія может платить без всякаго мораторія, лишь постепенно повышая уплаты с милліарда, в первый год, до двух с половиной, начиная с пятаго. Но зато эксперты предупреждали, что их план осуществим только при условіи возстановленія экономическаго и финансоваго единства германской имперіи и устраненія иностраннаго вмѣшательства, — т. е., другими словами, при условіи эвакуаціи Рура, не только экономической, но и военной (послѣдній вывод был нѣсколько затушеван). Эти выводы были приняты всѣми экспертами единогласно.

Доклад экспертов составил эру в исторіи вопроса. Всѣ союзныя правительства, за исключеніем французскаго, признали его цѣликом, как и требовали эксперты. Приняли доклад «в цѣлом» и германцы. Пуанкаре сдѣлал оговорки относительно эвакуаціи Рура, возстановленія экономическаго единства Германіи и замѣны франко-бельгійскаго управленія международным контролем. Дѣло опять затягивалось. Но послѣ выборов 11 мая Пуанкаре должен был уступить мѣсто новому премьру, Эрріо. Правда, находясь в оппозиціи, Эрріо часто поддерживал политику Пуанкаре в Рурѣ. Но побѣдившія 11 мая партіи стояли за полную эвакуацію Рура. Эрріо предстояло примирить партійные интересы с интересами Франціи. В своей программной рѣчи 17 іюня он занял эту среднюю позицію, с одной стороны, пообѣщав не уходить из Рура до организаціи новых залогов и до полученія дѣйствительных гарантій выполненія Германіей обязательств, — а, с другой стороны, возложить свои надежды на общее соглашеніе народов при посредствѣ Лиги Націй и на германскую демократію. 22 іюня Эрріо ѣдет в Чекерс на свиданіе с Макдональдом, с которым разсчитывает установить полное взаимное пони-

маніе, как с идейным единомышленником. Он почти готов забыть, что ѣдет к англійскому министру, а не к члену экзекутивы второго интернаціонала.

VII

Предыдущій сжатый разсказ должен был показать, как тѣсно «пацифистско-демократическая эра» вросла в реалистическую среду внѣшней политики — или как непосредственно она выросла из этой реальной обстановки. Лондонская конференція, к которой мы теперь подошли вплотную, теряет характер чего-то внезапнаго, чего-то совершенно противоположнаго тому, что было до нея. Теряя это значеніе «новой эры» по отношенію к прошлому, она теряет это значеніе и по отношенію к будущему. Эрріо и Макдональд подчеркивали по окончаніи конференціи, что это — «только начало». Мы видѣли, что «начало» было положено раньше. Лондонская конференція есть только «продолженіе». И уже одно это показывает, что она далеко не «конец».

Однако, Лондонская конференція есть, несомнѣнно, важный этап в дѣлѣ умиротворенія Европы. Могло ли состояться международное соглашеніе при Пуанкаре, мы не знаем. Но оно, во всяком случаѣ, не могло состояться на точкѣ зрѣнія Пуанкаре, — точкѣ зрѣнія побѣдителя, требующаго неукоснительнаго исполненія договора. Такіе договоры дѣйствительны только в первое время по подписаніи, и нельзя требовать их исполненія шесть лѣт спустя, не грозя ежеминутно примѣненіем вооруженной силы и не держа, таким образом, Европу в состояніи перманентной, хотя и скрытой войны. Франція испробовала этот метод, и он оказался неосуществимым — экономически, политически и психологически. Продолжая примѣнять его, Франція шла бы на разореніе, изоляцію и риск новаго конфликта, при измѣнившихся в худшую сторону условіях. При этом она, очевидно, ничего бы не получила со своего должника. Не нужно было обладать большой дальновидностью, чтобы понять все это.

Ход событій на Лондонской конференціи у всѣх еще в памяти, и вряд ли нужно напоминать его. Но необходимо подчеркнуть смысл событій. Он сводится к ряду существенных уступок, сдѣланных Франціей. Что эти уступки были далеко не всѣ предвидѣны заранѣе, явствует из первых заявленій Эрріо при сравненіи с получившимися результатами. Конечно, часть этих заявленій надо отнести на долю тактики. Нельзя было сразу сказать французской публикѣ всего, что потребовалось от Франціи для благополучнаго исхода конференціи. Но несомнѣнно, что и сам Эрріо не сказал себѣ всего сразу. Англійская программа 24 іюня, окатившая его и Францію холодным душем послѣ медовых дней в Чекерсѣ, была для Эрріо, конечно, не вполнѣ сюрпризом. Но оказалась сюрпризом рѣшимость англійскаго премьера — провести эту программу до конца. И перед Эрріо открылась цѣлая перспектива уступок, одной за другой, пока французская точка зрѣнія не приблизилась окончательно к англійской. С точки

зрѣнія британскаго премьера тут, несомнѣнно, был расчет и значительная доля политической педагогіи.

Эрріо был, несомнѣнно, увѣрен вначалѣ, что конференцію удастся провести в рамках выполненія плана Дауса. Вопрос о приглашеніи германцев оставался открытым. Когда он был поднят, Эрріо настоял — и считал это большой побѣдой — чтобы их пригласили не раньше, чѣм состоится соглашеніе между союзниками, и чтобы разговаривали с ними только в предѣлах состоявшагося соглашенія. Когда Макдональд впервые в вагонѣ поѣзда, увозившаго делегатов с морского смотра в Спитгедѣ, сказал Эрріо, что всѣми спорными пунктами можно пожертвовать за эвакуацію Рура; Эрріо был возмущен. А через нѣсколько дней оказалось, что Макдональд готовил тут — внѣ программы конференціи — позицію, на которой вся конференція должна была кончиться или успѣхом, или крахом. Это стало ясно послѣ пріѣзда германских делегатов. Готовясь к этому пріѣзду, бельгійцы и французы приготовили уже уступку — эвакуацію Рура через два года. Послѣ пріѣзда поставлен был вопрос о полугодичном срокѣ. Эрріо пришлось ѣхать в Париж и переспорить военных, чтобы привезти в Лондон свою окончательную уступку — годовой срок оккупаціи. Но из этого срока пришлось сдѣлать «добровольное» исключеніе для немедленной эвакуаціи ближайшей к Германіи полосы Рура, пришлось дать словесное обѣщаніе — ускорить эвакуацію в случаѣ исправности Германіи и, наконец, послѣ всего этого, в день подписанія соглашенія, 16 августа, пришлось все-таки получить формальное письмо Макдональда, в котором подтверждался англійскій взгляд, что оккупація Рура незаконна и что уходить оттуда надо, как можно скорѣе. Иначе, — это не договорено в письмѣ, но договаривалось словесно — банкиры не дадут займа.

Что, при рѣшимости осуществить план Дауса, распорядительная роль переходила из рук генералов в руки банкиров, это было понятно и неизбѣжно. Но что в дни конференціи в Лондонѣ из экспертизы банкиров был устроен маленькій шантаж для Эрріо,— это уже было даровым приложеніем к главной пьесѣ, — показавшим, что и самая демократическая и «публичная» дипломатія не обходится без Талейрановских пріемов.

Что же получилось в результатѣ сдѣланных Франціей уступок?

1. Рѣшена в опредѣленные и ближайшіе сроки — полная экономическая эвакуація Рура. Основное требованіе экономическаго и финансоваго единства, выставленное германцами и поддержанное Англіей, будет, таким образом, удовлетворено.

2. Нарушеніе обязательств, принимаемых на себя Германіей, будет отнынѣ устанавливаться не большинством голосов репараціонной комиссіи, принадлежавшим прежде Франціи, а единогласіем, при участіи американскаго члена, в случаѣ же разногласія, спеціальной комиссіей «безпристрастных» посредников и, наконец, в послѣдней инстанціи, предсѣдателем Гаагскаго трибунала.

Как извѣстно, без констатированія нарушенія не могут быть примѣняемы «санкціи».

3. Военная эвакуація Рура произойдет не позже, как через год, а вѣроятнѣе и раньше, при ясном сознаніи невозможности туда вернуться.

4. Размѣры германских платежей по плану Дауса уменьшены сравнительно с цифрами 5 мая 1921 года.

5. Нечего и говорить, что окончательно отходит в исторію требованіе наказанія виновных в войнѣ, сданное в архив еще при случаѣ возвращенія кронпринца в Германію, причем был лишь «принят к свѣдѣнію» его прежній отказ от престола.

Это — только главнѣйшія уступки. Онѣ настолько серьезны, что даже и германскіе націоналисты, протестуя против Лондонскаго соглашенія, не могут желать его разстроить. Что взамѣн этих уступок получает Франція?

1. Новое — и на этот раз «добровольное» — обязательство Германіи платить деньгами и натурой в возрастающем размѣрѣ, начиная с 900 милліонов зол. марок в первый год и доходя до $2^1/_2$ милліардов с пятаго года и дальше. Эти уплаты обезпечены изысканіем тѣх источников доходов, на которых основан план Дауса, и удачей иностранных займов на 18 милліардов, первый опыт которых, всего на 800 милліонов зол. марок, дѣлается теперь же.

2. Обѣщаніе Макдональда устроить новую конференцію по вопросу о погашеніи междусоюзных долгов, причем, однако, всѣ прежніе переговоры на эту тему ни к чему не приводили.

3. Обѣщаніе Макдональда поднять вопрос о безопасности Франціи — но не в порядкѣ военнаго соглашенія или такого «акта о гарантіях», какой предлагали предшественники Макдональда, а в порядкѣ постановки общаго вопроса о разоруженіи в совѣтѣ Лиги Націй (собственный план разоруженія, выработанный Совѣтом, Англія, однако, только что формально отвергла) или на особой международной конференціи, о которой Макдональд мечтает со времени своего вступленія во власть.

Эти преимущества болѣе или менѣе гадательныя, приняты во Франціи с еще болѣе смѣшанным чувством, чѣм, приняты в Германіи сдѣланныя ей уступки. Самая длительность пребыванія у власти обоих премьеров, усиліями которых достигнут этот результат, «наименѣе плохой из плохих», по отзыву Теуниса, или, «лучшій из худших», по отзыву Маркса, — подвергается большому сомнѣнію. Во Франціи уже перед отъѣздом Эріо в Лондон готовилась новая министерская комбинація: она теперь может восторжествовать, послѣ того, как, по остроумному выраженію Анри Авенеля, «негоціація выиграна, но негоціатор проиграл». И противники Эрріо, и его коварные друзья могут свалить его на этой Пирровой побѣдѣ. Перед Макдональдом же давно стоит вопрос об общих выборах, и обязавшись перед большевиками внести поздней осенью в парламент проект правительственной гарантіи совѣтскаго займа, он как бы выдавал свой се-

крет о времени конфликта, на котором (только не на совѣтском займѣ) он предполагает распустить палату.

Всѣ эти сравнительно мелкія житейскія соображенія, однако же, нисколько не мѣшают прочности и длительности «пацифистско-демократической» эры. Ибо наступленіе этой эры диктуется болѣе глубокими причинами, чѣм личная судьба и политическіе расчеты того или другого министра. Эра демократическаго мира началась при величайших затрудненіях, — и даже, как мы видѣли, ими вызвана. Она будет развиваться и дальше среди затрудненій, которыя еще далеко не миновали. Но среди этих затрудненій окончательно миновало одно: опасность коммунистической революціи в Европѣ. «Коммунистическая опасность» не годится теперь даже для того, чтобы ею пугать друг друга, как пробовали германцы пугать французов в 1923 году. Тѣм менѣе обращают вниманіе в Европѣ на угрозы Зиновьева.

Она существовала, однако, — эта опасность — и я сам написал о ней в 1919 г. англійскую книгу*). Но там же я указал и на тѣсную связь эфемерных успѣхов большевизма с особенностями послѣвоенной психологіи народов и с произведенными войной матеріальными разрушеніями. То и другое условіе, говорится, неизбѣжно минуют, а с ними минет и самый большевизм. Тогда, однако же, предсказывать близость этого исхода было еще рано, ибо только в 1920 и 1921 гг. міровой кризис разыгрался в полном размѣрѣ. Но, в концѣ концов, и этот прилив прошел, и с ним, как правильно засвидѣтельствовал Троцкій, прошел и послѣдній благопріятный шанс большевизма в Европѣ. Единственной надеждой большевиков, за которую цѣплялась их печать в послѣднія недѣли, был франко-германскій конфликт. Большевики страшно боялись и не хотѣли успѣха Лондонской конференціи. Лондонская конференція и в самом дѣлѣ еще не покончила с этим конфликтом. Но она окончательно повернула вопрос на путь разрѣшенія в «пацифистско-демократическом духѣ», согласованном с національными интересами враждующих держав.

Таково важное историческое значеніе событій, сгруппированных и комментированных в настоящей статьѣ.

П. Милюков.

---

*) «Bolshevism, an international danger», London, 1920, p. 296.

К ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ В РОССИИ

I

Земельный вопрос, как вопрос, в Россіи остается. В результатѣ событій семи послѣдних лѣт, он рѣзко измѣнился в своем прежнем содержаніи, но окончательно узел земельных отношеній не развязан. Он существует и предъявляет требованія и на пристальное общественное вниманіе, и на вдумчивый общественный труд. Эти запросы не на короткій срок. Они потребуют работы поколѣній. Вряд ли надо доказывать эти положенія: для всѣх, кто, наблюдая и думая, живет общественными интересами, они бозспорны. Нѣт ни одного сколько-нибудь серьезнаго политическаго органа на русском языкѣ, нѣт ни одной политической группировки среди русских, которые бы не ставили земельный вопрос, не думали над ним и по своему не рѣшали его.

Если выдѣлить среди больших вопросов земельной политики важнѣйшіе, то получим: 1) вопрос о соціально-экономическом типѣ земледѣльческаго хозяйства (поскольку этот тип опредѣляется принадлежащей ему земельной площадью), который надо поддерживать или создавать; 2) вопрос об уплатѣ за землю, перешедшую в итогѣ революціи в новыя руки; 3) вопрос о юридических формах, в которых должно или будет осуществляться держаніе земли хозяйствующими на ней; наконец, 4) вопрос о формах землепользованія.

Эти вопросы земельной политики в послѣбольшевицкой Россіи и являются предметом вниманія настоящей статьи. Раскрыть их содержаніе, дать матеріал для их рѣшенія и посильно рѣшить их — ея задачи.

Четыре указанных вопроса часто дополняются пятым — вопросом о дальнѣйшем перераспредѣленіи земли. Нельзя отрицать его существованія. Не назван же он лишь потому, что по плану статьи он размѣщается между вопросами названными и этими вводными замѣчаніями к статьѣ.

Земельная политика, как и всякая иная, складывается из цѣлей, которыя она преслѣдует и средств, которыми она располагает. Важнѣйшими среди средств являются стихійно-складывающіеся общественные процессы и устремленія, тѣ тенденціи в общественном развитіи, мимо которых политик не имѣет ни права, ни возможности пройти, и на которые он вынужден опираться. Должное или желательное и возможное или вѣроятное, выводимое из линій развитія жизненных процессов, — это равноправные и обязательные элементы всякой политики.

Под обоими этими углами — желательнаго и вѣроятнаго — в статьѣ и будут освѣщены вопросы земельной политики.

Вѣроятное будущее опредѣляется ходом и направленіем стихійно-идущих процессов в прошлом и настоящем. Экстраполяція — простѣйшій способ установить это вѣроятное грядущее. Если в странѣ, например, на протяженіи длиннаго періода годов происходило абсолютное и относительное обезлюденіе деревень и так же — абсолютно и относительно — росло населеніе городов, мы имѣем право думать, что оба явленія продолжатся и в будущем. Экстраполяція — пріем простой, но грубый и потому нерѣдко ошибочный. Он исходит из предположенія, что всѣ условія остались или останутся неизмѣнными, а они, строго говоря, никогда не бывают постоянными и всегда мѣняются. Необходимо восполненіе экстраполяціи: в стихійном ходѣ жизни надо не только отмѣчать постоянство явленій, но еще вскрывать производящія их силы и затѣм слѣдить — продолжают ли эти силы свое дѣйствіе, сохраняют ли прежнее напряженіе, не появилось ли противодѣйствіе им — новое или прежнее, но усиленное. При опредѣленіи вѣроятнаго хода земельных отношеній в Россіи будущаго мы попытаемся примѣнить эти соображенія.

Какими цѣлями будет руководствоваться статья, предлагая желательное разрѣшеніе вопросов земельной политики?

В духовных низах и верхах русскаго общества в прошлом существовали и боролись два взгляда на цѣли при рѣшеніи общественно-экономических вопросов, два устремленія. Одно руководилось мотивом соціальной справедливости, другое — ростом производительных сил. Оба направленія отчетливы и в русских земельных программах. Побѣждало и руководило первое. Его отличительной чертой было отожествленіе соціальной справедливости с уравнительностью — понятій, конечно, не совпадающих *).

Уравнительное направленіе одинаково характеризовало и большинство общественно-активной интеллигенціи Россіи, и большинство крестьянства в ней. Им одинаково были обвѣяны и популярная «соціализація земли», требовавшая «уравнительно-трудового землепользованія», и фактическое поведеніе крестьянства в пору всероссійскаго «чернаго передѣла» 1918—1919 годов. Уравнительное направленіе, доходившее, по выраженію И. И. Бунакова, до «уравнительнаго безумія», стремилось к созданію равенства в пользованіи основным средством производства в земледѣльческой Россіи—землей. Во имя этого равенства высоко цѣнилась и горячо защищалась передѣльная земельная община, шла горячая борьба против товарнаго оборота земли и строились грандіозные планы превращенія всей Россіи в одну единственную передѣльную общину, в которой существует лишь пользованіе землей и нѣт владѣнія ею.

*) Один примѣр: полное уравненіе дохода у всѣх членов всѣх слоев современнаго общества является, конечно, выраженіем уравнительнаго мотива, но будет ли соціальной справедливостью не считаться с различным напряженіем труда, с различным искусством в нем, с различной подготовленностью и одаренностью для него и, как результат всего этого, с различной результатностью труда даже одинаковой длительности?

Безпристрастіе тут требует оговорки: «уравнители» не были вполнѣ чужды производственным интересам. О них «уравнители» не только говорили, но в извѣстной мѣрѣ и преслѣдовали их. Рѣзко преобладала, однако, уравнительная цѣль. Производственные интересы были подчинены ей.

Можно ли, слѣдует ли и впредь сохранять эту былую руководящую цѣль земельной политики?

Отмѣтим, что прежних — многочисленных и дружных — голосов в ея защиту уже не слышно. Когда-то единая в этом вопросѣ, партія соц.-революц. теперь раскололась. Да и раскололась ли? В ея литературѣ в защиту прежней уравнительной цѣли раздается лишь одинокій голос В. М. Чернова *). Вызывает ли он какое-нибудь отвѣтное и сочувственное эхо, нѣт ли, — мы не знаем. Заграничный съѣзд с.-р орган лѣваго крыла партіи («Воля Россіи») по этому важнѣйшему вопросу партійной программы или молчат, или говорят мало понятныя вещи. Правое крыло партіи рѣшительно высказывается против уравнительности, так можно судить по статьям в журналѣ «Современныя Записки» **) и газетѣ «Дни» ***).

Первый орган в статьѣ А. С. Орлова признает среди «безусловно обязательных основ всей дальнѣйшей политики в области сельскаго хозяйства» закрѣпленіе «прав мелких трудовых земледѣльцев... в том размѣрѣ, в каком они ими пользуются». По мнѣнію журнала, необходимо «узаконить историческую неправду: сравнительную земельную бѣдность крестьянства в однѣх частях Россіи, сравнительное богатство в других». Только при выполненіи этого требованія, сельское хозяйство может «выйти из состоянія постоянных кризисов и неустойчивости и получить возможность двигаться вперед».

И. И. Бунаков высказывается в том же смыслѣ, но выражается сильнѣе. «Главная опасность, которую несет с собой проповѣдь «уравненія» — хозяйственная. В том страшном кризисѣ, который переживает русское земледѣльч. хозяйство, повинны не только гражданская война и большевицкое властвованіе. Значительную роль сыграла и уравнительная лихорадка, охватившая русское крестьянство в годы революціи... Теперь уравнительная лихорадка стихает, земельное владѣніе твердѣет и, несомнѣнно — по крайней мѣрѣ, мѣстами — появляется позыв к труду и к любовной обработкѣ земли. Что будет, если уравнительныя настроенія снова окрѣпнут, если пропо-

---

*) См. статьи в «Революціонной Россіи»: «Проект экономич. программы» (№ 5, апрѣль 1921 г.) и «Аграрный НЭП и полинявшее народничество» (№ 28—29, іюль-август 1923 г.). Можно думать, что эту цѣль принимают еще «веселые ребята» (выраженіе М. В. Вишняка) из «Знамени Борьбы» (орган заграничной делегаціи партіи лѣвых соціалистов-революціонеров и союза соц.-революц. максималистов). Прямо по земельному вопросу они, кажется, еще не успѣли высказаться, но общій принцип своей хозяйственной политики уже провозгласили: «народное хозяйство будет вестись на основѣ и в направленіи «соціализаціи». (См. № 1 «Знамени Борьбы», статья «Будет буря»).

**) «Пути прогрессивнаго развитія и положеніе сельскаго хозяйства». Книги 14 и 15.

***) «О землѣ», статьи *И. Бунакова* в №№ 96, 101, 108 и 122 за 1923 год.

вѣдь уравненія будет имѣть успѣх? Какой хозяйственной стимул будет у тѣх владѣльцев «излишков», которым будет угрожать новая, хотя бы и «мирная» экспропріація? И вообще, как возможен будет хозяйственный подъем, как возможен будет переход к высшим формам земледѣльческой культуры, если снова разгорится борьба за землю?»

Обѣ статьи хотят положить в основу земельной политики интересы народно-хозяйственные, задачи подъема производительных сил. «Поравненіе землей», как явно противорѣчащее им, отвергается обѣими статьями.

Другая политическая группировка, которой уравнительныя цѣли в землепользованіи были близки и дороги — партія народных соціалистов — до сих пор не высказалась по земельному вопросу, как не высказалась она, к сожалѣнію, и по другим вопросам русской общественной жизни. Можно, однако, с увѣренностью предполагать, что в числѣ «уравнителей» она не будет. Производственные интересы сельскаго хозяйства она, несомнѣнно, сдѣлает также исходным требованіем своей земельной программы.

Иных политических группировок, считающих равенство в распредѣленіи земли важнѣйшей задачей своих земельных программ, в Россіи нѣт — не было их перед революціей, не появились и в процессѣ ея. Соціал-демократической партіи, наоборот, всегда была дорога идея неравенства в распредѣленіи всѣх средств производства, ибо только на этом неравенствѣ, по ея представленіям, могло возникнуть желанное царство будущаго. В примѣненіи к положенію вещей в современной Россіи, недавно опубликованная платформа с.-д. партіи дѣлает, правда, уступку в пользу уравнительности, но эта уступка ограничивается признаніем сложившагося землевладѣнія — не больше. «Исходя из того, что, с одной стороны, попытка сколько-нибудь существенно поколебать создавшееся внутри крестьянства перераспредѣленіе (земель С. М.) неизбѣжно бы вызвала новый взрыв междоусобія в деревнѣ и была бы использована контр-революціей, а с другой— что для раціональнаго веденія и возрожденія сельскаго хозяйства необходимо возможно скорѣйшее созданіе устойчивости земельных отношеній, Р. С. Д. Р. П. полагает, что закрѣпленіе сложившихся земельных отношеній в их основных чертах законодательным порядком является безусловно необходимым» *).

За соц.-демократіей дальше идут несоціалистическія группировки. Идея «земельнаго поравненія» в их идеологіи мѣста никогда не находила, не находит и теперь.

Таким образом большинство политически организованных сил Россіи, начиная с праваго крыла партіи с. р., руководящею цѣлью земельной политики признают интересы с.-х. производства, хотя они и противорѣчат земельной уравнительности.

Мы считаем эту исходную точку зрѣнія при рѣшеніи вопросов земельной политики будущаго совершенно правильной и единственно

*) «Партійная платформа», принятая в маѣ 1924 г. См. «Соціалистическій Вѣстник», №№ 12—13, 20 іюня 1924 г.

реальной, ибо основная, даже среди важнѣйших, потребность Россіи заключается в подъемѣ производственных сил ея народнаго хозяйства и прежде всего — ея сельскаго хозяйства.

Уравнительность в землепользованіи, как цѣль земельной политики, должна быть отвергнута со всею рѣшительностью: она, во-первых, недостижима, во-вторых, народно-хозяйственно вредна, в третьих, соціально несправедлива. Цѣль недостижима, так как различен состав семьи, с которой неразрывно связано крестьянское хозяйство. Различіе в семейном составѣ ведет к тому, что многодушная и многорабочая семья при формальном равенствѣ в душевом надѣленіи землей всегда будет в гораздо болѣе выгодном положеніи, чѣм семья малодушная и малорабочая, не говоря уже о хозяйствующих на землѣ одиночках (бобылях). При ф о р м а л ь н о м равенствѣ в землепользованіи всегда будет оставаться рѣзкое ф а к т и ч е с к о е неравенство крестьянских хозяйств с различным семейным составом.

Осуществленное равенство землепользованія было бы вредно для сельскаго, а значит и для народнаго хозяйства. Оно вело бы к неиспользованію способностей, умѣній, знаній и отчасти капиталов тѣх, кто располагает ими в большем размѣрѣ, чѣм хозяин средній или ниже средняго, ибо их полное использованіе требует обычно и увеличенную площадь земли. При неравном пользованіи землей послѣдняя движется: в порядкѣ аренды и купли-продажи она переходит от менѣе хозяйственных к болѣе хозяйственным. «Поравненіе» сдѣлало бы землю неподвижной, а повышенныя хозяйственныя свойства части крестьянства — неиспользованными.

Равенство землепользованія было бы общественно несправедливым, так как оно противорѣчит экономическим интересам населенія в цѣлом. Между тѣм, в хозяйственных явленіях соціально справедливо то, что соціально выгодно. А соціально выгодно все, что ведет к увеличенію полноты жизни — к росту общей суммы матеріальных цѣнностей, обращающихся в обществѣ, и к увеличивающемуся равенству в распредѣленіи их. Равенство распредѣленія — не синоним соціальной справедливости. Нерѣдко первое враг второй, ибо всякая попытка полностью подчинить интересы производства равенству распредѣленія, когда эти два начала противорѣчат друг другу, ведет неминуемо к величайшей соціальной несправедливости — к паденію уровня жизни, доходящаго в крайних случаях до нищеты и голоднаго вымиранія. Декретированное большевиками равенство в оплатѣ различных видов промышленнаго труда было фактором разрушенія русской промышленности. Забота о ростѣ матеріальных цѣнностей является первостепенной задачей всякой политики в экономической жизни народа. Забота о растущем равенствѣ в их распредѣленіи — это задача второй очереди — и в смыслѣ ея важности, и, часто, в смыслѣ времени ея проведенія. Благородная цѣль общественнаго творчества — нахожденіе форм, которыя давали бы возможность одновременнаго рѣшенія обѣих задач. Кооперація — извѣстный и важный примѣр такой счастливой формы. Пока, однако, интересы производства противорѣчат равенству распредѣленія, недопустимо вытѣснять первые вторыми и совершенно необходимо предо-

ставить главенство первым над вторыми. Но главенство, а не порабощеніе.

Стремленіе к растущему равенству в распредѣленіи матеріальных благ — вліятельнѣйшій и распространенный факт современной жизни. Им проникнуты и вызваны всѣ крупнѣйшія общественныя движенія послѣдняго вѣка — кооперативное, профессіональное, соціалистическое. Забыть об этом фактѣ или отвернуться от него — нельзя; его учет при опредѣленіи цѣлей политики — обязателен. Это требуют не только интересы соціальнаго мира и государственнаго порядка, но и два иных мотива. Один из них общественно утилитарен: он требует увеличенія числа и усиленія многообразія тѣх сил, которыя являются творцами и дѣятельными проводниками общественнаго прогресса. Второй — нравственно-безкорыстный: он исходит из идеи этическаго равноправія человѣческих личностей и приходит к требованію усиливающагося равенства условій, в которых живет и которыми обладает каждый из людей.

В цѣлях земельной политики при нормальных условіях общественной жизни сочетаніе обоих начал — хозяйственной и соціальной — менѣе важно, чѣм в других сторонах экономической жизни народов: здѣсь послѣдовательное проведеніе заботы о народном доходѣ приводит к полному «окрестьяниванію» сельскаго хозяйства и неравенство остается лишь в узких границах крестьянских доходов... Иначе должно складываться отношеніе между обоими началами в цѣлях политики в «критическіе» періоды общественной жизни, когда крестьянству грозит широкое обезземеливаніе и неиспользованіе труда послѣ потери земель. Пренебреженіе к соціальному мотиву в это время грозит бѣдами. Необходимостью становится рѣзко увеличенное вниманіе к нему. Оно, однако, и в этих случаях не имѣет права дойти до забвенія народно-хозяйственных интересов, до полнаго отбрасыванія забот о размѣрах народнаго дохода. И по достаточному основанію: при высоких размѣрах народнаго дохода, как бы ни распредѣлялся он, немыслимо голодное вымираніе населенія, при ничтожных размѣрах его — оно, к сожалѣнію, с неизбѣжностью становится фактом.

II

Производственные интересы сельскаго хозяйства, в том числѣ и производственные задачи в земельной политикѣ, — понятіе двусмысленное. Оно имѣет два толкованія. По одному из них, производственные интересы — в высшей производительности единицы с.-х. труда, по другому — в высшей производительности единицы земли. Эти способы измѣренія обычно противорѣчат друг другу: при равенствѣ всѣх остальных условій, производительность единицы с.-х. труда тѣм выше, чѣм ниже продукція единицы земельной площади, и наоборот — чѣм больше добывается продуктов с десятины или гектара земли, тѣм хуже оплачивается час или день труда, вложеннаго в уход за землей.

В примѣненіи к первому из наших вопросов земельной политики,

которым мы занимаемся в этой главѣ, эти два пониманія требуют два разных социально-экономических типа хозяйства. Если стремиться к высокой производительности труда — неизбѣжно желать и крупныя капиталистическія хозяйства в земледѣліи; если преслѣдовать высокую продукцію земельной единицы, необходимо создавать трудовыя хозяйства. В самом дѣлѣ: всѣ существующія изслѣдованія показывают, что в крупных хозяйствах труда в землю вкладывается меньше, но его производительность выше, чѣм в крестьянских хозяйствах; в послѣдних единица земельной площади дает хозяйственных цѣнностей больше, но единица труда оплачивается хуже *). Извѣстные в этом отношеніи результаты изслѣдованій швейцарскаго проф. Лаура и чешскаго проф. Брдлика, Н. П. Макаров недавно дополнил американским примѣром. В Штатѣ Небраска труд в хозяйствах различной величины оплачивался так **):

Число десятин на 1 хозяйство	Затр. на 1 дес. труда в рубл.	Весь доход на 1 дес. в рубл.	Доход на 100 руб. затрач. труда (за выч. расх. на труд).
30,7	30,2	140,9	31
65,5	21,1	68,5	98
96,6	19,8	58,9	157
7,7	107,5	58,9	179

Всюду, гдѣ этому не препятствует нищета и невѣжество крестьянства, трудовое хозяйство дает с единицы земли больше хозяйственных цѣнностей, чѣм хозяйства полутрудовыя и капиталистическія. Первыя выгоднѣе используют силы природы, вторыя — силу человѣка. На каком же из этих двух видов выгоды слѣдует остановиться, строя земельную политику? Подъем производительности труда важная задача всякой экономической политики: в нем проявляется сущность хозяйственнаго прогресса. Еще важнѣе и первоочереднѣе, однако, другая задача: возможно полное использованіе того труда, которым располагает населеніе страны. Примѣр уяснит эту разницу задач. Если руководиться в земельной политикѣ производительностью труда, и поэтому стремиться к обращенію всей земледѣльческой площади под крупныя капиталистическія хозяйства, то труд, который будет затрачен на их веденіе, окажется производительным, но сколько при этом в такой земледѣльческой странѣ, как Россія, окажется труда неиспользованнаго и мертваго! Общая сумма народно-хозяйственнаго дохода будет рѣзко понижена. Создадутся обширные кадры голодных и социально-мятежных, грозящих взрывами общественнаго строя.

Фактическая эволюція земельных отношеній в теченіе послѣдних десятилѣтій направлялась в пользу хозяйств, хуже оплачивающих труд, но лучше использующих землю — в сторону хозяйств трудовых. В годы послѣ войны движеніе получило новый и могучій толчек со стороны современнаго аграрнаго законодательства: четырнадцать государств современности в принудительном порядкѣ переводят землю помѣщичьих имѣній в границы крестьянских хозяйств. Характерно,

*) См. «Крестьянская Россія» № 2—3, «Значеніе и организація земледѣльческих хозяйств различных типов», *З. А. Спудова,* стр. 228—232.

**) *Н. Макаров,* «Организація сельскаго хозяйства», стр 40.

что на этот путь расширенія крестьянскаго землевладѣнія вынуждена была вступить и промышленно-развитая Германія, когда Версальскій мир ослабил ея промышленность, и сельское хозяйство пріобрѣло повышенное значеніе в экономикѣ страны: 11 августа 1919 года здѣсь был принят новый и радикальный закон о внутренней колонизаціи, которым владѣнія имѣній сводятся или до 10 % всей с.-х. площади района, или сокращаются на одну треть. И противник аграрнаго переворота современности, извѣстный профессор экономист М. Зеринг, вынужден признать, что новый земельный закон Германіи был необходим: его требовал подъем народно-хозяйственнаго дохода страны.

В Россіи шли оба процесса — и передвиженіе земли от помѣщиков к крестьянам в порядкѣ добровольнаго соглашенія сторон, и перемѣщеніе земли под принудительным дѣйствіем политических сил. Но текли они бурно. О стремительности перетока земли в крестьянскія хозяйства говорит цифра перемѣстившейся путем купли-продажи земли — за пореформенный період почти 40 милліонов десятин *). За это время столько земли не было передвинуто в новыя руки во всей Европѣ. Неудивительно, что то ускореніе в передвижкѣ земли, которое произошло в Европѣ послѣ войны, дало в Россіи земельную революцію.

Причины бурнаго теченія обоих процессов — эволюціоннаго и революціоннаго — сложны и многочисленны. Онѣ лежат в политикѣ — культурной, правовой и экономической — прежней власти, в особенностях историческаго развитія Россіи и в своеобразіи международнаго положенія ея. Нищая, безправная и темная деревня, какой ее дѣлала сознательная и послѣдовательная политика власти, не могла успѣшно поднимать свое хозяйство и тѣм, в уровень с ростом населенія, повышать свой доход. Безпрерывныя и неизбѣжныя войны, которыя вело государство, истощили его организм и оставляли мало сил и средств для экономическаго устроенія и развитія страны. Когда экономическая перестройка началась, промышленность Россіи могла работать только на свой неемкій внутренній рынок, ибо внѣшних рынков, на основѣ которых создавался промышленный расцвѣт передовых стран Европы, Россія не имѣла: они были уже захвачены.

Так, в результатѣ многих и сложных причин, Россія вынуждена была оставаться при примитивном строѣ народнаго хозяйства, при занятіи огромной части населенія земледѣліем, при низком уровнѣ производительных сил в земледѣліи и с медленным поступательным развитіем их. А населеніе Россіи росло. Несмотря на страшную смертность, оно ежегодно увеличивалось на 1,37 % и за сорок—пятьдесят лѣт удваивалось. Города даже в два послѣднія десятилѣтія перед войной поглощали только около половины прироста. Густота земледѣльческаго населенія усиливалась. Число крестьянских дворов с 8,4 милліона в 1877 году увеличилось к 1916 году в Европейской Россіи до 15,5—16 милліонов. Быстрый рост населенія и медленный подъем

*) Подсчеты Пестржецкаго и Тройницкаго. Проф. Анцыферов готов эту цифру увеличить даже до 48—50 милліонов десятин.

хозяйства создавали «земельную тѣсноту». На 100 душ с.-х. населенія в 1916 году приходилось по Европ. Россіи лишь 84,7 десятины посѣвов. Это было гораздо меньше, чѣм в Даніи (126 д.), Франціи (105 д.), Германіи (104 д.), а в этих странах производительность земли стояла в нѣсколько раз выше, чѣм в Россіи.

Стремленіе крестьянства к освоенію в с е й земли останется и в будущем. За годы большевицкой власти произошло, правда, уменьшеніе сельскаго населенія. Обезлюднѣли и превратились в края оазиснаго хозяйства цѣлые районы. Не будем, однако, поддаваться первому впечатлѣнію. Обезлюдѣніе не так велико и окончательно, как об этом можно поспѣшно заключить. Районы обезлюднѣли не только вслѣдствіе вымиранія, но и вслѣдствіе ухода населенія. Совѣтская печать отмѣтила уже сильное возвратное движеніе сельскаго населенія в минувшем году в обезлюднѣвшіе края. Однако, в 1921—22 годах 5.200.000 человѣк умерло голодной смертью. Допустим худшее — вымрет под управленіем кровавой и глупой власти еще 5 милліонов. Это означает меньше чѣм 2 милліона или 12 % крестьянских дворов. Остающіеся 14 милліонов крестьянских дворов, конечно, справятся со 127 милліонами десятин пахоты, 22 милліонами десятин лугов и покосов, с 17 милліонами запольных земель, которыя были насчитаны в Европ. Россіи в 1905 году. За эту землю населеніе будет хвататься судорожно, ибо свернулась промышленность, упал транспорт, сократились отхожіе промыслы, и земледѣліе в экономикѣ страны и в крестьянских доходах будет играть гораздо большую роль, чѣм прежде.

Уменьшился, правда, рабочій скот, не хватает мертваго инвентаря, недостает сѣмян для посѣва полей и остаются широкіе просторы земель без обработки. Это положеніе, однако, не вѣчно и не безнадежно. Сельская Россія в десяток лѣт способна залѣчить всѣ свои раны, нанесенныя войной, потом революціей, затѣм кровавой политикой власти. И развѣ этой надеждой и этим желаніем не живут владѣльцы милліонов крестьянских дворов? Даже НЭП в 1923 году показал их существованіе. Непрекращающаяся борьба крестьянства за земли, оставленныя сахарным заводам, показывает затѣм, что деревенскій глаз способен видѣть завтрашній день и руководиться его интересами. На такое разстояніе крестьянской дальнозоркости хватает.

Допустим, что вѣрно будет обратное: напряженная и долгая борьба крестьянства за в с ю землю смѣнилась теперь безразличіем, и крестьянство не будет сопротивляться ни отчужденію захваченных им земель, ни их передачѣ в руки крупных владѣльцев. Допустим, что крупныя имѣнія снова и скоро станут замѣтным фактом русской жизни. Что произойдет тогда? По мѣрѣ того, как крестьянское хозяйство будет набираться сил, неминуемо наростаніе новаго натиска на крупныя хозяйства. Аграрное перенаселеніе Россіи останется вѣдь еще надолго, ибо объективныя причины прежняго «земельнаго голода» исчезнуть за короткій срок не могут. Значит новая борьба за землю и риск новых общественных потрясеній. Какая земельная политика имѣет право пойти на такую перспективу?

Мы не сомнѣваемся: будущее, как и настоящее, в Россіи принадлежит хозяйствам крестьянским. В своеобразных условіях страны они оказались наиболѣе выносливыми и жизнеспособными и потому издавна уже и энергично вытѣсняли своего противника — крупное землевладѣніе. В 1913 г. народно-хозяйственный доход от земледѣлія на $^9/_{10}$ вырабатывался в крестьянском хозяйствѣ, а в 1916 году в них же имѣлось 89,3 % всѣх посѣвов и 94,3 % всего скота (по Европ. Россіи). Бывшее своеобразіе русских условій, которое вынуждало крестьянскія хозяйства на борьбу с крупным землевладѣніем и обезпечило им побѣду, в ближайшем будущем не только не исчезнет, но окажется даже усиленным. А раз сохранятся причины, сохранятся и слѣдствія.

С точки зрѣнія желательнаго в земельной политикѣ, мы принимаем и считаем необходимым защищать всѣми средствами создавшійся результат эволюціи и продолжившей ее революціи в русских земельных отношеніях. Превращеніе нашего сельскаго хозяйства в хозяйство крестьянское в нормальных условіях хозяйственной жизни является фактом положительнаго значенія, как ни много теперь охотников убѣждать в противном и как ни велика энергія их дѣйствія.

Доводы противников «омужичиванія» сельскаго хозяйства могут быть сведены к четырем соображеніям: 1) «омужичиваніе» понижает производительность земли, перешедшей от помѣщиков к крестьянам; 2) оно создает недостаток в зерновых продуктах, необходимых для пропитанія неземледѣльческаго населенія в странѣ; 3) оно уничтожает очаги агрикультурнаго прогресса; 4) оно лишает с.-х. промышленность необходимаго ей сырья. Разберем эти доводы.

Сравнительный учет доходности с единицы земельной площади в крестьянских и помѣщичьих хозяйствах Швейцаріи, Даніи, Германіи и Чехословакіи уничтожил всѣ основанія говорить для этих стран о болѣе низкой продуктивности земли в первых хозяйствах, чѣм во вторых. Результаты учетов показывают тут как раз обратное. На первый взгляд иначе должно быть в Россіи: здѣсь у крестьян хуже скот, ниже урожайность и хуже пропорція растительных культур на полях. Казалось бы, переход к крестьянам помѣщичьих земель в этих условіях дѣйствительно дает неминуемое пониженіе народнаго дохода.

В дѣйствительности, как показывают расчеты, дѣло обстоит не так. Плотность пользовательнаго скота в крестьянском хозяйствѣ значительно выше, чѣм у помѣщиков. На 100 десятин посѣва его в 1916 году было:

	свиней	крупн. рог. скота	овец и коз
У помѣщиков	11	28,8	45
У крестьян	25	57,5	92,5

Эта, болѣе чѣм вдвое, пониженная плотность продуктивнаго скота, конечно, сопровождалось у помѣщиков и пониженным народным доходом от него: послѣдній на десятину посѣвной площади у помѣ-

щиков был ниже, примѣрно, на 46,5 %, чѣм у крестьян *). При общей суммѣ народно-хоз. дохода от скотоводства у помѣщиков в 126.694 тысяч рублей, недобор против крестьянскаго дохода равнялся 58.713 тысячам рублей. Зерновые хлѣба на помѣщичьих полях давали народнаго дохода 255.218 тысяч рублей. Если допустить, что высшая урожайность их (на 26 % по данным 1901—1910 г. г.) была обусловлена лучшей техникой, что является спорным, то от перехода этих полей в крестьянскія руки народное хозяйство теряет 66.357 тыс. рублей. Помѣщичій доход от технических культур равнялся 135.100 тысячам рублей. При переходѣ соотвѣтстввенных земель к крестьянам можно ожидать: 1) уменьшенія площади технических культур, так как онѣ, включая сюда и картофель, у помѣщиков занимали 8,7% посѣвной площади, а у крестьян 7,2 %; 2) пониженія в урожаях технических культур и перемѣн в соотношеніи их. В результатѣ перваго явленія помѣщичья площадь под техническими культурами уменьшается на 113.200 дес. (с 667.500 десятин до 554.200 десятин), которыя будут заняты зерновым. Слѣдствіем второго явленія будет паденіе народно-хозяйственнаго дохода на десятину земли с 202 рублей (у помѣщиков) до 128 рублей (у крестьян). В итогѣ обоих явленій доход уменьшается на 59 милліонов руб. или на 40% **). Остаются, наконец, второстепенныя отрасли хозяйства и культуры: садоводство, огородничество, виноградарство, пчеловодство, шелководство, сѣно, солома, кормовые корнеплоды и т. д. Доход от них равнялся у помѣщиков в 1913 году 98.272 тыс. рублей. Примем — с несомнѣнным преувеличеніем — паденіе дохода и здѣсь в 40 %, как и для технических культур. Потеря народнаго хозяйства составит почти 40 мил. рублей. Суммируя всѣ потери (66 + 59 + 40 = 165 милл. рублей) и пріобрѣтенія (59 милл. рублей), которыя являются результатом перехода помѣщичьих земель к крестьянам, по довоенным данным, которыми единственно возможно оперировать, мы получаем потерю для народнаго хозяйства в 106 милліонов рублей ***).

Подсчеты не закончены: послѣдней цифрѣ необходимо противопоставить ряд новых соображеній, фактов и расчетов.

«У нас принято считать, что ...частновладѣльческая пашня приносит гораздо большіе сборы, нежели крестьянская (на 1/7—1/4). Не говоря уже о спорности статистических пріемов, устанавливающих эту разницу, является... большим вопросом, зависит ли она от качества земли или от свойств ведущагося на ней хозяйства. Не нужно забывать, что крестьяне при обычном у нас малоземельѣ, вынуждены обращать под пашню почти всю надѣльную землю без разбора, тогда как

---

*) Посѣвная площадь помѣщиков занимала в 1916 году 10,7 % всѣх посѣвов в Европ. Россіи, а их доход от скотоводства равнялся 7,3 % всего дохода от скотоводства в Европ. Россіи. См. «Опыт исчисленія народнаго дохода» *С. Н. Прокоповича.*

**) Для тѣх, кто хотѣл бы провѣрить вычисленія: доход с десятины зерновых принят в 42 рубля.

***) Всѣ предыдущіе цифровые выводы основаны на сопоставленіи разсчетов *С. Н. Прокоповича* о народном доходѣ, получаемом в помѣщичьих и крестьянских хозяйствах (см. «Опыт», стр. 83), с итогами с.-х. переписи в 1916 г.

частный владѣлец... может выбирать для этого самые благопріятные участки» (А. И. Чупров, Крестьянскій вопрос, стр. 177). Это первое соображеніе.

Второе относится к качеству обработки земли в имѣніях, когда она производится трудом и инвентарем крестьян. «Во многих губерніях главная доля помѣщичьих хозяйств пользуется трудом и инвентарем тѣх же крестьян. Владѣльцы или обезпечивают себя отработками за сдаваемую землю, или же нанимают крестьян за деньги... И в том, и в другом случаѣ владѣльцам приходится довольствоваться менѣе успѣшной работой, нежели та, которую мужик прилагает к собственной землѣ. У нас издавна отовсюду несутся жалобы на крайне плохое качество крестьянскаго труда на владѣльческих землях. Иначе и быть не может... Поэтому можно думать, что переход земель, обрабатываемых по обычной крестьянской техникѣ мужицким трудом и инвентарем, в руки крестьян сопровождался бы извѣстным подъемом производительности уже по той причинѣ, что прилагаемый к землѣ труд был бы нѣсколько тщательнѣе» (ibid., стр. 178).

Третье соображеніе связано с пропорціей угодій на крестьянских и частновладѣльческих землях. Самое цѣнное среди них, самое доходное — пашня — у помѣщиков занимала относительно гораздо меньшую площадь, чѣм у крестьян. По земельной переписи 1887 года, в Европ. Россіи послѣдними было распахано 54 % всѣх их земель, а у частновладѣльцев — 27 % *). Под вліяніем нужды земля у крестьян использовалась болѣе напряженно, чѣм у владѣльцев. Особенно выпукло это проявлялось в нечерноземной полосѣ. «У крестьян и в нечерноземной полосѣ земля была распахана почти на половину — 46 %, т. е. немногим меньше, чѣм у крестьян черноземной полосы, которые имѣли под пашней 58 % всей площади. Между тѣм у частных владѣльцев нечерноземной полосы было распахано земли в 3½ раза меньше, чѣм у владѣльцев черноземной полосы» (А. Н. Челинцев, С.-х. географія Россіи, стр. 161). Непахотныя угодія у владѣльцев имѣній были заняты лѣсами, выгонами, суходольными и лѣсными покосами, лугами. По земельно-статистическому обслѣдованію Московской губерніи (1898—1900 годов) суходольные сѣнокосы в большинствѣ уѣздов давали такіе же ничтожные укосы, как и крестьянскіе, — в 50—60 пудов с десятины; с лѣсных покосов собиралось в среднем 32 пуда сѣна. «Несомнѣнно, подобныя угодія, если они перейдут к крестьянам, будут в значительной долѣ распаханы и в этом видѣ начнут приносить гораздо большую выручку. Это измѣненіе угодій, опять без всякой перемѣны в обычной техникѣ, составит немаловажный прирост в народном доходѣ» (А. И. Чупров, Крестьянскій вопрос, стр. 177).

Наконец, послѣднее соображеніе: аренда помѣщичьих земель. Она была развита, равняясь по подсчету Н. А. Карышева для 90-х годов 49,8 милл. десятин, по данным «комиссіи по обезпеченію центра»

*) При этом и пахотная земля использовалась у крестьян интенсивнѣе, чѣм у владѣльцев имѣній: у первых было под посѣвами 61 % пахоты, под паром 25% и залежью 14%; у вторых — под посѣвом 53%, под паром 19%, под залежью 28%.

— 19,5 милл. десятин, по расчетам А. А. Мануилова — 20% всѣх надѣльных земель, т. е. приблизительно 22,5 милліонов десятин, по соображеніям А. В. Пѣшехонова — «около 40 милліонов десятин». Послѣ ускореннаго перетока земель к крестьянам послѣ 1905—6 годов *), внѣнадѣльный арендный фонд крестьян к началу войны сократился, но на очень небольшую величину, и по подсчитанным нами земско-статистическим матеріалам 59 уѣздов 14 губерній достигал 21,7% надѣлов. В общем, значит, аренда пашен и сѣнокосов давала крестьянам земельный фонд, равный в округленіи одной пятой надѣлов **), т. е. для 50 губерній Европ. Россіи опять-таки 22 милліона десятин. Если для арендованной пашни мы примем приуменьшенную цифру в $^2/_3$ всей аренды, то это составит 14 милліонов десятин пашни.

На арендованных землях хозяйство почти всегда ведется хуже, чѣм на собственных ***). В условіях русской аренды, почти всегда краткосрочной, весьма часто годичной, земля использовалась отвратительно. Проф. Мануилов в своей работѣ об арендах, основываясь на данных земской статистики по ряду губерній, указывал, что крестьяне или вовсе не удобряют арендованную землю или валят на нее навоза в 3—4—6 раз меньше, чѣм на надѣльную. Арендованныя земли истощались и давали все уменьшающіеся урожаи. «Арендуемая крестьянами внѣнадѣльная пашня», писал А. И. Чупров, «при обычном наймѣ на один посѣв, дает, по крайней мѣрѣ, на 10—15 пудов зерна меньше против надѣльной крестьянской». (Крестьянскій вопрос, стр. 222). Примем меньшую из этих двух цифр и мы получим при 14 милл. арендованной пахоты добавочных 140 милліонов пудов зерна, т. е. 140 милл. рублей народнаго дохода, как результат перехода помѣщичьих земель в крестьянскія хозяйства.

На этом можно и закончить разсмотрѣніе перваго довода поклонников крупнаго сельскаго хозяйства в Россіи и противников его «омужичиванія»; потерям в 106 милліонов рублей народнаго дохода противостоит увеличеніе его, по крайней мѣрѣ на 140 милл. рублей, если даже не вводить в цифровые подсчеты трех первых соображеній, еще болѣе усиливающих право крестьянства Россіи на освоеніе всей земли в странѣ.

Второй довод лагеря, считающаго освоеніе крестьянами всей земли экономическим регрессом, — в запугиваніи голодом неземледѣльческаго населенія, ибо одно крестьянское хозяйство пропитать его хлѣбом не может. Для пропитанія необходимы помѣщичьи «фабрики зерна».

Главная доля зерновых продуктов отечественнаго происхожденія в странах Европы поставляется на рынок, дѣйствительно, помѣщичьими имѣніями. Не так, однако, было в Россіи. Здѣсь крестьянское хозяйство играло преобладающую роль и на рынкѣ зерновых про-

*) Дворянскія имѣнія теряли в год: 1892—96 г.г. — 785 тысяч десятин; 1897—1900 г.г. — 977 тыс. десятин, 1906—1910 г.г. — 1320 тысяч десятин.

**) *Н. П. Огановскій.* Очерки по экономической географіи Р. С. Ф. С. Р. Часть первая. Сельское хозяйство. Москва 1923 г. стр. 79.

***) См. об этом дальше.

дуктов. По вычисленіям Лященко, в 40—50 годах минувшаго столѣтія крестьянство покрывало только 10% потребностей нашего внутренняго и внѣшняго рынка в зерновых продуктах; 90% потребности удовлетворяло помѣщичье хозяйство. В 1901—1905 году крестьяне доставляли на рынок уже 52,4% всего зерна, по подсчетам Лященко, и 67,4% — по подсчетам Н. П. Огановскаго; в 1916 году вычисленія Громана размѣр крестьянскаго участія на зерновом рынкѣ повышали уже до 75 %.

Переход помѣщичьих земель в крестьянское хозяйство, расширяя площадь крестьянскаго землепользованія прежними пахотными землями помѣщиков, новыми распашками земель, которыя имѣніями не пахались, увеличивая урожайность помѣщичьих земель, ходивших в крестьянской арендѣ, конечно, дает крестьянскому хозяйству, при нормальном ходѣ народно-хозяйственной жизни в странѣ, полную возможность замѣстить выбывшие с рынка 300 милліонов пудов зерна крупных имѣній.

Довод третій: «омужичиваніе» сельскаго хозяйства уничтожает очаги с.-х. прогресса. Сколько было таких очагов? По переписи 1905 года владѣній свыше 109 десятин в 50 губ. Европ. Россіи было 129,5 тысяч. Министерство Земледѣлія, руководствуясь весьма недостаточным для «очагов с.-х. прогресса» признаком — наличность травосѣянія и культуры корнеплодов — насчитало к 1905 году всего лишь около 2.000 «очагов», т. е. меньше 1,5% всѣх имѣній. Только ничтожно малую долю и среди этих имѣній можно разсматривать как дѣйствительные очаги с.-х. культуры, которые могли быть источником прогрессивных вліяній на сельское хозяйство их раіона. М о г л и быть, но фактически почти не были. Общеизвѣстен факт почти полной культурной разобщенности в русской дѣйствительности хозяйств крестьянских и помѣщичьих. Прогрессивныя перемѣны в послѣдних не становились «заражающим примѣром» для первых: слишком различны были экономическія условія, в которых жили эти оба типа хозяйства, и слишком немирныя отношенія существовали между ними *).

Было только одно, но довольно замѣтное исключеніе в этой отчужденности обоих типов хозяйств. Оно имѣло мѣсто в районах свеклосахарной промышленности. Здѣсь заводы, заинтересованные в

*) «Нельзя отрицать, что близость хорошо ведущихся хозяйств оказывает извѣстное вліяніе на окружающее сельское населеніе, привлекая его вниманіе и возбуждая интерес к усовершенствованіям в сельском хозяйствѣ... Однако, значеніе этого фактора преувеличивать не слѣдует. Имѣется множество фактов, что хорошо ведущіяся хозяйства могут просуществовать десятки лѣт в сосѣдствѣ с крестьянскими полями, не вызывая ни малѣйшаго подраженія. Воздѣйствіе подобных хозяйств, как всякаго примѣра, является случайным и безсознательным. Даже и тогда, когда окрестное населеніе замѣчает выгодность тѣх или иных нововведеній у частных владѣльцев, оно объясняет это благопріятными особенностями крупных хозяйств... Мало того — если наблюденіе крупных помѣстій и натолкнет крестьян на какую-либо новинку, вродѣ, напр., посѣвов клевера, оно не может дать указаній, как приспособить перенимаемое улучшеніе к спеціальным чартам самобытнаго крестьянскаго строя» (*А. И. Чупров*, Крестьянскій вопрос, стр. 189).

увеличеніи свекловичных посѣвов, шли к крестьянскому хозяйству с настойчивой пропагандой свекловичной культуры и с помощью ему в видѣ прокатнаго отпуска сѣялок, выдачи сѣмян и удобреній, кредита под урожай и т. д. И свекловичные посѣвы на крестьянских полях ширились быстрѣе, чѣм на заводских плантаціях и в помѣщичьих имѣніях: в Малой Россіи крестьянскіе посѣвы занимали 46.983 десятины или 13 % всей свекловичной площади в 1904—05 годах и 135.131 десятину или 22 % — в 1911—12 годах. Источником и проводником такого воздѣйствія были, однако, не имѣнія при заводах, а самые заводы, которые сохранятся, конечно, и при освоеніи крестьянством всей земли.

Подлинная роль творцов новых сельско-хозяйственных знаній и новых пріемов во всем мірѣ теперь принадлежит не помѣщичьим имѣніям: с того времени, как государства оставили свою позицію невмѣшательства в ход сельско-хозяйственной жизни, и развились опытныя учрежденія, творческая роль в техникѣ сельскаго хозяйства перешла к ним. И, конечно, опытныя учрежденія выполняют эту функцію с безконечно большим успѣхом, чѣм то дѣлали помѣщичьи имѣнія.

Точно так же вторая агрикультурная роль, приписываемая имѣніям, — распространеніе новых знаній — сдѣлалась специальной функціей другой общественной организаціи — общественной агрономіи.

Третій довод в пользу помѣщичьих имѣній, когда-то имѣвшій под собой основаніе, давно сдѣлался пережитком. Самое большее, на что он вынуждает, это на признаніе нужды в повышенном вниманіи к опытным с.-х. учрежденіям и к общественно-агрономическим организаціям в странѣ исключительно крестьянских хозяйств. И это усиленное вниманіе должно быть проявлено. Земля, необходимая для работы организацій обоих типов, сохранилась в современной Россіи, — пожалуй, — даже в чрезмѣрном количествѣ. Она, конечно, должна быть сохранена и в Россіи будущаго.

За четвертым доводом против «окрестьяниванія» нашего сельскаго хозяйства необходимо признать частичную убѣдительность. Не вся с.-х. промышленность, но один вид ея — промышленность свеклосахарная — дѣйствительно нуждается в крупных хозяйствах для полученія достаточнаго сырья. Так, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствует почти весь извѣстный нам опыт различных стран. Свеклосахарная промышленность играла и будет играть слишком замѣтную роль и в общей экономикѣ Россіи, и в питаніи ея населенія, чтобы жертвовать ея интересами в пользу идейных симпатій и общественно-теоретических построеній. Земля, необходимая для работы свеклосахарных заводов, должна быть сохранена в крупных участках для обслуживанія нужды заводов в свекловицѣ — во всяком случаѣ на тот період, в теченіе котораго заводы смогут перейти исключительно на сырье из крестьянских хозяйств. Теоретически — мы не видим препятствій к такому переходу. Прямая заинтересованность населенія в работѣ заводов сможет лишь облегчить и ускорить такой переход. Здѣсь не мѣсто обсуждать возможныя организаціонныя формы, в которыя может или должна отлиться эта заинтересованность, но

ея существо ясно: крестьяне, поставщики сырья, должны быть привлечены к участію в доходах и, вѣроятно, в управленіи заводов *).

Искать эти формы заинтересованности и вводить их в жизнь в Россіи будет настоятельно необходимо: посѣвами сахарной свеклы в южных губерніях Европейской Россіи, включая в них и Курскую, в 1914 году было занято 654.000 десятин земли, из которых у крестьян было только 149.000 десятин; между тѣм вся земля, оставленная большевиками при сахарных заводах первоначально в количествѣ около милліона десятин, потом под давленіем крестьянства была уменьшена до 400 тысяч десятин. При таких условіях, без широкаго развитія крестьянских посѣвов свеклы, заводам при возстановленіи их работы не выйти из тяжелаго сырьеваго кризиса.

Ставится еще вопрос о землях, не освоенных в настоящее время крестьянским хозяйством. Предлагается передать их частновладѣльческому крупному хозяйству на началах полной собственности. Это было бы наименѣе цѣлесообразным рѣшеніем вопроса. По такому пути не рѣшилось идти даже наше до-революціонное правительство: свободныя земли Сибири оно предоставляло не помѣщикам, а переселенцам-крестьянам. Так дѣлалось, конечно, не во имя симпатій правительства к крестьянскому хозяйству. Политика правительства диктовалась необходимостью: нужен был земельный фонд для принятія и размѣщенія переселенцев из наиболѣе перенаселенных районов Россіи. Свободныя и пригодныя для хозяйствованія земли Сибири были недостаточны, чтобы полностью удовлетворять эту потребность страны. Новыя свободные земли в районах, гдѣ крестьянскія массы выбиты бичом голода и болѣзней, должны явиться в первую очередь и главным образом новым источником для удовлетворенія земельных нужд переселенцев-крестьян. Политика государства в отношеніи выморочных земель, по преимуществу крестьянскаго пользованія в прошлом, должна строиться под этим углом. Поскольку такое использованіе затянется, и земля какой-то період времени будет оставаться праздной, возможно, конечно, иное использованіе ея, но временность этого использованія должна быть основною чертою его. Здѣсь умѣстна временная аренда, но не вѣчная собственность.

Мы за сохраненіе крестьянскаго характера нашего сельскаго хозяйства. Крупныя имѣнія должны существовать лишь в мѣру нужды в них крестьянскаго хозяйства (опытныя поля и станціи, разсадники племенных животных, репродукторы высокосортных сѣмян, плодовые питомники и т. д.) и в мѣру и на період его немощи (свекловичныя плантаціи при сахарных заводах, крупныя хозяйства в обезлюднѣвших районах). Такое рѣшеніе перваго из наших вопросов земельной политики мы считаем в русских условіях наиболѣе вы-

*) В Чехословакіи при проведеніи земельной реформы повышенная заинтересованность крестьян в культурѣ свекловицы достигается «порольничиваніем» (от слова «рольник» — земледѣлец) свекло-сахарных заводов: поставщики свекловицы становятся членами акціонерных обществ, владѣющих заводами. Такая же форма участія поставщиков свеклы в ея переработкѣ существует в Германіи и Даніи.

годным с точки зрѣнія возможно полнаго использованія труда населенія и, слѣдовательно, с точки зрѣнія размѣров народнаго дохода от сельскаго хозяйства.

III

Только-что пройденный вопрос земельной политики в Россіи будущаго явится наименѣе острым среди выдѣленных нами. Сознаніе, что крупное земледѣльческое хозяйство в Россіи умерло и уже не воскреснет, растет на наших глазах. Пониманіе неотвратимости и непоправимости прошедшей земельной революціи все чаще осѣняет даже наш правый лагерь, вобравшій в себя сторонников соціальной реставраціи.

Энергія вниманія к земельным отношеніям в правом лагерѣ, однако, не убывает. Чѣм дальше, тѣм все замѣтнѣе накопляется она в другом, болѣе реальном вопросѣ о выкупѣ за «омужиченную» землю. Здѣсь реванш былого владѣльца «священных и неприкосновенных» прав собственности вѣрнѣй, и вопрос о выкупѣ в нашем будущем может стать «боевым». Историческіе факты показывают, что энергіи «обиженных» на борьбу за его «справедливое» рѣшеніе может хватить на десятилѣтія. Мѣста для принципа давности здѣсь нѣт. Как неотмѣненные законы, права земельнаго собственника, не примѣняясь, могут переживать поколѣнія.

В вопросѣ о выкупѣ мы исходим, как из желательнаго, из той основной задачи, которая стоит перед земельной политикой — из задачи подъема производства в странѣ, из интересов роста экономической полноты жизни. В чем будет нуждаться сельское хозяйство Россіи больше всего? Какой фактор хозяйства неизбѣжно окажется в остром и крайнем minimum'ѣ? Двух мнѣній тут быть не может: капитал. За время войны и годы революціи он проѣден и разрушен в ужасающих размѣрах. В остром недостаткѣ все, что требуется для сельскаго хозяйства, начиная от построек и кончая лопатой, косой, топором. Газеты принесли свѣдѣнія о каменных топорах, которыми обходятся крестьяне Ярославской губерніи. О повальной замѣнѣ желѣзных зубьев в боронѣ деревянными, равно как о полной побѣдѣ сохи и косули в мѣстах, гдѣ онѣ были вытѣснены плугом, мы знаем давно. Нечего уже говорить о болѣе сложном инвентарѣ — сѣялках, вѣялках, молотилках и т. п. В острой нехваткѣ сѣмян для посѣва. Давно исчезли тѣ переходящія запасы зерна для пищи, которые в районах, періодически постигающихся засухой, составляли необходимое условіе устойчивости хозяйства. Максимально быстрое возстановленіе капитала в крестьянском хозяйствѣ — центральный пункт в с.-х. политикѣ будущей власти. Да и не только в ней: это основная задача всей экономической политики будущаго. Ей должно быть подчинено очень многое, если не все. Может быть, только забота о созданіи устойчивой валюты будет стоять перед страной, как еще болѣе властная и важная, чѣм эта потребность в снабженіи крестьянскаго хозяйства капиталом.

Задача грандіозная: самое скромное удовлетвореніе ея потребует милліардов рублей. А рессурсы для ея рѣшенія безнадежно ограни-

чены и надолго: до остраго малокровія, от котораго гибнут, истощено народное хозяйство, опустошены средства государства, обезсилен международный рынок капиталов, некредитоспособны будут и государственная власть, и мѣстное самоуправленіе, и разрушенная кооперація. Владѣлец денег будет долго присматриваться к этой странѣ «неограниченных возможностей» и тщательно взвѣшивать прочность будущаго порядка, прежде чѣм рѣшиться кредитовать под него.

Годы и года пройдут прежде чѣм при всем напряженіи всѣх, крестьянское хозяйство дойдет до той степени полнокровія, которым оно обладало перед катастрофой. Но это полнокровіе только низшій предѣл общественных желаній. Недостаток капиталов у крестьянства был большой бѣдой и в прошлом. Самое большое, поэтому, что слѣдует цѣнить в земельной революціи, — это избавленіе крестьянскаго хозяйства от непосильно тяжелой дани, которую оно платило в пользу класса землевладѣльцев. По подсчетам Н. П. Огановскаго она равнялась 665 милліонам золотых рублей в год *), т. е. почти ушестеренной стоимости всего с.-х. инвентаря, который поглощало сельское хозяйство страны в годы наиболѣе напряженнаго спроса на него. Возможно, что цифра Огановскаго преувеличена, пусть она будет равна только полумилліарду. При 5 милліардах крестьянскаго дохода от сельскаго хозяйства, она останется все равно огромной.

Усердное выкачиваніе средств из крестьянскаго хозяйства, наряду с темнотой и безправіем его владѣльцев, были главнѣйшими причинами гибельной отсталости сельскаго хозяйства Россіи. Теперь эту «гирю каторжника» снова хотят надѣть на ноги того, от котораго зависят судьбы государства и благо страны.

Какими доводами обставляется это требованіе? В печатных отраженіях его мы нашли их четыре. Во-первых, справедливость, конечно: несправедливо землевладѣльцам и не платить за имущество, и не возвращать его, когда другим группам прежних владѣльцев будут возвращать дома, склады, магазины, заводы, копи и т. п. Во-вторых, неразумно и опасно начинать тот новый період общественной жизни, который будет основан на полной собственности, с грубаго нарушенія принципа собственности — с полной отмѣны прав прежних собственников. В третьих, интересы соціальнаго мира: он необходим Россіи будущаго, как воздух; выкуп за землю — средство создать его в отношеніях между прежними землевладѣльцами и преемниками на их землях; без выкупа соціальнаго мира не будет. Четвертый довод — трогательная забота о спокойствіи народной совѣсти; его мы нашли в статьѣ г. Тхоржевскаго: право прежних собственников «существует только как провидѣніе; оно тревожит (и должно тревожить!) народную совѣсть, пока не будет погашено выкупом» **).

*) Цифра слагается из 450 милл. рублей арендной платы и 215 милл. рублей выплат за землю, пріобрѣтенных в собственность.

**) «Земля и скиѳы» Вѣстник Русскаго Національнаго Комитета № 4, 20 іюня 1923 года.

Мало состоятельности можно открыть в этих доводах и мало убѣдительности.

Не будем заглядывать в исторію и спрашивать о справедливости владѣнія большею частью той земельной площади, за которую теперь добиваются выкупа. Посмотрим к чему приведет выкуп, если лежащее в его основѣ требованіе уплаты за имущество, потерянное во время революціи, сдѣлать «справедливым», т. е. распространить на всѣх пострадавших. А это, очевидно, надо сдѣлать, если не создавать из землевладѣльцев снова исключительно привилегированной группы.

В таком случаѣ, должны быть вознаграждены владѣльцы всѣх безчисленных и разнообразных зданій, которые сгорѣли, разрушены, разобраны на топливо и т. д. в результатѣ революціи; должна быть оплачена стоимость погибших фабричных машин, затопленных шахт, вырубленных лѣсов; должны быть возмѣщены убытки крестьянам, у которых «красными» и «бѣлыми» тоже было много отобрано имущества в видѣ скота, зерна, личной одежды и т. д.; крестьянскія строенія также поджигались, уничтожались артиллерійским огнем и т. д.; должны быть возмѣщены убытки владѣльцев денежных цѣнностей и домашней обстановки; оплатить придется убытки авторов націонализованных произведеній и их наслѣдников и т. д.

На такой путь русское государство, конечно, не вступит: оно и не сможет и не захочет вступить. Не юридическія права в прошлом, а общественная цѣлесообразность использованія в будущем — вот единственно чѣм может руководиться государственная власть, создавая правила для денаціонализаціи и возврата имущества. Не отрицаем, конечно, что былыя права собственности будут играть при этом роль, и даже значительную, но с одним ограниченіем — важным и обязательным: поскольку они не противорѣчат нуждам пореволюціоннаго строя общественных отношеній.

Помѣщичье землевладѣніе не нужно Россіи будущаго; она поэтому имѣет право и обязана просто поставить на нем крест, как на бывшем и уплывшем с революціонным потоком. Землевладѣльцы имущественно страдают, но... такова судьба всякаго класса, отдѣльныя права котораго или самое существо соціальной функціи котораго становятся пережитками, имѣвшими смысл в прошлом и неоправданными в настоящем. Так «страдали» душевладѣльцы, когда падали рабство и крѣпостничество, так теряли феодалы, когда ликвидировались их феодальныя привилегіи, так нарушаются имущественные интересы класса землевладѣльцев теперь, когда в половинѣ Европы у него принудительно отбирают землю и платят за нее лишь небольшую часть ея рыночной стоимости, или не платят вовсе.

Опасность, которую выдвигает второй довод за выкуп, мы не видим. Принцип частной собственности нельзя потрясти сильнѣе, чѣм он был поколеблен в період революціи — сначала насильственным захватом помѣщичьяго имущества, затѣм безудержным грабежом сельскаго населенія со стороны многих частей добровольческой арміи на югѣ, со стороны «атаманских» отрядов в Сибири, и, наконец, со стороны продовольственных, реквизиціонных и карательных от-

рядов большевицкой власти. Елеем выкупа всѣх этих ран на тѣлѣ собственности не умастишь.

Всякая сила за этим доводом уничтожается самими авторами его, предлагающими платить за землю не новым владѣльцам ея, а государству. Если даже признать, что непосредственный выкуп за землю в массовой психологіи населенія мог бы до нѣкоторой степени возстановить и усилить поколебленное начало собственности, то уплата его государством уничтожает и эту тѣнь довода.

В успокоеніе сторонников полной собственности можно прибавить затѣм общее положеніе: порядок пріобрѣтенія имущества не опредѣляет дальнѣйшаго отношенія к нему его владѣльца. Так, безплатное и без всяких государственных заслуг полученіе земель многими дворянскими фамиліями Россіи не помѣшало им стать горячими поклонниками частной собственности потом, а их потомкам не мѣшает теперь, во имя того же начала собственности, требовать выкупа за эту жалованную землю. Можно думать поэтому, что безплатное полученіе помѣщичьих земель не помѣшает и крестьянам стать весьма крѣпкими собственниками ея.

Наконец, полной собственности на землю в русских условіях еще долго не будет. Если ее и попытаются создать, то убѣдительные и тяжелые уроки жизни быстро заставят обставить ее ограниченіями и превратить из полной в ограниченную. Період Столыпинскаго законодательства уже дал соотвѣтственные примѣры. С нашей собственной точки зрѣнія, которая считает возможной созданіе в послѣбольшевицкій період лишь ограниченной частной собственности на землю (на первых порах весьма ограниченной) довод ad majorem gloriam полной земельной собственности не имѣет никакой цѣны.

Третій довод — соціальное замиреніе Россіи. Странѣ оно дѣйствительно будет необходимо. Но почему оно должно быть оплачено многомилліонным и работающим большинством населенія, а не численно ничтожной и соціально безполезной кучкой? Что важнѣе для соціальнаго мира: интересы 130 тысяч или 100 милліонов?

Четвертый довод разбора не достоин, как ни трогателен он в своей безпомощности и наивности. Встревоженная совѣсть, если она существует, имѣет много путей для своего успокоенія, помимо такого тяжелаго для народнаго хозяйства способа, как выкуп. До сих пор мы, однако, знали о тревогѣ крестьянства не перед грѣхом содѣяннаго, а перед болѣе реальным послѣдствіем земельной революціи — перед местью обиженных революціей. Гораздо важнѣе успокоить эту тревогу.

Какое рѣшеніе вопроса о выкупѣ слѣдует считать вѣроятным? На вопрос отвѣтить было бы не трудно, если бы отвѣт опредѣлялся только интересами и желаніями работников земли. Крестьянство захватывало землю не для того, конечно, чтобы потом платить за нее. Захват в этом случаѣ был бы ненужным.

Не трудно бы отвѣтить на вопрос и в том случаѣ, если бы государство представляло дѣйствительно только общенародные интересы и не окрашивало свою политику классовыми интересами стоя-

щих у его руля, ибо интересы народнаго и государственнаго хозяйства вопіют против нагрузки на доходы обѣих этих категорій тяжести выкупа.

К сожалѣнію, отвѣт обусловливается не этими обстоятельствами. Он будет зависѣть от тѣх перемѣн в соотношеніи политических сил, через которыя будет проходить жизнь страны. А их на длительный срок нѣт возможности ни опредѣлить, ни угадать. Можно быть увѣренным, что в первые послѣбольшевицкіе годы выкупа не будет — его просто не поднять ни населенію, ни государству. Но помѣщики Франціи получили свой «милліард землевладѣльцев» только через 32 года послѣ фактическаго отчужденія у них земель. На такое разстояніе современной дальнозоркости не хватает в общественных явленіях.

Прогноз неопредѣленен и вѣроятное будущее в выкупном вопросѣ — неясно. Тѣм настойчивѣе и тверже должно быть то поведеніе, которое диктуется интересами возрожденія сельскаго хозяйства в странѣ, и, слѣдовательно, потребностями всей страны. Лозунг возрождающейся Россіи в ея земельной программѣ и политикѣ — никаких препятствій возрожденію, а слѣдовательно — никогда и никакого выкупа за землю ея прежним владѣльцам*).

IV.

Вопрос о правовой природѣ крестьянских земель будет не менѣе большим и волнующим, чѣм вопрос о выкупѣ, но по другим основаніям. На нем произойдет жестокая схватка двух вліятельных общественных идеологій, двух пониманій государственных интересов и нужд, двух важных и различных представленій о ходѣ не только земельных отношеній в Россіи, но и всей экономической жизни ея. Один лагерь уже окрещен: И. И. Бунаков назвал его «собственническим», второй еще без имени; правильно назвать его націонализаторским.

Центральным вопросом, который дѣлит и будет дѣлить не только

*) «Сколько денег будет стоить Россіи выкуп?» спрашивает г. *Тхоржевскій* в своей статьѣ («Вѣстник Русскаго Національнаго Комитета», № 4, 1923 г., статья «Земля и скиѳы») и отвѣчает: капитальную стоимость помѣщичьих земель исчисляют примѣрно в 6 милліардов золотых рублей. Но вѣдь это же — прежній годовой доход Россіи от сельскаго хозяйства». Автору эта цифра для нищей Россіи не представляется значительной: «если разложить эти милліарды на всю площадь русских земель в видѣ обложенія, и разсрочить их выплату, задача не может быть непосильной». Легкость этой тяготы будет ясна из двух сопоставленій. При современной производительности сельскаго хозяйства Россіи 12 милліонов крестьянских семей в теченіе двух полных лѣт должны неустанно работать и ничего не получать за свой труд, чтобы выплатить эту легкую дань. Стоимость всѣх построек и всего остального хозяйственнаго оборудованія, включая сюда скот и мертвый инвентарь, у тѣх же 12 милліонов крестьянских дворов в настоящее время или равна 6 милліардам золотых рублей или весьма близка к этой суммѣ. Уплатить выкуп — это значит экспропріировать в пользу помѣщиков весь или почти весь наличный капитал у четырех пятых всѣх крестьянских хозяйств Россіи.

интеллигенцію Россіи, но, можно думать, и крестьянство ея, явится вопрос о юридической свободѣ или прикрѣпленности земли. Быть землѣ в товарном оборотѣ или не быть? Можно ее продавать, покупать, закладывать, завѣщать по свободному усмотрѣнію держателя или нельзя? Кѣм быть фактическому держателю земли — только пользующимся ею или собственником ея?

Оба лагеря не расходятся между собою в двух важных моментах земельных отношеній — в вопросѣ о юридической устойчивости пользованія землей и в вопросѣ о ея экономической подвижности. Оба они признают, что только сам крестьянин должен опредѣлять — продолжает ли он держать землю или отказывается от нея. Вмѣшательство посторонних сил тут должно быть наименьшим, еще лучше, если его не будет вовсе. Противники сходятся затѣм на том, что существующія нынѣ границы земельных владѣній должны отвердѣть и вновь, без воли самого хозяина, не ломаться.

Значительно и второе сходство: оба лагеря допускают хозяйственную подвижность земли: ея держатель волен обрабатывать ее сам или сдавать в аренду. Для арендных отношеній сторонники юридически-связанной земли готовы создать, повидимому, довольно широкій простор.

С другой стороны, и собственническое направленіе не чуждо оглядки и опаски в сторону земельной мобилизаціи: в его рядах раздаются вліятельные голоса за необходимость установленія предѣла, до котораго земля может собираться в однѣх руках.

Эти ограниченія с обѣих сторон значительно суживают поле расхожденія, но не уничтожают его. Вопрос о юридическом титлѣ для крестьянской земли остается со всѣм своим несомнѣнным и большим значеніем. Посмотрим на защиту, которую каждая из сторон создает для своих позицій.

Націонализаторское направленіе указывает: 1) русское крестьянство не подготовлено к свободному обороту земли, и потому в нем оно получит «опасное и острое орудіе, спообное обратиться против него самого»; 2) деревня разорена, ея хозяйство неустойчиво, а между тѣм «сколько еще испытаній придется пережить русскому крестьянству в грядущій тяжкій період — болѣзней, падежа скота, неурожаев, голодовок. Что будет, если обнищавшему и разоренному крестьянину дано будет «право» свободнаго распоряженія землей?» Пышным цвѣтом разовьется спекуляція землей — иностранная и русская. Если распродаваемая земля попадет даже и не спекулянтам, а обрабатывающим ее, положеніе будет не лучше: крестьянское обезземеливаніе все равно произойдет. В Россіи снова скопятся соціально-грозовыя тучи и снова возникнет риск страшных потрясеній, ибо обезземеленные окажутся без заработка и хлѣба. Города и промышленность, не поглощавшіе перед войной даже половины прироста сельскаго населенія, тѣм болѣе не впитают огромных масс, обезземеленных свободным земельным оборотом, послѣ разрушеній революціи; 3) в итогѣ свободный земельный оборот таит огромную хозяйственную опасность: если в деревнях накопятся милліоны без земли, а значит без хлѣба и заработка, снова вспыхнет страшная

борьба за землю; а когда нависнет угроза новаго «поравненія», у владѣющих землей не будет мотивов для полнаго и хозяйственнаго использованія ея. В такой обстановкѣ хозяйство на землѣ будет способно лишь падать, но не подниматься.

В этих доводах И. И. Бунакова *) — нападеніе на его противников. К ним прибавляются доводы обороны. Их дает А. С. Орлов **).

Первый среди доводов обороны отбивается от указанія, что юридически несвободная земля будет мѣшать отходу земледѣльческаго населенія в промышленность и города. «По мѣрѣ развитія городской жизни и промышленности», пишет автор, «по мѣрѣ того, как онѣ будут предоставлять крестьянам, сидящим на карликовых надѣлах, лучшія условія жизни, чѣм эти надѣлы, крестьяне будут такіе надѣлы бросать», точнѣе — сдавать в аренду, ибо непосредственно дальше автор говорит — «процесс консолидаціи мелких хозяйств в жизненно-среднія, на арендном правѣ совершится столь же легко, как и на правѣ собственности». Автор относит время такого отхода от земли к моменту, когда крестьянское хозяйство оправится. Замѣтим, что отход от земли будет идти непрерывно, раз только народное хозяйство будет подниматься. Непрерывно, слѣдовательно, будет «бросаться» земля, т. е. переходить на началах аренды в новыя хозяйственныя руки. Хозяйственный оборот земли, таким образом, будет совершаться, но только не на купчем правѣ, а на арендѣ. Это отмѣтим.

Второй довод связан с кредитом для сельскаго хозяйства. Автор указывает, что краткосрочный кредит по самой сущности своей в залогѣ земель, а слѣдовательно, и в собственности на них, не нуждается ***); кредит же долгосрочный или придет в сельское хозяйство Россіи, как кредит государства, или не придет вовсе. А для долгосрочнаго государственнаго кредита, обезпеченіе его залогом земли не нужно. Это утвержденіе автора сначала было темно в своем смыслѣ и оттого лишено всякой убѣдительности. Впослѣдствіи автор внес в него ясность (см. ниже).

Третья контр-атака вызвана положеніем, по которому частная собственность вѣрнѣе обезпечивает полноту и твердость в пользованіи землей. А. С. Орлов вѣрно указывает, что это далеко не так: при націонализованной землѣ полнота и твердость пользованія ею могут быть не меньшими, чѣм при частной собственности. И обратно: частная собственность может сопровождаться весьма значительными ограниченіями в пользованіи ею. Примѣр — современныя ограниченія прав домовладѣльцев в длинном рядѣ государств.

Остальных возраженій А. С. Орлова мы приводить не будем —

*) См. «Дни» от 24-го марта 1923 г., статья «О землѣ».

**) См. его статью в 14 книжкѣ «Современных Записок».

***) Этот довод, конечно, правилен и мы с удивленіем прочитали утвержденіе *С. Н. Прокоповича* («Послѣд. Новости» от 17. 8. 1923 г., статья «Пора»): чтобы быть кредитоспособным, крестьянин «должен прежде всего стать собственником своего земельнаго участка. Только на этой основѣ станет возможным развитіе крестьянской кооперації в деревнѣ». Блестящее развитіе кредитной кооперації в Россіи произошло вовсе не на основѣ частной собственности крестьян на их земли, а в ея отсутствіе.

одного (о желаніях крестьянства в отношеніи юридическаго титла на землю) — пока, другого (о несвязанности національзаціи земли и частной собственности, как пунктов земельной программы, с соціалистическим міросозерцаніем) — вовсе.

Не все одинаково важно и доказательно в приведенных доводах національзаторов земли. Но руководящій мотив и основная задача их заслуживают самаго пристальнаго вниманія.

Руководящій мотив — боязнь массоваго обезземеливанія и его результатов. Мотив этот не может не тревожить. Факты нашего прошлаго — несравненно болѣе благополучнаго, чѣм настоящее и будущее — усиливают его грозную реальность. В трудах мѣстных комитетов о нуждах с.-х. промышленности можно найти свѣдѣнія о рядѣ случаев обезземеливанія крестьянства с тяжелыми хозяйственными послѣдствіями. В них сообщалось о потерѣ земли «четвертными» крестьянами *) в Ранненбургском и Сапожковском уѣздах (Рязан. губ.), вслѣдствіе неосторожнаго переобремененія их долгами по векселям. Приводился примѣр части Измаильскаго уѣзда, в котором крестьянскіе надѣлы были отчуждаемы **); здѣсь в рядѣ районов произошло массовое обезземеливаніе, причем земля продавалась крестьянам за безцѣнок, а потом арендовалась ими за $^1/_3$—$^1/_4$ продажной цѣны в год; особенно сильное отчужденіе земель наблюдалось в неурожайном 1899 году... Изслѣдованіе Министерства Финансов о судьбѣ досрочно выкупленных крестьянских надѣлов, произведенное в 1890 году, давало новый настараживающій матеріал. Оказалось, что среди 579.276 десят. крестьянских земель, досрочно выкупленных (по 165 статьѣ положенія о выкупѣ), к 1890 г. ушло от прежних владѣльцев 122.517 десятин, т. е. 21 %... Памятны также тѣ ограниченія свободной мобилизаціи земель, которыя оказались необходимыми послѣ трех лѣт примѣненія Столыпинскаго указа от 9 ноября 1906 года... «Свободная собственность сплошь и рядом роковым образом уходит из рук: нужда, неразуміе, порочность, спекуляція влекут к отчужденію земли и тѣм зачастую повергают в нужду как наличную семью владѣльца, так и послѣдующія поколѣнія» (А. И. Чупров). А всѣ эти факторы обезземеливанія, горькая нужда — в особенности в послѣбольшевицком періодѣ — будут дѣйствовать с небывалою силою.

Основная задача всѣх доводов у національзаторов — доказать обязательность таких земельно-правовых норм, «которыя оградят русское крестьянство от обезземеливанія» и «дадут возможность наибольшему количеству русских крестьян устроиться на землѣ» (Бунаков). Средство для этого — національзація земли, связанная с ея изъятіем из купли-продажи-залога.

Нам не только понятна, но и близка тревога національзаторов. Возможность массоваго обезземеливанія русскаго крестьянства в

*) «Четвертные» крестьяне или однодворцы владѣли землей на началах полной собственности.

**) Часть Бессарабіи, отошедшая к Россіи по Берлинскому трактату 1878 года; закон 1893 года о неотчуждаемости крестьянских надѣлов не был распространен на этот кусочек Россіи.

условіях свободнаго земельнаго оборота нельзя не признать реальной и грозной. С ней не считаться, закрывать глаза на нее — это дѣйствительно «почти преступленіе», под которым лежит легкое увлеченіе чужими образцами — наша старая и скверная болѣзнь, занесенная вмѣстѣ с реформами Петра.

Понятна и близка нам и задача націонализаторов — привлечь к землѣ возможно большее количество народнаго труда, поскольку он не может быть примѣнен в других сторонах и отраслях народнаго хозяйства.

И, однако, позиція націонализаторов — не наша. Она — слаба, ибо недостаточна для цѣли, которую ея защитники сами провозглашают — для усиленія производительности всего народнаго труда, для подъема всего народнаго дохода. Мы яснѣе и полнѣе поймем ея недостаточность, если ознакомимся с доводами «собственническаго направленія».

«Собственники» указывают ряд задач, стоящих перед земельной политикой и осуществимых, по их мнѣнію, только при введеніи института частной собственности. Во-первых, колонизація обезлюднѣвших раіонов. Она требует средств на переѣзд переселенцев и на их обзаведеніе на новом мѣстѣ всѣм необходимым для веденія хозяйства. Откуда прибудут эти средства? Их может дать лишь продажа земли переселенцами на их прежнем мѣстожительствѣ и кредит под залог земель на мѣстѣ поселенія. Нищее государство и нищіе органы мѣстнаго самоуправленія средств, необходимых и достаточных для финансированія колонизаціи, выдѣлить не могут.

Во-вторых, Россіи необходимы мелиораціи земель. Для их осуществленія необходим кредит, а для послѣдняго — его обезпеченіе. Достаточное обезпеченіе может доставить только залог меліорируемых земель. Право залога предполагает частную собственность.

В третьих, существуют задачи, которыя непосильны мелким крестьянским хозяйствам и требуют хозяйств укрупненных. Сюда относятся задачи снабженія городов молоком, снабженіе заводов сахарной свеклой, выведеніе лучших пород скота и сѣмян. «Но если такія народно-хозяйственныя задачи существуют, то рѣшеніе их несовмѣстимо с ограниченіями по концентраціи крестьянской земли» *).

Народно-хозяйственныя задачи укрупненных хозяйств Н. П. Огановскій дополняет новой — снабженіем рынка зерном. До войны зерно поставлялось по преимуществу многопосѣвными крестьянскими дворами, наиболѣе распространенными на юго-востокѣ. Они попрежнему сохранились там в больших количествах, чѣм в других, болѣе густо заселенных районах. «Можно поэтому ожидать, что с развитіем вновь рыночных отношеній возрожденіе относительно многопосѣвных крестьянских хозяйств на юго-востокѣ пойдет большими шагами вперед, тѣм болѣе, что обиліе пустующих земель (особенно в бывших владѣльческих помѣстьях) вполнѣ допускает такое расши-

*) Три этих довода указаны *Б. Д. Бруцкусом* в статьѣ «О крестьянской земельной собственности» («Послѣднія Новости» от 21 сентября 1923 г.)

реніе» *). И Огановскому представляется, что «для развитія рыночных отношеній на экстенсивном юго-востокѣ возстановленіе крупно-крестьянских хозяйств является необходимым условіем» *).

Послѣдній положительный довод «собственников» указан С. Н. Прокоповичем: «нужно облегчить выход из деревни тѣм безземельным элементам, которые получили в 1917—19 годах землю, но которые не в состояніи организовать на ней хозяйство. Этот чрезвычайно вредный балласт должен быть скинут с деревни. Правительственная регулировка этого дѣла невозможна. Легче всего эту операцію произвести путем предоставленія крестьянам права продажи своих земельных участков. Эта мѣра произведет естественный отбор жизнеспособных крестьянских хозяйств и сильно повысит общую производительность сельскаго хозяйства» **).

Послѣднее замѣчаніе вводит нас в основной мотив тѣх возраженій, которые «собственники» предъявляют національзаторам. Этот мотив — в тревогѣ за производительность сельскаго хозяйства и в заботах о ея подъемѣ. Во имя него «собственники» настаивают на институтѣ единоличной частной собственности на землю. Он должен помочь болѣе полному освоенію пустующих земель, болѣе сильному притоку капиталов в крестьянское хозяйство, удовлетворенію всѣх производственных задач сельскаго хозяйства и, наконец, облегчить теченіе того процесса отбора крестьянских хозяйств, который неизбѣжен и желателен и выражается как в перегруппировкѣ хозяйств и хозяев, так и в обезземеливаніи части полѣдних.

Идейная борьба обоих направленій не прекращается. «Подспудно» и полуоткрыто она идет в Россіи, в эмиграціи ея отраженіе мы читали в отчетѣ о преніях по докладу А. С. Орлова в Русском Экономическом Обществѣ в Лондонѣ, она — в статьях Бунакова в газетѣ «Дни», в статьях автора передовых, Загорскаго, Прокоповича и Бруцкуса в «Послѣдних Новостях», она — у Чернова в «Революціонной Россіи»; продолженіе ея — в новой статьѣ Орлова***), которая явилась повтореніем его доклада на съѣздѣ русских с.-х. дѣятелей в Прагѣ. Послѣдняя статья убѣдительно доказывает, что достаточный долгосрочный кредит при посредствѣ государства может быть создан и в условіях національзаціи земли. Обезпеченіем кредита в этом случаѣ будет служить д о х о д с земли заемщика. При неуплатѣ процентов роста и погашенія по долгу, государство имѣет право отобрать от неисправнаго плательщика землю и передать ее новому лицу.

Автор статьи прав, придавая вопросу о кредитѣ, как аргументу «за» или «против» различнаго земельнаго права, большое значеніе. Мы поэтому считаем полезным нѣсколько задержаться на статьѣ, которая отвѣчает на один (к сожалѣнію, только на один!) из доводов «собственников» против національзаціи. Ограничимся только двумя критическими замѣчаніями и констатированіем двух положеній.

*) Очерки по экономической географіи Р. С. Ф. Р. Часть I. Сельское хозяйство. Стр. 233—235.

**) «Послѣднія Новости» от 17 августа 1923 г. Статья «Пора».

**) «С.-х. кредит при земельной національзаціи земли», «Современныя Записки», 20 книга, 1924 г.

В первом из замѣчаній отмѣтим ограниченіе путей, которыми может идти к крестьянскому хозяйству приток средств со стороны. При національзаціи, как указывает это и сам автор, имѣется только один канал через государство, ибо только оно одно располагает правом владѣнія землей. Кредитованіе под обезпеченіе доходом с земли крестьянин не может получить от отдѣльных лиц, частных и общественных банков, от кооперативно-кредитных учрежденій и т. д. Между тѣм, в условіях земельнаго оборота, кредит, обезпеченный землей, получается крестьянским хозяйством по преимуществу через эти, автором отвергнутыя, каналы. Финансово истощенное и организаціонно-расшатанное государство Россіи должно принять, по проекту автора, исключительно на себя заботу, которую оно не несет в других странах при болѣе благопріятных условіях. Неудивительно, что в преніях в Русском Экономическом Обществѣ в Лондонѣ этот пункт привлек к себѣ вниманіе оппонентов. Ю. А. Павловскій заявил кратко: если «крестьянин должен опираться на кредит государственный... (то) это дѣло для хозяина пропащее, особенно при современном положеніи русских финансов». М. В. Брайкевич развил этот довод. «Обезпеченіе капитала, нужнаго для возстановленія сельскаго хозяйства достигается гораздо легче при «собственности». При «пользованіи» (землей) единственным средством притока такого занимаемаго заграницей капитала будет кредит государства. Можно с увѣренностью сказать, что приток этим послѣдним путем будет чрезвычайно невелик и, во всяком случаѣ, медленен. В этом вопросѣ слѣдует считаться с психологіей возможнаго денежнаго рынка... который, вообще говоря, охотнѣе вкладывает свои сбереженія в индустріальныя дѣла, чѣм в сельско-хозяйственныя, в акцію, чѣм ипотеку, в займы частным лицам и общественным учрежденіям, кооперативам и т. д., по сравненію с государственными. Между тѣм, именно в быстротѣ вливанія свѣжаго капитала в производственную базу с.-х. лежит весь успѣх повышенія россійскаго національнаго дохода и возстановленія — хозяйственнаго и государственнаго — Россіи» *).

К этому можно еще прибавить указаніе на новый и для денежнаго рынка непривычный способ обезпеченія, который государство должно будет предложить своим кредиторам, занимая деньги для финансированія русскаго сельскаго хозяйства. Настороженность и недовѣріе международнаго денежнаго рынка к кредитоспособности истощенной страны будут еще болѣе усиливаться непривычной формой обезпеченія. Фактор, имѣющійся у русскаго хозяйства в остром минимумѣ, и потому наиболѣе важный среди всѣх остальных, будет усиливаться с гибельной медленностью.

Послѣ статьи А. С. Орлова мы, повидимому, должны признать, что организація долгосрочнаго кредита, обезпеченнаго землей, возможна и при національзаціи ея, но должны сказать также, что успѣх на пути національзаторов будет и меньше, и отдаленнѣй. Довод «собственников», связанный с кредитом, поколеблен, но не уничтожен.

---

*) «Записки Русскаго Экономическаго Общества в Лондонѣ», № 9, стр. 3368—69.

Отмѣтим, уже в порядкѣ констатированія, еще два положенія разбираемой статьи. Первое: положительное значеніе и неизбѣжность обремененія долгами земли, как способ вызвать повышенный приток средств в мелкое хозяйство, націонализаторами признается. В примѣненіи к русским условіям падает, таким образом, один из доводов против земельнаго оборота, постоянно использовавшійся в Россіи сторонниками «крестьянскаго» земельнаго права. Еще в 1908 году А. И. Чупров приводил его, как вѣскій аргумент в пользу этого права, и как сильное возраженіе против распространенія на крестьянскія земли права «дворянскаго», т. е. права продажи-купли-залога.

Второе замѣчаніе в том, что націонализація земли, если под обезпеченіе ею организовывать кредит, также не исключает обезземеливанія крестьянства: неисправность в уплатѣ долговых обязательств, лежащих на землѣ, ведет вѣдь к ея «отъему» от прежняго владѣльца и к ея передачѣ в новыя руки.

Обезземеливаніе может быть массовым, когда стихійныя несчастія (паденіе скота, болѣзни людей, градобитіе, наводненіе, неурожай хлѣбов, неурожай трав в районах развитого скотоводства, нашествіе саранчи и т. д.) захватят обезсиленное крестьянское хозяйство на пространствѣ больших районов. В этом случаѣ государство или поступит как безпощадный кредитор и отберет задолженную землю у всѣх, кто не выполнил долговых платежей, или сдѣлает пересрочку крестьянских платежей, изыскав средства из иных источников, чтобы выполнить свои обязательства перед заграничными кредиторами. В обоих случаях націонализація земли нисколько и ни в чем не мѣняет положенія дѣл, которое было-бы и при частной собственности на землю. Если государство хочет и может поддержать земельныя отношенія, которыя существуют при частной земельной собственности, оно в случаях стихійных бѣдствій придет с кредитной помощью к населенію пострадавших районов; если оно этого не сможет или не захочет сдѣлать, произойдет неминуемое и массовое обезземеливаніе — такое же, как и при націонализаціи земли, когда государство не пересрочит платежей населенію, попавшему в хозяйственную бѣду и потому неплатежеспособному.

Так, признаніе важности и неизбѣжности кредитованія крестьянскаго хозяйства под обезпеченіе землей (доходом с земли) лишает націонализаторов двух родов оружія. Одним из них они защищали свои позиции прежде, другим — защищают теперь. Второй род оружія, как мы видѣли, является для них самым важным. Допустив обремененіе земли долгами, современные націонализаторы вынуждены признать и возможность отчужденія ея за долги, а слѣдовательно, тот же риск обезземеливанія, какой существует и при частной земельной собственности.

Дверь для обезземеливанія націонализаторы открывают и другим пунктом своей земельной программы — арендным оборотом. Он, как мы уже отмѣчали, допускается, повидимому, в широких размѣрах. Но это не та временная и случайная аренда, которая признавалась эсеровской соціализаціей земли и должна была отражать лишь преходящую неспособность крестьянскаго хозяйства справиться с обра-

боткой всей его земли. Аренда современных націонализаторов — явленіе широкое и органическое. Она должна явиться почвой и способом для той неизбѣжной перегруппировки хозяйств, которая непрерывно происходит в реальной жизни. Перемѣны в составѣ крестьянской семьи, перераспредѣленіе населенія между различными занятіями, преобразованіе организаціонно-производственнаго типа крестьянскаго хозяйства — всѣ эти факторы перегруппировки хозяйств, мѣняющіе границы земельных владѣній, должны проявляться при посредствѣ земельных передвижек в формѣ аренды. На такой новый и широкій смысл послѣдней указывает то мѣсто в статьѣ Орлова, которое было приведено выше: там автор считает аренду столь-же легкой и удобной формой для «консолидаціи жизненно-средних хозяйств», как и купля-продажа. Причем, эта аренда, очевидно, может быть длительной, ибо к ней прибѣгают лица, которыя «бросают» свою землю, уходя в города и промышленность.

«Собственники» еще не обратили вниманія на это возведеніе аренды в постоянную норму земельных отношеній при націонализаціи земли. Если бы вниманіе было проявлено, «собственники» имѣли бы всѣ основанія для твердаго и рѣшительнаго протеста против такой аренды, ибо она рѣзко противорѣчит задачѣ полнаго и хозяйственнаго использованія производительных сил земли.

Хозяйствованіе на арендованной землѣ всегда ниже и хуже, чѣм на собственной или на землѣ вѣчно-наслѣдственнаго пользованія. Разница тѣм меньше, чѣм аренда длиннѣе, но она остается всегда. Она существовала и была очень выпукла в русской жизни. Ее вскрыла с.-х. анкета 1892 г. во Франціи. Особенно обильный матеріал для такого утвержденія дают американскія изслѣдованія и наблюденія. Помѣщенная ниже статья Н. В. Быстрова *) приводит часть из них. Нужна очень большая привычка населенія к институту аренды, долгая практика в пользованіи им и хорошо разработанное арендное законодательство (Англія, повидимому, дает такой случай), чтобы использованіе временно-арендуемой земли приблизилось к использованію земли собственной или вѣчно-наслѣдственнаго пользованія. В условіях русской жизни на такое приближеніе нельзя расчитывать долго.

Против аренды в пониманіи Орлова должно предъявить и другой довод — со стороны направленія, к которому принадлежит сам Орлов. Широко развитыя арендныя отношенія, если их не будет регулировать государство, не менѣе вѣрный и быстрый способ обезземеливанія «упалаго» крестьянскаго хозяйства, живущаго в условіях недостаточнаго или недоступнаго кредита, чѣм купля-продажа. Если же аренда будет находиться под бдительным надзором государства и регулироваться им, то, во-первых, непонятно и ничѣм неоправдываемо при націонализаціи арендное использованіе земли при полном разрывѣ ея держателя с нею; во-вторых, с таким же успѣхом государство может регулировать и земельный оборот в порядкѣ купли-продажи.

---

*) См. в отдѣлѣ «Из печати и жизни» статью «Сельскія проблемы Америки».

Вниманіе націонализаторов сосредоточено, таким образом, на соціальной сторонѣ земельных отношеній; они законно боятся широкаго обезземеливанія и потому хотят сдѣлать землю юридически прикрѣпленной к ея держателям и несвободной; во имя этих выгод они или недостаточно считаются с производственными интересами сельскаго хозяйства, или, считаясь с ними, попадают в противорѣчіе со своим руководящим мотивом.

Собственническое направленіе все свое вниманіе отдает, наоборот, производственным заботам и потому или не склонно вовсе считаться с соціальными послѣдствіями свободнаго земельнаго оборота в русских условіях, или считается, но недостаточно. В результатѣ этого забвенія или полувниманія, соціальныя послѣдствія их программы, осуществись она, больно ударят и по народно-хозяйственному доходу страны. Народный доход от сельскаго хозяйства в Россіи, конечно, не выиграл бы, а проиграл, если бы, напр., С. Н. Прокопович был способен послѣдовательно идти в осуществленіи требованія, им выставленнаго «всѣми мѣрами» *) (курсив Прокоповича) облегчить процесс образованія крѣпких трудовых хозяйств западно-европейскаго образца, с земельной площадью «напримѣр, от 60 до 120 десятин на хозяйство». С. О. Загорскій не хочет даже и такого ограниченія. Для него — свобода земельнаго оборота, так уж свобода. Если капиталистическій строй, так уж полностью — со всѣми послѣдствіями и без всяких ограниченій **).

Мы считаем необходимым взять сильные элементы обоих направленій и отбросить их слабыя стороны.

Мы принимаем формулу Бунакова: такія нормы земельнаго права, которыя «оградят русское крестьянство от обезземеливанія», но считаем необходимым внести в нее весьма важную поправку-дополненіе: и которыя дадут ему возможность вырабатывать из земли наибольшее количество увеличивающагося народнаго дохода. Земельно правовая норма, обезпечивающая наиболѣе полное удовлетвореніе этого требованія в сложившихся условіях русской жизни, — ограниченная частная собственность. Это — индивидуальная и групповая земельная собственность, начинающаяся с тѣх границ земельных владѣній, которыя Россія будущаго получит послѣ большевиков, и в своих дальнѣйших перемѣщеніях находящаяся под внимательным наблюденіем государства и регулируемая его земельной политикой.

Ограниченіе земельной собственности не может быть однообразным и раз на всегда данным. Оно должно быть подвижным в зависимости от перемѣн в состояніи народнаго хозяйства, от укрѣпленія крестьянскаго хозяйства и в особенности от степени насыщенности его потребностей в кредитѣ. Ограниченіе собственности в первые годы послѣбольшевицкаго періода не может не быть весьма жестким,

---

*) Это рѣшительное выраженіе ни к каким рѣшительным мѣрам, слава Богу, автора не привело. Дальше предложенія ввести в Россіи институт частной собственности на землю он не пошел.

**) См. статью в «Посл. Нов.» 24. 8. 1923 г.

постепенно слабѣя в дальнѣйшем. Разрѣшительный порядок при куплѣ, продажѣ и залогѣ земли в первые годы будет неизбѣжным. Впослѣдствіи он должен сокращаться в своем примѣненіи и из под его дѣйствія, послѣдовательно одна за другой, будут выходить коммерческія операціи, связанныя с частно-собственнической землей. В концѣ концов государство из всѣх ограничительных мѣр может сохранить за собой лишь право преимущественной покупки земель, законодательное регулированіе арендных отношеній и надзор за тѣм, чтобы земля не собиралась в однѣх руках свыше опредѣленных размѣров.

Наши доводы в пользу ограниченной частной собственности на землю и попытку опредѣлить вѣроятность ея появленія и укрѣпленія на русской почвѣ мы вынуждены отложить до другой статьи.

Сергѣй Маслов.

БОЯЗНЬ „МУЖИКА“

(С. Франк. «Из размышленій о русской революціи»)

Мы знаем, какую значительную роль в духовном развитіи Россіи, а слѣдовательно и в исторических судьбах наших, играла интеллигентская идеологія. Поэтому необходимо с большой внимательностью отнестись к тому новому сдвигу русской идеологической мысли, который ярче и глубже всего сказывается в писаніях наших религіозно-философских мыслителей.

Было бы ошибочно сводить свою задачу к выискиванію реакціонной устремленности в их писаніях, как это часто дѣлается, ибо такая полемика не затрагивает самаго ядра новой идеологіи и неизбѣжно становится мелкой и малоубѣдительной. Нам представляется болѣе важным провѣрить законность извѣстных выводов, к которым приходят отдѣльные представители этого теченія в той части, гдѣ можно опереться на доступный наблюденію матеріал, и вскрыть основныя причины, ведущія к своеобразному уклону их міросозерцанія.

В частности, нас близко затрагивает интересная статья С. Франка «Из размышленій о русской революціи»[1]). Его тезис о приходѣ к власти в лицѣ крестьянства «внутренняго варвара», несущаго с собою неизбѣжное сниженіе культуры, знаменует несомнѣнно сдвиг части русской интеллигенціи в ея отношеніи к народу.

Особенно близко затрагивает этот новый уклон интеллигентской мысли нас, ибо мы строим наше міросозерцаніе и общественное дѣланіе на прямо противоположном убѣжденіи: на вѣрѣ в творческія силы русскаго крестьянства и его культурно-созидательныя устремленія. Если тезис о «внутреннем варварѣ», каковым С. Франк склонен считать крестьянина, вѣрен, то наша работа, пролагающая путь к приходу этого «варвара», должна быть признана с точки зрѣнія національно-государственной, в лучшем случаѣ, политически непродуманной по своим послѣдствіям. Мы сами роем яму, в которую грозит вновь скатиться русская государственность. Уже в силу такой постановки вопроса мы не можем обойти молчаніем статьи С. Франка, по крайней мѣрѣ в той ея части, гдѣ она по мыслям соприкасается с нашей идеологіей.

---

[1]) «Русская Мысль», 1923, № 6—8, стр. 238—270. Для пониманія общаго построенія *С. Франка* имѣет значеніе недавно появившаяся статья его на близкую тему «Религіозно-историческій смысл русской революціи» в сборникѣ «Проблемы русскаго религіознаго сознанія», Берлин, 1924, стр. 286—324.

1

«Русская революція произведена мужиком» — вот одно из основных положеній статьи С. Франка. Не нам, конечно, отрицать безспорную роль крестьянства в русской революціи. Еще в № 1 сборников «Крестьянская Россія» мы оттѣнили наше пониманіе этой роли. Мы утверждали, что именно активная роль крестьянства опредѣлила соціальный характер революціи, а пассивное отношеніе к борьбѣ за политическую власть дало возможность захватить и утвердить ее сторонникам диктатуры пролетаріата[1]).

Но такое признаніе роли крестьянства в ходѣ русской революціи вовсе не оправдывает тезиса С. Франка, выставленнаго в общей и нерасчлененной формѣ. Правда, голая формула «русская революція произведена мужиком» выгодна в том отношеніи, что дает возможность вмѣнить «мужику» всѣ «преступленія» русской революціи. Мысль очень проста и в простотѣ своей соблазнительна: в конечном счетѣ революцію сдѣлал «мужик», слѣдовательно, и виноват во всѣх грѣхах революціи тот же «мужик». Но правильна ли, даже в послѣднем соціологическом обобщеніи, формула С. Франка?

Обращаясь к формулѣ «русская революція произведена мужиком» необходимо прежде всего отмѣтить ея двусмысленность. Эта двусмысленность больше всего связана с неясностью того, что слѣдует в ней понимать под словом «произведена». Есть-ли это только утвержденіе историческаго факта, или это дѣяніе, которое может быть вмѣнено в вину или заслугу «дѣятелю». П. Б. Струве очень вѣрно подмѣчает в статьѣ С. Франка эту возможность двоякаго отношенія к самому факту участія в революціи. Он склонен упрекать С. Франка в «фактопріятіи», в возведеніи в норму народной жизни того, что установлено в ней, как наблюденный факт. «Факты, самые непререкаемые — говорит он, — самые тяжеловѣсные, сами по себѣ, как факты, отнюдь не входят в «органическій» состав народной жизни, не образуют еще ея жизненной ткани и потому не могут ни в каком смыслѣ служить или быть признаваемы нормой для нея»[2]).

Оставляя в сторонѣ вопрос о справедливости упрека С. Франку в «фактопріятіи», отмѣтим только, что он вызван неясностью смысла, вкладываемаго в понятіе «произведена» в примѣненіи к дѣянію «мужика».

Если здѣсь утверждается просто факт, и это утвержденіе не идет дальше вскрытія причин, к этому факту приведших, мы имѣем одно пониманіе роли «мужика». В этом случаѣ перед нами «безсубъектный процесс», который «исключает личную отвѣтственность и... оцѣнку человѣческаго поведенія»[3]).

[1]) См. ст. «Старое и новое». «Крестьянская Россія» №1, стр. 100—101.
[2]) *П. Б. Струве.* «Познаніе революціи и возрожденіе духа». «Русская Мысль», № 6—8, стр. 306, 304.
[3]) Там же, стр. 305.

Установленіе роли «мужика» в прошлом при таком пониманіи не дает еще прав на выводы о будущем. Для этих выводов необходим дальнѣйшій шаг, который и дѣлает С. Франк в своей статьѣ. Он приписывает народной душѣ ей особо присущія свойства, которыя нашли выпуклое выявленіе в процессѣ революціи и продолжают оказывать свое воздѣйствіе на ход событій и далѣе. Эти свойства, по мнѣнію С. Франка, лежат в «духѣ самочинности», якобы органически «мужику» присущем. Такое приписываніе крестьянину особых свойств его духа дает С. Франку возможность уже не только утверждать факт вліятельнаго участія «мужика» в революціи, но и оцѣнивать характер этого участія в прошлом и заглянуть в будущее.

Здѣсь вступает в силу второе толкованіе понятія «произвел», имѣющее в виду не только утвержденіе факта, но и его оцѣнку, не только установленіе причин, но и обнаруженіе участников и виновников событій. И поэтому «мужик» призван к отвѣту за содѣянное им не в качествѣ простого и слѣпого участника стихійнаго процесса, а активнаго субъекта этих дѣйствій.

Несмотря на отвлеченную постановку вопроса С. Франком, он весьма близко подходит к такому вмѣненію русскому крестьянству преступленій русской революціи. Но об этом позже.

Другая неясность в формулѣ С. Франка лежит в многосмысленности понятія «мужик», которым он так охотно пользуется. Сошлюсь опять на уже упоминавшуюся статью П. Б. Струве. Он призывает в примѣненіи к вопросу о «дѣятелях» революціи пользоваться с большой осторожностью такими понятіями, как «народ» и «класс».

Сам П. Б. Струве стоит на той точкѣ зрѣнія, что «революція есть всегда умышленное дѣйствіе, предполагающее дѣятеля (дѣятелей) или субъекта (субъектов)». Но при этом, говорит он, «однако, всегда осторожно надлежит разыскивать и устанавливать субъекта или субъектов этих дѣйствій или тѣх дѣятелей, которым можно приписать или вмѣнить революцію... В этом отношеніи чрезвычайно опасным, по своей многосмысленности, является понятіе «народа», а также и «класса»[1]).

В понятіе «класса», если не имѣется в виду чисто формальное отграниченіе по соціальному положенію, всегда входит извѣстное соціально-психическое содержаніе. «Соціальное положеніе» или соціальная психика есть тот признак содержанія в логическом смыслѣ, с которым сопрягается извѣстный объем тоже в логическом смыслѣ, и так получается фигура «класса»[1]). Понятіе «класса» таким образом всегда до извѣстной мѣры условно и сопряжено с тѣм соціально-психическим содержаніем, которое в него вкладывается. Таже условность лежит в таких понятіях, как «народ» и «мужик».

Крестьянство, в русских условіях, оказалось в промежуточном положеніи между понятіем «народ» — с одной стороны, и «класс»

[1]) То же стр. 305.

— с другой. В силу чисто количественнаго охвата, его склонны весьма часто сближать с понятіем «народ», тѣм самым приписывая ему тѣ національно-психическія черты, которыя в нашем сознаніи условно связались с понятіем «народ». С другой стороны, в противопоставленіи таким категоріям, как «помѣщик», «рабочій» в нем выдѣляют сословно-классовыя черты[1]).

Может быть, послѣдній сдвиг в оцѣнкѣ крестьянства происходит главным образом потому, что бо́льшая его активность, как соціальнаго пласта, рѣзче выдвинула именно его классовыя черты. Тѣм самым сдѣлалось очевидным расхожденіе того, что принято было понимать под словом «народ» с тѣм, что нес с собою крестьянин, как представитель извѣстнаго класса. Мы слишком сжились с незаконным отожествленіем вполнѣ законнаго представленія о національно-государственном типѣ русскаго народа с реальным носителем этого идеальнаго образа — русским крестьянством.

При этом мы совершенно упускаем из виду, что несовпаденіе между реальным и идеальным вовсе не значит, что мы должны либо отказаться от нашего идеальнаго понятія народа, либо идеализировать реальнаго «мужика». И одно и другое ошибочно. Понятіе народа создавалось весьма сложным и вряд-ли до конца познаваемым путем. В нем очень трудно отдѣлить то, что внесено нашим наблюденіем и осмысленіем прошлаго от привносимаго нами идеала, но законность такого построенія нельзя отрицать, ибо без этого построяемаго понятія, нѣт пути к національно-государственному дѣланію[2]). Только во имя реализаціи всѣх заложенных в идеальном народѣ возможностей мыслима борьба за его лучшее будущее.

В нашем прошлом, вслѣдствіе отожествленія народа с крестьянством, мы были грѣшны в излишней идеализаціи послѣдняго, в приданіи ему черт идеальнаго образа русскаго народа. Теперь мы впадаем в противоположную крайность. Мы вносим в понятіе «народа» черты, заимствованныя из нашего представленія о реальном «мужикѣ». Отсюда возможность столь противоположных формул, как «народ-богоносец» и «внутренній варвар».

В основѣ такого перелома в конечном счетѣ лежит оцѣнка роли крестьянства в трагических событіях послѣдних лѣт. Раз

[1]) Об опредѣленіи крестьянства, как соціально-политической группы, см. *С. С. Маслов* «К вопросу об общественном положеніи крестьянства». «Кр. Р.», № 5—6, стр. 103—104.

[2]) «В сущности «народ», как категорія національно-политическая или публицистическая, есть всегда какая-то задача или заданіе, нѣкое долженствованіе, какое-то требованіе, которое какіе-то «мы», во имя своего идеала, предъявляют к какому-то болѣе или менѣе опредѣленному «объему» или «кругу» человѣческих особей. В этом заданіи или требованіи могут быть в весьма различной степени выражены элементы «реальности», оно может быть в очень различной степени подслушано у жизни сегодняшняго дня или будущаго дня... «Народ» в живой исторіи есть всегда какое-то становленіе, всегда не только ряд совершившихся и необходимых фактов, но и ряд возможностей, ведущих от границы необходимости к предѣлам невозможности...» *П. Б. Струве*, «Русская Мысль», № 6—8, стр. 306.

ему приписана рѣшающая роль в направленіи этих событій, то оцѣнка его, как носителя опредѣленных психических черт, не может не быть рѣзко отрицательной. Привычка же отожествлять крестьянство с народом в таком случаѣ неизбѣжно приводит к безотрадному историческому прогнозу.

Поэтому для разрушенія такого умонастроенія необходимо во-1, уяснить — в каком смыслѣ утверждается, что «русская революція произведена мужиком» и, во-2, каковы тѣ «соціально-психическія» черты, которыя в этой концепціи связываются с «мужиком».

2

Конечно, и С. Франк понимает, что, кромѣ крестьянства, в революцію вложились и иныя силы. Но, по его мнѣнію, не эти силы явились рѣшающими. В другой формулировкѣ этой же мысли содержится уже извѣстное углубленіе в оцѣнкѣ роли крестьянства в революціи. «Русская революція по своему основному, подземному, соціальному существу есть возстаніе крестьянства, побѣдоносная и до конца осуществленная всероссійская пугачевщина 20-го вѣка» (стр. 246). Напрасно только автор внес в свое объясненіе «пугачевщину»; нельзя сложное соціальное явленіе объяснять другим сложным явленіем и требующим в свою очередь объясненія. Печатаемая выше статья проф. А. А. Кизеветтера убѣдительно показывает, что в «пугачевщинѣ» участіе крестьянства вовсе не характеризуется тѣм психологическим понятіем, которое мы связываем с этим неопредѣленным термином.

Согласимся с тѣм, что революція по своему «основному, подземному, соціальному существу» связана с ролью в ней крестьянства. Однако, характер этой роли требует особаго разсмотрѣнія, и именно этим характером участія опредѣлятся тѣ или иные выводы о крестьянинѣ как соціальном и національном типѣ.

Совершенно правильно разграниченіе органическаго глубиннаго процесса революціи, который предопредѣляет собою, помимо человѣческих замыслов, ея ход и конечный исход, от поверхностных видимых дѣяній «руководителей» и «участников». Но для «индивидуальнаго» теченія событій, для путей, по которым они идут к опредѣленному исходу, имѣют не малое значеніе и «замыслы» и «умыслы» дѣятелей революціи, а тѣм болѣе цѣлых групп и партій, в нее вложившихся. Поэтому, особенно для современников, оцѣнка историческаго событія, даже самая углубленная, невольно опредѣляется этой поверхностной ролью видимых сил, а не органическими, послѣдними причинами его. И даже тогда, когда опредѣляющіе факторы правильно вскрыты, в их оцѣнку привходит нерѣдко то, что по существу должно быть отнесено к этим внѣшним, в конечном счетѣ не столь существенным спутникам органическаго процесса. Именно этим часто объясняется незаконное внесеніе эмоціональной окрашенности

и моральной оцѣнки в сужденія об органических процессах исторіи.

Хотя С. Франк в своей статьѣ пытается стать на органическую точку зрѣнія в оцѣнкѣ событій, в чем его между прочим упрекает П. Б. Струве, ему это не удается.

Он невольно переносит сужденія и оцѣнки, вызванныя поверхностным, но видимым током событій, на глубинные органическіе процессы.

Насколько С. Франк в своей статьѣ далек от пониманія этого органическаго процесса, дѣйствительно связаннаго с крестьянством, видно из того, что он совершенно обходит молчаніем вопрос о «землѣ», сыгравшій по признанію всѣх наблюдателей событій рѣшающую и опредѣляющую роль в русской революціи. На страницах той же «Русской Мысли», гдѣ напечатана статья С. Франка, эта роль «земли» нашла очень яркую формулировку в статьѣ «К познанію происшедшаго».

«Земельный передѣл, происшедшій в Россіи», говорит вдумчивый автор этой статьи, «это в сущности почти все, что произошло в Россіи, это начало, центр и конец революціи, это ея единственное содержаніе, это, наконец, ключ к пониманію всего происшедшаго, а слѣдовательно, в извѣстной мѣрѣ, к уясненію будущаго»[1]). К этому же выводу пришел и А. А. Кизеветтер: «Округленіе земельнаго фонда деревни — это центральный факт переживаемаго пароксизма... Мы не сомнѣваемся в том, что будущій объективный историк переживаемой нами теперь революціи, именно здѣсь, в этом пунктѣ нащупает исходную точку всѣх своеобразных особенностей этой революціи»[2]).

И вот этого главнаго, основного вопроса о землѣ — С. Франк вовсе не коснулся в своих размышленіях о революціи. Для него ея смысл в ином, в «стихійно-растительном процессѣ» демократизаціи Россіи, т. е., в оттѣсненіи дворянской Россіи приходящей ей на смѣну Россіей крестьянской. Отсюда его новая формула: «Русская революція по своему внутреннему соціально-политическому существу есть болѣзненный кризис острой демократизаціи Россіи — ни больше, ни меньше» (стр. 252).

Но при таком пониманіи послѣдних основ революціи совершенно теряется специфическая роль крестьянства в ней. Вѣдь тяга к «демократизаціи», под которой С. Франк понимает «процесс проникновенія низших слоев во всѣ области государственно-общественной жизни и культуры и переход их из состоянія пассивнаго объекта воздѣйствія в состояніе активнаго субъекта строительства жизни» — присущи далеко не одному крестьянству и, может быть, крестьянству менѣе, чѣм требовало бы его благо и благо государства, в котором оно составляет подавляющее большинство.

[1]) *Z.* «К познанію происшедшаго» «Русская Мысль», 1923 г. № 3—5, стр. 232.

[2]) *А. Кизеветтер.* «Крестьянство в исторіи Россіи». Кр. Р., № 2—3, стр. 13.

Теперь понятно, что в ходѣ мыслей С. Франка совершенно исчезает и другой двигатель революціи — городской пролетаріат. Трудно себѣ представить, как, говоря о революціи, можно обойти молчаніем роль городского пролетаріата, наиболѣе активнаго и спаяннаго участника событій. И однако, в схему С. Франка он вовсе не укладывается, или вѣрнѣе, сливается в том общем потокѣ, который в одном мѣстѣ он называет «великим и побѣдоносным бунтом рабов».

Не так легко скинуть со счетов третьяго участника и «дѣятеля» революціи — ея мозг, русскую интеллигенцію. Но и над нею автор продѣлывает довольно смѣлую операцію.

Прежде всего он незаконно суживает объем этой группы, сведя ее только к одной категоріи «интеллигенціи, усвоившей атеистическо-революціонное соціалистическое міросозерцаніе». Так уж повелось в послѣднее время забывать весьма значительную роль русской интеллигенціи (в прежнем пониманіи этого слова) в исторіи русскаго революціоннаго движенія. Весьма досадно, что это значеніе приходится теперь напоминать тѣм, кто занимал в ней не послѣднее мѣсто. Вѣроятно, именно этим вызвано не весьма тактичное, но кое-что освѣжающее в памяти воспроизведеніе одною из эмигрантских газет выдержек из старых журналов, отнюдь не соціалистическаго и атеистическаго направленія.

Обкарнав так интеллигенцію, С. Франк признает, что «интеллигентская доктрина соціализма повинна в особенно болѣзненном и уродливом протеканіи революціи» (стр. 249). Тѣм самым, он как бы снимает часть вины с крестьянства, перекладывая ее на «соціалистическую» интеллигенцію. Но послѣдняго вывода С. Франк явно не хочет, и чтобы избѣжать его, создает новое пониманіе русской интеллигенціи. По мнѣнію С. Франка, «в уясненіи пафоса общественнаго настроенія русской интеллигенціи мы долго заблуждались. Слишком много вниманія было удѣлено моменту любви, состраданія к низшим, обездоленным; образ кающагося дворянина слишком заслонил собою гораздо болѣе основной и доминирующій образ озлобленнаго разночинца» (стр. 250). К интеллигенту-разночинцу автор питает явно выраженную антипатію. В характеристикѣ его он не жалѣет ярких красок. «Из книг, из западнаго вліянія», говорит он, «этот тип желчевика-нигилиста воспринимал лишь то, что шло на потребу его чувства — всѣ упрощенно-отрицательныя, нигилистическія вліянія: позитивизм, атеизм, матеріализм, политическій радикализм — все, что можно найти бунтарскаго и разрушительнаго». В таком настроеніи автор, конечно, не мог вспомнить, что «измами» переболѣл кое-кто и из дворянской интеллигенціи, а наиболѣе ярким представителем бунтарства был Бакунин.

Обычному утвержденію об «оторванности» интеллигенціи от народа должно противопоставить, по мнѣнію С. Франка, другое положеніе, болѣе отвѣчающее дѣйствительности: русская интеллигенція явленіе глубоко-народное, отразившее в себѣ основ-

ныя черты народнаго духа. Он так и говорит: «Революціонная интеллигенція 19 вѣка это — авангард народных масс, с годами все растущая и накопляющаяся группа смѣльчаков и зачинателей, в которой раньше и острѣе, чѣм в толщѣ масс, обнаружились наростающія в народном сознаніи стремленія».

Такое пониманіе интеллигенціи не случайно, об этом свидѣтельствует статья другого виднаго представителя того-же религіозно-философскаго теченія, Л. Карсавина. В статьѣ «О сущности православія» он между прочим говорит: «Русская интеллигенція (включая в нее и полуинтеллигенцію, к которой необходимо отнести подавляющее большинство русских соціалистов, и, в частности, всѣх идеологов большевизма) являлась и является типичною выразительницею русскаго народа в его цѣлом. Она раскрывает, актуализирует потенціи народнаго сознанія, которыя без нея нам трудно было бы уловить и понять. По ней и лучше и полнѣе всего можно судить о народной душѣ и народной религіозности»[1]).

Таким образом переброшен мост от интеллигенціи к народу, и задача С. Франка в дальнѣйшем значительно облегчается. Интеллигенція «по своему соціальному, бытовому и образовательному уровню стояла гораздо ближе к низшим слоям, чѣм к господствующему классу». Она страдала тѣми же грѣхами, что и народ, только в болѣе остро выраженной формѣ. Поэтому «она первая подняла знамя бунта и явилась авангардом того нашествія внутренних варваров, которое пережила и переживает Россія». При такой концепціи дѣйствительно единственно подлинным субъектом революціи является «мужик», ибо он собою покрывает все: и рабочаго, и интеллигента. Достаточно уяснить себѣ его внутреннюю сущность, основные стимулы его поведенія, чтобы вскрыть конечный смысл русской революціи.

3

Кокое же «соціально-психическое» содержаніе связывает С. Франк с понятіями «мужик»?

Он прежде всего широко пользуется нерасчлененностью этого понятія и охотно подмѣняет его далеко неравнозначным понятіем «народа», что дает ему возможность дѣлать широкія обобщенія. Обычный ход его аргументаціи таков: выводится извѣстное положеніе в отношеніи к «народу», а затѣм примѣняется к «мужику».

Основной процесс, совершившійся в народной душѣ, по мнѣнію С. Франка, может быть охарактеризован, как наростаніе «идеи безрелигіозной самочинности».

Однако, довольно трудно уяснить по статьѣ С. Франка, что он разумѣет под «самочинностью». С одной стороны, это нѣчто от дьявола, чуть-ли не «человѣкобожество» Достоевскаго. Неда-

[1]) Сборник «Проблемы русскаго религіознаго сознанія», Б. 1923 г. стр. 140.

ром, С. Франк полагает, что «нигилизм — невѣріе в духовныя начала и силы, в духовную первооснову общественной жизни — есть, — рядом и одновременно с глубокой религіозной вѣрой — коренное исконное свойство русскаго человѣка» (стр. 261). И уже совершенно в стилѣ Достоевскаго: «Русскій человѣк либо имѣет в своей душѣ истинный страх Божій, подлинную религіозную просвѣтленность — и тогда он являет черты величія и благости, изумляющія мір, — либо же есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не вѣрит и которому «все позволено». С другой, если спуститься с метафизических высот на землю, ничего, как будто, страшнаго в этой «самочинности» нѣт. Русская катастрофа была, по мнѣнію С. Франка, вызвана тѣм, что «вѣра» в устроеніе жизни через покорное подчиненіе благодѣтельно-опекающей власти постепенно исчезала и смѣнялась вѣрой в самоопредѣленіе и самодѣятельность, «стремленіем стать хозяином и распорядителем своей собственной судьбы» (стр. 248). Казалось бы, в таком стремленіи к «самочинности» народных масс нѣт ничего трагическаго. Однако, у С. Франка печать трагичности лежит рѣшительно на всем. В его міросозерцаніи «самочинность» (не случайно взято такое мудреное слово) неизбѣжно связана с «безчинностью», с оторванностью от всяких моральных и религіозных начал, с формулой Достоевскаго «если нѣт Бога, то все дозволено». Поэтому не случайно появляется у него сочетаніе «безрелигіозная самочинность».

Весьма показательно, для пониманія С. Франка в этом вопросѣ, его толкованіе паденія монархіи.

Подлинным фундаментом русской государственности, по мнѣнію С. Франка и далеко не его одного, была м о н а р х і я. Все остальное, «вся русская общественность и культура» была мужицкой Россіи чужда и непонятна. «Глубоко в нѣдрах исторической почвы, в послѣдних религіозных глубинах народной души было укрѣплено корнями — казалось, незыблемо — могучее древо монархіи; все остальное, что было в Россіи — вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура — произрастала из ея ствола и держалась только им; как листья, цвѣты и плоды — произведенія этой культуры висѣли над почвой, непосредственно с ней не соприкасаясь и не имѣя в ней собственных корней» (стр. 247).

Однако, нарастающая вѣра в самодѣятельность подрывала корни монархіи; идеал монархіи «медленно, но неудержимо угасал в народной душѣ, и на смѣну ему шла смутная, но острая тоска по народовластію, самоопредѣленію, по общественной автономіи». — «Монарх постепенно в глазах народа переставал возвышаться над противорѣчіями жизни, в качествѣ высшей, надсословной, религіозно-освященной инстанціи, и все болѣе сливался с самим порядком, с «властью господ», которую народ ненавидѣл и которой противостояла мечта о собственном, мужицком царствѣ» (стр. 248).

Не имѣет смысла сейчас спорить с этой излюбленной концепціей по существу. Укажу только, что своим остріем она направлена прежде всего в сторону тѣх, кто и сейчас еще видит единое спасеніе Россіи в возвратѣ монархіи. Процесс изживанія идеала монархіи зашел, очевидно, так далеко, что расчитывать на его возрожденіе не приходится[1]).

Однако, в данную минуту нас здѣсь мало интересует вопрос о монархіи сам по себѣ. Болѣе важно иное. Интересно, в чем С. Франк усмотрѣл катастрофичность этого процесса изживанія монархіи?

Вѣдь сам он подчеркивает, что шло медленное, но неуклонное наростаніе народной самодѣятельности. «Проникновеніе «мужика» — сначала в лицѣ его авангарда, а потом во все болѣе широких массах — во всѣ области русской общественности, государственной, культурной жизни, бытовая «демократизація» Россіи в этом смыслѣ есть, быть может, самый значительный и совершенно роковой, стихійный процесс, который совершался неудержимо и со всей растущей интенсивностью, по крайней мѣрѣ, с момента освобожденія крестьян» (стр. 252). Как же при таком медленном наростаніи «демократической» прослойки не создалось никакой опоры в народном сознаніи для того, что С. Франк называет «культурой»? Очевидно, в его представленіи либо все шедшее с низов сливалось с господствующими классами, «господами» и было одинаково ненавидимо народом, либо составляло «авангард» этих низов, нѣчто вродѣ атаманов казацкой вольницы, подрывавшей в свою очередь эту культуру[2]). Тогда понятно, что послѣ паденія монархіи оказалось пустое мѣсто. Таким образом, процесс паденія монархіи у С. Франка тѣсно связан с его представленіем о «мужикѣ», как носителѣ духа безчинства. Недаром русская революція ему рисуется «всемірной пугачевщиной начала 20-го вѣка».

Исходя из такого представленія, С. Франк с легкостью подмѣняет сложныя соціальныя отношенія начала XX в. элементарным противопоставленіем «господ» и «мужиков» времен пугачевщины. «Дѣленіе на «господ» и «мужиков» и соотвѣтствующія ему чувства сохранялись и в современной Россіи, по правовой своей формѣ уже давно безсословной и не-помѣщичьей», говорит автор (стр. 247). При этом характерно, что в отношеніях «мужика» к «барину» С. Франк видит только голое чувство ненависти, к досадѣ, вѣроятно, многих представителей помѣщичьяго класса,

---

[1]) Эту опасность взгляда о «выпаденіи идеи монархіи» из сознанія народа подмѣтил один из читателей «Русской Мысли», который, понимая все ея значеніе, стремится опровергнуть наблюденіе С. Франка (См. X. У. Z. «Из откликов читателей», № 9—12, стр. 365—367).

[2]) «Революціонная интеллигенція 19 вѣка», по словам С. Франка, «есть... явленіе того же порядка, как казацкая вольница послѣдних времен» (стр, 250).

не раз рисовавших патріархальную картину этих взаимоотношеній[1]).

Если даже для пониманія пугачевщины столь упрощенная схема мало дает, то еще менѣе плодотворно приложеніе ея к сложной соціальной обстановкѣ нашего времени. Но автор соблазнился упрощенной схемой «пугачевщины», ибо она отвѣчает его представленію об «идеалѣ самочинности», послѣдней двигательной силѣ революціоннаго процесса. Правда, в переводѣ на болѣе жесткій язык публициста, гдѣ он выступает за спиной ученаго философа, «самочинность» замѣняется «исконным мужицким чувством вражды к барину», а тяга к демократизаціи — «стремленіем к дѣлежу буржуазнаго богатства», но вѣдь такое упрощеніе терминологіи только ближе подводит нас к его пониманію народной души.

Таким образом, революція по своему внутреннему устремленію была антидворянским движеніем, послѣдней ея цѣлью было «уничтоженіе ненавистных господ». Этим опредѣлился ея бунтарскій разрушительный характер.

Взяв из классической формулы «борьба за землю и волю» лишь вторую ея часть, и то в формѣ «бунтарства», С. Франк совершенно просмотрѣл одну чрезвычайно характерную черту русской аграрной революціи — ея направленіе в сторону имущества, а не личности. «Положительно ни одна соціальная революція в мірѣ не произошла так глубоко мирно и безкровно, имѣя своим объектом почти исключительно имущество, а не личности, как русская», вот вывод, к которому пришел один из наиболѣе вдумчивых наблюдателей ея послѣ близкаго соприкосновенія с революціонным процессом в деревнѣ; цѣнность этого взгляда увеличивается принадлежностью автора к классу, непосредственно пострадавшему от революціи[2]).

Этому утвержденію отнюдь не противорѣчит кровавый характер революціоннаго движенія в цѣлом. Он может быть отнесен на счет крестьянства в весьма малой степени. «Всѣ неисчислимыя злодѣянія, которыя совершены в Россіи с 1917 года — говорит тот же наблюдатель — были совершены в первый період в городѣ и на фронтѣ, а во второй повсемѣстно, но уже отнюдь не тѣм, кого захватила революція, а тѣм, кто ее захватил. Девять десятых жертв подлинно кровавой революціи приходится на то время, когда крестьянство уже было не ея творцом, а объектом»[3]).

Но такое расчлененіе революціи и ея факторов вовсѣ не в духѣ философских размышленій С. Франка. Его «мужик» также далек от реальнаго крестьянина, как «пугачевщина» от пережитой

[1]) Уже упоминавшійся мною автор письма в «Русскую Мысль» очень больно воспринял утвержденіе С. Франка о «ненависти» мужика к барину. В опроверженіе этого положенія автор приводит ряд случаев «человѣческаго» отношенія крестьян к помѣщикам. Боимся, что так построенная защита болѣе свидѣтельствует об отношеніи «барина» к «мужику», чѣм обратно.

[2]) Z. «К познанію происшедшаго», «Р. М.», № 3—4, стр. 242.

[3]) То же, стр. 242.

нами революціи. Глубокій соціальный процесс, лежащій в основѣ послѣдней остался ему совершенно чужд. Ея трагичность свелась к факту прихода на смѣну старой «дворянской Россіи» новой — «мужицкой». В лик этой невѣдомой «мужицкой Россіи» С. Франк пытается заглянуть.

4

Откуда же столь необычайно напряженное чувство трагичности при осознаніи факта прихода «мужика»? Говоря о нем, С. Франк находит для его оцѣнки исключительно взволнованныя слова. «Для людей, неотуманенных ложными и смутными демократическими идеями и умѣющих понимать конкретную дѣйствительность, совершенно очевиден глубокій трагизм этого факта», говорит он[1]).

Трагизм С. Франка неизбѣжен, если признать правильным его общую историческую концепцію. Воспроизведем ее: «Старая дворянская Россія, постепенно старѣвшая и умиравшая, начиная со второй половины 19 вѣка, и потому постепенно отступавшая перед натиском мужицкой Россіи, нынѣ окончательно умерла, и взамѣн ея созрѣвает и слагается мужицкая Россія». Вмѣстѣ с дворянской Россіей уходит в безвозвратное прошлое и культура старой Россіи. Здѣсь автор дѣлает роковой для всей его системы шаг: он отожествляет «русскую культуру» с «дворянской Россіей». — «В общем и цѣлом за немногими исключеніями — утверждает С. Франк — дворянская Россія за послѣдніе два вѣка была тождественна с русской культурой». Раз «дворянская Россія» и «русская культура» друг друга покрывают, то невольно становится жутко, вмѣстѣ с автором. Вѣдь «дворянская Россія — это есть Россія Пушкина и Тютчева, Толстого и Достоевскаго, Глинки и Чайковскаго, Россія славянофилов, Чаадаева и Герцена. И эта Россія теперь умерла, и на смѣну ей идет только что зарождающаяся, еще невѣдомая мужицкая Россія» (стр. 252). А что представляет из себя эта идущая на смѣну «мужицкая» Россія успѣл уже показать ея герой — «мужик», который оказался во власти «безрелигіозной самочинности». Ничего хорошаго от него ожидать не приходится.

Отсюда появленіе в статьѣ С. Франка глубоко оскорбительнаго для національнаго сознанія сравненія прихода «мужика» с нашествіем внутренняго варвара. Вот подлинныя слова автора: «Этот процесс стихійной демократизаціи Россіи может быть охарактеризован, как нашествіе внутренняго варвара» (стр. 253). Только совершенно запуганное воображеніе могло вызвать к жизни образ «внутренняго варвара» в примѣненіи к своему родному народу.

Как бы тонко не обставлял С. Франк это сравненіе, приводя его в аналогію с нашествіем внѣшних варваров на античный мір, глубоко оскорбительный смысл этого образа ничѣм неизгладим.

---

[1]) Стр. 252. Подчеркнуто автором.

Вѣдь видѣть в стихійной демократизаціи Россіи приход внутренняго варвара значит утверждать, что русскому народу совершенно чужда и враждебна русская культура, что вѣка культурно-государственнаго строительства прошли внѣ всякаго участія с его стороны. Какими фактами С. Франк может подтвердить положеніе, что уровень духовной и общественной культуры Россіи явно падал, по мѣрѣ ея демократизаціи, т. е. проникновенія не-дворянскаго элемента в общественно-государственную среду. А он имѣет смѣлость это прямо утверждать. «Если даже медленный процесс отступленія и угасанія дворянской Россіи и продвиженія и наростанія разночинско-мужицкой Россіи сопровождался явственным упадком уровня духовной и общественной культуры, то чѣм грозит нам наступившій мужицкій потоп!» трагически восклицает С. Франк[1]). Отвѣт при таком умонастроеніи неизбѣжен. Послѣдовательность требовала бы только признанія, что эпоха расцвѣта русской культуры тѣсно связана с крѣпостным правом, и его отмѣна была первым ударом по нашей культурѣ.

Итак, мы входим в сташную эпоху. Под напором «дикой мужицкой стихіи» рушится самое цѣнное — русская культура. Поневолѣ автором овладѣло чувство трагичности.

Правда, он спохватывается, но нѣсколько поздно; и так неубѣдительно звучат его робкія попытки самоутѣшенія.

С. Франк напоминает, себѣ и нам в утѣшеніе, что «нашествіе варваров на культуру есть одновременно распространеніе культуры на мір варваров; побѣда варваров над культурой есть в конечном счетѣ все же побѣда сохранившихся от катастрофы остатков этой культуры от варваров» (стр. 253). Для спасшихся от погрома остается благодарная задача: возможное охраненіе и сбереженіе от разрушенія стараго культурнаго наслѣдія, чтобы им «оплодотворить новый личный матеріал для грядущей эпохи русской культуры».

Далѣе С. Франк вынужден оговориться: «несмотря на безспорность дворянскаго характера всей новой русской культуры», все же «культура по существу есть продукт національнаго генія, генія народа, как одной духовной субстанціи. Пушкин и Достоевскій суть обнаруженія не только дворянской культуры, но прежде всего, русскаго духа» (стр. 254). Кстати, приходится за одно уж и вспомнить, что в русскую культуру внесено кое-что и «мужиком»; правда признаніе это дѣлается в весьма скромной формѣ. «С другой стороны — говорит автор — не-дворянская, отчасти даже прямо мужицкая Россія, уже дала нам Ломоносова, Кольцова, Сперанскаго, Гл. Успенскаго, Вл. Соловьева» (стр. 254).

Начав столь трагически, автор вдруг точно сам испугался своих выводов. И вмѣсто плача на развалинах русской культуры неожиданно появляется нота вѣры в ея будущее. «При всей опа-

[1]) Стр. 253. Подчеркнуто мною. *А. О.*

сности того духовнаго кризиса, который переживает Россія в фактѣ отживанія давняго главнѣйшаго носителя ея культуры и усиленія роли культурно неподготовленнаго ея слоя, — вѣруя в геній, в талантливость, в духовно-творческія потенціи русскаго народа, как націи, нельзя не вѣровать и в будущую культуру мужицкой Россіи». Зачѣм же было в таком случаѣ так трагично воспринимать приход «мужика» в барскіе хоромы дворянской Россіи?. Для нас эти уступки в пользу «способности мужицкой стихіи к усвоенію культуры» не исключают болѣе послѣдовательнаго тезиса о приходѣ в лицѣ крестьянства «внутренняго варвара».

Это положеніе — наиболѣе яркое мѣсто во всей статьѣ С. Франка, и, как я старался показать, оно логически вытекает из его общаго представленія о ходѣ нашего историческаго развитія. Поэтому оно остается в силѣ и послѣ робких оговорок С. Франка, вынужденных слишком явным расхожденіем его положеній с объективными историческими фактами.

5

Отожествленіе «русской культуры» с «дворянской Россіей» имѣет для исторіософіи С. Франка рѣшающее значеніе. Мы уже видѣли, что это отожествленіе даже весьма смѣлому в трактованіи исторических фактов автору далось не так легко. Пришлось вспомнить кое-что из славянофильскаго наслѣдія: культуру, как продукт національнаго генія народа, его «единую духовную субстанцію», выявленіе в культурѣ «русскаго духа» и т. п.

Впрочем, должно отмѣтить, что при обиліи славянофильской терминологіи, дух подлиннаго философскаго славянофильства отлетѣл от автора. На его мѣсто вступило почти механическое міровоззрѣніе, приведшее его к столь неожиданному совпаденію во взглядах на русскую культуру с марксистскими историками. Правда, С. Франк не столь послѣдователен в своем отожествленіи русской культуры с дворянской Россіей, ибо он пока еще не выдвигает общаго положенія о классовом характерѣ всякой культуры, но эта непослѣдовательность вряд-ли говорит в его пользу. Она свидѣтельствует скорѣе о том, что общая система автора не является органическим продуктом его философскаго міровоззрѣнія, а скорѣе отражает какія-то временныя и случайныя настроенія, обусловленныя переживаемыми событіями.

Нам вообще представляется, что подобнаго рода статьи являются не столько продуктом объективнаго размышленія над историческими фактами, сколько реакціей на шок революціи.

Чѣм глубже и талантливѣе автор, тѣм интереснѣе и внѣшне убѣдительнѣе кажется его философски-соціологическая концепція, но за этой внѣшней безстрастностью и объективностью рѣзко бьется пульс не ученаго изслѣдователя, а современника-публициста. Этим объясняется разительное совпаденіе выводов отвле

ченных философских построеній с весьма обывательскими представленіями и настроеніями извѣстных общественных групп. Отсюда то, что принято называть «модной философіей». И обратно, эти обывательскія настроенія, которым не чужды, как мы знаем, весьма крупные умы (вспомним — чего только не было написано во время войны нѣмецкими, да впрочем и другими учеными), оформленныя во внѣшне убѣдительную рамку философскаго обобщенія, имѣют большое вліяніе на укрѣпленіе в широких кругах предвзятых и необоснованных фактами положеній. Поэтому так труден спор по существу с философской публицистикой: очень уж легко соскользнуть в вычитываніе политических тенденцій, скрытых за внѣшней рамкой философскаго безпристрастія.

Активный политик, может быть, иногда и не может удержаться от этого соблазна, ибо через голову автора он говорит с той массой, мнѣнія и настроенія которой он здѣсь невольно улавливает. Всячески стараясь избѣжать этого пути, мы не можем поэтому не попытаться вскрыть той психической подпочвы, на которой только и могут создаваться подобнаго рода настроенія.

Нам думается, что разбираемая статья весьма ярко отражает тѣ опасенія, переходящія в страхи, которыми охвачена часть интеллигенціи перед все усиливающейся активностью крестьянства, как общественнаго класса.

Рѣшающую роль в зарожденіи этой «народобоязни» сыграла русская революція. Разгул народной стихіи, а еще больше утвержденіе в результатѣ революціи жестокой и враждебной интеллигенціи власти, не могли не ужаснуть интеллигенцію, выросшую на идеологіи народничества и славянофильства. Этот сдвиг в отношеніи к народу идеологически сказался особенно сильно в той струѣ русской интеллигенціи, которая ведет свое начало от славянофильства, хотя отраженіе его мы находим и в народническом лагерѣ. «Народ — это мужик» — гласила славянофильская формула[1]. Поэтому так легко перенести современные ужасы и на будущее, связанное с возможным приходом к власти крестьянства. «Диктатура пролетаріата» вызывает в воображеніи призрак иной, еще болѣе страшной диктатуры — крестьянства. Привидѣніе «мужицкаго большевизма» испугало даже кое-кого из народнической интеллигенціи; вспомним хотя бы статью А. В. Пѣшехонова по поводу появленія «Крестьянской Россіи» (см. «Дни» № 36, 1923 г.) Тѣм понятнѣе эта боязнь среди той части интеллигенціи, которая меньше соприкасалась с деревней, и в этом отношеніи является типичным продуктом городской культуры. Особенно рѣзко это чувство сказывается на самых верхах интеллигентской мысли, гдѣ ясно сознается связь рафинирован-

[1]) «И для славянофила, и для Достоевскаго, «народ» есть прежде всего простонародье, крестьянство мужики. Для них культурный слой оторвался от народа и противоположен «народу» и народной правдѣ. Правда в мужиках, а не в дворянах, не в интеллигенціи. Мужики хранят истинную вѣру». *Н. Бердяев.* «Міросозерцаніе Достоевскаго», Прага, 1923, стр. 172.

ной культуры с прежними условіями общественной жизни. Здѣсь невольно зарождается мысль, что новый хозяин приспособит культуру к своим требованіям. В конечном счетѣ в этих опасеніях слышится голос встревоженнаго города, с его специфической культурой, перед наступающей на него деревней.

Поэтому ничего исключительно русскаго в умонастроеніи С. Франка нѣт. Сходныя причины вызывают и сходныя слѣдствія. Поскольку основное умонастроеніе С. Франка питается «боязнью мужика», постольку он раздѣляет болѣе широкія настроенія городской интеллигенціи, сказывающіяся далеко не в одной Россіи.

Начало XX вѣка всюду ознаменовалось усиленіем общественнаго значенія крестьянства. «В первой четверти вѣка двадцатаго снизу на верх в общественной политической жизни поднялся авангард деревенско-земледѣльческаго слоя. За авангардом движется масса. Поднимается и рано или поздно поднимется весь могучій общественный пласт. Общественная жизнь текущаго столѣтія в различных ея проявленіях не может не осложниться важными и оригинальными явленіями, отсутствовавшими и невозможными прежде»[1].

Міровая война и послѣдовавшій за ней ряд революцій придали этому росту политическаго вліянія крестьянства ускоренный темп. Все это не могло пройти мимо общественнаго сознанія. Осложнился этот процесс рѣзче обозначившимся столкновеніем интересов города и деревни и весьма жестко почувствованной городом зависимости своей от «мужика». Это не могло не вызвать в части городской интеллигенціи извѣстной реакціи, которая привела к созданію идеологии весьма близкой к итогам «размышленій» С. Франка. Эта близость временами доходит до разительных совпаденій.

Передо мною лежит весьма примѣчательная статья Л. Намира «Аграрная революція», напечатанная в извѣстном изданіи под редакціей Кэйнса «Возстановленіе Европы»[2]. Вот выводы, к которым приходит автор в итогѣ своих размышленій об аграрных революціях на востокѣ Европы.

В очень опредѣленных тонах автор рисует здѣсь прежде всего политическую силу крестьянства «...почти в каждом государствѣ Восточной Европы или в восточной части Средней Европы крестьяне основали свою политическую власть и полны рѣшимости использовать ее для осуществленія своей хозяйственной программы. Они могут призывать к жизни и свергать правительства, они могут навязать правительствам свою волю независимо от тѣх соціальных и философских основ, которыя этими правительствами провозглашаются».

Далѣе слѣдует уже знакомое нам противопоставленіе культурнаго дворянства темной стихіи крестьянства. «До войны господскіе замки больших имѣній были центрами высокой куль-

[1] *С. Маслов*. «Восходящая сила», «Кр. Р.», № 1, стр. 7.

[2] *L. B. Namier*. Die Agrarrevolution. «Der Wiederaufbau in Europa», № 6, (17 August 1922), стр. 398—399.

туры и опорными пунктами современной хозяйственной жизни в Восточной Европѣ. Они напоминали собою римскія виллы в полуварварских странах. Их владѣтели читали труды и жили мыслями блестящей цивилизаціи среди безграмотнаго крестьянства». Эти помѣстья, ведшія широкое хозяйство, питали города и поставляли продукты для вывоза. Вмѣстѣ с исчезновеніем прежних латифундій исчезнет и все это. «Может быть, крестьянство в деревнях или, по крайней мѣрѣ, часть его будет лучше питаться и жить в лучших условіях, но уровень хозяйственной культуры, а еще болѣе культуры умственной, падет очень низко. В деревнѣ взял верх хам (мужик восточной Европы ведет свое происхожденіе от Хама, третьяго сына Ноя) в тот момент, когда деревни побѣдили города». Как это все близко напоминает приход «внутренняго варвара», правда, приспособленнаго к западному міросозерцанію!

Сходное представленіе у западнаго ученаго и о преемственности культуры. Ему очень близка теорія С. Франка о сохраненіи от катастрофы остатков культуры, которые должны потом оплодотворить варваров. По крайней мѣрѣ, так ему представляется возрожденіе культуры послѣ французской революціи и наполеоновских войн. Культура тогда была спасена остатками образованных феодальных классов. Но и этой надежды сейчас у автора нѣт: «мало что сохранится из стараго, что могло бы снова освѣтить тот мрак, который несут с собою мужицкія демократіи Восточной Европы».

Когда Л. Намир пытается дать характеристику «мужика», он отмѣчает в нем черты, близкія «самочинности» С. Франка. «Мужик побѣдил. Пока дѣло идет о земельной реформѣ, он радикален, в других отношеніях он средневѣковен в своих воззрѣніях, эгоистичен и исключителен в своем классовом чувствѣ, груб и жесток. Дворянин-помѣщик («Rittergutsbesitzer») внушает ему теперь немного уваженія, но уж во всяком случаѣ никакого уваженія он не питает к городскому интеллигенту». И один, и другой быстро сходят со сцены под натиском мужика, «а вмѣстѣ с ними падает и культурный уровень Восточной Европы».

Чтобы до конца укрѣпить сходство обѣих концепцій, вызванных страхом перед лицом грядущаго крестьянства, как новой общественной силы, отмѣтим, что и западный ученый нашел свою краткую и лаконическую формулу, не уступающую по силѣ и выразительности «внутреннему варвару» С. Франка. Для него грядущій крестьянин — «побѣдоносный хам».

Так, независимо друг от друга, под воздѣйствіем одного и того же опредѣляющаго настроенія создались весьма сходныя представленія о грядущем кризисѣ культуры.

Однако, вернемся к взглядам С. Франка на культуру.

6

Очень характерно для С. Франка, что под культурой он разумѣет только самыя верхушки, совершенно упуская из вида куль-

туру в ея широком пониманіи. Это и дает ему возможность с такою легкостью отожествлять русскую культуру с «дворянской Россіей». Для него послѣдняя «есть Россія Пушкина и Тютчева, Толстого и Достоевскаго, Глинки и Чайковскаго, Россія славянофилов, Чаадаева и Герцена»[1]). Но вѣдь понятіе культуры далеко не покрывается этими именами. Если бы С. Франк не являлся типичным представителем рафинированной городской культуры, то, может быть, он вспомнил бы и кое-что иное в исторіи русской культуры. Рост демократизаціи, который так испугал С. Франка, вѣдь в сущности и был ничѣм иным, как пріобщеніем к культурѣ все болѣе широких слоев населенія. И если бы автор хоть нѣсколько спустился со своих культурных вершин, то он легко бы увидѣл, сколько со времени крѣпостного права внесено в русскую культуру трудами и дарованіями интеллигенціи, вышедшей из народа. Напомню хотя бы работу земства, в которой так называемый «третій элемент» сыграл значительную роль. Вовсе не надо умалять значенія дворянства в исторіи русской культуры; значеніе это огромно, но только пребываніе на однѣх высотах культуры и при извѣстной предвзятости может вызвать отожествленіе всей культуры с дворянской Россіей.

Демократизація Россіи, конечно, отразилась на содержаніи культуры, но измѣненіе этого содержанія вовсе не равнозначно сниженію культуры, как склонен думать С. Франк. Все усиливающееся вліяніе крестьянства в общественной жизни не может и в будущем не отразиться на судьбах русской культуры. Я вовсе не думаю преуменьшать значеніе этого новаго фактора, и полагаю, что, как и всякій общественный сдвиг, приход крестьянства отразится и на содержаніи самой культуры. Несправедливость в распредѣленіи культурных благ между городом и деревней факт несомнѣнный, и к его устраненію будет неизбѣжно стремиться крестьянство, когда станет вліятельным фактором общественной жизни[2]). Но такое измѣненіе в содержаніи культуры еще весьма далеко от «варваризаціи», которая чудится напуганному воображенію С. Франка.

Я не имѣю возможности ставить здѣсь во всем объемѣ проблемы «крестьянство и культура», хотя понимаю всю ея важность и серьезность при разрѣшеніи поднятых С. Франком вопросов. Хочу только сказать, что для меня непонятен пессимизм С. Франка в этом вопросѣ. Вѣдь исторія человѣчества знает ряд революціонных сдвигов, как слѣдствіе соціальной перестройки общества, но результатом прихода к власти новых общественных классов никогда не являлось сниженіе культуры. При всей тонкости структуры этого продукта человѣческаго общества, культура является, пожалуй, наиболѣе устойчивым достояніем народа.

[1]) Кстати напоминаю, что еще Михайловскій считал Достоевскаго типичным разночинцем (См. *Иванов-Разумник*, «Русская литература от семидесятых годов до наших дней», изд. 6-е, Берлин, 1923, стр. 105.

[2]) Эта весьма важная проблема намѣчена в статьѣ *С. С. Маслова* «К вопросу об общественном положеніи крестьянства», «Кр. Р.», № 5—6, стр. 112—113.

Сниженіе и вымираніе культуры отдѣльных народов лежит в плоскости, далеко не совпадающей с появленіем на общественной аренѣ новых классов. Именно поэтому так глубоко невѣрно сравненіе прихода новых классов с нашествіем варваров. В первом случаѣ, даже при катастрофичности самого процесса, болѣзнь протекает внутри одного организма, во втором — мы имѣем механическое вторженіе в организм чужероднаго тѣла.

Печать механичности лежит и на представленіи С. Франка, по которому появленіе на общественной аренѣ крестьянства скажется в смѣнѣ одной культуры другой, качественно разнородной: «дворянская» культура убита, ей на смѣну идет «мужицкая». Нам думается, что каждая общественная среда способна выдѣлить культурныя силы, которыя уже в силу своего пріобщенія к культурной работѣ научаются цѣнить и блюсти культурное достояніе предков. Так было вѣдь и до сих пор. Не мало интеллигенціи вышло уже из крестьянской среды, и только явное нежеланіе видѣть факты может свести ея роль исключительно к разрушенію и бунтарству. Наростаніе крестьянской интеллигенціи не подрывало культуры, а только укрѣпляло ее, ибо постепенно заполняло ту пропасть между верхами и низами, которая сыграла столь роковую роль в нашей исторіи. У нас была блестящая культура, но мы были малокультурны. Однако, в послѣдніе годы перед революцией шел гигантскій рост культуры вширь, и этот процесс остался совершенно внѣ поля зрѣнія С. Франка. А она была в извѣстном смыслѣ дѣйствительно мужицкой, ибо в ней все шире принимало участіе само крестьянство. Об успѣхах этого культурнаго движенія вширь говорит с достаточной убѣдительностью наша земская и кооперативная работа. Этот процесс расширенія культуры был трагически оборван революціей. Как всякая революція, она подорвала ту матеріальную основу, на которой держится культура. Подорвала-ли она и духовную основу, без которой никакое культурное строительство невозможно? Об этом сейчас еще судить трудно. Во всяком случаѣ, в такой постановкѣ вопрос о крестьянствѣ отпадает, ибо он растворяется в болѣе грозном вопросѣ об уходѣ с арены культурнаго человѣчества Россіи.

С большой долей увѣренности можно предвидѣть, что оборванный процесс расширенія культуры вширь снова возобновится. Будет ли это сопровождаться одновременно сниженіем уровня культуры? На этот вопрос трудно отвѣтить, но, опираясь на опыт других культурных стран, можно думать, что законы физики здѣсь непримѣнимы. Расширеніе культуры вовсе не вызывает непремѣнно пониженія культурнаго уровня. Для такого пониженія нужно какое-то качественное перерожденіе, какой-то порок, лежащій уже в самом организмѣ народной жизни. Вполнѣ вѣроятно сниженіе культуры в Россіи в связи с общим процессом разрушенія матеріальных и душевных сил народа, но этого сниженія нельзя никак ставить за счет крестьянства.

Мы уже видѣли, как произвольно С. Франк толкует роль кре-

7

стьянства в революціи. Вполнѣ естественно, что и всѣ темныя стороны ея он вмѣняет «мужику». Оказывается, «наука и школа, хозяйственная и правовая культура, всѣ жизненныя условія духовнаго творчества» все это разрушено «напором дикой мужицкой стихіи». Однако, и этого мало: все та же мужицкая стихія виновна в «преданіи униженію и издѣвательству носителей духовной и общественной культуры» (стр. 253). Здѣсь совершенно явно крестьянству вмѣняются преступленія той власти, которая не только не вышла из его нѣдр, но и явно ему враждебна. Вряд ли это нужно особенно доказывать, настолько это очевидно. При таком пониманіи С. Франк должен был бы придти к выводу, что большевицкая власть есть подлинно народная, т. е. мужицкая, в его пониманіи, власть. И здѣсь автор не доводит свою точку зрѣнія до конца, обнаруживая все ту же неорганичность своей исторической концепціи.

Проблема «крестьянство и культура», к которой вплотную подводит статья С. Франка, заслонена у него весьма примитивным противопоставленіем двух культур — «дворянской» и «мужицкой». Приравняв первую к «русской культурѣ», он с тревогой вглядывается в идущую ей на смѣну — «мужицкую» Похоронив преждевременно русскую культуру предшествовавшаго періода, он не замѣтил и ростков грядущей культуры в этом же прошлом. Русская культура, органически развивающаяся вмѣстѣ с историческим ростом русскаго народа, оказалась механически разсѣченной на враждебныя друг другу стихіи — «барскую» и «мужицкую».

В этой механичности разительно совпаденіе в существѣ с другой концепціей, исходящей из противоположнаго лагеря. Там тоже не оказалось единой русской культуры. Была культура «дворянско-буржуазная», ей на смѣну идет «пролетарская». И одна, и другая концепція в конечном счетѣ вызваны чувством страха, питаемаго в глубоких истоках своих непроясненным классовым инстинктом. Если в первой концепціи чувствуется страх представителей самых верхов городской культуры перед грядущим приходом крестьянства, несущим с собою еще невѣдомые сдвиги в привычном содержаніи культуры, то второе представленіе являет собой страх безсилія перед той же культурой, богатой и разносторонней, которая столь же незаконно отожествлена с одним классом. В первом представленіи е д и н с т в е н н о цѣнное содержаніе культуры то, что в нее внесло дворянство, во второй — носителем культуры является лишь пролетарій. И там, и здѣсь робость мысли, парализованной страхом: у одних боязнь грядущаго, у других — сознаніе безсилія перед прошлым. И здѣсь, и там на мѣсто органическаго пониманія культуры выступает механическое ученіе о классовой культурѣ.

А. Омельянов.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА

I

Земскія учрежденія существовали в Россіи немногим болѣе пятидесяти лѣт (с 1864 по 1917 год). Их первый полувѣковый юбилей совпал с годом начала великой европейской войны. Со времени ея значительная часть энергіи земств стала уходить на дѣло обезпеченія больных и раненых воинов, на поддержаніе арміи, и обычная культурная работа их, естественно, начала ослабѣвать. Революціонный шквал октября 1917 года снес их с лица Русскаго государства. Однако, протекшіе пятьдесят лѣт успѣли оставить такой глубокій слѣд в народной жизни, что дѣленіе Россіи на земскую и неземскую является не юридическим только различіем особых способов организаціи мѣстнаго управленія отдѣльных частей Россіи, но вмѣстѣ с тѣм и различеніем культурным, говорящим о неодинаковой степени культурнаго уровня 34 (а впослѣдствіи 43) губерній, главным образом, центральной части Европейской Россіи, гдѣ было введено положеніе о земских учрежденіях, в отличіе от всѣх прочих губерній и областей бывшей Россійской Имперіи (на сѣверѣ и западѣ Восточной Европы, на Кавказѣ, в Сибири и Средней Азіи), гдѣ дѣйствовали повсюду, кромѣ городских мѣстностей чисто бюрократическіе органы мѣстнаго управленія.

Земства, как учрежденія выборныя и представительныя по отношенію к мѣстному населенію, при самом своем возникновеніи в 1864 году оказались «инородным тѣлом» в бюрократически-централизованном строѣ того времени. Земство не укладывалось в качествѣ одного из подчиненных элементов в ту іерархическую пирамиду властей, которая начиналась самым низшим административным органом и кончалась монархом. К построенію его, поэтому, была примѣнена особая так наз. «общественная» теорія самоуправленія. Сообразно ей, не считали, что мѣстныя самоуправляющіяся единицы осуществляют задачи государственнаго управленія, дѣйствуя в этом отношеніи наряду с другими административными органами. Полагали, что у мѣстных территоріальных общественных объединеній, как и у других частных союзов, имѣются свои особыя «общественныя», главным образом «хозяйственныя» задачи, для осуществленія которых они и призываются законодателем. В результатѣ — это привело к созданію в мѣстном управленіи своеобразнаго дуализма, являющагося характерной чертой именно русскаго мѣстнаго строя. В послѣдующее время «общественная» теорія была оставлена. В 1890 году была произведена

реформа земских учрежденій уже под вліяніем «государственной» теоріи самоуправленія. В них начали усматривать один из органов общаго «государственнаго», а не исключительно «общественнаго» управленія. Сообразно с этим была увеличена связь земских учрежденій с другими административными органами. Однако, общая схема осталась та же. Различныя задачи мѣстной жизни осуществлялись двумя отдѣльными системами органов: органами правительственнаго управленія — по назначенію и органами общественнаго самоуправленія — по выборам. Параллельно с мѣстными органами различных министерств (внутренних дѣл, финансов, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и пр.) и совершенно обособленно от них стояли губернскія и уѣздныя земскія учрежденія со спеціально отведенным им кругом дѣл.

Дуализм органов правительственнаго управленія и общественнаго самоуправленія постоянно ощущался в работѣ мѣстных учрежденій, Он приводил неизбѣжно к нѣкоторому противоборству двух систем органов, столь различных в своей основѣ. Представители правительственнаго управленія, пользуясь предоставленными им функціями контроля, стремились превратить их в прямое руководство работой земских учрежденій. Опротестованіе и неутвержденіе постановленій Земских Собраній, неутвержденіе выбираемых предсѣдателей и членов управ и пр. — все это щедро пускалось в ход для того, чтобы направить земства по пути, угодному центральной власти. Но средства эти все же оказывались недостаточными. Наличіе у земства собственных исполнительных органов не давало возможности представителям правительственнаго управленія извратить земское дѣло своим исполненіем. Возможность самодѣятельности развивала у земцев особый интерес к дѣлу, как к «своему», и давало тот огромный стимул к работѣ, который заложен в неизмѣнном стремленіи человѣка быть «творцом хотя бы самаго малаго из міров». В виду этого самое давленіе на земскія учрежденія, чувствовавшія свою связь с населеніем и видѣвшія на своей сторонѣ симпатіи общества, приводило к обратному. Вмѣсто подчиненности рос и крѣп дух борьбы и отстаиванія проводимой ими политики, выковывалась твердая воля к самостоятельности и независимости, упорство в достиженіи поставленных цѣлей, соревнованіе в работѣ с казенной администраціей.

II

Каков же был объем и каковы были предметы земской дѣятельности?

В самом законѣ был указан ряд предметов, которые безусловно должны были подлежать веденію земских учрежденій, и на которые послѣднія обязаны были дѣлать затраты. Помимо того, законом же было отнесено к кругу вѣдомства земских учрежденій ряд таких предметов, которыми они могли заниматься, но которые не были обязательны для них. Из этих двух категорій предметов вниманіе земских учрежденій за все время их существованія было со-

средоточено, главным образом, на тѣх, гдѣ оказывалось больше простора для общественной самодѣятельности, на предметах необязательных; обязательные же постепенно начинали играть все меньшую и меньшую роль в земском бюджетѣ.

Создавая земскія учрежденія, правительство предполагало переложить на них ряд дѣл казеннаго управленія, недостаточно успѣшно выполнявшихся до того времени органами правительственнаго управленія. Так, земства обязаны были оплачивать расходы по содержанію различных мѣст гражданскаго управленія: по найму домов для воинских присутствій, становых приставов и судебных слѣдователей, по содержанію мировых судебных установленій, нести подводную повинность для разъѣзда чинов полиции и прочих должностных лиц, вести устройство и ремонт мѣстных дорог и т. п. В круг же предметов добровольнаго вѣдѣнія земских учрежденій были отнесены всевозможныя мѣропріятія по поднятію хозяйственнаго и культурнаго благосостоянія мѣстнаго населенія: попеченіе о развитіи средств народнаго образованія, воспособленіе земледѣлію, торговлѣ и промышленности, устройство и содержаніе земской почты, участіе в мѣропріятіях по охраненію народнаго здравія, заботы по предупрежденію и тушенію пожаров и пр. Послѣдняя категорія дѣл, т. е. различнаго рода культурныя мѣропріятія в сферѣ мѣстной жизни, и стали основным ядром земской работы.

Своеобразный процесс эволюции земских смѣт в направленіи послѣдовательнаго ослабленія значенія обязательных расходов и быстраго возрастанія необязательных тѣм болѣе знаменателен, что земскія средства были крайне ограничены, а обязательные расходы вначалѣ очень значительны. Они поглощали в 1868 году 63,6% всего земскаго бюджета. Но культурныя мѣропріятія земств росли чрезвычайно быстро. Расходы на них увеличивались непрерывно, и это приводило к тому, что смѣты поднимались быстрѣе роста обязательных расходов, и относительное значеніе послѣдних падало. В 1890 году на обязательные расходы шло уже 39,5% (вмѣсто прежних 63,6%). В дальнѣйшем, рядом правительственных мѣропріятій в 1895 и 1900 гг. земства, к счастію, были освобождены от нѣкоторых из обязательных расходов. С учрежденіем Государственной Думы в распоряженіе земств стали даже ассигновываться значительныя суммы на культурныя надобности. В связи с этим обязательные расходы в 1901 году составляли лишь 15,1%, а в 1915 г. уже 11,8% всего бюджета. Значеніе роста необязательных расходов на культурныя потребности населенія является тѣм болѣе существенным, что одновременно понижался в процентном отношеніи ко всему бюджету расход на содержаніе самаго аппарата земскаго управленія. Он составлял в 1868 г. — 19,2% смѣты, в 1880 г. — 13,3%, в 1890 г. — 8,5%, а в 1915 г. уже 6,7%.

Насколько быстро развертывалась земская работа, можно судить потому, что общій бюджет 34 старых земских губерній со скромной цифры 21.509 тыс. руб. возрос с 1871 к 1915 году до 291.874,9 тыс. руб. Если принять во вниманіе, что в 1911 и 1912 гг. земскія учрежденія были введены еще в девяти губерніях, то общая

сумма бюджета окажется еще большей. В 1915 г. бюджет всѣх 43 земских губерній равнялся 342.815,6 тыс. руб. Земскій бюджет рос при этом быстрѣе общегосударственнаго. В то время, как послѣдній за время с 1873 по 1915 год увеличился в шесть раз (с 514 милл. до 3.200 милл. руб.), бюджет 34 старых земских губерній за то же время увеличился почти в 12 раз (с 25 милл. до 291 милл. руб.), причем особенно интенсивно шло возрастаніе земских смѣт в эпоху конституціоннаго десятилѣтія послѣ 1906 года *).

Ближайшія задачи и предметы культурной земской дѣятельности, на которые шли постоянно увеличивающіеся необязательные расходы, опредѣлялись в зависимости от отведеннаго земствам района их дѣятельности и от его непосредственных нужд.

Районом культурной земской дѣятельности были внѣгородскія мѣстности. Поднятіе культурнаго благосостоянія городов совершалось спеціальными органами городского общественнаго самоуправленія. Земство начало вѣдать русскую деревню, и притом в той ея своеобразной фазѣ, в которой она оказалась непосредственно послѣ отмѣны крѣпостного права. Прежній офиціальный опекун крестьян — помѣщик — отпал. Мало и плохо, но все же он заботился иногда, хотя бы в своекорыстных «хозяйских» интересах, об обученіи грамотѣ, о лѣченіи своих крѣпостных, об улучшеніи обработки земли и пр. Теперь всѣ эти заботы пали на самих «свободных», но нищих крестьян, подавленных тяжестью выкупных платежей и всяких иных сборов, — за рѣдкими исключеніями — безграмотных, больше довѣрявших знахарям, чѣм «барской» медицинѣ, воздѣлывавших землю тѣми пріемами, которые дошли до них от прадѣдов, в полном невѣдѣніи усовершенствованных методов обработки, в неумѣніи сбыть излишек хлѣба гдѣ-либо, кромѣ базара сосѣдняго села. При отсутствіи надлежащих предупредительных мѣр, крестьяне несли тягчайшія потери при малѣйшем проявленіи стихійных бѣдствій: гибли сами от голода при неурожаѣ, массами погибал их скот от эпидеміи, ежегодно лѣтом выгорали части деревень от пожаров и у погорѣльцев не оказывалось никаких средств, чтобы обстроиться заново, в виду отсутствія страхованія.

Первое, на чем остановили свое вниманіе земскія учрежденія, это — на сохраненіе от гибели самого крестьянскаго населенія: от гибели физической — в виду широкаго развитія всякаго рода эпидемій и болѣзней — и от гибели духовной — в виду безграмотности и невѣжества. То и другое иногда причудливо переплеталось. Об этом краснорѣчиво говорили факты избіенія земских врачей во время холерной эпидеміи девяностых годов. Еще в 1871 году, при всей подавленности земскаго бюджета того времени обязательными расходами, на медицину и народное образованіе шло нѣсколько болѣе $^1/_5$ смѣтных ассигнованій всѣх земств (13,3% на

*) Статистическія данныя о земских финансах и вообще относительно всѣх сторон земской дѣятельности собраны в обширном трудѣ *Б. Б. Веселовскаго,* «Исторія земства» I—IV том., СПБ. 1909—1911 гг. Данныя для болѣе поздних годов имѣются в редактировавшихся им же «Календарях-справочниках земскаго дѣятеля».

медицину и 7,7% на народное образованіе); послѣ 1895 года шло уже около половины (в 1900 г. — 27,6% на медицину и 17,9% на нар. образованіе), а впослѣдствіи и больше половины. Расходы на медицину все время были нѣсколько выше, чѣм на народное образованіе. Лишь в самые послѣдніе годы, в связи с особыми пособіями из центра, земскія ассигнованія на народное образованіе оказались нѣсколько выше ассигнованій на медицину: в 1915 году шло — 27,1% смѣты на народное образованіе, против 24,1% на медицину

Со второй половины девяностых годов начинают успѣшно развиваться и мѣропріятія, направленныя уже не непосредственно на личность крестьянина, а на его хозяйственную дѣятельность. Доселѣ мѣропріятія этого рода примѣнялись разрозненно и случайно, теперь они стали проводиться послѣдовательно и планомѣрно. В эту пору принимает широкую постановку оказаніе агрономической помощи населенію и поддержка кустарной промышленности, быстро возрастают ветеринарныя учрежденія, а с 1900-х гг. успѣшно развивается страховое дѣло, устройство земской почты, проведеніе земских телефонов и пр. Расходы на экономическія мѣропріятія в области сельскаго хозяйства (на агрономію, кустарное дѣло, меліоративный кредит и пр.) в 1895 г. составляли 1,4%, а в 1915 г. уже 7% смѣтных ассигнованій земств и стали занимать в земском бюджетѣ третье мѣсто (послѣ ассигнованій на медицину и народное образованіе). Расходы на ветеринарію в послѣднее время (в 1915 г.) составляли около 3% земской смѣты (2,9%). Постоянным и значительным был расход на дорожное дѣло, сильно колебавшійся в различные годы и бравшій от 6% до 11% земских смѣт. Вначалѣ он занимал третье мѣсто в земском бюджетѣ по сравненію с расходами на другія культурныя нужды, с 1915 г. оказался уже на четвертом мѣстѣ.

Главнѣйшіе смѣтные расходы 34 земских губерній на культурныя мѣропріятія видны из нижеслѣдующей таблицы*):

Годы	Вся смѣта в тысячах рублей	В процентах к смѣтѣ				
		Медицина	Народное образованіе	Дорожное дѣло	Экономическія мѣропріятія	Ветеринарія
1868	14.579	8,3	5,1			
1871	21.512	13,3	7,7	9,5		
1880	36.318	17,9	14,3	7,5		
1890	47.047	21,9	15,3	6,9		
1900	89.142	27,6	17,9	11	2,6	2,2
1910	171.687	28	25	8	3,9	2,7
1915	291.874	24,4	28	6	7	2,9

*) Остальная расходная часть смѣты составлялась из обязательных расходов на содержаніе различных правительственных мѣст, из расходов по содержанію самого земскаго управленія, болѣе мелких назначеній на культурныя потребности ассигнованій на уплату долгов, отчисленій на образованіе обязательной по закону запасной суммы, оборотнаго капитала и специальных капиталов.

До 1900 г. земства вѣдали продовольственным дѣломъ. Помимо того земства заботились об общественном призрѣніи, о развитіи противопожарных мѣропріятій, о страхованіи скота и мн. др. Своею дѣятельностью они затрагивали самыя разнообразныя стороны деревенской жизни, и цѣлый ряд мѣропріятій не смогли провести лишь потому, что встрѣтили упорное противодѣйствіе со стороны правительства, не желавшаго допустить, по политическим соображеніям, развитія тѣх или других начинаній.

III

Условія жизни русской деревни, как основного района земской дѣятельности, опредѣляли и главные пріемы земской работы.

Только что освободившееся от рабства, мало развитое крестьянское населеніе не могло проявить должной степени иниціативы в созданіи культурных начинаній. Занужденное до послѣдней степени, оно не могло даже надлежащим образом поддерживать их своими хотя бы скромными взносами. Попытки земства опереться на самодѣятельность населенія окончились неудачно.

Основным правилом земской работы стало поэтому созданіе на земскій счет сѣти общественно-полезных учрежденій, которыя предоставлялись в пользованіе населенія безплатно или за ничтожное вознагражденіе. Поскольку дѣло оказалось сосредоточенным в однѣх руках, сама собою возникла идея о необходимости внесенія в него большей планомѣрности и организованности. Этого требовали и соображенія экономическія и соображенія болѣе успѣшнаго обслуживанія общестевнных нужд. Так начала возникать правильная сѣть школ, врачебных пунктов и других культурных учрежденій.

Безплатный, в большинствѣ случаев, характер пользованія земскими учрежденіями представляет явленіе выдающееся по сравненію с дѣятельностью мѣстных общественных учрежденій других государств. Если безплатное первоначальное обученіе встрѣчается довольно часто, то этого вовсе нельзя сказать относительно врачебной помощи населенію. Послѣдняя в принципѣ сохраняет платный характер и в Англіи, и во Франціи, и в Германіи *).

Русскія земства в отношеніи лѣченія сельскаго населенія наиболѣе близко подошли к осуществленію идеи правительственной организаціи безплатной медицинской помощи населенію. По подсчету Б. Веселовскаго, относящемуся еще к концу XIX вѣка (именно к 1898 г.), безплатный характер в большинствѣ земств носило как амбулаторное, так и больничное лѣченіе. Безплатное амбулаторное лѣченіе было в 81%, а коечное больничное лѣченіе в 60% общаго числа уѣздных земств, при этом в $^1/_3$ их плата за больничное лѣченіе была отмѣнена, как для жителей своего уѣзда, так и для иноуѣздных, а в $^2/_3$ — лишь для жителей своего уѣзда. И там, гдѣ

*) См. *И. Зунделевич.* «Медицинская помощь населенію» в сборникѣ «Заботы о населеніи Англіи» п. р. проф. П. Г. Виноградова, Лондон 1920 г., стр. 73—113.

бралась плата, она была совершенно незначительна: за амбулаторное лѣченіе — не свыше 5 коп., за коечное — в среднем от 10 до 25 коп. в сутки. Сборы эти покрывали в среднем лишь от 2% до 8% медицинской смѣты соотвѣтствующих земств и в совершенно исключительных случаях до 25%—30% ея. Бѣдные же, по удостовѣренію врача, всюду пользовались безплатным лѣченіем. Не получила развитія и практика взиманія платы за ветеринарную помощь. По данным Н. А. Шадрина (Труды I Всероссійскаго ветеринарнаго съѣзда в СПБ., 1903 г., т. I), в 24 из всѣх 34 земских губерній в 1900 г., т. е. в 70% плата совершенно не взималась, из числа же остальных во многих плата взималась лишь в нѣкоторых, но не во всѣх уѣздных земствах (Веселовскій, II, 421). Пользованіе агрономическими показательными учрежденіями и совѣтом земских агрономов также носило безплатный характер.

В тѣх областях, гдѣ земство не имѣло возможности или не успѣло создать правильной сѣти общественно-полезных учрежденій, оно насаждало их на свои средства спорадически: по отдѣльным селам и деревням или же давало субсидіи, как денежныя, так и натуральныя.

Не имѣя возможности создавать такія доходныя предпріятія общественнаго пользованія, как трамвай, водопровод, электрическое освѣщеніе и т. п., земства все же приступили к устройству на коммерческих началах нѣкоторых предпріятій, руководствуясь принципом оплаты доставляемых ими услуг. Развитіе этого рода учрежденій относится уже к XX вѣку, особенно ко времени послѣ 1907 г. Нѣсколько улучшившееся благосостояніе крестьянскаго хозяйства и общій подъем культурнаго уровня деревни дѣлали теперь возможным и такой пріем работы, тѣм болѣе, что эти начинанія были весьма практично связаны, главным образом, с нуждами сельскаго хозяйства. Дѣло, при этом, не всегда окупало себя. На приплаты к недостаточным поступленіям от него земство смотрѣло, как на расходы, необходимые для поддержанія полезных культурных начинаній. В случаѣ полученія нѣкоторой прибыли, она обращалась на улучшеніе дѣла и на удешевленіе оказываемых населенію услуг. Цѣны за пользованіе устанавливались с тѣм расчетом, чтобы онѣ окупали произведенныя затраты и давали нѣкоторый излишек для расширенія дѣла.

Наконец, земства примѣняли еще особый способ дѣятельности, построенный на коммерческом расчетѣ, именно — они выступали в качествѣ контрагентов государства, от котораго получали концессіи и подряды. В особенности это имѣло мѣсто в дѣлѣ проведенія земствами междугородных телефонных линій. Помимо того, земства брали у правительства подряды на прокладку грунтовых дорог, т. к. они это дѣлали дешевле, чѣм казна при самостоятельном веденіи дѣла через подрядчиков. Четыре указанных пріема дѣятельности: 1) созданіе правильной сѣти тѣх или других учрежденій, 2) спорадическое устройство их и субсидированіе отдѣльных начинаній, 3) устройство предпріятій на хозяйственных началах и 4) заключеніе договоров с казной, — примѣнялись земствами в различных отраслях дѣятельности или порознь или совмѣстно, в зави-

симости от условій работы. Восполняя друг друга, они способствовали наиболѣе широкому развертыванію земских мѣропріятій по поднятію культурнаго благосостоянія деревни.

IV

Что касается созданія сѣти общедоступных культурных учрежденій, то с наибольшим успѣхом она была осуществлена в области народной медицины, в школьном, агрономическом и ветеринарном дѣлѣ.

До учрежденія земства *сельской медицины* почти не существовало. На весь уѣзд был один казенный врач, который и больницей вѣдал и выполнял медицинско-полицейскія функціи и при случаѣ, проѣздом по деревням, помогал там больным. Крестьяне лѣчились большею частью у малограмотных фельдшеров. Иногда помѣщики содержали врачебный персонал для своих крѣпостных, но это, конечно, отпало с отмѣной крѣпостного права. У крестьян казенных и на фабриках кое-какая врачебная помощь организовывалась правительством и фабричным управленіем, но она была совершенно ничтожной. Больницы для коечнаго лѣченія прежде были только в городах, но не в селах. И несмотря на то, что их было так мало, онѣ в большинствѣ случаев оставались незаполненными: постановка дѣла была в них столь безотрадной, что только безъисходная нужда могла загнать туда человѣка без всяких средств и без родных.

Земства энергично принялись за развитіе медицины. На нее шли главнѣйшія ассигнованія. В 1871 г. они равнялись $2^1/_4$ милл. руб. Эта сумма к 1915 году по 34 старым земским губерніями дошла до 71.327 тыс. руб., а по всѣм 43 земским губерніям до 82.835 тыс. руб. В виду значительных ассигнованій началось непрерывное увеличеніе медицинскаго персонала, а впослѣдствіи и установленіе сѣти правильно расположенных врачебных пунктов. Работа особенно быстро стала подвигаться вперед послѣ голода и эпидеміи 90-х годов. Результаты земской дѣятельности оказались очень успѣшны. В 1870 г. было 530 врачебных пунктов; в 1910 г. их имѣлось уже — 2686, и к 1914 г. число их достигло до 2866. Сообразно этому, увеличивалась доступность врачебной помощи населенію. Количество населенія в среднем врачебном участкѣ земских губерній в 1870 г. равнялось 95 тыс. человѣк, в 1910 г. — 28 тыс. Заселенная площадь врачебнаго участка уменьшилась за это же время с 3670 кв. верст до 700 кв. верст, а радіус средняго врачебнаго участка сократился с 39 до 17 верст. Эти среднія ариѳметическія данныя не являются характерными для многих из центральных губерній Европейской Россіи: огромныя и слабо заселенныя пространства сѣверных и восточных губерній рѣзко измѣняют данныя для центральных губерній, гдѣ врачебные участки были по своему размѣру гораздо меньше.

Земскій врачебный пункт был мѣстом, гдѣ больным давался не только совѣт, но тут же оказывалась амбулаторная помощь и вы-

давались лѣкарства. На пунктѣ, помимо врача, бывали фельдшера и иногда акушерка. Пункт обросталъ своей аптечкой и, наконец, больницей. Для земской дѣятельности весьма характерен процесс децентрализацiи больничнаго дѣла. Вмѣсто прежняго сосредоточенiя больниц по преимуществу в губернских городах, земства стали заботиться об увеличенiи числа больниц уѣздных и об улучшенiи их положенiя, а вмѣстѣ с тѣм о созданiи возможно большаго числа их в селах. Если в 1870 г. из общаго числа сельских врачебных участков только 13% было с койками для больных, то в 1910 г. процент этот возрос до 64. Таким образом, болѣе $^3/_5$ сельских врачебных пунктов уже имѣли при себѣ больницы.

Рядом с развитiем общей врачебной помощи шло созданiе учрежденiй по оказанiю спецiальных видов помощи, по увеличенiю вспомогательнаго медицинскаго персонала и устройству вспомогательных медицинских учрежденiй. Земскiя психiатрическiя лѣчебницы замѣнили прежнiе «сумасшедшiе» дома Приказов Общественнаго Призрѣнiя, которые походили скорѣе на мѣста заключенiя для буйных больных, чѣм на лѣчебныя заведенiя. Земскiя учрежденiя для психических больных были поставлены согласно послѣдним требованiям медицины, и в нѣкоторых губернiях очень хорошо оборудованы. Одновременно с увеличенiем участков, находящихся под завѣдыванiем врача, в рядѣ земских губернiй продолжали увеличиваться в качествѣ дополнительных и самостоятельные фельдшерскiе пункты. Число их в теченiе сорока лѣт — с 1870 г. по 1910 г., почти удвоилось, поднявшись с 1350 до 2620. Общее число фельдшерских пунктов в 1910 г. было почти такое же, как и число врачебных пунктов (2620 и 2686). Помимо фельдшерских создавались и самостоятельные акушерскiе пункты. Всѣм наличным медицинским персоналом (врачами, фельдшерами и акушерками) осуществлялась прививка оспы. Прежнiе «оспенники» из крестьян, обученных прививкѣ оспы, отошли в область преданiя. Для подготовки фельдшерскаго и акушерскаго персонала земствами было открыто к 1915 г. до 37 школ в различных губернских городах. В 11 губернских земствах были свои бактерiологическiе институты для изготовленiя сыворотки. В 14 земствах были Пастеровскiя станцiи для прививок от бѣшенства. В нѣкоторых были свои грязелѣчебницы. Врачебное дѣло развивалось не только вширь — в смыслѣ неуклоннаго увеличенiя числа врачебных пунктов, но и вглубь — в смыслѣ примѣненiя наиболѣе совершенных прiемов врачеванiя.

Точно так же, как не была развита медицина в русской деревнѣ к началу 60-х годов, не было там и школ. Даже начальныя училища были сосредоточены в городах. В селах встрѣчались они кое-гдѣ у крестьян удѣльных и государственных. Если в рѣдких случаях школы бывали и у крестьян помѣщичьих, то послѣ отмѣны крѣпостного права онѣ позакрылись. Пред земствами с самаго начала их дѣятельности носилась идея введенiя всеобщаго обязательнаго обученiя, что нашло себѣ отраженiе в рядѣ земских ходатайств к правительству. Но для этого, конечно, недостаточно было изданiя закона об обязательности обученiя. Необходимо было

предварительно обезпечить населеніе общедоступной школой. На этот путь и стали земства. С 90-х годов работа их в этом направленіи принимает совершенно планомѣрный характер, вступив в фазу выработки правильной сѣти школ, с установленіем наличнаго числа дѣтей школьнаго возраста, допустимой величины радіуса школьнаго участка и необходимаго для губерніи количества школ. Это была трудная и сложная работа, которая задерживалась отсутствіем соотвѣтствующих статистических данных, и для которой, помимо того, требовался учет условій школьнаго строительства в деревнѣ. Работа была продѣлана успѣшно; когда потом возникло предположеніе о проведеніи всеобщаго обученія в общегосударственном масштабѣ, то центральные органы в значительной степени воспользовались результатами трудов земства. Самое осуществленіе всей сѣти школ, как оказалось, не могло быть проведено быстро. Слишком много требовалось новых построек. Развитіе дѣла тормозилось недостатком средств, хотя расход на народное образованіе, по своим размѣрам, был, вмѣстѣ с ассигнованіями на медицину, одной из самых крупных расходных статей земскаго бюджета. С 1,6 милл. в 1871 г. он возрос к 1915 г. в 34 старых земских губерніях до 81,899 тыс. руб., а по всѣм 43 земским губерніям до 93.033 тыс руб. Неуклонно продолжавшійся рост школьнаго дѣла особенно усилился послѣ 1908 г., когда Государственной Думой стал отпускаться земствам кредит на содержаніе учительскаго персонала, а равно стали выдаваться безвозвратныя пособія и возвратныя ссуды на школьное строительство из строительнаго фонда имени императора Петра Великаго (по зак. 22 іюня 1909 г. и 23 іюня 1912 г.). Земства, согласившіяся получить правительственную субсидію, должны были дѣйствовать сообразно нѣкоторым общим директивам по установленію школьной сѣти. При учрежденіи новых школ должен был вводиться четырехлѣтній срок обученія и не болѣе, чѣм трехверстный школьный радіус.

Насколько успѣшно шло школьное строительство в земских губерніях, можно видѣть из того, как к 1914 г. обстояло дѣло с реализаціей школьной сѣти, необходимой для всеобщаго обученія. В этом году из общаго числа 441 уѣздных земств 15, т. е. 3%, уже имѣли осуществленной школьную сѣть полностью; 383 уѣздных земства или 88% осуществляли школьную сѣть по соглашенію с Министерством Народнаго Просвѣщенія, причем 31 из них, т. е. 6%, были совершенно близки к установленію общедоступности школы; 19 земств (4%) совершали предварительныя мѣропріятія по введенію правильной школьной сѣти и только 24 земства или 5% не приступали еще к переговорам с правительством относительно полученія пособій на устройство школьной сѣти, необходимой для введенія всеобщаго обученія. Для окончательнаго установленія общедоступности школы и завершенія строительства школьной сѣти 62% земств оставалось в 1914 г. менѣе 5 лѣт, 30% от 5 до 10 лѣт и только 8% — свыше 10 лѣт *). Таким образом, без громкаго

*) *А. Чекини.* «Начальное народное образованіе». Новый Энциклопедич. Словарь, т. 28, стр. 123—149.

декретированія обязательности всеобщаго обученія, через 50 лѣт кропотливой земской работы по подготовкѣ реальной возможности для введенія его, русская деревня, почти не имѣвшая школ в 60-х гг., в нѣкоторых земствах уже обладала общедоступной школой, вполнѣ достаточной для обученія всѣх дѣтей школьнаго возраста, в большинствѣ же других земств работа настолько приблизилась к осуществленію ея, что до завершенія ея оставалось всего 5—10 лѣт. Земская Россія стояла наканунѣ всеобщей грамотности сельскаго населенія.

Для подготовки учительскаго персонала земства создавали спеціальныя учительскія семинаріи (в 5 губерніях) или курсы (в 4 губерніях). Вмѣстѣ с тѣм в позднѣйшую пору, послѣ нѣкотораго удовлетворенія неотложной нужды в начальных школах, отдѣльныя земства приступили к созданію также и средних учебных заведеній, причем мѣстом их избирались по преимуществу крупныя села.

Организацію агрономической помощи в селѣ земству пришлось создавать также совершенно заново. Вначалѣ скромныя затраты земств на агрономическія мѣропріятія, составлявшія в 1875 г. всего около 48 тыс. руб., достигли через 40 лѣт — в 1915 г. по 34 старым земским губерніям до 20.738 тыс. руб. и 24.087 тыс. руб. — по всѣм 43 земским губерніям. Развитіе агрономической помощи началось с учрежденія должности губернскаго агронома, на обязанности котораго лежало руководство всей дѣятельностью по оказанію агрономической помощи в предѣлах губерніи: разработка проектов, сводка отчетов, указанія уѣздным агрономам и пр. К 1915 г. их не было лишь в двух-трех губернских земствах; в других же — при губернских агрономах было по одному или по два помощника. По первоначальному плану непосредственное оказаніе агрономической помощи на мѣстах должно было лежать на уѣздных агрономах. Число их быстро росло, к 1915 году оно равнялось 248 по 441 земским уѣздам. В тѣх земствах, гдѣ не было губернских агрономов, безусловно имѣлись уѣздные. Не успѣл еще этот институт охватить всѣ земскіе уѣзды, как он был восполнен, а мѣстами замѣнен болѣе обширной организаціей участковой агрономіи. Несмотря на то, что к уѣздным агрономам очень часто назначались помощники, дѣятельность их все же не могла быть особенно плодотворной в виду обширности уѣздной территоріи. Необходимо было придвинуть агрономическую помощь еще ближе к населенію. Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія пришло на помощь отдѣльным земствам путем оказанія им субсидій на созданіе участковой агрономіи. Субсидіи выдавались лишь при наличіи достаточно разработаннаго самими земствами плана этого института и при оплатѣ из мѣстных средств не менѣе половины расходов. В рядѣ земств, впрочем, участковая агрономія, так же, как повсюду губернская и уѣздная, содержалась исключительно на земскія средства.

Рост участковой агрономіи особенно быстро шел с 1910 г. В 1909 г. участковые агрономы имѣлись из общаго числа 359 старых уѣздных земств в 45 уѣздах (т. е. в 12,5%), а в 1913 г. —

в 335 (т. е. в 93,3%). Число агрономических участков в этих уѣздных земствах равнялось в 1913 г. — 1447, по 4 в среднем на уѣзд, доходя в отдѣльных случаях до 15 и 20. При распредѣленіи уѣздов на участки принимались во вниманіе, помимо размѣра территоріи, также плотность населенія, число хозяйств, а равно естественно-историческія и экономическія условія. В губерніях с наиболѣе развитой сѣтью участков послѣднія создавались с тѣм расчетом, чтобы радіус их был около 15—20 верст, чтобы участковый агроном обслуживал до 50 десятин пахотной земли. В одних уѣздах участки охватывали до 2400 кв. верст, в других были до 1000 кв. верст и меньше. В задачи участковых агрономов входило изученіе условій крестьянскаго хозяйства, выясненіе способов повышенія производительности и содѣйствіе развитію агрономической культуры путем устройства чтеній и бесѣд, путем подачи совѣтов, демонстрированія опытов, устройства показательных учрежденій, содѣйствія развитію побочных отраслей сельскаго хозяйства и т. п. Мѣстом поселенія участковых агрономов избирались наиболѣе многолюдные и центральные пункты участка. Здѣсь устраивались по большей части агрономическіе кабинеты с библіотекой, коллекціями и приборами, прокатныя станціи сельско-хозяйственных машин, зерноочистительные пункты и т. п. Многія земства, в цѣлях еще большаго приближенія агрономической помощи к населенію, стали дробить участки на болѣе мелкія дѣленія, иногда соотвѣтствовавшія волостям. Во главѣ их ставились сельско-хозяйственные старосты, подчиненные участковым агрономам. Движеніе это уже успѣло получить значительное развитіе.

Сѣть агрономических пунктов восполнялась агрономическими показательными учрежденіями. Из числа послѣдних вниманіе земства было сосредоточено по преимуществу на устройствѣ так называемых «опытных полей». Послѣднія создавались в типичной для данной мѣстности почвенно-климатической обстановкѣ и служили для выясненія наиболѣе раціональных пріемов хозяйства, именно для данной мѣстности и для наблюденія вліянія мѣстных факторов на общее теченіе сельско-хозяйственнаго производства. Земствам 40 губерній принадлежало в 1913 г. 85 сельско-хозяйственных опытных учрежденій всѣх типов. Большая часть из них возникла за время с 1909 по 1913 г., когда земства особенно энергично принялись за работу в этой области. В цѣлях распространенія агрономическаго образованія земствами устраивались спеціальныя школы, курсы и чтенія. Школы учреждались по преимуществу практическія, низшія сельско-хозяйственныя. Онѣ содержались земствами большею частью совмѣстно с казною. Из общаго числа сельско-хозяйственных курсов, устроенных в 1912 г. всего в 868 пунктах, в 395 они были устроены земствами. Из 11.462 чтеній по сельско-хозяйственным вопросам, имѣвших мѣсто в том же году по всей Россіи, 7.186 было организовано земствами *).

*) «Агрономическая помощь в Россіи» под ред. В. В. Морачевскаго, изд. Д-та Земледѣлія. СПБ. 1914 г., стр. 158—167, 330—344.

В связи с мѣропріятіями, направленными на улучшеніе сельскаго хозяйства, послѣ 90-х годов начала слагаться сѣть ветеринарных пунктов. Она возникала, как дальнѣйшее развитіе ранѣе учрежденных земствами должностей губернских и уѣздных ветеринаров. Дѣятельность ветеринаров — первоначально бывшая разъѣздной, начала превращаться в стаціонарную. При ветеринарных пунктах стали создаваться амбулаторіи и скотолѣчебницы. Еще в 1910 г. приходилось уже почти по 3 (2,7) ветеринарных врача на уѣзд. В помощь им, а иногда для самостоятельнаго завѣдыванія отдѣльными пунктами, назначались ветеринарные фельдшера. Для подготовки их были созданы двѣ спеціальных ветеринарно-фельдшерских школы. Были организованы также 32 ветеринарно-бактеріологических лабораторіи. Хотя расходы на ветеринарное дѣло по 34 старым земским губерніям в теченіе 45 лѣт (с 1871—1915 г.) возросли болѣе чѣм в 150 раз — с 54,3 тыс. руб. до 8.394 тыс руб., а по всѣм 43 земским губерніям даже до 9.919 тыс. руб., — но суммы эти все же были раз в 9 меньше ассигнованій на медицину и раз в 10 меньше ассигнованій на народное образованіе. Не удивительно, поэтому, если земствам предстояло еще достаточно много работы для того, чтобы сѣть ветеринарных пунктов, как в отношеніи количества их, так и по своему оборудованію, сравнялась с сѣтью медицинской или школьной.

В концѣ девяностых годов начало болѣе оживленно развиваться строительство дорожной сѣти. Завѣдываніе мѣстными дорогами было возложено законом на земства в качествѣ повинности. Но неотложныя нужды в области медицины и народнаго образованія поглощали большинство земских средств. Хотя расходы на дорожное дѣло объективно росли, поднявшись с 1.904 тыс. руб. в 1871 г. до 3.270 тыс. руб. в 1890 г., но они падали в процентном отношеніи к смѣтѣ (с 9,5% до 6,9%). Тогда правительство в 1895 г., освободив земства от нѣкоторых обязательных расходов, постановило, чтобы соотвѣтствующія суммы шли на образованіе спеціальнаго дорожнаго капитала. Суммы эти составляли в общем бюджетѣ 34 земств около 6 милліонов руб. (5.954 тыс. руб.). Этот приток средств содѣйствовал подъему дорожнаго дѣла. Началась выработка плана дорожнаго строительства, усиленная починка старых и проведеніе новых дорог, возрос численно техническій персонал земских инженеров, техников и десятников. В 1900 г. дорожные расходы (как из суммы дорожнаго капитала, так и из собственных ассигнованій земств) поднялись до 11% бюджета, но к 1910 г. снова упали до 8%, а к 1915 г. до 6,9% смѣты. При наличіи спеціальнаго дорожнаго капитала, земства начали сокращать собственныя ассигнованія на дорожное дѣло, направляя средства на удовлетвореніе остро ощущавшейся нужды в поддержкѣ начавших быстро развиваться образовательных и медицинских учрежденій. За нѣсколько недѣль до войны, в 1914 г. был издан спеціальный закон об образованіи особаго государственнаго фонда для выдачи пособій и ссуд земским учрежденіям на дорожное строительство. Конечно, это оказалось фактически запоздавшей поддержкой, кото-

рая должна была быть оказана гораздо раньше. Все же, оживленіе дорожнаго дѣла послѣ 1895 г. имѣло весьма благотворное значеніе. Почти всѣ 17.797 верст дорог с каменной одеждой, находившихся в вѣдѣніи Министерства Внутренних Дѣл (т. е. 53% всѣх дорог этого рода в Россіи) к тому времени были в постоянном завѣдываніи земских учрежденій *).

Для объединенія дѣятельности агентов, разбросанных по отдѣльным пунктам создаваемой земствами сѣти тѣх или других учрежденій, земства устраивали съѣзды лиц, работающих по той или другой спеціальности, и создавали в качествѣ постоянных органов при Управах особые «совѣты», «комитеты» или «комиссіи». Так возникли съѣзды врачей, ветеринаров, агрономов и пр., «санитарныя бюро», «ветеринарныя комиссіи», «совѣты» и «комитеты» по дѣлам сельскаго хозяйства и т. п. В состав постоянных органов при Управах обычно входили, как земскіе служащіе по той или другой спеціальности, так и члены Губернских или Уѣздных Земских Управ, а равно лица, избранныя Земскими Собраніями из числа их членов и иногда даже представители вѣдомств. Эти учрежденія сплачивали земских служащих и земцев, содѣйствуя выработкѣ, на основаніи опыта, наиболѣе правильных пріемов постановки дѣла.

V

Ассигнованія земств на созданіе правильной сѣти тѣх или других общественно-полезных учрежденій или сооруженій восполнялись, как уже указывалось, многочисленными ассигнованіями на поддержаніе отдѣльных самых разнообразных начинаній, которыя находились в той или другой связи с основными задачами земской дѣятельности и не успѣли или просто не могли сложиться в правильную схему учрежденій. Такого рода поддержка касалась всѣх сторон земской работы.

В сферѣ народной медицины в этом отношеніи должен быть отмѣчен ряд мѣропріятій санитарнаго характера. Нѣкоторыя земства принимали мѣры по ассенизаціи, по очисткѣ стоячих вод, выдавали ссуды на рытье колодцев, углубленіе водохранилищ и т. п. Для борьбы с дѣтской смертностью в лѣтнее время, особенно вслѣдствіе поносов (а также для уменьшенія пожаров от дѣтских поджогов) организовывались дѣтскія ясли-пріюты, гдѣ дѣти проводили время в отсутствіе родителей под надзором опытных руководителей, и гдѣ они получали питаніе. Ясли-пріюты особенно усиленно возникали в 90-х и 900-х г. г. Они имѣлись почти в половинѣ земских губерній, от 7 до 150 в каждой. В позднѣйшее время интерес к ним нѣсколько ослабѣл. Главным образом в южных губерніях, для поддержанія пришлых сельско-хозяйственных рабочих и предотвращенія занесенія ими заразы, организовывались врачебно-продовольственные пункты. Число их было не свыше 60 в 6—7 губерніях.

В дѣлѣ народнаго образованія крупныя ассигнованія шли на

*) *К. А. Оппенгейм.* «Россія в дорожном отношеніи», 1920 г., стр. 42.

распространеніе внѣшкольнаго образованія: на устройство библіотек-читален, воскресных школ и разнаго рода курсов, причем в этой области земства почти всегда встрѣчали противодѣйствіе администраціи, боявшейся распространенія вмѣстѣ с образованіем неблагопріятных для нея идей.

В круг мѣропріятій по сельскому хозяйству входили мѣры по поддержанію скотоводства (устройство случных пунктов, организація страхованія скота), по развитію и распространенію сельско-хозяйственных знаній путем устройства школ, курсов, чтеній и выставок, по поддержанію кустарной промышленности путем выдачи ссуд и пособій и т. п. Особенно должны быть отмѣчены противопожарныя мѣропріятія: отдѣльными земствами выдавались ссуды на устройство огнеупорных зданій, строились спеціальные заводы и мастерскія для выдѣлки матеріалов для огнестойких крыш; пріобрѣтались в большом количествѣ пожарныя трубы; особенно широкаго развитія достигло образованіе спеціально «вольно-пожарных» дружин или общин. За послѣднее перед войной трехлѣтіе земствами было израсходовано на покупку пожарных труб свыше 2 милл. руб. Всего было куплено к 1914 г. 8.858 пожарных труб. Расход земств на организацію пожарных дружин и обществ, а равно снабженіе сельских обществ пожарными инструментами шли в качествѣ ссуд послѣдним, но, главным образом, в качествѣ безвозмездных пособій им.

Ассигнованія на отдѣльныя разрозненныя мѣропріятія этого рода и ссуды на тѣ или другія начинанія были столь разнообразны, что было бы затруднительно всѣ их перечислять. Поэтому приходится ограничиться сдѣланным указаніем лишь наиболѣе значительных из них.

Мѣропріятія на коммерческих началах давали возможность земским учрежденіям расширить дѣятельность далеко за предѣлы тѣх финансовых границ, которыя создавались их ограниченными правами налогового обложенія населенія. Отсутствіе элемента барыша и опредѣленное удешевленіе доставляемых предметов и услуг, по сравненію с частными предпринимателями, содѣйствовали быстрому развитію этих начинаній.

В дѣлѣ народнаго образованія в цѣлях распространенія среди населенія популярных книг, удешевленной продажи учебников и письменных принадлежностей, организовывались земскіе книжные склады. Послѣ того, как нѣкоторые из них были закрыты в 1906—1908 г., общее число их к 1916 г. было около 100. Нѣкоторыя земства занимались изданіем для населенія книг, журналов и даже имѣли свои типографіи.

Особенно большое значеніе коммерческія мѣропріятія имѣли в области сельскаго хозяйства. Здѣсь они получили наибольшее развитіе. Весьма удачной была организація «сельско-хозяйственных» складов для доставленія земледѣльцам возможности пріобрѣтать по самым скромным цѣнам и с льготной разсрочкой усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія и лучшіе сорта сѣмян. К 1910 г. сельско-хозяйственные склады имѣлись почти во всѣх уѣздных земствах и в половинѣ губернских. Для того, чтобы не переплачивать деньги поставщикам, земства скоро стали объединяться и совмѣстно

производить оптовыя закупки непосредственно у крупных фирм. Так возникли бюро: при Орловском земствѣ — для центральнаго района, при Самарском — для восточнаго и при Харьковском — для южнаго. Результаты этих совмѣстных закупок оказались весьма благопріятны. Согласно данным ревизіонной комиссіи Орловскаго земства, за время с 1899 по 1908 г. пониженіе цѣн доходило от 6,5 % до 18,5 % на отдѣльные виды сельско-хозяйственных орудій и их принадлежности. По докладу же Самарской земской управы, в 1902 г. частные торговцы вынуждены были понизить цѣны до 20 % и даже болѣе. Земства заключили также между собой союз для объединенных закупок желѣза. Послѣднее расходилось в большом количествѣ для кровли домов, как матеріал наиболѣе безопасный в пожарном отношеніи. В 1909 г. союз превратился в «Т-во Московскаго Губернскаго Земства и К-о по совмѣстной закупкѣ желѣза», куда входило до 20 губернских земств. Дѣло стало быстро развиваться, и в теченіе 1914 г. Товариществом было уже выслано членам его почти на 7 милліонов рублей (6.789.739 р.) оцинкованнаго и чернаго желѣза.

Для поддержанія кустарной промышленности земствами организовывались кустарные музеи и склады. Они выполняли или комиссіонныя функціи между кустарем и покупателем или же прямо скупали у кустарей издѣлія и продавали их сами. Они вмѣстѣ с тѣм доставляли кустарям необходимый матеріал и давали им его в кредит. При складах же организовывались мастерскія, которыя являлись проводниками новых усовершенствованных пріемов кустарной работы. Благодаря этому кустарь освобождался от зависимости по отношенію к скупщикам и торговцам сырыми матеріалами. В Перми был даже открыт спеціальный «Кустарно-Промышленный Банк» для выдачи кустарям ссуд под готовыя издѣлія. Быстро развившiеся обороты стали давать чистый доход вскорѣ послѣ начала его функціонированія.

Отчасти на коммерческих началах, отчасти на началах безплатности были построены мѣропріятія земств по развитію мѣстных средств сообщенія, именно — почты и телефона.

Земская почта возникла собственно для нужд непосредственно самих земских учрежденій послѣ того, как в 1869 г. постановленіем Комитета Министров земская корреспонденція в отношеніи почтовой оплаты была приравнена к частной, и за нее начали взиматься почтовые сборы в таком же размѣрѣ, как и за частную. Это был один из выводов из «общественной» теоріи самоуправленія, из взгляда на земство, как на одну из мѣстных «частных» общественных организацій. Вскорѣ земства занялись пересылкой вмѣстѣ со своей и частной корреспонденціи. Для этого потребовалось, конечно, особое разрѣшеніе правительства. Земская почта получила значеніе добавочной для тѣх районов, гдѣ не было государственной. Этими районами только она и должна была ограничиваться. К 1911 г. она была в 236 уѣздных земствах (из 359) и в 2 губернских. Плата за почтовыя отправленія была невысокой, большею частью ниже тарифов государственной почты. Доходов больших земства от этого не

имѣли. Нѣкоторыя из них совсѣм не взимали платы. Но земская почта сыграла большую культурную роль в дѣлѣ пріобщенія к общей государственной жизни различных «медвѣжьих» уголков русской провинціи.

Проведеніе телефона в деревнѣ вначалѣ вызвало против себя много возраженій, как против излишней роскоши. Но при недостаточном развитіи путей сообщенія, он оказался весьма полезен. Земскій телефон стал создаваться, начиная лишь с 900-х гг. Число линій быстро росло. В послѣдніе перед войной 5 лѣт открывалось от 14 до 29 линій ежегодно. В результатѣ — в 1914 г. земская телефонная линія имѣла 65.344 версты протяженія; протяженіе же проводов составляло 150 тысяч верст (150.993) при 22.356 аппаратах. Из них, однако, только 60% были платными. Начиная с 1911 г., земства стали получать от правительства концессіи на устройство междугородних телефонных сѣтей. Они получали плату за переговоры и передачу депеш по таксѣ, устанавливаемой правительством. По истеченіи срока концессіи телефонныя линіи со всѣм оборудованіем должны были поступать в собственность правительства. Дѣло это только что начинало развиваться. В 1914 г. было фактически осуществлено 543 версты этих линій. Всего за послѣдніе пять лѣт перед войной разрѣшено было к устройству уже 51 линія с протяженіем свыше 3 $^1/_2$ тыс. верст.

Примѣненіе коммерческих пріемов работы дало, наконец, возможность развиться в русской деревнѣ таким существенным в хозяйственном оборотѣ институтам, как страхованіе и мелкій земскій кредит.

В земском страхованіи слѣдует различать страхованіе обязательное и добровольное. Первое касалось «всѣх сельских построек, находящихся в чертѣ крестьянской осѣдлости», носило сословно-крестьянскій характер и было своего рода особым налогом на крестьян. Оно было установлено 7 апрѣля 1864 г. в противовѣс полному отсутствію страхованія, что имѣло мѣсто до того времени в русской деревнѣ. На земства при этом была возложена обязанность устанавливать страховыя нормы и страховыя преміи. Земское же «добровольное» страхованіе было дѣлом свободнаго соглашенія сторон, носило — поэтому — всесословный характер и совершалось по болѣе высоким ставкам, чѣм обязательное. Оно скоро начало расти и захватывать все новые и новые объекты страхованія. Кромѣ сельско-хозяйственных строеній земства стали принимать на страх также мелкія промышленныя предпріятія, затѣм начали переходить к страхованію движимости: сельско-хозяйственных продуктов, домашних животных, сельско-хозяйственнаго инвентаря и пр. Весьма существенное в сельском хозяйствѣ страхованіе движимости постепенно разросталось, составляя в 1914 г. около 17% всѣх сумм добровольнаго страхованія. Послѣ 900-х гг. начался быстрый рост числа служащих по земскому страхованію. По данным Перестраховочной Комиссіи лишь для 32 губерній к 1 октября 1915 г. было болѣе 1200 страховых агентов, около 600 конторщиков и около полутора тысяч служащих страховых отдѣленій, в общем вмѣстѣ с работаю-

щими по противопожарному дѣлу 4067 человѣк. Страховыя учрежденія начали образовывать правильную сѣть, раскинутую по земским губерніям. Добровольное страхованіе стало выдвигаться земством, главным образом, как средство борьбы с стремленіями акціонерных обществ к повышенію страховых премій. С этой цѣлью земства начинают у себя понижать послѣднія. Если в 1876 г. средняя премія добровольнаго страхованія составляла 1,36%, то в 1903 г. она равнялась уже 0,82%, т. е. понизилась в 2,66 раз. В области страхованія земства вели такую же защиту интересов населенія, как в дѣлѣ пріобрѣтенія земледѣльческих орудій. Земское добровольное страхованіе имѣло наибольшее значеніе, конечно, для сельских мѣстностей. Здѣсь земскія страховыя суммы в 1910 г. составляли 14,1% общей совокупности страховых сумм акціонернаго, земскаго и городского страхованія в то время, как вообще земскія страховыя суммы составляли не больше 8,7% всѣх страховых сумм для всѣх мѣстностей Россіи. Земское страховое дѣло прекрасно завершалось объединеніем нѣкоторых земств в союз для перестрахованія огневых рисков по недвижимому и движимому имуществу. По договору 1909 г. в этот союз вступило 11 земств. Этот союз освобождал земства от зависимости от акціонерных страховых обществ, гдѣ они ранѣе перестраховывали свои огневые риски.

Организація мелкаго кредита, без котораго остро страдала наша сельско-хозяйственная промышленность, было одним из наиболѣе поздних мѣропріятій земств. Всѣ раннѣйшія попытки не имѣли особаго значенія. Дѣло получило возможность развиваться нормальным образом лишь послѣ изданія в 1906 г. закона о «земских кассах мелкаго кредита», главною цѣлью которых ставилось облегченіе сельским хозяевам, кустарям и ремесленникам производства хозяйственных оборотов и улучшеній. Средства кассы начинали слагаться из земских ассигнованій, правительственных ссуд, а также займов, частных вкладов, прибыли и пр. Земскія кассы представляли возможность давать мѣстным сбереженіям мѣстное же производственное назначеніе *). Сѣть их быстро начинала развиваться. Через 9 лѣт по изданіи закона только у 4 губ. земств из 41 не было особых губернских касс. Около половины всѣх уѣздных земств имѣли особыя уѣздныя кассы. Общее число их к 1 іюля 1915 г. достигало уже 239 с балансом в 100 милл. р. (100.026,9 тыс. р.) **)

VI

Работа земских учрежденій касалась, самых разнообразных сторон сельской жизни. Выше отмѣчено было лишь главнѣйшее. Плодотворность этой дѣятельности быстро начала сказываться. Она является совершенно наглядно ощутимой, если принять во вниманіе, что земствам приходилось почти все создавать заново: и школу, и медицинскую помощь, и агрономію, не говоря уже о мелком кредитѣ,

*) *Г. Р. Шмидт.* «О мелких кассах земскаго кредита», СПБ. 1908 г.
**) Календарь-Справочник Земскаго Дѣятеля за 1917 г., стр. 125—129.

страхованіи или телефонах. Конечно, и в области распространенія народнаго образованія и в сферѣ примѣненія усовершенствованных методов обработки земли Россія не смогла еще стать в уровень с передовыми странами Европы или с Соединенными Штатами Америки. Но этого нельзя было и требовать, если принять во вниманіе, что земским учрежденіям приходилось начать дѣло с народом, только что вышедшим из рабскаго состоянія, придавленным в экономическом отношеніи тягчайшими сборами за полученную землю, которая к тому же оказывалась принадлежащей не лично плательщику, а сельскому обществу. И все же — дѣло быстро развивалось, и в 50 лѣт был сдѣлан не только огромный шаг, но и цѣлый прыжок вперед.

Не всегда и не во всем работа в земских учрежденіях шла гладко. В нѣкоторые періоды (напр., в началѣ 80-х гг. послѣ убійства Александра II, в 1906—1907 г. послѣ революціи 1905 г.) происходило сознательное сокращеніе ассигнованій на нѣкоторыя культурныя мѣропріятія и даже ликвидація нѣкоторых общественных учрежденій (напр., санитарных бюро, книжных складов и пр.), которыя, впрочем, впослѣдствіи в значительной части снова возстанавливались. Это было связано с періодами общественно-политической реакціи, и объяснялось, как и многое другое, особым составом земских собраній. На основаніи земскаго избирательнаго закона, особенно послѣ реформы его в 1890 г., как в губернских, так и в огромном большинствѣ уѣздных земских собраній подавляющее большинство голосов принадлежало представителям крупнаго и средняго землевладѣнія и притом дворянскаго сословія. Сословно-дворянскіе интересы временами сказывались и в самой работѣ, напр., в неуравнительном обложеніи помѣщичьих и крестьянских земель (что, впрочем, послѣ изданія в 1893 г. особых правил о переоцѣнкѣ подлежащих земскому обложенію имуществ начинало сглаживаться), в недостаточно внимательном отношеніи к вопросу об охранѣ труда сельскохозяйственных рабочих, в отношеніи к вопросу об урегулированіи арендных отношеній и т. п. Но всѣ эти тѣни на общем фонѣ земской дѣятельности лишь ярче подчеркивают ту огромную культурную работу, которая была продѣлана земством для крестьянства, на благо котораго были направлены всѣ земскія начинанія: и школы, и медицина, и агрономія.

Особенно ясным становится значеніе того, что дало деревнѣ земство, если сравнить результаты его работы с тѣм положеніем дѣла, которое имѣлось в то время в губерніях, гдѣ не было земских учрежденій. В этом отношеніи являются особенно показательными данныя, касающіяся двух из главнѣйших отраслей земской работы — медицинскаго и школьнаго дѣла.

В 1910 г. врачебные участки в 34 земских губерніях были в среднем в 3—4 и даже болѣе раз мельче, чѣм в других губерніях Евр. Россіи, не говоря уже о Сибири или Средней Азіи, и это, конечно, существенным образом приближало врачебную помощь к населенію. В 6 западных губерніях врачебные участки были лишь немного крупнѣе земских, но зато они были в полтора раза гуще на-

селены; — это приводило к тому, что населеніе, естественно, гораздо хуже обслуживалось в медицинском отношеніи.

Организація медицинской помощи в Европейской Россіи в 1910 г. видна из слѣдующей таблицы:

Губерніи	Площадь средняго врачебнаго участка в квадратных верстах	Среднее количество населенія на один врачебный участок	Плотность населенія на одну квадратную версту
34 земских губерніи . . .	700	28.000	38
Неземскія губерніи:			
Западныя губерніи	725	42.000	58,9
Веленск., Ков. и Гродн.	2.000	98 000	49,2
Кавказ	2.800	73.000	26
Область Войска Донск.	2.970	62.000	21,2
Астрах., Оренб. и Арханг.	13.129	40.000	3

Если в губерніях Астраханской, Оренбургской и Архангельской среднее количество населенія в каждом врачебном участкѣ занимало второе мѣсто послѣ земских губерній, то огромныя разстоянія участков (до 13.129 верст) при рѣдкости населенія чрезвычайно затрудняли возможность оказанія медицинской помощи, особенно в распутицу, при плохом состояніи дорог. Помимо преимуществ земских губерній в отношеніи размѣров и населенности врачебных участков, весьма показателен размѣр их затрат на медицину. Общія затраты на медицину (из всѣх источников) составляли на одного жителя в 1912 г. в 34 земских губерніях 103 к., в Сибири—82 к., в Области Войска Донского — 56 коп., на Кавказѣ — 52 коп., в 12 прочих неземских (до 1912 г.) губерніях Европейской Россіи — 48 коп., в Царствѣ Польском — 39 коп., в Среднеазіатских владѣніях — 24 коп. Только в Прибалтійских губерніях на медицину тратилось больше, чѣм в земских губерніях — по 133 коп. на человѣка, но это объясняется особым развитіем здѣсь частных врачебных учрежденій (на долю которых приходилось 55 коп. из 133) и городских (на которыя падало 48 коп. из 133). Однако, здѣсь врачебная помощь была ограничена по преимуществу городами и в деревню проникала мало; земскія же учрежденія вывели ее из городов и раскинули правильную сѣть по деревням. Если принять во вниманіе, что из указанных 103 коп. расхода в среднем на одного жителя 61 коп. шла из земских сумм, то оказывается, что одни земскія учрежденія тратили на медицину больше, чѣм правительственныя, общественныя и частныя учрежденія — взятыя вмѣстѣ — во всѣх прочих губерніях, кромѣ губерній Прибалтійских и кромѣ Сибири, так как в послѣдней были особенно значительны расходы казны. В связи с болѣе высокими затратами, врачебная помощь в земских губерніях, естественно, была гораздо лучше обставлена, чѣм в неземских. Согласно отчету Главнаго Врачебно-Санитарнаго Управленія, в 1910 г. на безплатную выдачу медикаментов расходовалось на одного больного в неземских губерніях 7 коп., а в земских — 13 к., т. е. почти в два раза больше; на

оспоприживаніе расходовалось на одного привитаго в неземских губерніях — 4 коп., а в земских — 8 коп., тоже в два раза больше; на одного больничнаго больного в неземских губерніях в среднем шло 15 руб. 34 коп., а в земских — 18 руб. 49 коп. и т. д.

Та же картина с финансовой стороны получается и в дѣлѣ народнаго образованія. Еще в девяностых и девятисотых годах земскія губерніи тратили в среднем на одну душу населенія в 6—7 раз болѣе, чѣм неземскія губерніи Европейской Россіи, а именно расходовали:

	Земскія губерніи	Неземскія губерніи
1895 г.	14 коп.	1,9 коп.
1897 г.	18,1 коп.	2,6 коп.
1900 г.	22 коп.	3,6 коп.

В результатѣ работы земских учрежденій населеніе земских губерній оказалось со стороны обезпеченности школами в гораздо лучшем положеніи, чѣм в губерніях неземских. Об этом прекрасно свидѣтельствует процентное отношеніе числа учащихся в школах к общему числу дѣтей школьнаго возраста, считая таковой от 8 до 11 лѣт. Как можно судить по картограммѣ Ф. Мартинсона, на 1 января 1915 года в одной половинѣ земских губерній (в 21 из 43) в школах находилось от 61% до 90% дѣтей школьнаго возраста, а в другой — от 31% до 60%, причем в эту вторую половину входили почти всѣ тѣ земскія губерніи, в которых земство функціонировало всего 2—3 года (послѣ 1911—1912 г.). Из числа же неземских губерній и областей разсматриваемое отношеніе лишь в 8 колебалось между 61% и 80% (но не 90%), в 19 — было между 31% и 60% и почти в половинѣ (в 23 из 50) число учащихся дѣтей было ниже 30% общаго числа дѣтей школьнаго возраста, чего не было ни в одной из земских губерній *).

Распространеніе спеціальных и, в частности — агрономических знаній путем чтеній и лекцій также развивалось преимущественным образом в земских губерніях. По свѣдѣніям Департамента Земледѣлія, почти 90% общаго числа сельско-хозяйственных чтеній, устроенных в 1912 году в Россіи, имѣли мѣсто именно в земских губерніях. На 40 земских губерній приходилось свыше 10 тысяч пунктов чтеній из всего количества их в 11.462. При этом самая организація чтеній почти в $^2/_3$ случаев (около 63%) принадлежала земствам; вѣдомственными учрежденіями и агентами было организовано до 25% чтеній и около 13% — сельско-хозяйственными обществами и частными лицами **). Независимо от болѣе совершенной постановки в земских губерніях отдѣльных культурных учрежденій, нѣкоторыя из них, как спеціально-земскія (земская почта, земскія кассы мелкаго кредита и т. п.) совершенно отсутствовали в губерніях неземских.

Широкое развитіе земской самодѣятельности приводило к тому, что земская работа получала все болѣе и болѣе возрастающее зна-

*) Нов. Энц. словарь, т. 28 под словом «Нач. Нар. Образованіе».

**) «Агрономическая помощь в Россіи», стр. 333—334.

ченіе по отношенію к дѣятельности правительственной администраціи, как в предѣлах самих земских губерній, так и в общегосударственном масштабѣ. Сравнительно высокая цифра медицинских расходов на одного жителя в земских губерніях (103 коп. в 1912 г.) объясняется именно усиленными затратами на это дѣло со стороны земских учрежденій. В то время, как в неземских губерніях тратилось в том же году на медицину со стороны правительственных учрежденій, вѣдавших так называемыми земскими сборами, от 8 до 24 коп., земства затрачивали 61 коп. на человѣка. Казенные расходы на медицину в земских губерніях равнялись лишь 4,8% (против 59,2% земских), в то время как в других губерніях они доходили до 48% (33% в Средней Азіи, 48% в Сибири). В дѣлѣ агрономической помощи, насколько опять рѣчь идет только о самих земских губерніях, земскій агрономическій персонал в 3½ раза превосходил число агрономов и вспомогательных агрономических служащих, содержавшихся на средства казны. Общее число послѣдних в 43 земских губерніях к 1915 г. равнялось 1.604 человѣка, между тѣм как земскій агрономическій персонал доходил до 5.806 человѣк *). Из общаго числа 159 сельско-хозяйственных школ в 43 земских губерніях, лишь немногим болѣе ⅕ были правительственными (именно 30), остальныя же были созданы по общественной и частной иниціативѣ, и притом преимущественно по иниціативѣ земств, которым принадлежало 86 училищ, т. е. болѣе половины всѣх школ. Между тѣм, в губерніях неземских больше половины сельско-хозяйственных школ были правительственными (59 из 114), а остальныя были созданы сельско-хозяйственными обществами (44), городами (3) и частными учрежденіями и лицами.

Земская иниціатива в такой мѣрѣ обогащала мѣстную жизнь культурными учрежденіями, в какой не дѣлала, да и не могла этого сдѣлать, центральная правительственная власть через своих назначенных ею чиновников. В послѣднее время это ясно уже сознавалось самим правительством. Как Министерство Народнаго Просвѣщенія, так в особенности Министерство Земледѣлія, первое — в дѣлѣ созданія школьной сѣти, второе — в проведеніи почти всѣх своих агрономических мѣропріятій, считали необходимым дѣйствовать через посредство земских учрежденій и в контактѣ с ними, не полагаясь на энергію своих собственных агентов.

Рост мѣстной иниціативы приводил к тому, что земства начинали играть все большее и большее значеніе в общегосударственном масштабѣ. В области народнаго образованія в 1915 г. по 43 земским губерніям, т. е. менѣе чѣм по половинѣ всѣх губерній и областей Россіи, было израсходовано преимущественно на начальное образованіе около ½ всѣх сумм, ассигнованных по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на всѣ его учрежденія по всей Имперіи. Если к 195,6 милл. руб. смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія прибавить расходы на народное образованіе других вѣдомств (Св. Синода, Военнаго Министерства, Министерства Финансов, Тор-

*) «Справочник Земскаго Дѣятеля», 1917 г., стр. 136.

говли и Промышленности и др.) — в общей сложности около 80 миллiонов, то и тогда оказывается, что 93 милл. расхода земской половины губернiй Россiи (43 из 92), помимо расходов городских общественных учрежденiй, составляли около $^1/_3$ всѣх правительственных ассигнованiй, по всѣм учрежденiям, по школам всѣх ступеней и низшей, и средней, и высшей и по всѣм видам образованiя, в том числѣ: по военному и религiозно-церковному. Если же брать правительственный расход только на начальное образованiе, в области котораго, главным образом, работало земство, то тогда значенiе земства представляется еще болѣе существенным. Подобная же картина получается и в других областях. По послѣдним, относящимся к довоенному времени, статистическим данным сѣть шоссейных и мощеных дорог всей Россiи в 1911 г. составляла 33.680 верст (35.937 кил.) и из этого числа около 66% находилось в вѣдѣнiи земств *). Из всего количества опытных сельско-хозяйственных учрежденiй, равнявшагося в 1913 г. — 264, земствами было создано столько же, сколько и правительством (85 против 84); остальныя принадлежали сельско-хозяйственным обществам, частным лицам и пр. Правительству при этом принадлежала большая часть спецiальных опытных станцiй, а земству большая часть опытных полей. Рост земских сельско-хозяйственных показательных учрежденiй был особенно интенсивен в послѣднiе годы — с 1910 по 1913 г. За это время в Европейской Россiи возникло всего 98 новых опытных учрежденiй, и из них 66 возникло по инициативѣ земств и только 12 по инициативѣ правительства **).

Чтобы в надлежащей мѣрѣ оцѣнить тѣ результаты, какiе были достигнуты земскими учрежденiями, необходимо принимать во вниманiе тѣ трудности, которыя стояли перед ними. Онѣ вытекали по существу оттуда же, откуда вытекал и особый подъем энергiи земских дѣятелей, — из того обособленнаго положенiя, которое занимали земства в строѣ русских мѣстных административных учрежденiй. На долю земств, как учрежденiй, «не введенных в общую систему управленiя и поставленных подлѣ нея, в качествѣ отдѣльных общественно-государственных тѣл»***), выпал ряд тягостных стѣсненiй в бюджетном отношенiи, созданных как самим законодателем, так и практикой. Несмотря на установленную законом ограниченность объектов земскаго обложенiя, налоговыя права земств все же еще урѣзывались. Так были особым образом ограничены полномочiя их по обложенiю торгово-промышленных заведенiй. В 1900 г. был издан закон, которым просто механически обрѣзалось дальнѣйшее возвышенiе земскаго бюджета. По этому закону земства могли повышать свои смѣты лишь на 3% против смѣты 1900 г. Для дальнѣйшаго повышенiя устанавливалась необходимость разрѣшенiя министров финансов и внутренних дѣл. Самое взиманiе земских сборов было соединено с большими недоборами. Оно находилось в ру-

*) *К. А. Оппенгейм.* «Россiя в дорожном отношенiи», Москва, 1920 г., стр. 42.

**) «Агрономическая помощь в Россiи», стр. 513—515.

***) *Безобразов.* «Земскiя учрежденiя и самоуправленiе», СПБ. 1874 г.

ках полиціи, подчиненной исключительно органам правительственнаго управленія, находившимся в нѣкотором антагонизмѣ с земством. «Можно без преувеличенія сказать, что земству все время приходилось вести войну с администраціей из-за взысканія податей и недоимок» (Веселовскій, I, 192). Просьбы же земств о разрѣшеніи производить сборы через собственных агентов или в судебном порядкѣ неизмѣнно отклонялись. Только послѣ закона 1903 и 1904 г. произошло улучшеніе в полученіи земством их сборов и недоимок. Работа земских органов, как учрежденій губернских и уѣздных, затруднялась также тѣм, что низшіе мѣстные волостные и сельскіе органы не стояли с ними ни в какой связи, поскольку они были всецѣло подчинены органам правительственнаго управленія. Земства не имѣли на мѣстах общественных учрежденій, на которыя могли бы опереться при проведеніи тѣх или других своих мѣропріятій. И это, конечно, подрывало широкое развитіе их начинаній.

Но всѣ эти болѣе или менѣе постоянные «тормазы» блекнут пред тѣми бурными натисками правительственной реакціи, которые разражались в отдѣльныя эпохи (особенно в концѣ восьмидесятых и в началѣ девятисотых гг.) и которые были проникнуты одним духом: свести до minimum'а самое значеніе земств, как «инородных тѣл» в бюрократическом аппаратѣ управленія и подчинить их вполнѣ органам правительственнаго управленія, сведя непріятный для послѣдних дуализм к бюрократическому единству. Об общем направленіи их лучше всего свидѣтельствует представленный в концѣ 80-х годов на разсмотрѣніе законодательных учрежденій проект министра внутренних дѣл о лишеніи земских собраній всякой самостоятельности с подчиненіем всѣх их рѣшеній утвержденію губернатора и с замѣной выборных земских управ коллегіальными присутствіями из членов по назначенію правительства. Проект не получил полнаго осуществленія, однако вліяніе его сказалось в реформѣ земских учрежденій 1890 года, которой был усилен классово-дворянскій состав Земских Собраній, расширены права губернатора по надзору за цѣлесообразностью рѣшеній земских учрежденій и увеличена зависимость членов управ от представителей правительственной власти. В эпохи натисков отнимались у земских учрежденій ранѣе предоставленныя им полномочія, как это было в 1900 году, когда было изъято из их вѣдѣнія продовольственное дѣло и передано в руки правительственной администраціи. Начиналось, помимо того, массовое неутвержденіе выбираемых земствами предсѣдателей управ, увольненіе земских служащих, запрещеніе отдѣльным земским дѣятелям общественной дѣятельности, высылка неугодных правительству земцев из предѣлов губерніи и даже совершенная пріостановка дѣятельности отдѣльных земств с замѣной их управами из членов по назначенію правительства.

Под вліяніем всего этого земская культурная дѣятельность, естественно, должна была временно пріостанавливаться в своем развитіи и сжиматься. Но она не останавливалась и к тому же стала, естественно, развиваться и в другом направленіи. Земства не могли не понимать того, что их положеніе, а равно и состояніе всего го-

сударства, могло перемѣниться лишь в связи с перемѣной всего центральнаго управленія, при созданіи однороднаго с ними общегосударственнаго органа народнаго представительства, которое поддерживало бы их из центра, сокращая аппетиты бюрократіи. Начиная с первых лѣт дѣятельности земских учрежденій в них жива была идея об «увѣнчаніи государственнаго зданія» земским собором или палатой выборных представителей от всего населенія. Съѣзды земских и городских дѣятелей, особенно в 1904—1905 г., явились зародышами народнаго представительства, и земской же делегаціи в іюнѣ 1905 г. удалось получить от императора Николая II торжественное завѣреніе о созывѣ выборных от населенія. Так одновременно с мѣстной культурной дѣятельностью земства должны были вести и политическую работу над превращеніем сословно-абсолютической Россіи в конституціонно-правовое государство, гдѣ в гражданских правах были бы сравнены всѣ классы. И в этом отношеніи исторія должна отмѣтить крупную общественно-политическую роль земства.

В 1906 г. была собрана Государственная Дума. Положеніе земств вскорѣ измѣнилось. Ослабли натиски администраціи. Вниманіе земств уже менѣе отвлекалось общегосударственными вопросами и могло болѣе сосредоточиться на мѣстных интересах. Вмѣсто прежних урѣзываній земских бюджетов начались через Государственную Думу ассигнованія в распоряженіе земств значительных сумм на различныя культурныя начинанія. Началось широкое развертываніе работ. Эпоха послѣ 1907 г. была порой наибольшаго расцвѣта земской дѣятельности. Это была яркая вспышка перед погасаніем. Февральская революція 1917 г. удалила столь тяготившую земства административную опеку, принесла всеобщее избирательное право, расширеніе полномочій и дальнѣйшее проведеніе земских учрежденій до самых низших административных дѣленій. Послѣ октябрьской революціи земства оказались замѣненными мѣстными совѣтами рабочих и крестьянских депутатов и их исполкомами, формально выбираемыми, фактически подбираемыми согласно директивам правительственной партіи, обязанными дѣйствовать сообразно указаніям центральной власти и всецѣло подчиненными ей. Дуализм органов самоуправленія и органов правительственнаго управленія совершенно сгладился. От самоуправленія не осталось и слѣда. Совѣты и их исполкомы стали органами централизованнаго правительственнаго управленія, крѣпко втиснутыми в схему іерархическаго подчиненія. Самыя пылкія мечтанія реакціонных министров эпохи царскаго абсолютизма оказались превзойденными. Исторія земства оборвалась. И когда она начнется снова, то, в виду произведенных разрушеній, земским учрежденіям придется во многих областях начинать заново строить то, что нѣкогда было ими уже создано.

А. А. Боголѣпов.

АГРАРНЫЯ РЕФОРМЫ

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В ЧЕХОСЛОВАКІИ

I

Земельныя реформы, прошедшія или проходящія теперь в полутора десятках стран*) вслѣд за окончаніем міровой войны, суть коренныя измѣненія экономических и правовых отношеній землевладѣнія и землепользованія. Эти измѣненія выходят за рамки обычнаго законодательства о земельных отношеніях. Главная сущность их — в принудительном перераспредѣленіи земли по владѣніям разной величины и, слѣд., в ограниченіи начала неприкосновенности частной земельной собственности. Земельная реформа является поэтому своего рода переворотом в доселѣ бывшем соціально-экономическом строѣ.

В числѣ государств, проводящих земельную реформу, находится и Чехословацкая Республика (Ч. С. Р.).

В народнохозяйственном отношеніи Ч. С. Р. представляется страной густонаселенной и достаточно сильно индустріализованной, если судить по запад.-европейскому маштабу. Ея густое населеніе (97 душ на 1 кв. клм.) болѣе, чѣм на половину, занято не в сельском хозяйствѣ, а в промышленности, ремеслах и торговлѣ. Интересами сельскаго хозяйства живет непосредственно лишь $^2/_5$ (39,6 %) населенія. Промышленный характер Ч. С. Р. с ходом времени усиливается, а доля земледѣльческаго населенія убывает: в 1910 г. было 41,6 % с.-хоз. населенія, а по переписи 1921 года уже 39,6%.

Промышленный характер страны особенно сильно выражен в историческух чешских землях Ч. С. Р. — в Чехіи, Моравіи и Силезіи, коим вмѣстѣ с тѣм принадлежит до $^2/_3$ пашни и скота цѣлой республики. Остальныя части государства — Словакія и особенно Подкарпатская Русь — заселены рѣже и потому отличаются аграрным укладом всей хозяйственной жизни. Вот табличка, говорящая об этом (составлена по данным переписи 1921 года):

	плотность населенія.	% землед. населенія.	% населенія в промышл. и промыслах.	численность земл. насел. в тыс. душ.
Чехія	128 чел.	29,8	44,1	1,986
Силезія	152	35,2	38,2	1.175
Моравія	119			
Словакія	61	60,6	17,7	1.817
Подкарп. Русь	48	67,8	10,5	413
Среднее	97 чел.	39,8	38,8	5.391

*) Россія, Польша, прибалтійскіе лимитрофы, четыре балканских государства, Чехословакія, Австрія, Германія Финляндія, слабѣе Венгрія.

Сравнительно пониженная роль с.-хозяйственнаго производства в народном хозяйствѣ Ч. С. Р. явствует также из внѣшней торговли страны: она вывозит предметы промышленности, а ввозит продукты сельскаго хозяйства. В 1923 году, когда с. хозяйство можно было считать возстановившимся почти до довоенных размѣров, весь вывоз из Ч. С. Р. составлял 12.519 мил. чешск. корон, а ввоз 10.135 мил., т. е. первый был больше второго на 2.316 мил.; на долю же сельскаго хозяйства приходился дефицит, по нашему подсчету*), в 2.956 мил. корон. В круглых цифрах индустрія приносит избыток, судя по 1923 г., болѣе 5 милліардов чеш. корон, а сельское хозяйство недопроизводит почти на 3 милліарда.

II

Если удѣльный вѣс с. хозяйства в Ч. С. Р. меньше, чѣм неземледѣльческой промышленности, и неизбѣжно уменьшается с ходом хозяйственнаго развитія, то само сельское хозяйство является высоко развитым и дѣлается все выше по своей интенсивности, техническому совершенству и производительности. Наличность весьма ёмкаго внутренняго рынка на всѣ с.-хоз. продукты и сгущеніе землед. населенія дают для прогрессивнаго развитія с. хозяйства прочную базу. В настоящее время в Ч. С. Р. господствует интенсивный строй с. хозяйства, приближающійся к плодосмѣнной системѣ с интенсивным животноводством, причем этот строй выражен по частям страны тѣм сильнѣе, чѣм гуще и индустріализованнѣе населеніе.

Смѣна владѣльцев земли и, слѣдов., хозяйств, происходящая при земельной реформѣ, требует при таком строѣ с. х. особой предусмотрительности, чтобы не нарушить непрерывности с.-х. производства на достигнутой высотѣ.

Земельная реформа Ч. С. Р. и всѣ сужденія о ней тѣсно связаны с содержаніем и особенностями с. х. производства. Нам необходимо поэтому знать важнѣйшія данныя, которыя характеризуют его.

Важнѣйшее угодіе — пашня — занимала в 1923 году в цѣлой странѣ лишь $^2/_5$ (42,05%) всей площади, остальная с.-х. площадь — всего $^1/_5$ (луга — 9,9%, выгоны — 8,6%, сады, огороды и виноградники — 1,2%); остальныя $^2/_5$ всей площади приходились на лѣса (33,2%) и неудобныя земли. Часть нераспаханной площади способна еще, без сомнѣнія, к распашкѣ, сюда относятся лѣса и пастбища в рѣжезаселенных областях и особенно на территоріи, занимавшейся крупными хозяйствами. Венгерская с.-х. перепись (до войны) с несомнѣнностью свидѣтельствует о наличности немалых запасов пахатно-способных площадей лѣсов (и отчасти пастбищ), кои не были распаханы в связи с экстенсивным хозяйством в латифундіях. А как раз Словакія и Подкарп. Русь, входившія в состав Венгріи, отличаются наименьшей распаханностью и наибольшей сохранностью лѣсов и пастбищ.

*) По подсчету Госуд. Статистич. Управленія, внѣшняя торговля Ч.С.Р. за 1923 г. выразилась в таких цифрах:

	С.-х., лѣс-во, рыб-во	Горн. и металлург.	Промыш. изд.	Всего
Вывоз	1.684	1.249	9.506	12.519
Ввоз	5.747	699	3.688	10.135
Итог	— 4.063	+ 550	+ 5.818	+ 2.384

Мы отнесли к сел.-хоз. продуктам и товары с.-х. промышленности — сахар, спирт, крахмал, пиво, вино, и получили поэтому дефицит для с. х. не в —4.1, а 3.0 м-рда кор.

Степень интенсивности земледѣлія видна из того, что только половина пашни (53,9%) в странѣ занималась (в 1920—23 гг.) хлѣбами и ничтожная доля (4,7%) паром, тогда как на корнеплоды и овощи приходилось $^1/_6$ (17,2%) и на травы $^1/_5$ (20,0%). В Россіи пред революціей под хлѣбами было свыше $^9/_{10}$ посѣвной площади, под корнеплодами и травами только $^3/_{20}$ (6%), а залеж и пар занимали ок. $^2/_5$ всей пашни (42% в 1887 г.).

О высотѣ животноводственной продукціи говорит, во-первых, высокая плотность кр. рог. скота и свиней и, во-вторых, повышенная доля кр. рог. скота (и в частности коров) и свиней в общем стадѣ и сильно сокращенное овцеводство. В то время как на 100 гект. с.-х. площади Евр. Россія имѣла (в 1916 г.) 18,5 шт. кр. рог. скота, 8 свиней и 31 овцу, в Ч. С. Р. на ту же площадь в 1920 г. было 51 штука кр. рог. скота, 24 свиньи и только 11 овец (в 1910 г.). Этой большой интенсивности отвѣчала весьма высокая урожайность растеній и производительность животных. Вот довоенные средніе урожаи с 1 гект. в центнерах в Ч. С. Р. и Россіи: оз. пшеницы 17,4 и 9,5, оз. рожь 15,4 и 8,3, картофеля 101,3 и 77,3, сахарной свеклы 260,6 и 183,3. Урожаи Ч. С. Р. были выше, чѣм во Франціи и бывш. Австріи. Удойливость коров в среднем выше россійской довоенной примѣрно в 2—3 раза; много выше и скороспѣлость свиней.

Дальнѣйшая эволюція с. хозяйства Ч. С. Р., в согласіи с теоріей экономіи и фактическим развитіем европейских индустріальных стран, должна выражаться, во-первых, в расширеніи наиболѣе интенсивных культур-корнеплодов (сах. свеклы, картофеля), овощей и т. п., интенсивных кормовых культур с 2—3 сборами в году на сѣно и зеленый корм; во-вторых, в ростѣ числа и производительности коров и свиней, а также птицы. Это одновременно означает менѣе быстрое увеличеніе или даже сокращеніе овец, мясного кр. рог. скота, поздняго откорма свиней и продукціи свиного сала (не мяса) и отставаніе хлѣбной продукціи (несмотря на рост урожайности) от потребленія наростающаго населенія. Внѣ такой постепенной переорганизаціи теперешняго с. х. Ч. С. Р. нельзя себѣ представить нормальное развитіе его с дальнѣйшим ходом уплотненія и индустріализаціи населенія.

С. х-во с неизбѣжностью должно обращаться к болѣе производительной организаціи, и поэтому всѣ условія и мѣропріятія, задерживающія этот процесс и содѣйствующія сохраненію «отживающих» с.-хоз. отраслей, являются причиной недостаточной народнохоз. производительности с. хозяйства. В этом отношеніи в Ч. С. Р. дѣло обстояло не вполнѣ благополучно.

Ч. С. Р., как всѣ европейскія страны с сильно развитой промышленностью, не могла покрывать всей своей потребности в с.-х. продуктах внутренним производством их. В дальнѣйшем нужда в с.-х. ввозѣ будет возрастать и раздѣл между задачами своего с. хозяйства и с.-х. ввоза будет выступать все четче. Отечественное с. хозяйство все полнѣе будет сосредотачиваться на высоко-интенсивных отраслях; к ввозу все болѣе будут отходить продукты экстенсивных, а потом и средне-интенсивных отраслей и культур. Такова судьба всякой страны с развитой и развивающейся промышленностью. Невыгодное отличіе Ч.С.Р. от таких стран заключается в том, что интенсивныя отрасли с. х. в ней недоразвиты. Это выражается в малом вывозѣ продуктов этих отраслей, с одной стороны, и во ввозѣ многих из них — с другой. Эта недоразвитость в организаціи с. хозяйства Ч.С.Р. связана с распространенностью в ней крупных земельных владѣній и хозяйств, ибо ве-

личина хозяйства всегда является одним из важнѣйшихъ условій, опредѣляющим систему и направленіе, а слѣдовательно, и производительность сельскаго хозяйства.

III

Распредѣленіе земли в Ч.С.Р. характеризуется чрезвычайно повышенной долей площади, принадлежащей крупным владѣльцам (свыше 250 гектар.), а с другой стороны — очень большим числом сельских хозяев с карликовой площадью (меньше 2 гектаров), представляющих в значительной долѣ осѣдлых полубатраков и полуремесленников, трудом которых обслуживались крупныя хозяйства. Новых данных о числѣ и площади владѣній разной величины не имѣется; для Чехіи, Моравіи и Силезіи они относятся еще к 1896 г., а в Словакіи и Подкарп. Руси к 1895 г. Но они считаются дѣйствительными и для настоящаго времени; из них, по крайней мѣрѣ, исходит земельное вѣдомство Республики. Согласно им число и площадь разновеликих землевладѣній и хозяйств такова*):

I. В Чехіи, Моравіи и Силезіи

Хозяйства	Число владѣній (в тыс.)	% влад. к их суммѣ	% площади им принадлеж.
Карликовыя до 2 гект.	1049	70,7	6,5
Мелкія крест. — 2—10 гект.	280	18,9	16,8
Среднія — 10—20 гект.	95	6,4	17,5
Среднія — 20—50 гетк.	52	3,6	18,7
Крупныя — 50—100 гект.	4,2	0,3	3,6
Мелкія имѣнія — 100—500	1,1	0,1	4,2
Среднія имѣнія — 500—2000	0,6	0,04	5,1
Латифунд. — 2000 гект.	0,24	0,02	27,7
Всего	1483	100	100

II. В Словакіи и Подкарп. Руси

Хозяйства	число х-в в тысяч.	% х-в	% площади у них
Карликовыя до 5 ютров**)	282	51,8	5,8
Мелкія крест. — 5—20 ютров	207	38,2	23,8
Среднія — 20—200 ютров	51	9,3	21,9
Крупныя крест. и мелк. владѣльцев — 200—1000 ютров	2,5	0,5	12,9
Средн. и круп. владѣльц. свыше 1000	0,93	0,2	35,6
Всего	543	100	100

*) «Brázda», статья г. *Боженилека* — 1923—24 г. Его же книга: «Pozemková reforma v Čsl. Republice», 1924.

**) 1 jutr — 0,58 гектара.

Положеніе вещей в обѣих половинах страны довольно сходно: *карликовым земельным владѣніям и хозяйствам в количествѣ $1^1/_3$ милліона, составлявших $^2/_3$ (66%) всего числа владѣльцев, принадлежало лишь 6—6,5% всей земли.* Мелким крестьянским хозяевам (2—3 до 10—12 гектар.) в числѣ почти полумилліона, составлявших $^1/_4$ (24%) всего числа владѣльцев, принадлежало около $^1/_5$ площади (в Чехіи и т. д. 16,8%, в Словакіи и Подкарпатской Руси — 23,8%). Вмѣстѣ оба эти наиболѣе бѣдные слоя земледѣльческаго населенія составляли $^9/_{10}$ общаго числа землевладѣльцев, владѣя не болѣе, как $^1/_4$ всей земли. — *На противоположном полюсѣ — всего $1^3/_4$ тыс. владѣльцев с площадью свыше 500 гектаров у каждаго обладали вмѣстѣ болѣе, чѣм $^1/_3$ территоріи всего государства* (в Чехіи и т. д. 32,8%, в Словакіи и Подкарпатской Руси — 35,6%). По позднѣйшим обслѣдованіям Государствен. Земельнаго Комитета (Поземковый Уржад), проводящаго непосредственно реформу, *1737 собственникам* в цѣлой странѣ, из коих каждый владѣл свыше 250 гект., *принадлежало около 4 милліонов гектаров* (из 14,04 мил. гект. всей площади государства)*). Вся остальная площадь, а именно ок. $^2/_5$ (44% в Чехіи и т. д., и 35% в Словакіи и Подкарпатской Руси), составляла собственность помѣщиков (100—500 гект.) и средних (10—20 гект.) и крупных крестьян (20—100 гект.), в сущности также небольших помѣщиков**), коих было $^1/_{10}$ всего числа владѣльцев (10,4% в Чехіи и т. д. и 9,8% в Словакіи и Подкарпатской Руси).

Эти крайности соціальных отношеній подчеркиваются еще болѣе тѣм фактом, что среди латифундіеров насчитывалось 10, кои владѣли каждый от 85 до 172 т. гект., а всѣ вмѣстѣ 838,4 тысяч гектаров.

При таких аграрных отношеніях земельный рынок для покупок земли оказывался совсѣм недоступным болѣе, чѣм милліону полубеземельнаго люда, который продолжал, однако, цѣпко держаться за свои парцеллы при трудности найти заработок внѣ сельскаго хозяйства. Возроставшая индустрія и города не вмѣщали всѣх кандидатов, и неудачники должны были постоянно покидать родину. Эмиграція из всѣх областей Ч.С.Р. до войны никогда не прекращалась, отнимая ежегодно по нѣсколько десятков тысяч цѣнных рабочих рук. В среднем перед войной эмигрировало (за вычетом возвращавшихся) не менѣе 40.000 человѣк в год. Эмиграція шла, по свидѣтельству дѣятелей земельной реформы (гг. Вышковскій и Воженилик), из частей страны, в которых преобладали крупныя имѣнія***).

Помимо экономической и политической мощи земельных магнатов, выводившей их владѣнія из свободнаго рыночнаго земельнаго оборота, земля латифундій (владѣній свыше 2000 гект.) была почти на $^2/_5$ (36%) неотчуждаема, так как считалась фидеикомиссной; всего под фидеикомиссами было в 3-х чешских историч. областях 774 тыс. гектар., т. е. 10% всей их территоріи.

---

*) Сюда не вошла еще земля б. габсбургской династіи, которая по мирному договору перешла в собственность Чехословацкаго государства, у котораго теперь 754 тыс. гект., из коей с.-хоз. площади 114.9 тыс. гект.

**) При нашем непосредственном знакомствѣ с хозяйствами разных мѣст Чехіи и Моравіи 50 дес. хозяйство оказывалось обычно с 7—10 постоянными батраками, считая мужчин и женщин.

***) См. «Venkov» от 17. VI. 1924 г. и «Brázda» за 1923 г., стр. 158.

Землю сдавали до 1/3 крупных имѣній; в чешских историческ. землях их число доходило до 40% (Zem. Archiv, 5/6, 1920). При напряженнѣйшем спросѣ со стороны сотен тысяч карликовых и мелких хозяйств и ограниченном предложеніи, условія аренды складывались весьма нелегкія. Это тѣм болѣе, что часть аренднаго фонда шла в видѣ подаренды, а часть использовалось не мелками, а крупными хозяйствами. Австрійская статистика 1902 года насчитала в Чехіи и Моравіи 82 т. хозяйств только на арендных землях (против 431 т., которыя велись только на собственной землѣ), и из этих 82 тысяч около 1 тысячи хозяйств были свыше 100 гектаров*).

Для карликовых до 2 гектр. и отчасти для самых мелких хозяйств аренда земель приняла форму отработочной; а в Подкарпатской Руси — форму издольной, причем в наиболѣе тяжелой разновидности, а именно как подаренда, в каковом видѣ она сохраняется большею частью до настоящаго времени.

Крупныя хозяйства, говорит г. Воженилек в своей работѣ о земельной реформѣ в Ч.С.Р., использовали мелкія аренды для прочнаго обезпеченія дешевой рабочей силы. Они «заключили договоры так, чтобы арендаторы, кромѣ денежной платы за землю, обязывались работать опредѣленное число дней в году, — за плату или даром. Особенно частые примѣры этому — цѣлыми тысячами — давала южная Чехія. Долголѣтняя парцелльная аренда, связанная поставкой рабочей силы, держала семьи мелких арендаторов в опредѣленной экономической и соціальной зависимости от латифундіи в теченіе нѣскольких поколѣній, не давая им выйдти из этого тяжкаго положенія» («Brázda», стр. 159). Как видим, это было в сущности положеніе осѣдлых батраков, занятых в крупных хозяйствах и неимѣвших хозяйственной самостоятельности.

Но к арендѣ прибѣгали, как сказано, и остальныя хозяйства. В общем из 918 тыс. хозяйств всѣх величин, насчитанных в 1902 г. в 3-х чешских землях, только половина (50%) не прибѣгали к арендѣ, а болѣе четверти (27%) жили только или преимущественно арендованной землей. К арендѣ прибѣгала тѣм большая доля хозяйств, чѣм меньше они были. Хозяйства по правовому отношенію их к землѣ распредѣлялись так (1902 г.):

Хозяйств	Только со своей землей	Своя земля плюс мало арендован.	Больше арендной чѣм своей	Только арендов.	Без собствен. и арендован. (депутатники)	Всего	
						%	тысяч
Хозяйств. до 2 гек.	39,9%	16 %	24,6%	18,2%	1,3%	100	432
Хоз. от 2 до 10 гек.	49,5 ,,	33,0 ,,	13,9 ,,	3,1 ,,	0,5 ,,	100	335
Хоз. от 10 до 100 г.	79,7 ,,	17,4 ,,	1,5 ,,	1,1 ,,	0,3 ,,	100	146
Хоз. свыше 100 гек	70,2 ,,	6,2 ,,	4,1 ,,	19,5 ,,	0,1 ,,	100	4,6
Всего......	49,8%	22,4%	16,9%	10,0%	0,9%	100%	917,6

Как сказано, особенно тяжелой была (и отчасти остается) земельная аренда в Подкарпатской Руси, вслѣдствіе давней экономической зависимости сельскаго населенія от земельных магнатов и общей неустроенности области под б. мадьярским владычеством. Она вылилась здѣсь в весьма тяжкую

*) Vorläuf. Ergebnisse d. landw. Betriebszählung, 1902.

испольную аренду. «Арендатор обязан, говорится в офиц. органѣ Зем. Комитета дать сдатчику обыкновенно $1/2$ урожая, $2/3$, а иногда и $3/4$, смотря по тому, какова культура и дается ли при арендѣ больше, чѣм упряжь, навоз и сѣмена. Если бы арендатор платил аренду не натурой, а деньгами и в тѣх размѣрах, кои платятся теперь в исторических землях (т. е. в Чехіи, Моравіи и Силезіи), то владѣлец земли не получал бы за землю и пятую часть того, что идет ему от испольной аренды»*). Арендаторы настолько бѣдны, что даже современным законом о замѣнѣ испольной аренды денежной могли воспользоваться к 1923 г. всего лишь на $1/16$ площади аренды, так как они не имѣют нужнаго инвентаря.

Дешевизна и обиліе рабочих рук облегчали процвѣтаніе капиталистических сельских хозяйств, но послѣднія, как и всюду в мірѣ, удерживали и могли занять только небольшую часть рабочих рук. Для Чехіи, Моравіи и Силезіи (по переписи 1902 г.) на 100 гектаров земледѣльческой площади в хозяйствах крупных (свыше 100 гектаров) работало рабочих в 8 раз меньше, чѣм в карликовых хозяйствах (до 2-х гектр.) и почти в 3 раза меньше, чѣм в мелкокрестьянских хозяйствах (от 2 до 5 гект.):

В хозяйствах:	до 2 гект.	2—5	5—20	20—100	Свыше 100 гек.
Всего работников на 100 гект.	196,0	68,5	32,2	25,8	24,2
В том числѣ членов семьи челов. ...	193,0	66,0	25,5	12,0	0,4
В ,, ,, наемников	3,0	2,5	6,7	13,8	23,8

Такое различіе в трудоемкости хозяйств мелких и крупных не случайно: оно связано с разницей в их организаціи и их доходности.

IV

Земельная площадь под болѣе мелкими хозяйствами доставляет в Ч.С.Р., как и всюду, болѣе высокій доход. Этим и объясняется отмѣченный выше факт, что хозяйства мелкія (от 2 до 5 гект.) замѣщают и оплачивают труда почти втрое больше, чѣм хозяйства крупныя (свыше 100 гект.). По довоенному изслѣдованію счетоводнаго бюро проф. Брдлика народнохозяйственный доход**) хозяйств разной величины составлял по разсчету на 1 гектар с.-х. площади в чешских коронах (полноцѣнных):

В хозяйствах:	2—5	5—20	20—100	свыше 100 гект.
Народохозяйствен. доход с 1 гект.	420	333	305	265 чеш. крон
или в процентах	100	79	73	63

Хозяйства мелкія дают дохода в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чѣм крупныя. Но разница эта в сущности еще больше, если имѣть в виду, что в крупных хозяйствах, особенно в латифундіях, не вся годная к тому площадь (особенно лѣса) обращена в земледѣльческую территорію. Эта разница в доходности в пользу мелких хозяйств объясняется их болѣе интенсивной продукціей, зависящей от бóльшаго развитія интенсивных культур и животноводственных отраслей и от бóльшей снабженности каждаго гектара земли трудом

*) «Pozemková reforma» 1923, č. 10—12.

**) «Zem. Arch.» R 1919 и 1922 гг. Народнохозяйственным доходом можно считать всѣ поступленія от земли за вычетом внутрихозяйственных издержек матеріальных средств на само производство без рабочей платы.

и капиталом. Обѣ эти особенности вытекают при равенствѣ внѣшних экономических условій из общих и постоянных свойств мелкаго (трудового) хозяйства, а именно: 1) из способа оцѣнки результатов с.-хозяйства, который свойствен работнику, ищущему прежде всего приложеніе своего труда и повышающему при нуждѣ затраты труда без вниманія на оплату капитала, 2) из лучшаго и болѣе напряженнаго труда самого владѣльца хозяйства, без котораго самыя интенсивныя отрасли теряют свою выгодность, наконец, 3) из болѣе тщательнаго использованія средств производства и болѣе выгоднаго употребленія с.-х. продуктов, насколько это облегчается домашним хозяйством, которое поглощает тут как раз наибольшую среди всѣх хозяйств долю доходных поступленій.

Повышенную народо-хозяйственную доходность мелких хозяйств стремятся ослабить соображеніями о частно-хозяйственной доходности и притом с точки зрѣнія предпринимателя.

Частнохозяйственный доход с предпринимательной точки зрѣнія в хозяйствах мелких ниже, чѣм в болѣе крупных. Согласно тому же источнику, для Ч.С.Р. частнохозяйственный доход (т. наз. «чистый» доход) в хозяйствах разной величины был тѣм больше, чѣм хозяйства крупнѣе:

В хозяйствах:	до 10 гект.	10—20	20—100
Чистый доход на 1 гектар (в кр. г.)	185	225	236
что составляет % на капитал	4,2	6,0	6,1

Цифры эти согласуются с данными по всѣм странам и совершенно безспорны. Но онѣ говорят только о том, что для капиталистическаго предпринимателя выгоднѣе браться за хозяйства болѣе крупныя, ибо в послѣдних на каждую затраченную сотню корон капитала он лично получит больщій процент. Но для народнаго хозяйства это значит лишеніе заработка массы людей. Мелкое хозяйство так разсчитывать не может: ему, как и народному хозяйству, надо пристроить к землѣ возможно большее число работников.

Совершенно подобным же образом для мелкаго хозяйства отходит на второй план вопрос о достиженіи болѣе высокой производительности труда, пока не найдено замѣщеніе этого труда. Сберегать же труд, чтобы увеличивать кадры безработных, как это дѣлает помѣщичье хозяйство, не входит в виды ни народнаго, ни мелкаго хозяйства.

Производительность труда крупных хозяйств Ч.С.Р. была в $1^1/_2$ раза выше, чѣм в мелких*), но послѣднія, как мы видѣли, обезпечивали гораздо большую сумму заработка с единицы площади, и меньшая производительность труда в них с избытком компенсировалась оплатой большей его массы.

Для сравнительной оцѣнки народнохозяйственной роли мелких и крупных хозяйств, кромѣ размѣров их дохода, важен также вопрос о формѣ, в которой доход получается, т. е. вопрос о видѣ сел.-хоз. продуктов, об отраслях, их дающих, и о степени рыночности их. Нужно знать, каковы потребности страны в с.-хоз. продуктах и в какой мѣрѣ эти потребности удовлетворяются крупными и мелкими хозяйствами.

Мелкія хозяйства Ч.С.Р. характеризуются прежде всего преобладаніем

*)

В хозяйств.:	2—5 гект.	5—20	20—100	свыш. 100
На 100 к. чеш. расхода на рабочую силу получалось дохода	128	151	193	193

в них животноводства в формѣ наиболѣе интенсивных отраслей — молочнаго, свиневодства и птицеводства. В крупных хозяйствах животноводство дает продуктов с 1 гектара в 3 раза меньше, чѣм в мелких, и существует при этом с большими пережитками отраслей экстенсивных (в видѣ выращиванія и откорма мясного рогатаго скота). Земледѣліе дает в мелких хозяйствах меньшее количество продуктов, чѣм в крупных, причем в первых оно в большей мѣрѣ, чѣм во вторых, приспособлено к полученію продуктов, служащих для поддержанія животноводства и натуральнаго снабженія семьи.

Цифры из работ счетоводственнаго бюро проф. Брдлика показывают эти качественныя и количественныя отличія в организаціи сельскаго хозяйства:

	В хозяйствах	2—5	5—20	20—100	Свыше 100 гект.
1	*Продуктивность 1 гект.:*				
	в животноводствѣ (в кр. ч.)	309	213	161	104
	в земледѣліи	223	238	253	274
	всего	523	415	416	408
	доля приходящаяся на животноводство в %	58	47	39	25
2	*Размѣры и состав отраслей животн.:*				
	дойных коров на 1 гект. в килограм.	287	164	109	67
	свиней	37	24	12	1,8
	птицы	10,3	6,5	3,1	0,8
	овец	—	1,1	3,3	2,9
3	*Состав земледѣлія:*				
	садовая площадь в % к площ. пашни	4,9	2,3	2,7	1,4
	картофель	12,6	9,9	8,3	9,2
	травы	18,0	19,0	19,9	18,9
	получается у себя и скармливается всѣх кормов в кгр. крахмальных единиц на 1 гект.	1254	1181	1005	985
	сахарной свеклы в % к пашнѣ	3,4	3,3	9,5	13,7
	всѣ хлѣба в % к пашнѣ	64,0	65,0	58,8	56,8

Как видим, в крупных хозяйствах сравнительно с мелкими всѣ интенсивныя отрасли с.-хозяйства, за исключеніем только сахарной свеклы, развиты меньше, экстенсивныя же, за исключеніем хлѣбов, наоборот, развиты больше. Этим именно и объясняется низшій народнохозяйственный доход крупных хозяйств. В частности площадь под крупными хозяйствами *недопроизводит* против мелких: 77% молочных продуктов, судя по числу коров*), 95% свиней, 97% продуктов птицеводства, 71% садовой площады, 27% картофеля, 22% собственных кормов в переводѣ на крахм. единицы. Всему этому крупныя хозяйства могут из интенсивных отраслей противопоста-

*) Производительность на 1000 кгр. вѣса в крупных хозяйствах тоже не выше, а ниже:

В хозяйств.:	2—10	10—20	20—100 гект.
Получалось литров молока на 1000 кгр.	1957	1722	1616

вить одну сахарную свеклу, которой они имѣют в 4 раза больше мелких, но это далеко не уравнивает их по общей производительности с послѣдними.

Тѣм, что Ч.С.Р. не имѣет теперь большого активнаго баланса для продуктов интенсивных отраслей во внѣшней торговлѣ, подобно Даніи, Голландіи, Швеціи и др., она обязана вліянію на с. х. производство со стороны крупных хозяйств*).

Слѣдующій вопрос о количествѣ с. х. продуктов, поступающих на рынок от хозяйств разной величины. На него отвѣчают предвоенныя данныя также счетоводственнаго бюро проф. Брдлика:

В хозяйствах:	2—5	5—20	20—100	Свыше 100 гект.
Стоимость проданных сел.-хоз. продуктов на 1 гект.:				
животноводства (в кронах)	209	149	115	94
земледѣлія	99	132	196	245
Всего	308	281	328	377

Из них видно, что в наблюденных мелких хозяйствах продается с одной и той же площади вдвое (на 122%) больше животноводственных продуктов и в $2^1/_2$ раза (на 147,4%) меньше растительных против хозяйств крупных; вся же сумма проданнаго в мелких хозяйствах оказалась на $^1/_5$ (22,7%) меньше крупных. Столь отвѣтственный вывод требует оговорок.

Прежде всего им не должен затемняться тот факт, что в тѣх же чешских хозяйствах имѣется громадное различіе в пользу мелких в отношеніи размѣров натуральной части дохода. Площадь под мелкими хозяйствами прокармливала втрое больше людей, чѣм в хозяйствах болѣе крупных:

В хозяйствах:	2—5	5—20	20—50
Натуральное потребленіе на 1 гект. равнялось (в кронах)	200	104	73
Насчитано дней продовольствія	443	230	159

Важнѣе объясненіе самаго факта меньшей рыночности мелких хозяйств и отвѣт на вопрос: насколько они способны или неспособны давать большую сумму продаж при болѣе нормальном положеніи их, чѣм то было в Чехіи пред войной. Вѣдь в то время, под управленіем Австріи, условія для них были весьма неблагопріятны. Мы видѣли, при сколь трудных условіях доставалась земля; извѣстно также, что около $^9/_{10}$ крестьянской земли находилась в немалой черезполосицѣ, чѣм затруднялась продукція; продажа продуктов мелкими хозяйствами происходила без помощи коопераціи (которая и теперь еще для сбыта продуктов животноводства дѣлает почти начальные шаги), от чего они теряли в продажной цѣнѣ, и в числѣ причин меньшей

*) Міру знакомо это на примѣрѣ Германіи и особенно Великобританіи, кои при наличности большой площади под крупными хозяйствами, имѣли для произведеній интенсивнаго земледѣлія и животноводства пассивный баланс на 1 гектар, — первая 8 долларов, вторая 28 долларов. Между тѣм болѣе густо населенныя и индустріализованныя Бельгія и Голландія, но с крестьянскими хозяйствами, имѣли активный баланс для тѣх же продуктов в 12 и 28 долларов.

доходности культур у них проф. Брдлик указывает болѣе низкія, чѣм у хозяйств крупных, продажныя цѣны; переплачивали мелкія хозяйства и на покупкѣ всѣх средств производства, а главное не докупали их; так, по данным проф. Брдлика покупка удобреній и покупных кормов, кои столь важны при плодосмѣнной системѣ, была у мелких хозяйств в общем вдвое меньше против крупных; недостаток мелких хозяйств, состоящій в общей переобремененности мертвым инвентарем и сел.-хоз. постройками при неудовлетворительности их в качественном отношеніи, не был смягчаем сколько-нибудь замѣтно кооперацієй по совмѣстному пользованію ими; наконец, неблагополучно обстояло дѣло при Австріи с распространеніем с.-х. знаній и умѣній, что так быстро пошло вперед послѣ освобожденія страны.

При таких условіях нѣт ничего удивительнаго, что наблюденныя проф. Брдликом пред войной мелкія хозяйства оказались с недостаточной продажей с.-х. продуктов. Между тѣм в странах крестьянскаго хозяйства, гдѣ с.-хоз. политика уже давно стоит на большой высотѣ, площадь под мелкими хозяйствами, кромѣ содержанія значительнаго большаго числа душ, дает и большія количества продажных продуктов. Так, в Швейцаріи средній (за період 1901—1921 гг.) валовой доход на 1 гект. и средняя выручка с гектара равнялись (во франках):

В хозяйствах:	3—5 ha	5—10	10—15	15—30	Свыше 30
Валовой доход	1180	1050	900	825	700
Выручка за продукты	795	740	700	660	595

Мелким хозяйствам Ч.С.Р. надо весьма немного поднять свою продукцію, чтобы увеличить продажу сел.-хоз. продуктов всего на 22—23% против довоеннаго положенія и, по крайней мѣрѣ, сравняться с хозяйствами крупными. Опыт других стран и національное возрожденіе Ч.С.Р. являются залогом того, что это вполнѣ и легко осуществимая задача.

Таким образом, вопрос о сравнительной народнохозяйственной производительности мелких крестьянских и крупных владѣльческих хозяйств в Ч.С.Р. рѣшается во всѣх отношеніях в пользу первых. Оговоримся: мы понимаем измельчаніе хозяйств здѣсь до тѣх (подвижных) предѣлов площади, при которых они, обезпечивая хозяину достаточный прожиточный минимум, оказываются хозяйственно самостоятельными и потому способными обезпечить дальнѣйшій прогресс с.-х. производства. Болѣе мелкія хозяйства (до указанных предѣлов), давая в Ч.С.Р. работу по крайней мѣрѣ втрое большему числу людей и обезпечивая натурой содержаніе такого же числа их, успѣвали в неблагопріятных условіях производить на продажу немногим меньше, чѣм крупныя, и в итогѣ приносили с единицы площади полуторный против крупных хозяйств народнохозяйственный доход. Повышенная интенсивность и состав их с.-х. продукціи в большей мѣрѣ, чѣм у крупных, отвѣчает будущей с.-х. эволюціи. Наоборот, крупныя хозяйства уменьшали народнохозяйственную производительность земли и сельскаго хозяйства; могли дать работу и содержаніе втрое меньшему числу людей; удерживали болѣе экстенсивныя с.-х. отрасли и давали продукты, которые, кромѣ сахарной свекловицы, принадлежат к ввозимым промышленными странами; наконец, по своей экономической сущности в цѣлом менѣе отвѣчали грядущей прогрессивной и единственно мыслимой эволюціи сельскаго хозяйства Ч.С.Р. И все это, несмотря на то, что крупныя имѣнія являлись хозяйствами

плодосмѣннаго типа, богатыми, большею частью хорошо оборудованными, с высокой техникой, с дорогими усадьбами и инвентарем.

Нашу сравнительную характеристику мелких хозяйств надо относить к группам с 2—5 гект., и отчасти с 5—20 гектарами, а характеристику крупных не только к хозяйствам с площадью свыше 100 гект., но и к той части из группы с 20—100 гект., которая по соціальному положенію хозяев и экономической структурѣ хозяйств приближается к предыдущей группѣ. Можно полагать, что в исторических чешских землях это будут хозяйства с 50 и больше гектаров.

Чтобы закончить характеристику обстановки, в которой началась и проводится аграрная реформа в Ч.С.Р. напомним, что большая часть владѣльцев крупных имѣній принадлежали к нѣмецкой и венгерской національностям. Укажем затѣм, что давнее развитіе мѣнового строя создало у чехословацкаго крестьянства совсѣм иныя правовыя воззрѣнія на землю, чѣм то было в Россіи. «У чехословацкаго крестьянства совершенно отсутствует, говорит г. Шварц*), существующій или бывшій взгляд русских крестьян о том, что земля «божья»; чехословацкій крестьянин мечтает о малом, но все же — о собственном клочкѣ земли... Всѣ организаціи мелких земледѣльцев (так называемыя «домовины» А. Ч.) — не только у аграріев (самая сильная «домовина»), но и у чешских (народных) соціалистов («общество мелких земледѣльцев»), у соціалдемократов («союз домкарей и халупников») и у клерикалов («родина»), — всѣ одинаково требуют передачи им земли в собственность».

V

Соціально-экономическое содержаніе земельной реформы характеризуется тѣм, во 1) у кого и какая земля отчуждается и на каких условіях; во 2) кому, сколько и на каких правовых условіях она дается; в 3) регламентируется ли и как земельный оборот; в 4) измѣняются ли арендныя отношенія. Познакомимся с каждым из этих моментов.

Земля по закону подлежит *отчужденію* у частных владѣльцев сверх 150 гектаров земледѣльческой площади, а вмѣстѣ с лѣсной и прочей 250 гект. Эта «норма оставленія» в исключительных случаях может быть увеличена до 250 гект. земледѣльческой и до 500 гект. всей земли, выше каковой земля не оставляется никому**). Государство может отчудить в случаях нужды и свыше «нормы оставленія», т. е. оставляя владѣльцу меньше 150 гект. Не поступает в отчужденіе земля не с. х. «объектов», общественная собственность, а также земля государства. Фиденкомиссныя владѣнія отчуждаются, но в них оставляется неотчужденной двойная норма.

Отчуждаемая земля оплачивается б. владѣльцам по продажным цѣнам 1913—1915 гг. при сдѣлках с владѣніями не меньше 100 гектаров, причем крона современная приравнена к кронѣ довоенной. Так как курс кроны в 6—7 раз ниже довоеннаго, то земля отчуждается по очень сниженным цѣнам. Уплата за землю производится государством наличными или в раз-

*) Воля Россіи № 6 — 1922 г. И сам автор цитируемой статьи, будучи видным народным соціалистом, высказывается рѣшительно за частную земельную собственность для крестьян.

**) Исключительные случаи сводятся к сохраненію исторических памятников и красот природы.

срочку с прибавленіем 4-х процентов. Источником средств для этого являются суммы, уплачиваемыя получателями земли; временно государство отпускает возвратную ссуду, как оборотный капитал для реформы. Все прочее имущество на отчуждаемой землѣ (постройки, меліорации, деревья, заводы, инвентарь) оплачивается получателями особо. Всѣ земли подлежащія отчужденію, до фактическаго поступленія их государству для передачи новым владѣльцам, остаются в использованіи прежних собственников, но продажа, сдача в аренду, залог, дробленіе возможны только с согласія власти.

Земельная площадь хозяйств сверх 250 гектаров оказалась по переписи Земельнаго Комитета к 1 января 1923 г. равной 3.963 тыс. гектаров, что составляет 28,2% всей поверхности государства; эта земля принадлежала 1730 владѣльцам и состояла из 1.230 тыс. гект. пашни и лугов, 181 тыс. гектаров пастбищ и 2.552 тыс. гект. лѣса*). Из всей этой площади в индивидуальную собственность по закону о надѣленіи идет только пашня и луга, остальныя — лишь общинам, публично-правовым органам и — главное — государству. Из площади пахоты и лугов в 1.230 тыс. гект. должна быть вычтена «норма оставленія», что, без особых льгот в пользу владѣльцев, дает 259,5 тыс. гект. Эту цифру приводит г. Воженилек — завѣдующій отдѣлом надѣленія в Государственном Земельном Комитетѣ — и она почти офиціальна. Таким образом, весь резерв для надѣленія малоземельнаго крестьянства составил бы 970,5 тысяч гектар. Он, однако, уменьшается еще вслѣдствіе увеличенія *фактически* оставляемаго минимума, который дается не в 150 (и до 250) гект., а выше; по опредѣленію того же автора эти льготы на основаніи доселѣ бывшей практики (до начала 1924 г.) возьмут около 100 тыс. гектаров, и он считает всю сельско-хозяйственную площадь, идущую в надѣленіе *равной 870 тыс. гектар.* (Brázda стр. 372, 1923).

Насколько велика мобилизація частновладѣльческой земли, находящейся под «запретом» (zaborom), производимая с разрѣшенія Земельнаго Комитета, видно из данных на март 1924 г. Согласно им из «забраной» земли отчуждена в 12,2 тыс. случаях площадь в 67,3 тыс. гект.**) (из коей половина 34,4 тыс. гект. — была сел.-хоз.) стоимостью в 501,4 мил. крон. Отчужденіе это повело к тому, что почти 47,5 тыс. гект. были исключены из-под запрещенія; это значит, что новые владѣльцы удовлетворяют требованіям, кои дают право на «надѣленіе» (příděl). Закладываніе «запрещенной» земли на тот же срок выразилось увеличеніем долга в 508 случаях в суммѣ 474,7 мил. крон; из них $^2/_3$ на хозяйственныя затраты и $^1/_3$ на уплату налогов***). — На сдачу в аренду земли (кромѣ нижеупомянутой принудительной аренды, введенной земельной реформой) дано разрѣшеніе владѣльцам подлежащей отчужденію земли в 1534 случаях (Voženílek, Poz. reforma, стр. 131).

Состав частновладѣльческой земли, подлежащей отчужденію, по размѣрам владѣній (по переписи к 1. I. 1923 г.) таков:

---

*) В предыдущем, владѣнія свыше 500 гект. указаны в размѣрѣ 32,8% в 3-х исторических землях и 35,6% в остальной части Ч.С.Р. Недохватка относится к неотчуждаемым владѣніям (земли уѣздн., общин и правительствен.). По подсчету г. Воженилека онѣ составляют около 14% всей площади имѣній с площадью свыше 200 гект., но без государственных имѣній. Послѣдних около 750 тыс. гект., они не вошли в указанные 3963 тыс. дес., ибо отчужденію не подлежат.

**) К іюлю 1923 г. этих продаж было 24.4 тыс. гект.

***) В серединѣ 1923 г. заложено было запрещенных земель на 207 м. кор.

Размѣры владѣній							
250—500	500—1000	1т.-5т.	5т.-10т.	10-50т.	50т.-100т.	св. 100т.	Всего
Число владѣній							
754	386	438	72	75	5	2	1730
% ко всей запрещенной площади							
6,6	6,1	23,8	12,9	33,9	9,1	7,6	100

Для 3-х чешских земель на этой площади в 1003 владѣніях было 4064 «двора» (т. е. усадеб с относящимися к ним угодіями); из послѣдних оказалось в самостоятельной эксплоатаціи только $^1/_2$ (52,4%), а остальные в сдачѣ, причем 39,5% приходилось на капиталистическую аренду, а 8,1% на мелкую. Фактически почти всѣ имѣнія послѣ запрещенія до «раздѣла» находились под управленіем прежних владѣльцев; к концу марта 1924 г. управленіе самим Земельным Комитетом производилось лишь в 119 случаях, а в 56 других выполнялся с его стороны постоянный надзор. Как видим, свобода эксплоатаціи земли в имѣніях, подлежащих отчужденіям, была обезпечена полная. Владѣльцы могли производить всѣ операціи и даже долголѣтнія; они могли пользоваться ипотечным кредитом (хотя и в ограниченных рамках выкупных цѣн); непрерывность сельско-хозяйственной продукціи на их землях была обезпечена. Тревожнѣе обстояло дѣло с «нормами оставленія», увеличеніе которых сокращало и без того сравнительно небольшой резерв земли для надѣленія.

Надѣленіе имуществом из отчужденных владѣній производится по закону*) неодинаково для разных составных частей их; различаются: 1) сел.-хоз. земля — пашня, луга, усадебныя культуры, 2) пастбища, 3) лѣса, 4) рыбные пруды, 5) сельско-хозяйственныя промышленныя предпріятія.

С.-х. площадь подлежит надѣленію отдѣльным лицам, сельским обществам (obec) и товариществам хозяев (не говоря о небольших площадях под несельско-хоз. цѣли, их имѣют право получить города и различныя общественныя организаціи); земля может быть дана в собственность или аренду. Из отдѣльных лиц на полученіе земли имѣют право земледѣльцы, живущіе доходом от земли. Они могут получать землю или для образованія самостоятельных хозяйств с недѣлимым участком («недил»)**) от 6 до 10 (при худшей землѣ до 15 гектаров); или в видѣ мелких «придѣлов» для расширенія имѣющагося хозяйства, или, наконец, парцеллами под сады, дворы, жилищныя площади. Землю не получают только иностранные подданые, ограниченные в правах по суду, с душевными или физическими недостатками (военные инвалиды, у коих есть здоровые семейные, землю получают). Для кандидатов закон устанавливает такую очередь полученія: бывшіе служащіе в отчуждаемых имѣніях, затѣм легіонеры и военные инвалиды, далѣе мелкіе арендаторы на отчуждаемой землѣ и такіе мелкіе хозяева, кои имѣют усадьбу рядом с послѣдней и, наконец, «наиболѣе способные» земледѣльцы, предпочитая семейных.

Земледѣльческія товарищества, образованныя из всѣх этих лиц, могут

*) Zákon přídělový 30/I — 1920 г.

**) «Недил» является весьма ограниченной собственностью; закон регламентирует его отчужденіе, сдачу в аренду, залог, передачу по наслѣдству.

получить землю в таких размѣрах для каждаго члена, в каких он получил бы при единичном надѣленіи. Совмѣстное хозяйство таких товариществ подчиняется правилам и указаніям Земельнаго Комитета. Товарищества могут получить общія угодія для поддержанія индивидуальнаго хозяйства каждаго члена. Кромѣ того имѣют право на землю раньше бывшіе кооперативы, напр., потребительскія.

Сельскія общества могут получать землю, нужную для общественных цѣлей.

Земля индивидуальнаго надѣленія поступает, как правило, в собственность надѣляемаго; товариществам, как правило, она дается в аренду.

Приведенныя выше данныя о числѣ малоземельных хозяев и безземельных арендаторов, к которым прибавилось около 200.000 человѣк, служащих и работающих в имѣніях — с одной стороны, и сообщенныя цифры о площади земли, поступающей в раздѣл — с другой, дают возможность предположить насколько велик может быть спрос на «придѣл» земли. «Спрос» на землю дѣйствительно был значительно выше «предложенія». При таких условіях общих положеній закона о кандидатах на землю оказалось недостаточно. Их дополнили инуструкцией Земельнаго Комитета земельным комисарам, кои осуществлят реформу на мѣстѣ; примѣненіе этой инструкціи существенно раздвинуло нормы закона. Кромѣ того получили широкое примѣненіе два параграфа закона о надѣленіи (§§ 24 и 25), говорящіе о назначении возможных остатков отчужденнаго имѣнія (zbytkové statky).

Инструкція дала широкую возможность земельным комиссарам признавать или отвергать претендентов на надѣленіе землей. Эта сортировка единолична и почти окончательна. Госуд. Зем. Комитет, правда, разсматривает и утверждает предположенія комиссара о раздѣлѣ каждаго даннаго имѣнія, но он обсуждает, мѣняет или утверждает план парцеляціи в цѣлом. Каждое отдѣльное заявленіе о надѣленіи в это обсужденіе входить, конечно, не может, и единоличныя рѣшенія комиссара являются поэтому почти опредѣляющими судьбу каждой просьбы о надѣленіи. В этом крупный недостаток реформы.

«Остатки имѣній» (zbytkové statky) по закону должны служить в первую очередь перемѣщенію запасов земли из одного мѣста, гдѣ она не нужна для надѣленія малоземельных и безземельных, в другое, гдѣ ея не хватает для этой цѣли; такое перемѣщеніе производится обмѣном «остатков имѣнія» в одном районѣ на неотчужденную землю в другом (§24). Когда такого обмѣна нѣт, остатки имѣнія поступают товариществам, сельским обществам, общественным организаціям и пр.; только при невозможности и такого использованія, они могут идти в продажу или аренду отдѣльным лицам. Закон, таким образом, разсматривает продажу и аренду «остатков имѣній» отдѣльным лицам, как мѣру послѣднюю и исключительную. Это подтверждается между прочим и тѣм, что размѣры «остатков имѣнія» для надѣленія отдѣльных лиц в законѣ не указываются. Точно также нѣт в нем ближайших указаній на то, кто является кандидатом для полученія их, кромѣ упоминанія в другом законѣ (§ 75 закона о вознагражденіи), что служащіе отчуждаемых имѣній в числѣ прочих способов их устроенія «могут быть обезпечены надѣленіем земли и особенно «остатков имѣній». Но как ни важно использованіе высокой квалификаціи служащих имѣній

для сел.-хоз. производства, закон не указывает об образованіи «збытковых статков» спеціально для этой цѣли.

«Остатки имѣній» к концу 1923 г., когда они были отчуждены в количествѣ 465, со средней площадью в 80 гект. и с общей площадью в 36,1 тыс. гектаров (20,8% всей подѣленной площади) поступили слѣдующим категоріям новых владѣльцев (% к общему числу имѣній):*)

Получившіе в обмѣн на свое хозяйство	9,0%	
Служащіе отчужденных имѣній	22,2 ,,	
Их товарищества	2,4 ,,	
Прежніе арендаторы этих имѣній	29,7 ,,	
«Практическіе земледѣльцы»	10,1 ,,	
Государство и обществ. корпораціи	7,7 ,,	15,4%
Общины (сельск. общества)	3,7 ,,	
Товарищества	3,0 ,,	
Остальные	12,0 ,,	
	100 %	

В том числѣ:

	% случаев	Площадь в гект.
На обмѣн	9,0%	2,7 тыс.
В собственность	75,2 ,,	27,0 ,,
В аренду	15,8 ,,	6,5 ,,
Всего	100%	36,2 тыс.

Первоначальное по закону назначеніе (обмѣн) «збытковых статков» имѣло мѣсто в 9% случаев и по отношенію к 8,4% всей их площади. Затѣм на прямо указанное законом надѣленіе обществам, товариществам вообще, товариществам служащих и пр., считая и государство, пошло 17,8% площади. Три четверти остальной площади «остатков имѣній» передано отдѣльным лицам, что по закону означало бы невозможность раздѣлить эту землю между мелкими крестьянами, невозможность обмѣнить ее и отсутствіе спроса со стороны всякаго рода союзов и организацій. «Збытковые статки» не составили и государственнаго резерва, который использовался бы как арендный фонд, ибо всѣ они надѣлены в собственность, исключая 15,8% случаев, в кои вошли и коллективные получатели земли. Добавим, что сдача их в аренду, в послѣднее время свелась на нѣт: в 1921 г. было 50% случаев отдачи в аренду в 1922 г.—37% и в 1923 г.—3%. Нельзя объяснить их образованіе также задачей сохраненія цѣнности дорогих построек, так как по логическому смыслу земельной реформы (измельчающей площади хозяйства и, слѣдовательно, измѣняющей систему и объем хозяйств), постройки эти все равно хозяйственно обезцѣнены и должны имѣть какое-то новое назначеніе.

Таким образом, для образованія массы новых имѣній остается одно объясненіе: в процессѣ проведенія реформы возникла новая задача реформы — насажденіе новых помѣщичьих имѣній. Дѣйствительно, мы находим это признаніе со стороны офиціальных дѣятелей. Предсѣдатель Земельнаго Комитета г. Вишковскій прямо указывает, что послѣдняя ставит себѣ за-

*) *Voženílek*, стр. 115; % %. высчитаны нами.

дачей поддержанiе мелкаго и *средняго* хозяйства («Venkov», 22. VI. 1924). Г. Боженилек (в своей цитированной выше книгѣ), возражая против того обвиненiя, что земельная реформа устраняет всю крупную земельную собственность, говорит, что «реформой будут устранены латифундiи частных собственников, но ни в каком случаѣ крупныя с.-х. предпрiятiя» и причисляет к ним «многiе, реформой созданные, „збытковы статки"», кои «достигают размѣров 100—250 гект., чѣм сохраняется значительное число крупных имѣнiй».

Факт появленiя «збытковых статков» стал как бы причиной их дальнѣйшаго образованiя, до крайности поднявшей спрос на них. «На 456, до конца 1923 г., надѣленных збытковых статков было, сообщает г. Боженилек, болѣе чѣм 4000 желающих, а на предложенные 600 в 1924 г. есть уже 5000 кандидатов».

Итак, сам ход жизни сдѣлал весьма значительное дополненiе состава кандидатов на надѣляемую землю и установил двѣ «нормы надѣленiя» бѣдных и богатых претендентов на землю.

До сих пор рѣчь шла о земледѣльческой площади. На остальные роды отчужденнаго земельнаго имущества кандидаты устанавливаются иначе. Пастбища надѣляются обществам и земельным товариществам с обязательством предоставить их в пользованiе прежде всего мелким хозяевам. Лѣсная площадь поступит прежде всего государству, которое имѣет довести свои владѣнiя приблизительно до $^1/_3$ всей площади лѣсов в государствѣ (как в других государствах средней Европы). Остальная часть отчуждаемых лѣсов поступит обществам и общественным союзам (сельск. общества, уѣзды и пр.). Частным лицам лѣс не дается, за исключенiем небольших участков, если они уже включены в надѣляемую землю. Рыбные пруды (часто очень большiе и представляющiе громадную цѣнность) также не даются отдѣльным лицам, а придѣляются обществам, общественным союзам, а также спецiальным товариществам.

Промышленныя предпрiятiя (отчуждаемыя с землей в том случаѣ, если они не составляют предпрiятiя юридически и экономически самостоятельнаго, отдѣльнаго от сельскаго хозяйства) переводятся из частных рук в товарищества, спецiально образуемыя из поставщиков сырья для них. При этом они остаются временно у прежняго владѣльца, который обязуется образовать соотвѣтствующее товарищество и затѣм участвовать в нем, как сочлен.

Оплата земли для получателей ея равняется уплатѣ бывшему владѣльцу плюс прибавка прежде 50%, а теперь 42% от ея величины. Эта надбавка на получателей земли взимается для покрытiя: 1) расходов по операцiям самой реформы (12%); 2) для образованiя фонда внутренней колонизацiи (15%) и 3) для покрытiя убытков государства, вслѣдствiе сниженiя оцѣнки парцелируемой земли и соотвѣтственнаго пониженiя налогов с нея (15%). Плата за землю вносится кандидатом на надѣленiе так: 10% — задаток, остальное полностью перед передачей ему земли. В практикѣ отвода земель 40% цѣны уплачивается послѣ одобренiя Земельным Комитетом «графическаго плана» отвода, а остальные 50% перед формальной передачей земли с врученiем документов на владѣнiе. В исключительных случаях дѣлается разсрочка на нѣкоторую часть. Земельный Комитет может оказать при этом или кредит, или посредничество по прiисканiю его на льготных условiях

со стороны частных банков. Фактически кредит этот был незначительным, ибо организовался лишь с половины 1923 года.

Весьма важный вопрос о *кредитѣ получателями земли* на расплату за землю разрѣшается так*). Согласно закону ипотечный кредит дается: а) для покупки земли в собственность в размѣрѣ $^9/_{10}$ ея стоимости по цѣнѣ надѣленiя, б) для оплаты надѣляемых и вновь возводимых хоз. построек до $^1/_2$ цѣны их. Легiонерам и инвалидам может быть оказан кредит выше этой мѣры из особых фондов. Кредит этот долгосрочный, погашаемый по уговору; он оказывается при посредничествѣ Земельнаго Комитета кредитными учрежденiями — опредѣленными банками и уѣздными кассами кредита (okresní hospodářské záložny). Взысканiе долга при неисправности плательщика, как и продажа земли за неплатеж, подчинены особым правилам. Кромѣ того, закон предусматривает краткосрочный кредит получателям земли на прiобрѣтенiе мертваго и живого инвентаря и др. средств производства, но только для товариществ. Источники этого кредита — особый фонд Земельнаго Комитета и частныя кредитныя учрежденiя, перед которыми Земельный Комитет ручается за должников в половинном размѣрѣ долга.

Особое мѣсто среди получателей земли заняли мелкiе долгосрочные арендаторы. Еще до оформленiя законоположенiй о земельной реформѣ, в интересах умиротворенiя сельскаго населенiя в маѣ 1919 г. был издан закон «об обезпеченiи земли мелким арендаторам»**). Всѣ мелкiе арендаторы, снимавшие землю у даннаго владѣльца ея не менѣе 18 лѣт (с 1901 г.) и доказавшiе это, получили право взять эту землю в собственность на весьма льготных условiях, а именно с уплатой за нее той цѣны, которая была на землю в 1913 г., уплачивая всю стоимость девятью взносами и внося 4% годовых на разсрачиваемую часть суммы. При несогласiи сторон дѣло рѣшал суд. Каждый арендатор имѣл право выкупать землю в таком количествѣ, чтобы она составляла вмѣстѣ с прежней его собственностью не болѣе 8 гектаров. Прiобрѣтенную землю выкупавшiй не мог продавать в теченiе десяти лѣт без дозволенiя правительства. По этому закону 181,5 тысячѣ человѣк была передана площадь в 104 тыс. гект., притом не только подлежащая отчужденiю, но частью и не подлежащая ему (ок. 32 тыс. гект.). В среднем за землю заплатили по 1,8 тыс. кор. чешск. за 1 гект. (в 5 и свыше раз дешевле рыночной).

Надѣленiе землей безземельных и малоземельных кандидатов выразилось в прирѣзкѣ к их уже существовавшим усадьбам или хозяйствам извѣстной добавочной площади. В связи с этим получателями земли оказались, как правило, мѣстные жители. Земельной реформой предусматривается однако надѣленiе лиц, посторонних для данной мѣстности, т. е. вселяющихся в нее со стороны. Эта форма, называемая здѣсь *колонизацiей*, предполагает образованiе новых усадеб и оборудованiе их необходимым инвентарем. Так как при интенсивной плодосмѣнной системѣ хозяйства капитал построек и инвентаря составляет чрезвычайно большую величину, то колонизацiя за свой счет безземельным и малоземельным претендентам на землю оказывается совершенно непосильной. В виду же того, что финансированiе реформы,

*) Закон о кредитѣ 11/III-1920 г.

**) Закон о «zajištění půdy drobným pachtýřům». 27/V-1919 г.

как увидим ниже, разсчитано на быструю «самоокупаемость» и поддержано со стороны государства лишь весьма ограниченными суммами, «колонизація» не могла получить развитія. Чтобы не возвращаться к вопросу о ней вновь, скажем что она коснулась (до конца 1923 г.) всего лишь 660 семей (и 7,3 тыс. гект. земли)*). Кромѣ того она, конечно, предполагает какой-то избыток земли в данном мѣстѣ, а это при громадном числѣ безземельнаго и малоземельнаго люда в Ч.С.Р., может быть рѣдким явленіем. Не случайно поэтому, что и тѣ немногіе случаи колонизаціи, кои прошли до сих пор, были только в сравнительно рѣже заселенных Словакіи и Подкарп. Руси.

Регулированія арендных отношеній земельная реформа касается лишь в тѣх случаях, кои связаны непосредственно с отчужденіем или надѣленіем земли. Сдача аренды земли на незатрагиваемой земельной реформой площади остается без регламентаціи и без измѣненій.

Кромѣ вышесказаннаго перевода арендных земель в собственность бывших мелких долгосрочных арендаторов, регулированіе земельных арендных отношеній выразилось в принудительном для землевладѣльцев-сдатчиков продолженіи аренды в тѣх случаях, когда земля их попадала в разряд подлежащей отчужденію. Закон этот был издан до начала операціи парцелированія имѣній (30-го октября 1919 г.) и имѣл срочную задачу обезпеченія интересов мелких краткосрочных арендаторов и успокоенія широких масс до начала передачи земель им в собственность. Мелкій арендатор заявлял в таких случаях владѣльцу о желаніи продолжить аренду земли в установленный срок по прежней (предвоенной) цѣнѣ и тот должен был согласиться. Правило это было установлено на время, до отчужденія этой земли и передачи ея мелким собственникам; а так как послѣднее затянулось, то принудительная сдача земли была обновлена (законом 12/VIII-1921 г. об обновленіи мелких земельных аренд). Когда соотвѣтствующее имѣніе парцелировалось, то прежніе мелкіе арендаторы получали свою долю в собственность преимущественно пред многими другими кандидатами. Принудительная сдача земли не распространялась на мелких сдатчиков земли, каковые, слѣдовательно, могли сдавать землю по «вольным» цѣнам, как могла сдаваться и вся прочая земля, свободная от принудительнаго отчужденія. Там, гдѣ довоенныя условія сдачи земли в аренду крестьянам были особенно тяжелыми, как в Подкарпатской Руси, с ея натуральной арендой из $^1/_3$ и болѣе урожая, была сдѣлана попытка перевести ее на денежную форму. Но, как мы видѣли в одной из предыдущих глав, это осталось почти без осуществленія вслѣдствіе бѣдности населенія. Всѣх арендаторов, воспользовавшихся принудительной арендой было 265,2 тыс.; они пользовались 141,2 тыс. земледѣльческой площади (и пастбищ); до аренды каждый имѣл 0,8 гект.; аренда дала каждому в среднем еще 0,5 гект.

Подобно защитѣ мелких трудовых арендаторов, до передачи им земли в собственность, практика жизни со «збытковыми статками» выдвинула защиту

---

*) Насколько непосильна колонизація в условіях интенсивнаго сельскаго хозяйства ЧСР, может до нѣкоторой степени, показать расчет потребных сумм для колонизаціи 72 т. гект., сдѣланный г. Воженилеком (в его Pozemk. reforma etc.). Земля по выкупной стоимости обошлась бы колонистам в 216 мил. крон, тогда как на постройки понадобилось бы (для 6000 тыс. хоз. по 80 тыс. крон) 480 мил. крон, итого 696 мил. долгосрочнаго кредита; кромѣ того на кредит по производству (инвентарь и проч.) было бы нужно на ту же площадь ок. 216 мил. крон. (стр. 147 и 148).

и мелкокапиталистических нетрудовых арендаторов. Мы видѣли, что эти мелкія имѣнія шли в значительной части в руки бывших мелкокапиталистических арендаторов парцелировавшихся имѣній, причем все болѣе на правах собственности. Эта практика привела, наконец, к изданію спеціальнаго правительственнаго распоряженія об охранѣ арендаторов цѣлых (мелких) имѣній из отчуждаемой земли (издано 7 апрѣля 1923 г.). Здѣсь идет рѣчь именно о сравнительно болѣе крупных арендаторах («nájemcu dvoru»). Они надѣляются при раздѣлѣ цѣлаго владѣнія подходящими «збытковыми статками», либо им обезпечивается продолженіе хозяйства в других частях непоступившаго еще в раздѣл имѣнія. Если к этому прибавить, что устраиваемое вновь мелкое помѣщичье землевладѣніе получает льготный ипотечный кредит, то дѣлается понятным тот громадный спрос на надѣленіе такими имѣніями, который, как мы видѣли выше, создан фактическим ходом самой реформы и ею в дальнѣйшем усилен.

Слѣдующая область — *регламентація земельнаго оборота* или земельной мобилизации точно также касается почти исключительно перераспредѣляемой реформой площади. Реформа уничтожает фидеикомиссныя владѣнія, кои, как и всѣ владѣнія свыше 150 гект. (или соотвѣтственно 250 гект.), идут в раздѣл. Земельная реформа однако не против «несвободной» земельной собственности. Наоборот, исходя из намѣренія законодателя ограничить дробленіе мелкой крестьянской собственности, она поощряет образованіе «недилов», т. е. недѣлимых земельных участков, о коих было уже раз упомянуто. Мобилизація всѣх видов таких участков ограничивается и возможна лишь в опредѣленных случаях и только с особаго разрѣшенія власти. Таким образом, ограничивается продажа, залог и сдача в аренду и точно регламентируется переход по наслѣдству. «Недилы» образуются по свободному желанію их владѣльцев и касаются не только той земли, которая дается по реформѣ, но и той, которую имѣл получающій прирѣзку владѣлец раньше. Объявить свою собственность «недилом» может также и не получившій прирѣзку земли. Выгоды для такого превращенія своей земли в «недил» тѣ, что владѣлец его может пользоваться долгосрочным (ипотечным) кредитом от Земельнаго Комитета на тѣх же основаніях, как и получатели надѣляемой земли.

Владѣлец подлежащаго отчужденію, но еще временно остающагося у него имѣнія, обязан поддерживать имущество и эксплоатацію его в надлежащем видѣ. По особому закону об этом*) надлежащее хозяйствованіе разумѣется в смыслѣ «примѣненія всѣх забот, труда и расходов, нужных для того, чтобы от отчуждаемаго имущества получались такіе результаты, которые соотвѣтствуют его положенію и силѣ (povaze a jakosti), а само имущество со всѣм к нему относящимся поддерживалось в хорошем состояніи и без сокращенія». Закон с этой цѣлью подробно указывает всѣ виды имущества и раздѣлы хозяйственных операцій; в частности он требует от владѣльцев увѣдомленія о продажѣ лѣса и лѣсных матеріалов за 14 дней до ея совершенія. Земельный Комитет организовывает надзор за имѣніем, подробно регулируемый названным законом. Этот общій надзор за отчуждаемыми имѣніями переходит в «постоянный», когда хозяйство и интересы связанных с ним лиц находятся под угрозой. И, наконец, хозяйство может быть взято в соб-

*) Закон 12 февраля 1920 г. о хозяйствованіи на подлежащей отчужденію землѣ.

ственное управленіе Земельнаго Комитета, когда имѣніе объявляется поступающим в парцелляцію и управленіе облегчает ее или предупреждает ея затягиваніе.

Что касается ограниченій мобилизаціи и эксплоатаціи надѣляемой земли, не говоря о «недилах», то ея отчужденіе без разрѣшенія Земельнаго Комитета запрещено в теченіе 10 лѣт. Если же земля раньше истеченія этого срока продается (напр., с аукціона за неплатеж или по волѣ владѣльца с вѣдома Земельнаго Комитета), то новый владѣлец ограничен в правѣ ея отчужденія также в теченіе десяти лѣт со времени покупки. Получающій землю обязан вести хозяйство на ней старательно; иначе, и при наличности при этом на землѣ долга выше $^2/_3$ цѣны земли и выше $^1/_2$ цѣны построек, Земельный Комитет с землей этой может поступать также, как при неудовлетворительном хозяйствѣ на землѣ отчуждаемой (§ 10 закон о надѣленіи; слѣдовательно, вплоть до отобранія земли Земельным Комитетом в свое вѣдѣніе).

Заканчивая об экономической сторонѣ земельной реформы в Ч.С.Р., упомянем еще, что *существовавшая до нея форма земельной собственности* не измѣняется. Она исходит из сложившагося народно-психологическаго уклада, характеризующагося, как мы видѣли, стремленіем к обладанію землей на правах частной собственности. Отчужденная у крупных владѣльцев земля надѣляется отдѣльным собственникам, причем никаких длительно дѣйствующих ограниченій ея не устанавливается*). Но все же, по мысли законодательства об аграрной реформѣ в Ч.С.Р., часть «земельнаго фонда» предназначается в общественную собственность (помимо теперешней государственной и будущаго увеличенія лѣсных владѣній государства). Расширеніе общественной земельной собственности было упомянуто нѣсколько раз в предыдущем изложеніи.

Отводы земли в общественную собственность не получили, однако, сколько-нибудь замѣтнаго распространенія. Насколько ничтожны отводы земли не в единоличную, а общественную или коллективную собственность (или пользованіе) показывает то, что к концу 1923 г. из 117,2 тыс. получателей земли было 98,6% единоличных, и только 1,4% (или 1,7 тыс.) были юридическія лица; среди послѣдних было сельских обществ — 1593 случая; уѣздов, губерній и общественных учрежденій — 21, разных кооперативов — 30**). Если поэтому и согласиться с мнѣніем, что «земельная реформа вводит в жизнь не только по закону, но и практически новыя формы с.-х. предпріятій при помощи коопераціи»***), то с другой стороны, очевидно, что эти ростки «новаго» чрезвычайно слабы на господствующем фонѣ хозяйственнаго индивидуализма.

А. Челинцев.

---

*) Наприм., пріоритет государства при покупкѣ земли, надѣленной на льготных условіях, в случаѣ продажи собственником ея (подобно хотя бы рентным имѣніям), по истеченіи 10 лѣт со времени надѣленія.

**) К концу 1923 г. земельных товариществ было образовано всего 14, из коих 9 из бывших служащих (в числѣ 185 человѣк, получивших 1196 гект. для совмѣстнаго веденія сельскаго хозяйства (7-аренда, 2-собственность), причем остаток чистаго дохода дѣлится пропорціонально труду членов; затѣм, 2 т-ва из бывших служащих (из 19 семей на 147 гект., данных в собственность) и 3 т-ва (из 131 малоземельных семей на 197 гект., данных в аренду) всѣ 5 т-в для раздѣльнаго пользованія землей.

***) *Voženílek,* Pozemk. reform., 142.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ПОЛЬШѢ

I

Аграрная реформа в Польшѣ повисла в воздухѣ. Это — камень преткновенія для министерских кабинетов и вмѣстѣ с тѣм источник многих, очень разнообразных партійно-политических комбинацій. Прошлогодняя комбинація с образованіем в Сеймѣ так называемаго «польскаго большинства», путем объединенія правых элементов («Народовой демократіи» и др.) с партіей «Пяста», считавшейся представительницей крестьянских интересов, обусловлена была нѣкоторым компромиссом между этими политическими группами, именно в аграрном вопросѣ. Но эта комбинація просуществовала едва полгода и должна была распасться в силу того, что от «Пяста» начали откалываться, одна за другой, группы болѣе лѣвыя, стоявшія за углубленіе аграрной реформы. Деп. Домбскій удачно сострил тогда, что премьер-министр Витос, глава партіи «Пяста», вмѣсто того, чтобы проводить в жизнь парцеляцію крупных имѣній в пользу малоземельных, занялся парцеляціей собственной партіи. Дѣло кончилось распадом столь неестественно созданнаго «польскаго большинства» и паденіем министерства Витоса. Но и послѣ того аграрное законодательство почти не подвинулось вперед. В Сейм внесено нѣсколько проектов, но к ним как-будто боятся прикоснуться. Лица, стоящія во главѣ дѣла аграрной реформы, постоянно мѣняются. Только на этих днях ушел в отставку министр по дѣлам аграрных реформ, профессор Здзислав Людкевич. Незадолго перед тѣм покинул свой пост и начальник Главнаго Земельнаго Управленія. 5-го іюля с. г. в Сеймѣ, при обсужденіи бюджета министерства аграрных реформ, выступило нѣсколько ораторов от различных фракцій, выражавших, каждый по своему, неудовлетворенность дѣлом земельной реформы. Эти пренія в демократической газетѣ «Курьер Поранный» были охарактеризованы сеймовым референтом так: «... в Сеймѣ никто уже не вѣрит в то, чтобы аграрную реформу можно было провести в період оздоровленія финансов, ибо на эту цѣль требуются, с одной стороны, огромные расходы от правительства, а с другой, — у крестьян должны быть наличныя деньги для покупки земли. Ни того, ни другого нѣт». Таким образом, вопрос об аграрной реформѣ объявляется как бы остановившимся на мертвой точкѣ.

Это не значит, конечно, что вопроса не существует. Не только «вопрос» есть, но есть и самый закон, который должен был регулировать этот вопрос, — закон, изданный Учредит. Сеймом в тѣ тревожные дни (15 іюля 1920 г.), когда конница Буденнаго стояла под Варшавой, а в вагонах перваго совѣтскаго поѣзда находилось уже новое польское «совѣтское правительство», в составѣ Дзержинскаго, Мархлевскаго и Ф. Кона.

Критическія обстоятельства, при которых закон этот был издан, наложили на него опредѣленный отпечаток: из разрѣшенія вопроса создали кость, кото-

рая была брошена «в пасть» крестьянской массѣ, чтобы парализовать аграрную демагогію большевиков. Трудно сказать, каково было дѣйствіе этого закона в указанном смыслѣ. — Польша была спасена, повидимому, не поднявшейся на ея защиту крестьянской массой, — проявившей тогда (по свидѣтельству многих) скорѣе какое-то «нейтральное» отношеніе к возникшей борьбѣ, — а національной молодежью, по большей части из буржуазных кругов, ясно сознавшей всю опасность образовавшагося положенія.

Характерной чертой обстановки, в которой создался этот закон, слѣдует признать также и то, что, принимая закон 15 іюля 1920 г., Польскій Сейм не знал еще (и не мог знать) тѣх территоріальных предѣлов, на которые должно было распространиться дѣйствіе этого закона. Вѣдь, в іюлѣ 1920 года не только не были рѣшены вопросы Тѣшинскій, Верхне-Силезскій, Галиційскій, — наконец, Виленскій, но о самом существованіи «Восточных Кресов», как части Польши, тогда, — когда пальба большевицких пушек была слышна в самой Варшавѣ, — едва ли кому могло прійти в голову. При таких условіях, каким статистическим матерьялом мог руководствоваться Сейм, принимая закон об аграрной реформѣ? Какія цифровыя выкладки он мог производить? Конечно, самыя существенныя части закона были только «наметаны». Предполагалось, что потом, когда все, слава Богу, уляжется, можно будет эти первоначальныя нити «наметки» снять и замѣнить болѣе прочным шитьем. Эта-то замѣна и застопорилась...

II

Части, из которых составилось возрожденное Польское Государство, весьма существенно отличаются одна от другой по своему аграрному строю. Владислав Грабскій в своем послѣднем трудѣ*) характеризует аграрный строй в Польшѣ, «как типично западно-европейскій, ибо он основан на индивидуальной земельной собственности, одинаковой в своем существѣ для каждаго собственника, независимо от размѣров ея». Это указаніе не ослабляется, по его мнѣнію, тѣм, что в б. русских провинціях Польши имѣется в общем владѣніи не мало пастбищ и лѣсов, что во многих частях Польши очень рѣзко выражена чрезполосица, что в странѣ еще идет процесс ликвидаціи сервитутов и т. п. Как ни существенна та черта, которую подчеркивает польскій изслѣдователь, ею одной, разумѣется, не исчерпывается характеристика аграрных отношеній в Польшѣ.

Каждая из трех основных частей Польши, бывших под разными захватами («заборами»), обладает своими рѣзко выраженными чертами. Наиболѣе типичной для всей Польши в смыслѣ аграрнаго строя автор считает б. Царство Польское, ибо здѣсь процентное соотношеніе между крупными и мелкими собственниками, а также процент безземельнаго населенія приблизительно тѣ же, какіе вычисляются и для всей Польши. Мы говорим: «вычисляются», потому что точных статистических данных о земельных отношеніях в Польшѣ пока не имѣется. С.-х. перепись, произведенная в 1921 г., разработана только относительно населенія и количества домашняго скота**).

*) *Władysław Grabski* — Społeczne Gospodarstwo Agrarne w Polsce. Университетскій курс 1921—1922 гг. Warszawa, 1923 г., стр. 439. Автор — нынѣ премьер-министр.

**) Spis ludności a zwierźat domowych I. Rozbor krytyczny. (Перепись населенія и домашних животных. Критич. разбор проф. Л. Крживицкаго). Prof. *Ludwika Krziwickiego*. Warszawa, 1924 г.

Данныя по землевладѣнію и землепользованію еще находятся в процессѣ обработки. Польскіе изслѣдователи, в том числѣ и такой солидный, как проф. Здислав Людкевич в своем капитальном трудѣ «Polityka agrarna» (Warszawa-Poznań. 1921), пользуется очень старыми данными. Эти данныя повторяются и в «Статистикѣ Польши» Кржижановскаго и Куманецкаго. Болѣе новыя данныя имѣются в книгѣ Бржескаго, но автору пришлось прибѣгнуть уже к вычисленіям. Внося в вычисленія г. Бржескаго нѣкоторыя поправки, Вл. Грабскій и дал такую таблицу соотношенія земельной собственности в странѣ (для Польши трех «заборов» — прусскаго, русскаго и австрійскаго):

Безземельных	31 %
Имѣющих землю	69 %

Из числа владѣющих землей:

Крупн. собственников	св. 100 г.	—	0,6 %	владѣют	31,0 %	всей земли
Средних	20—100 г.	—	3,0 ,,	,,	11,3 ,,	,, ,,
Мелких	5 — 20 г.	—	27,7 ,,	,,	31,3 ,,	,, ,,
	2 — 5 г.	—	37,3 ,,	,,	20,9 ,,	,, ,,
Карликовых	менѣе 2 г.	—	31,4 ,,	,,	5,5 ,,	,, ,,

Число владѣльцев карликовых хозяйств в отношеніи ко всему сельскому населенію составляет 21,6 %, вмѣстѣ с безземельными количество сельскаго пролетаріата и полупролетаріата для всей Польши опредѣляется в 52,6 %, т. е. — отмѣчает и г. Грабскій — большинство сельскаго населенія Польши оказывается на положеніи пролетарском.

В составѣ населенія, владѣющаго землей, рѣзко выдѣляется группа хозяев мелких (от 2 до 20 гект.), число которых достигает почти ²/₃ всѣх хозяев и на долю которых приходится немного болѣе половины всей земли. Это — доминирующій элемент сельско-хозяйственнаго населенія. Остальная часть земли (частной собственности) находится во владѣніи совершенно незначительной по численности группы, составляющей 3,6 % всѣх собственников. На долю крупных собственников (влад. свыше 100 г.) приходится около ⅓ всей земли, находящейся в частном владѣніи.

Таким образом, то, что в русской экономической литературѣ называется дифференціацією земледѣльческаго населенія, выражено в основной Польшѣ*) в достаточно рѣзкой степени.

Данныя по отдѣльным районам, выраженныя в %%, уточняют эту картину земельных отношеній (см. табл. на стр. 148.)

Цифры, относящіяся к б. Царству Польскому, дѣйствительно ближе всего подходят к общим для всѣх трех частей Польши. В б. Прусских провинціях картина иная: там выше, чѣм в других частях страны процент безземельнаго населенія, это — с одной стороны, с другой — там большая доля земли, находится во владѣніи крупных собственников. Относительно большая площадь земли находится там и в руках средних собственников. Мелкая собственность (от 2 до 20 г.) играет в этой части страны относительно наименьшую роль.

Что касается Галиціи, то в ней, наоборот, мелкая собственность явно доминирует: ей принадлежит большая половина земельнаго пространства. Но

*) Пока не принимаются во вниманіе ни восточныя воеводства (б. русскія губерніи: Волынская, Гродненская, Виленская и части Минской), ни В. Силезія.

Земельныя отношенія по районам:

	В областях		
	б. Прусскія провинціи	Галиція	б. Царство Польское
Раздѣленіе земледѣльч. населенія по группам:			
Безземельных	41,0	25,6	31,0
Из числа влад. землей — менѣе 2 г.	37,5	43,0	21,6
от 2 до 5 гект.	18,3	38,7	42,6
,, 5 до 20 ,,	32,9	17,0	33,1
,, 20 до 100 ,,	10,1	0,9	2,1
свыше 100 ,,	1,2	0,4	0,6
Из всей земельной площади приходится на долю:			
Крупных собственников (от 100 г.)	41,8	25,0	31,5
Средних (20—100 г.)	27,3	8,0	8,1
Мелких (2—20)	28,8	55,3	57,6
Карликовых (менѣе 2 г.)	2,1	11,7	2,8

в Галиціи выше, чѣм в остальных частях, и процент карликовых хозяйств; наконец, крупная собственность в Галиціи представляется сравнительно в очень скромных размѣрах. Слѣдует тут же указать, что большая часть здѣшних крупных собственников находится в Восточной Галиціи; западная Галиція кромѣ 2—3 фамилій (Сангушко, напр.) не знает латифундій. Наконец, в Галиціи чисто пролетарскій элемент представлен относительно слабѣе, чѣм в других частях. Вл. Грабскій находит, что на основаніи приведенных признаков Галиція и б. Прусская Польша могут быть противопоставлены одна другой, как крайнія противоположности, расходящіяся от «середины», которую представляет собой б. Конгресувка (б. Царство Польское).

В виду того, что вопрос о земельных рессурсах крупных частных собственников имѣет особенно важное значеніе для аграрной реформы, приведем еще нѣкоторыя цифры, основанныя уже на данных переписи 1921 г. Это результаты предварительнаго подсчета переписи, помѣщенные в «Статистическом Ежемѣсячникѣ» 1922 г. (№11—12) и 1923 г. (№№ 1—5). Незакончены подсчеты по владѣніям, составляющим в разных частях приблизительно от 1 до 5 проц. общей площади. Данныя касаются количества земли, находящейся в руках крупных владѣльцев (как частных лиц, так и общественных учрежденій, но без государственной собственности).

Приведем сначала данныя, касающіяся частных лиц.

Крупным частным владѣльцам (имѣющим от 100 и болѣе гек.) принадлежит земли (см. табл. на стр. 149.)

Таким образом, большая часть площади, занимаемой крупными собственниками, принадлежит владѣльцам, размѣры хозяйств которых начинаются от 500 гектаров. Это, так сказать, польскія латифундіи. Этот разряд собственников владѣет $^3/_4$ всей площади, принадлежащей крупным частным владѣльцам.

Крупныя земельныя владѣнія (от 100 и болѣе гект.)

В областях	Всего в гектарах	Из них у имѣющих свыше 500 гект.	
		гектаров	%%
Б. Прусских пров.	1.368.006	1.004.298	73,4
Б. Царствѣ Польск.	2.798.998	1.972.698	71,2
Зап. Галиціи	326.583	240.237	73,5
Вост. Галиціи	1.564.823	1.308.108	83,6
Итого	6.056.410	4.525.341	74,7

Горная Силезія, которой мы до сих пор тоже не касались, — в аграрном отношеніи не представляет особеннаго интереса. Здѣсь также, конечно, имѣются владѣльцы латифундій и большой процент карликовых хозяйств. Проф. З. Людкевич считает, что из 220 тыс. мелких собственников, насчитываемых здѣсь, надо отнести к карликовым (менѣе 2 гект.) — 147 тысяч, т. е. около $^2/_3$. Но земледѣліе в этом районѣ не является важной отраслью хозяйственной жизни, населеніе кормится не обработкой земли, и парцеллы, которыми владѣет большинство мѣстнаго населенія, играют в его хозяйствѣ подсобную роль.

Другое дѣло — восточныя (б. русскія) области нынѣшней Польши. Это район чрезвычайно важный и в общей экономикѣ Польши, в частности, в отношеніи аграрнаго вопроса. К сожалѣнію, земско-статистическія обслѣдованія здѣсь произведены не были и цифровой матеріал, которым оперируют польскіе изслѣдователи, имѣет лишь очень относительное значеніе. Проф. Людкевич, характеризуя аграрное положеніе на «Восточных Кресах», отмѣчает, что здѣсь Польское государство имѣет нѣкоторое количество земли «вольной», т. е. не находящейся в обработкѣ. Крупной частной собственности в названных губерніях*) принадлежат весьма значительныя доли. В Виленской губ. под владѣніями болѣе 100 гект. находится 43,2 % земли, в Гродненском воеводствѣ этот процент равен 43,0 % в Новогродском — 53,8 %, в Слуцком — 57,5 % в Пинском — 81,4 %. По переписи 1921 г. на землях Восточных кресов под крупными владѣніями (от 100 гект. и выше) находится:

В губерніях	Всего земли в гектарах	Из этого колич. у владѣющих свыше 500 г.	
		гектаров	%%
В Виленской	385.403	259.333	67
,, Новогрудской	582.201	453.423	79
,, Полѣсской	1.652.388	1.576.369	95
,, Волынской	613.162	521.421	86

Эти цифры производят нѣсколько меньшее впечатлѣніе, когда мы вспомним, что значительная часть этих земельных простанств занята болотами (Полѣсье) и лѣсами.

*) Бѣлостокскій район относится, по нынѣшнему административному дѣленію, к Конгрессувкѣ и в состав «Восточных кресов» не входит.

В. Грабскій в цитированной книгѣ своей дает такую таблицу распредѣленія частной собственности на «Вост. Кресах»:

% земельной площади у владѣющих:

<table>
<tr><th>В б. губерніях</th><th>Менѣе 2 гект.</th><th>2—5 гект.</th><th>5—20 гект.</th><th>20—100 гект.</th><th>Болѣе 100 гект.</th></tr>
<tr><td>Виленской</td><td colspan="2">0,36</td><td>35,22</td><td>17,92</td><td>46,03</td></tr>
<tr><td>Гродненской</td><td colspan="2">0,23</td><td>36,03</td><td>25,37</td><td>35,62</td></tr>
<tr><td>Волынской</td><td>0,10</td><td>6,02</td><td>35,33</td><td>7,42</td><td>50,32</td></tr>
<tr><td>Итого (в среднем)</td><td colspan="2">2,24</td><td>35,56</td><td>16,90</td><td>44,00</td></tr>
</table>

Число хозяев (в %%), имѣющих земли:

В б. губерніях	Менѣе 2 гект.	2—5 гект.	5—20 гект.	20—100 гект.	Болѣе 100 гект.
Виленской	0,54	2,23	76,54	17,46	2,00
Гродненской	2,48	1,11	59,75	21,98	1,44
Волынской	1,36	24,28	67,13	4,66	0,85
Итого (в среднем)	1,44	9,20	67,80	14,70	1,40

Таким образом, преобладающим элементом являются здѣсь мелкіе и средніе собственники. Карликовыя владѣнія рѣдки; болѣе $^2/_5$ всей земли составляет собственность крупных владѣльцев. Однако, слѣдует прибавить, что именно в этих областях процесс раздробленія крупных владѣній, начавшійся до войны, шел все время усиленным темпом. Наконец, здѣсь находится наибольшее количество б. государственных и удѣльных земель.

Таковых для Виленской губ. считалось — 369.559 гект., для Гродненской — 554.947, для Пинскаго и Новогрудскаго районов — 79.789 г.*).

Земель, находящихся во владѣніи общественных учрежденій («publicznych»), по переписи 1921 г., значится (считая лишь владѣнія от 50 гект.)

В б. Прусских провинціях	56.963	гект.
,, Конгрессувкѣ (с Бѣлосток. воев.)	42.684	,,
,, Зап. Галиціи	40.300	,,
,, Восточн. Галиціи	222.081	,,
,, Вост. (б. русских) землях	19.386	,,
Итого	341.414	гект.

*) Prof. *Zd. Ludkiewicz*: Wytyczne reformy Agrarnej na Białej Rusi. Warszawa, 1920, стр. 14.

Что касается распредѣленія земель по угодіям, то оно — правда, по весьма устарѣлым данным — представляется в таком видѣ:

В областях	Общая поверхность в кв. клм.	Из этого количества приходится в %% на				
		пашню	луга и пастбища	лѣса	сады и проч.	неудобн.
Конгрессувкѣ . .	126.995	56,3	14,7	18,1	3,9	7,0
б. Прусск. пров.	66.565	57,0	13,0	21,0	6,6	2,4
Галиціи	78,497	48,5	20,9	25,7	1,4	3,5
В. Силезіи	13.230	56,5	7,3	28,9	4,9	1,0
Силезіи Цѣшин.	2.222	47,4	16,2	31,1	2,2	3,1

В восточных областях (б. русских) картина представляется нѣсколько иной. Впрочем данныя, которыми пользуются польскіе изслѣдователи, чрезвычайно устарѣли*) (1887).

В б. губерніях	Общ. площадь в десят.	Из этого числа %%		
		пашни	лугов и пастбищ	лѣсов
Гродненской	3.297.815	39,8	19,6	23,5
Виленской	3.525.070	40,5	15,9	28,1
Волынской	4.331.121	33,1	15,6	33,3
Бывш. уѣздах Минской (Пинском-Новогрудском)	1.534.292	23	16	32,3

Процент пахотных земель здѣсь значительно ниже, чѣм в остальных частях Польщи, взамѣн этого замѣтно — в особенности в Волынском и Пинском районах — повышеніе процента для лѣсов и для земель неудобных (болот).

Закончим эти немногія указанія по характеристикѣ аграрных отношеній в Польшѣ нѣсколькими цифрами, выражающими густоту сельскаго земледѣльческаго населенія**). Беря в счет всѣ хозяйства, начиная от владѣющих половиной гектара, польскіе писатели получают, что на 1 кв. клм. приходится в Зап. Галиціи — 14,11 хоз.; причем в нѣкоторых уѣздах даннаго района это число повышается до 20. Вокруг этого района идет широкій пояс, состоящій из Силезской части, б. губерній Петроковской, Кѣлецкой, Радомской, Люблинской и В. Галиціи, — с числом хозяйств на 1 кв. клм. — в 9,50 — 11,90. Далѣе имѣем значительно большее пространство из Калишской, Варшавской, Ломжинской, Сѣдлецкой губерній и двух западных уѣздов Волынской — с числом хозяйств от 6,35 до 8,87 на 1 кв. клм.

Б. Прусская Польша, б. губерніи Плоцкая и Сувалкская, а также остальные уѣзды Восточных воеводств дают от 3 до 6 хозяйств на 1 кв. клм. и, наконец, часть Полѣсья дает самыя низкія цифры — меньше 3 и даже 2 хозяйств.

*) Zródła i istota kwestji agrarnej na Litwie, Białej Rusi i Wołyniu», studjum statystyczne. *Prof. Zd. Ludkiewicz.* Warszawa, 1921. См. также его же: «Wytyczne reformy agrarnej na Białej Rusi», Warszawa, 1920.

**) С.-х. населенія в Польшѣ считается на 1 кв. клм.: в Галиціи — 78, в Конгрессувкѣ — 57, в Познани — 39. Между тѣм в Германіи на 1 кв. клм. приходится 33 чел. земледѣльческаго населенія, во Франціи — 31, в Даніи — 34.

Галиція и южная часть Конгрессувки, таким образом, страдают довольно рѣзкой выраженной степенью с.-х. перенаселенности. Для этих частей Польши аграрный вопрос и представляется главным образом в формѣ дополнительнаго надѣленія недостаточных хозяев землей. При этом, однако, в Зап. Галиціи крупная земельная собственность, как указывалось выше, относительно очень невелика — и только за ея счет вопрос о малоземельи здѣсь не мог бы быть разрѣшен.

Очевидно, для З. Галиціи проблему устраненія с.-х. перенаселенности невозможно разрѣшить без передвиженія извѣстной части хозяев в другія области, обладающія в большей степени земельными рессурсами. В В. Галиціи перенаселенность в сельском хозяйствѣ также замѣтна. В ней имѣется в значительном количествѣ и крупная частная собственность. Урегулированіе земельных отношеній осложняется здѣсь національным вопросом — крестьянство В. Галиціи в большинствѣ составляют русины, а крупный помѣщичій элемент поляки. Историческія преданія, касающіяся взаимоотношеній этих двух элементов, менѣе всего могут быть признаны благопріятными для безболѣзненнаго разрѣшенія вопроса. Запросы на землю со стороны крестьянства ясно ощущаются и в Конгрессувкѣ. Здѣсь есть также и нѣкоторый земельный фонд для того — в руках крупных собственников. Наконец, что касается Восточных воеводств (б. русских губерній), то здѣсь населенность показывается в наименьших цифрах, и в глазах польских государственных дѣятелей, именно эти земли представляются главным фондом для надѣленія малоземельнаго и безземельнаго населенія собственно Польши. Внутренняя колонизація и направляется главным образом сюда — на «восточные кресы», — причем соображенія соціально-аграрныя осложняются тут мотивами государственно-политическими. Раздробленіе крупных владѣній, поэтому, производится тут преимущественно не в пользу мѣстнаго крестьянскаго населенія, а, в значительной мѣрѣ, в явный вред ему.

По вычисленію г. Чалбовскаго, для устройства малоземельных и безземельных крестьян Польши требуется всего около 6 милліонов гект.*).

III

Кромѣ устраненія аграрной перенаселенности или крестьянскаго малоземелья, в содержаніе аграрнаго вопроса в Польшѣ входят еще двѣ задачи — обѣ весьма давняго происхожденія. Это, во-первых, исправленіе чрезполосицы («шаховницы« земельной) и ликвидація сервитутов. Что касается чрезполосицы, то борьба с ней ведется уже давно. Объединеніе разбросанных кусков, принадлежащих одному владѣльцу и округленіе владѣній — так наз. «комасація» (komasacja gruntów) сдѣлали извѣстные успѣхи еще до войны. По вычисленію комиссіи сен. Подгородникова, в б. Царствѣ Польском в 1899 г. до $^2/_5$ крестьянских земель уже прошло через «комасацію». Значительно хуже обстояло дѣло с землями мелкой шляхты и мѣстечек. В годы послѣвоенные эти обмѣны землями продолжались; однако, до сих пор подлежащими «комасаціи» считается до 4 милліонов гект. в одной Конгрессувкѣ. В Галиціи чрезполосица выражена в еще большей степени — здѣсь по крайней мѣрѣ пять милліонов гект. должны еще пройти через этот процесс перераспредѣленія. Для Восточных (б. русских) провинцій сколько-

*) «Droga», № 3.

нибудь точных данных о количествѣ владѣній, страдающих от чрезполосицы, не имѣется. Чрезполосица там во всяком случаѣ не менѣе значительна, чѣм в указанных польских областях. По С. Людкевичу она охватывает не менѣе 5 милліонов гект.*). В общем итогѣ во всей Польшѣ, по расчетам Чалбовскаго находится в чрезполосицѣ до 14 милліонов гект. Для б. Прусских областей вопрос о черезполосицѣ не имѣет остраго характера.

Сервитутный вопрос в Польшѣ также очень старый. По нему имѣется цѣлая литература и останавливаться на нем здѣсь нам не приходится. Процесс ликвидаціи сервитутов в Конгрессувкѣ шел так: в 1864 г. сервитутных имуществ считалось 8155, в 1922 году их значилось уже — 2641, а количество земли сервитутной по 1 января 1912 г. составляло здѣсь 602.095 гект.**). В б. прусских и австрійских землях сервитутный вопрос давно потерял свою остроту. Но в Галиціи хозяйств, ожидающих окончательной ликвидаціи сервитутов, можно — по Чалбовскому — насчитать все таки нѣсколько тысяч, в б. Конгрессувкѣ число мелких хозяйств, пользующихся сервитутами — преимущественно лѣсными и пастбищными — можно принять за 30 тысяч, на Восточных «кресах» их должно быть еще больше. Общее пространство земли под всѣми сервитутами считается в 1.500.000 гект.

IV

Мы указали выше, что аграрное законодательство в возрожденной Польшѣ началось в довольно тревожной обстановкѣ внѣшней необезпеченности. Польское государство вообще тогда только еще формировалось. Настроеніе, что надо начинать все сызнова, выражалось в извѣстном размахѣ, свойственном революціонным, критическим моментам. В соотвѣтствіи с этим, в самых разнообразных кругах польскаго населенія обнаружилась и тяга к землѣ. Идея «раздѣла земель» несомнѣнно носилась в воздухѣ, и стремленіе сѣсть на землю обнаружилось даже у нѣкоторых групп городской интеллигенціи. Болѣе «законными» претендентами на землю считали себя разные служащіе в помѣщичьих имѣніях и сельская интеллигенція. Мысль о вознагражденіи землей людей военных — чинов арміи — также была пущена и очень легко воспринята в соотвѣтственных кругах, пріобрѣтя вскорѣ значеніе демагогическаго мотива. Но были, очевидно, и противодѣйствующія силы, и Учредительный Сейм не сразу рѣшился приступить к аграрной реформѣ. Иниціативу взяли на себя партіи, старавшіяся опереться на крестьянство. Руководителями земельной комиссіи (Komisji rolnej) были лидеры крестьянской партіи, так наз. «Пяста»***) — Витос, Ян Домбскій, Ант. Ануш и др. Докладчиком комиссіи по аграрному вопросу был Домбскій†). Однако,

---

*) *Северин Людкевичъ* в статьѣ «Общіе принципы и задачи земельной реформы» («Droga», № 8, 1923) указывает, что с 1906 г. по 1913 г. Россійским Правительством было «скомасовано» в 9 западных губ. (литовских, бѣлорусских и юго-западных) всего 1,7 милл. гектаров, но большая часть этих земель относится к Ковенской и Витебской губерніям. На тѣ губ., которыя вошли теперь в состав Польши, выпадет не болѣе 450 т. гект. За время с 1914 г. по 1921 г. подверглись «комасаціи» около 500.000 гект.

**) *Prof. Ludkiewicz.* — Polityka Agrarna, стр. 190—191 и далѣе.

***) Политическая физіономія этой партіи за послѣдніе годы рѣзко и характерно измѣнилась. См. Кр. Р. № 5—6.

†) Автор Рижскаго договора.

на этот раз — то было лѣтом 1919 года — дѣло ограничилось лишь тѣм, что Сейм принял «Постановленіе о принципах земельной реформы», которое не было, однако, даже напечатано в «Собраніи Узаконеній» (Dziennik ustaw), и, не нося характера подлиннаго закона, по мнѣнію, напр., г. Зд. Людкевича, «формально не было ни для кого обязательно». Тѣм не менѣе это «Постановленіе» сыграло нѣкоторую роль, и представители крестьянских интересов и вообще партіи, стоявшія за широкую постановку дѣла аграрной реформы, — старались опереться на тезисы или статьи этого перваго аграрнаго акта Учредительнаго Сейма.

Вкратцѣ, содержаніе «Постановленія о принципах земельной реформы» сводится к слѣдующему.

С.-х. строй Польши должен прежде всего опираться на сильныя, здоровыя, способныя к интенсивной продукціи крестьянскія хозяйства, в основѣ которых лежит принцип частной собственности — при различіи типов и размѣров ея. Дѣятельность в этом направленіи объемлет собой образованіе новых хозяйств путем колонизаціи, увеличеніе размѣров существующих нынѣ карликовых хозяйств до созданія из них самостоятельных хозяйственных единиц, созданіе мельчайших хозяйств с овощно-огородной культурой, и, наконец, устройство колоній и садов рабочих, чиновников и т. п. — в окрестностях больших городов и промышленных заселеній. Собственниками или владѣльцами воздѣланной земли могут быть лишь лица, подготовленныя теоретически или практически к веденію самостоятельнаго хозяйства или их наслѣдники.

Органом, регулирующим распредѣленіе в Польшѣ земли должно быть государство, которое с этой цѣлью должно располагать достаточным запасом ея. Этот запас образуется из слѣдующих рессурсов: 1) из имуществ государственных (казенных и майоратных), 2) имуществ, отобранных государством от членов правивших династій и их семейств (т. е. трех павших имперій), 3) имуществ Русскаго Крестьянскаго Банка и Прусской Колонизаціонной комиссіи; 4) неотчуждаемых имуществ: земель церковных, монастырских и пр. общественных учрежденій, 5) не распарцелированных земель духовенства и монастырей, 6) земель, пріобрѣтенных во время войны спекулянтами и, наконец, 7) имуществ или частей их, отчужденных в принудительном порядкѣ от частных земельных собственников по цѣнѣ, опредѣленной законом. Законом должен быть также опредѣлен максимум земли, оставляемой владѣльцам фольварков, а также размѣры вообще фольварочных участков в разных частях страны. Лѣса, за исключеніем принадлежащих гминам и вообще мелких частных лѣсных владѣній, становятся государственной собственностью с ликвидаціей сервитутных прав. Способы передачи государству всѣх этих земель, условія и цѣны, по которым будет производиться отчужденіе их, должны быть установлены особыми законами. Из частных владѣній отчужденію не подлежат хозяйства сѣменныя и кормовыя, а также с какой-либо высоко развитой промышленной культурой.

Из образуемаго таким способом земельнаго фонда государство удовлетворяет прежде всего запросы на землю наиболѣе нуждающихся в ней элементов — безземельных и малоземельных земледѣльцев, затѣм заботится о надѣленіи других хозяев, стараясь увеличить их владѣнія в общем до нормы не выше 40 моргов. На полученіе земли могут разсчитывать солдаты, возвращающіеся с войны, и инвалиды.

Как видим, этот акт носит дѣйствительно, болѣе декларативный характер. Конкретных указаній по осуществленію выставленных им принципов, «Постановленіе» Сейма от 10 іюля 1919 года не содержит.

Однако, и это «Постановленіе» было принято не без горячаго боя. В Земельной комиссіи, обсуждавшей эти принципы, выступали критики их и справа, и слѣва. Слѣва выдвинут был принцип націонализаціи земли, но при голосованіи он был отвергнут в самой Комиссіи. Справа заявлены были протесты против отчужденія церковных и монастырских земель. Противники этого отчужденія указывали, что земли духовенства составляют собственность всей Римско-Католической Церкви, и посему вопрос о судьбѣ их не может быть рѣшен без того, чтобы польское правительство не снеслось по сему поводу с Апостольской Столицей. По этому пункту меньшинство Комиссіи было настолько упорно в своей оппозиціи, что внесло свое мнѣніе на пленум Сейма*). Большая борьба была и по вопросу о размѣрах надѣленія маломощных хозяев; меньшинство настаивало на пониженіи вышеуказанной нормы до 25 моргов, причем в первую голову надѣленію должны подлежать рабочіе и служащіе помѣщичьих имѣній, лишающіеся заработка, вслѣдствіе раздробленія этих имѣній.

Ровно через год, в момент смертельной опасности, когда конница Буденнаго рвалась к Варшавѣ, Сейм вернулся к аграрным законам и опять в весьма спѣшном порядкѣ принял 6 и 16 іюля два закона, — уже «законы» («ustawa»), а не резолюціи принципіальнаго характера. Это, во-первых, закон об организаціи земельных управленій («urzędów ziemskich») — 6 іюля 1920 года**) и, во-вторых, закон о проведеніи земельной реформы — 15 іюля 1920 года («o wykonaniu reformy rolney»). Эти два закона дополняют друг друга. Один опредѣляет сущность реформы, другой указывает, кто должен быть выполнителем ея на мѣстах и руководителем в центрѣ. Оба эти закона принципіально ставятся в связь с «Постановленіем» 10 іюля 1919 года, как развитіе и дополненіе этого послѣдняго.

Главным руководителем аграрной реформы является отнынѣ «Главное Земельное Управленіе» («Główny Urząd Ziemski»). В круг его вѣдѣнія входит: 1) составленіе проектов законов, касающихся устроенія и регулированія земельных отношеній; 2) проведеніе в жизнь таковых законов; 3) регулированіе земельных отношеній — при уничтоженіи чрезполосицы, раздѣлѣ земель, находившихся в общем владѣніи, урегулированіи положенія б. с.-х. служащих, 4) регулированіе земельной мобилизаціи, 5) ликвидація прежних государственных учрежденій, вѣдавших эти дѣла (наш Крестьянскій банк и пр.), 6) наконец, вопросы, касающіеся финансовой стороны земельной реформы***).

Во главѣ этого учрежденія поставлен Предсѣдатель Главнаго Земельнаго Управленія, который при обсужденіи вопросов, относящихся к его вѣдѣнію, в Совѣтѣ министров, принимает участіе в нем на правах министра. Назначает его Начальник Государства по предложенію Предсѣдателя Со-

*) Sprawozdanie Komisji rolnej, Druk № 530, стр. 3 и 20. В концѣ концов Сейм принял эту поправку.

**) В сущности это был закон о реорганизаціи земельных учрежденій, ибо таковыя возникли раньше.

***) Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. № 70. R. 1920. Стр. 1222—1229.

вѣта министров. Около предсѣдателя Гл. Зем. Управленія имѣется совѣщательный орган — Главная Земельная Комиссія, в которой он состоит предсѣдателем и в которую, кромѣ него, входят его товарищ («вице-предсѣдатель»), два члена из профессіональных юристов, член апелляціоннаго суда, назначаемый министром Юстиціи, а также адвокат, один член, по назначенію Министра Земледѣлія и Гос. Имуществ с высшим агрономическим образованіем, один член, делегированный Предсѣдателем Г. Зем. Управ. и, наконец, 6 (шесть) членов, делегированных Сеймом по предложенію сеймовой Зем. комиссіи — не из состава депутатов: — именно, трое представителей мелкой собственности, два от безземельных батраков и один из среды крупных владѣльцев. Назначаются эти члены на три года, послѣ чего могут быть возобновляемы в своих полномочіях.

На мѣстах учреждаются окружныя, уѣздныя, гминныя земельныя комиссіи и — соотвѣтственно — окружныя, уѣздныя и пр. земельныя управленія, — как низшія инстанціи в отношеніи к Главному Земельному Управленію.

Закон 15 іюля 1920 года дает матеріальное содержаніе для дѣятельности этих учрежденій. Он содержит указанія, откуда государство может брать земли, необходимыя для новаго надѣленія, опредѣляет условія выкупа, и устанавливает процедуру и порядок отчужденія и раздробленія земель. В сущности, в этом законѣ и состоит вся аграрная реформа. Поэтому нам слѣдует передать нѣсколько подробнѣе его содержаніе.

V

Помимо земель, принадлежащих государству, церкви, монастырям и всяким др. общественным учрежденіям, закон 15 іюля 1920 г. предоставляет Главному Земельному Управленію коснуться в порядкѣ принудительнаго выкупа также и слѣдующих имуществ частной собственности: 1) земель, на которых хозяйство ведется в ущерб интересам страны; 2) имуществ, самовольно парцелированных их владѣльцами, без разрѣшенія государственных органов, либо не через тѣ учрежденія, которыя на то уполномочены; 3) имуществ, пріобрѣтенных за время войны — послѣ 1 августа 1914 г. и до 14 сентября 1919 г. — лицами, для которых сельское хозяйство не было или не стало профессіональным занятіем; 4) имуществ, пріобрѣтенных за время войны спекулянтами; 5) земель, находящихся в сферѣ интересов городских жителей, расположенных в окрестностях или по сосѣдству с крупными городами или промышленными центрами и нѣкот. др.

Послѣ всего этого, принудительному выкупу подлежат и просто частновладѣльческія имущества, превышающія 180 гект.; если же владѣнія расположены в «нѣкоторых частях б. Прусскаго захвата или в восточных землях Рѣчи Посполитой», то предѣльными размѣрами, с которых признается допустимым принудительное отчужденіе их, — являются 400 гектаров; в районах пригородных и при промышленных поселеніях нормой, с которой допускается отчужденіе, является 60 гект. Округа и районы эти устанавливаются распоряженіем Совѣта министров, на основаніи предложеній Главнаго Земельнаго Управленія. За владѣльцем имѣнія или имѣній — сохраняется право оставить за собой только один застроенный фольварк, на котором он сам или его семья могут вести хозяйство. Если при этом до 1 января

1919 года семья его была не раздѣлена, то она признается за одну хозяйственную единицу. Исключеніе допускается только для хозяйств, с характером промысловым, производящих сѣмена, корма, рыбные товары, — а также для хозяйств высоко индустріализованных. В отношеніи к ним закон разрѣшает сохранять цѣликом или болѣе или менѣе значительныя части занимаемых ими земельных пространств, не подчиняя их требованію о максимумѣ владѣній.

При примѣненіи принудительнаго выкупа к частным имѣніям закон обязывает соблюдать очередь — приблизительно в том порядкѣ, в каком мы перечислили вышеприведенные пункты. Отчужденіе обыкновенных имѣній, подлежащих выкупу, в виду превышенія ими нормы о максимумѣ, — поставлено на самом послѣднем мѣстѣ. Закон в спеціальной статьѣ (ст. 3) оговаривает опредѣленно, что к каждому слѣдующему источнику образованія земельнаго запаса для малоземельных слѣдует приступать только в случаѣ недостатка или исчерпанія в данном уѣздѣ земельных рессурсов, означенных в предыдущем пунктѣ.

Теперь перейдем к самой процедурѣ выкупа и отчужденія. Она чрезвычайно сложная, путаная и необыкновенно затяжная. Дѣло начинается с того, что Окружное Земельное Управленіе должно обратиться к собственнику имѣнія с предложеніем добровольно продать его, — и на отвѣт владѣльцу дается цѣлый мѣсяц. Если соглашеніе не состоится, тогда начинается процедура принудительнаго отчужденія. И тут дѣло проходит ряд инстанцій с апелляціями из одной в другую, с гласными засѣданіями разных комиссій и т. д. Наконец, спеціальная комиссія по оцѣнкѣ имущества приступает к своей работѣ. Закон указывает, что выкупная цѣна должна быть установлена равной приблизительно половинѣ рыночной, по которой платят за землю в данном округѣ. Хозяйственныя строенія, сооруженныя послѣ 1 августа 1914 года, подлежат выкупу по той стоимости, какую они имѣли в момент своего возведенія. Особо должны быть оцѣнены меліораціи, произведенныя послѣ 1-го августа 1914 г., а также расходы по унаваживанію и пр., произведенные непосредственно перед оцѣнкой. Живой и мертвый инвентарь принудительному выкупу не подлежат. Вознагражденіе за меліораціи и улучшенія исчисляется также по тѣм цѣнам, какія были при их выполненіи. Закон не предусмотрѣл тут лишь того, что в годы послѣ его изданія польская марка подверглась сильному обезцѣненію. Окружная Земельная Комиссія, принимая за основу цѣны, установленныя оцѣночной комиссіей, сама опредѣляет окончательныя цѣны. Собственнику, обычно предоставляется право апеллировать на эти оцѣнки в Главное Земельное Управленіе. Но с момента вступленія в силу постановленія о выкупѣ, Окружное Земельное Управленіе имѣет право вступить в обладаніе выкупленной недвижимостью. Владѣльцем этой послѣдней отнынѣ становится уже государство, и оно отвѣчает теперь и перед кредиторами и вообще перед разными третьими лицами, у которых оказываются какія-либо претензіи в отношеніи к отчужденной зем. площади. Но государство отвѣчает лишь в размѣрѣ установленной за данную землю выкупной цѣны, — и поскольку разныя тяготы гипотеки превышают эту цѣну, — суд устанавливает выкупную цѣну в соотвѣтствіи с правилами земельных торгов.

Финансовая сторона реформы в этом законѣ почти обойдена, и на другой день послѣ его изданія был издан новый закон — «о временных мѣрах для

финансированія аграрной реформы» (16 іюля 1920 г.). Этот послѣдній*) состоит всего на-всего из 7 коротеньких параграфов и содержит указаніе, что выкуп за землю, лежащіе на ней долги и меліораціи, Главное Земельное Управленіе производит выдачей временных квитанцій, в которых означена соотвѣтствующая сумма. С этой суммы б. собственник имѣнія получает проценты в размѣрѣ 4-х годовых. Эти квитанціи Глав. Зем. Управленіе потом — не позднѣе, чѣм через два года — обмѣнивает на листы земельной Государственной ренты (также 4-хпроцентной). В распоряженіе Гл. Зем. Упр. отпускается полмилліарда марок, которыя поступают в Госуд. Польскій С.-Хоз. Банк, и до изданія новаго закона об этом банкѣ он управляет этим фондом по правилам, которыя издает Совѣт министров. Через посредство этого банка производится выдача б. владѣльцам выкупных квитанцій и процентов по ним.

Вот и весь закон о финансированіи аграрной реформы.

Образованный указанными способами земельный запас предназначается на продажу отдѣльными кусками. План этой «внутренней колонизаціи» (как обычно выражаются сами дѣятели реформы) вырабатывается Окружными Земельными Управленіями. Об этом планѣ заявляют свои мнѣнія и уѣздныя земельныя комиссіи, и в концѣ концов он утверждается предсѣдателем Окр. Зем. Управленія. По соглашенію с Министерством земледѣлія, часть земельнаго фонда идет под сел.-хоз. школы, показательныя станціи, хозяйства с огородными культурами, под разныя постройки, историческіе и архитектурные памятники и т. п. Затѣм, остальной запас подвергается парцеляціи и идет на внутреннюю колонизацію. В планѣ парцеляціи указывается раздѣл фольварочных строеній (служб), проведеніе проѣзжих и полевых дорог, выпрямленіе границ, объединеніе участков, раздѣл или урегулированіе земель при общем пользованіи ими. Земли, расположенныя в окрестностях городов и промышленных заселеній, либо такія, которыя могут быть полезны городским жителям, могут предоставляться городам для их расширенія или идти под сел.-хоз. колоніи, составляющіяся из рабочих, ремесленников или чиновников.

Но главным и основным покупателем парцелируемой земли должен быть крестьянин, испытывающій нужду в землѣ. В этом и состоит колонизація, образованіе новых мелких, но самостоятельных хозяйств, которыя не должны превышать нормы в 15 гектаров. Но из 20% образованнаго земельнаго запаса закон разрѣшает продавать малоземельным крестьянам участки, с таким расчетом, чтобы, с этой надбавкой, хозяйство не превышало площади 23-х гектаров, а на окраинах — западных и восточных — до 45 гект. Кромѣ того, могут быть образуемы образцовыя хозяйства, размѣров которых закон не ограничивает. Такія хозяйства должны отдаваться в долгосрочную аренду отдѣльным лицам или кооперативным товариществам, наконец, под всякія специальныя с.-хоз. предпріятія.

Далѣе, закон 15 іюля устанавливает при раздачѣ (на выкуп) земель нѣкоторую градацію. Именно, преимущество в первую голову должно быть оказываемо инвалидам польской арміи и вообще военным инвалидам, способным к с.-х. труду, а также солдатам польской арміи, особливо тѣм, кто очень долго служил во фронтовых частях или вступил добровольцем в поль-

*) «Ustawa o tymczasowych sródkach dla sfinansowanja reformy rolnej». — Dziennik ustaw (собраніе узаконеній). № 70, стр. 1243.

скую армію. На втором мѣстѣ стоят земледѣльческіе труженики (из рабочих и служащих экономій, безземельные или малоземельные), лишившіеся заработка вслѣдствіе ликвидаціи крупнаго имѣнія, и затѣм, владѣльцы тѣх карликовых хозяйств, которые находятся в непосредственном сосѣдствѣ с парцелируемыми имѣніями; и уж по удовлетвореніи этих категорій может быть удѣляема земля и прочим земледѣльцам, — малоземельным или работникам, — причем преимущество из них отдается прежде всего окончившим курс в земледѣльческих училищах (ст. 29).

Закон предписывает образовать фонд для выдачи долгосрочных ссуд на льготных условіях нѣкоторым группам надѣляемых. Фонд этот образуется из прибылей, которыя могут получаться от разницы между выкупной цѣной и той, по которой земля будет продаваться парцелянтам, а также из особаго прогрессивнаго налога, установленнаго спеціально для этой цѣли на суммы, выплачиваемыя при принудительном выкупѣ за земли, в видѣ так наз. «редукціи выкупных цѣн». Он исчисляется от общей суммы приходящейся собственнику послѣ вычета долгов и гипотек (по 15 іюля 1920 г.). Ставки этого налога колеблются от 5% (с сумм до 500.000 мар.) и до 30% (с сумм свыше 5 милл. мар.).

Пріобрѣтенныя путем выкупа от помѣщиков земли предоставляются новым собственникам с нѣкоторыми ограниченіями в их правѣ собственности. Такія хозяйства не могут быть дѣлимы (юридически) ни между живущими, ни путем наслѣдованія. Это ограниченіе имѣет силу, пока на хозяйствѣ лежит долг казнѣ, и во всяком случаѣ не меньше, как в теченіе 25 лѣт. Если земля прикуплена хозяином, бывшим до этого малоземельным, то Земельное Управленіе может распространить это ограниченіе на все теперешнее его владѣніе и может потребовать, чтобы оно не подвергалось раздѣлу, если только существенную часть этого хозяйства составляет выкупленная земля. Наконец, отчужденіе, сдача в аренду, обремененіе долгами — до наступленія указаннаго срока может быть производимо лишь с разрѣшенія Земельных Управленій.

В планѣ парцеляціи содержится и исчисленіе продажных цѣн для каждаго участка земли. Цѣны эти должны быть выводимы, как среднія, из оцѣночных данных, в зависимости от качества земли, количества вложенных капиталов и, наконец, цѣнности строеній, — словом, на основаніи производительной цѣнности земли, причем должны быть принимаемы в расчет и расходы по производству парцеляціи (ст. 30).

Сказанным исчерпывается основное содержаніе аграрнаго законодательства современной Польши. Слѣдует упомянуть еще только о законѣ 2 августа 1919 г., который состоит почти из одного параграфа. Закон этот уполномачивал правительство вмѣшиваться путем соотвѣтствующих распоряженій (получающих, значит, силу закона) в начавшуюся стихійно мобилизацію земли. Дѣло в том, что когда Сейм издал только свое «Постановленіе о принципах аграрной реформы» (10 іюля 1919 г.), а самый закон о реформѣ еще не был проведен, то крупные земельные собственники стали стараться в частном порядкѣ распродавать свои владѣнія. Чтобы регулировать этот процесс, который мог, конечно, вылиться в нежелательныя формы и повредить дѣлу реформы, — Сейм, не имѣя, однако, времени для составленія соотвѣтствующаго закона (он спѣшил разъѣхаться на лѣтніе каникулы) — и предоставил 2 августа 1919 г. правительству право регулировать этот про-

цесс в соотвѣтствіи с принципами, формулированными в «Постановленіи» Сейма от 10 іюля.

Правительство использовало это право в рядѣ распоряженій («Временное распоряженіе Сов. министров 1 сентября 1919 г.»), согласно которым «отчужденіе и раздробленіе крупных владѣній, в видѣ так наз. «частной парцеляціи» (т. е. неправительственной) должно было происходить под контролем и с разрѣшенія Окружных Земельных Управленій. Это регулированіе правительственными властями парцеляціи, проводимой в частном порядкѣ, нашло себѣ выраженіе и в циркулярах, издававшихся Главным Земельным Управленіем. В особенности характерен в этом отношеніи был циркуляр Г. З. У. от 13 сентября 1919 г., направленный против парцеляціи с спекулятивными цѣлями и сокрытія крупных земельных пространств от использованія их в цѣлях аграрной реформы. Наконец, в 1923 г. уже в новом Сеймѣ (не Учредительном) прошло два новых закона — 6 іюля и 11 августа, — внесших нѣкоторыя измѣненія в организацію аграрных властей. Именно, вмѣсто Главнаго Зем. Управленія было создано Министерство аграрных реформ; его глава входит отнынѣ полномочным членом в состав правительства. Главная Зем. Комиссія, составляющаяся из элементов правительственных и представителей сел.-хоз. общественности, является теперь коллегіальным органом при министерствѣ. Мѣстныя земельныя комиссіи сдѣлались своего рода спеціальными судами, разбирающими разные спорные вопросы, возникающіе при ликвидаціи сервитутов, обмѣнѣ земель (против чрезполосицы), раздѣлѣ земель, находившихся в общем пользованіи и т. д. В уѣздах во главѣ земельных управленій поставлены земскіе комиссары, которые, однако, не являются рѣшающей инстанціей. Над ними и земельными управленіями имѣется кассаціонная инспекція в видѣ Административнаго Трибунала.

Организація земельных управленій мѣнялась, таким образом, в Польшѣ уже три раза. Основные принципы организаціи не подвергались, однако, особенным измѣненіям.

VI

Четыре года прошло с изданія главных законов, в которых опредѣлена была сущность аграрных реформ. Нѣкоторые итоги теперь, конечно, должны были обозначиться. Выяснились и положительныя и отрицательныя стороны принятых законов. Вокруг этой реформы — в смыслѣ ея критики и справа, и слѣва, и с «нейтральной» общегосударственной точки зрѣнія, — образовалась довольно обширная литература. В общем, аграрная реформа признается незавершенной, и не только с точки зрѣнія фактическаго осуществленія своего, но и в смыслѣ обнаруженія многих пробѣлов в законодательствѣ, нормирующем и регулирующем «парцеляцію» крупных владѣній и организующем «внутреннюю колонизацію». Мы не можем останавливаться здѣсь на всѣх частностях этого большого спора и отмѣтим лишь нѣкоторые, наиболѣе интересные моменты в нем.

Прежде, однако, приведем тѣ цифровыя данныя, которыя дают нѣкоторое представленіе о размѣрах произведенной «парцеляціи», о ходѣ реформы на практикѣ. Мы заимствуем эти данныя из статей г. Зд. Чалбовскаго, помѣщенных в двух номерах журнала «Droga» («Аграрныя власти в Польшѣ, условія и результаты их дѣятельности»). В виду того, что автор сам является

отвѣтственным дѣятелем этой реформы, его данныя можно признать офиціальными. Они касаются почти всего прошедшаго времени — приблизительно до конца (ноября-декабря) 1923 года.

Вот таблица, содержащая суммарныя данныя о работах по «парцеляціи» крупных владѣній:

Парцеляція проводившаяся	Было предназначено к парцеляціи		Спарцелировано		Осталось не выполненым	
	Колич. объектов	Площ. в гект.	Колич. объектов	Площ. в гект.	Колич. объект.	Площ. в гект.
Правительств.	1.422	210.870	1.097	188.356	409	46.534
Обществ. учр.	1.574	403.457	690	132.691	780	234.791
Частн. образом	4.174	346.693	2.172	117.548	1.984	229.182
Итого...	7.170	961.020	3.959	438.595	3.173	510.507

Если принять во вниманіе, что по исчисленію того же г. Чалбовскаго для полнаго проведенія реформы, в смыслѣ удовлетворенія земельной нужды, требуется всего 6 милліонов гект. земли, то цифра в 438.000 гект. представляется, конечно, весьма ничтожной. Выходит, что за $3^1/_2$ года сдѣлано пока 8% того, что нужно. Бросается в глаза также большой процент владѣній начатых, но не законченных раздѣлом. Таких владѣній оказывается из общаго числа назначенных к парцелированію — около 40%, а по площади они занимают даже большую половину — 53%. Наконец, как характерное обстоятельство, слѣдует отмѣтить, что парцелированіе, производившееся правительством, оказалось гораздо болѣе результатным, чѣм парцелированіе, шедшее через общественныя учрежденія или в частном порядкѣ. Даже абсолютно количество земли, распарцелированной правительством, больше, чѣм площадь парцеляціи, прошедшая через не правительственныя руки. В процентном же отношеніи успѣхи правительственной работы еще болѣе показательны: в то время как общественныя учрежденія и частныя лица провели раздѣл в 32%—34% той площади, которая предназначалась к этому, правительству удалось провести цѣлых 89% и 77% всего числа имѣній (частной парцеляціей пропущено менѣе половины предполагавшагося количества имѣній).

Не так ярки результаты сравненія между этими видами парцеляціи (правительственной, общественных учрежденій и частной) в отношеніи кліентов, т. е. в чью пользу преимущественно производится ими раздѣл земель. Из нѣскольких таблиц, приводимых для уясненія этого вопроса г. Чалбовским, мы остановимся только на одной итоговой, в которой указываются, как число получателей «парцел», так и категоріи этих покупщиков. (См. табл. на стр. 162).

Из этих данных г. Чалбовскій дѣлает тот вывод, что раздѣл, производимый правительственными органами, гораздо лучше удовлетворяет тѣм заданіям, которыя были возложены на реформу, нежели парцелированіе в порядкѣ частном или через посредство общественных учрежденій: надѣленіе инвалидов и солдат происходило главным образом при правительственном парцелированіи; равным образом правительство больше заботилось об устройствѣ лиц, занятых до этого времени в экономіях; наконец, и из числа безземельных большій процент надѣленных приходится на долю прави-

Итоги парцеляціи.

При парцеляціи:	Число получивших зем. участки						
	Инвал. и засл. солдат	Служ. экономій	Б. арендаторов	Безземельн.	Малоземельн.	Состоятельн.	Проч.
Правительством	1.764	2.270	—	4.454	7.719	465	1.061
Обществен. учрежд....	284	501	656	3.661	9.539	1.528	44
Частной ..	39	246	379	2.768	8.774	603	107
Всего	2.087	3.017	1.035	10.883	26.032	2.596	1.212

тельственной парцеляціи. Наоборот, частная парцеляція и парцеляція через учрежденія обнаружили несомнѣнное тяготѣніе к удовлетворенію болѣе состоятельных элементов, б. арендаторов и т. д. По утвержденію г. Чалбовскаго, «главный мотив, которым руководствовались при парцеляціи частной и общественной, был коммерческій. Землю получал тот, у кого оказывалось больше денег, кто давал хорошую цѣну и платил наличными. А послѣ можно было на бумагѣ увѣрить, что парцеляція в пользу этих лиц удовлетворяет соціально хозяйственным требованіям и добиться от властей утвержденія парцеляціоннаго плана».

В концѣ концов раздѣл земель — даже и шедшій через правительственные органы, развивался довольно медленно. Причину этой медленности большинство авторов и дѣятелей реформы видят в крайне громоздкой организаціи всего дѣла парцеляціи.

Цѣлый ряд инстанцій, через которыя проходят дѣла о парцелированіи, фильтруют их черезвычайно строго, даже придирчиво и благополучнаго конца достигает совершенно ничтожный процент дѣл. Немудрено, что весь этот аппарат аграрных учрежденій, так же как и суды, ведущіе эти дѣла, осыпаются обвиненіями в сознательном саботажѣ аграрной реформы*).

Но не только громоздкостью аппарата и «саботажными» настроеніями судей и чиновников объясняются слабые итоги работ по проведенію аграрной реформы. В самом законѣ есть не мало пунктов, крайне затруднивших успѣшный ход раздѣла земель. В этом отношеніи особенно роковую роль сыграло требованіе закона о том, чтобы при изысканіи земель, подлежащих парцеляціи, строго придерживаться указанной выше очереди, так что только по исчерпаніи даннаго источника допускается переход к слѣдующему. И так как обыкновенныя частновладѣльч. имѣнія поставлены были в этом порядкѣ на послѣднем мѣстѣ, — то немудрено, что к этому фонду парцеляціи приступали медленно и с разными отступленіями и зигзагами.

Весьма много поводов к злоупотребленіям создал и тот пункт закона, которым допускается изъятіе от парцеляціи имѣній с промысловым ха-

*) Свѣдѣнія, относящіяся к послѣднему полугодію, мало что измѣняют в охарактеризованном положеніи. В недавнем засѣданіи Сейма 5 іюля с. г., посвященном бюджету мин. аграр. реформ, деп. Островскій (из партіи «Пяста») приводил цифры, согласно которым парцеляція произведена в 36% земель из уже образованнаго для нея запаса, — всего распарцелировано 467 т. гект. Медленнѣе всего — подтверждал депутат, — работает парцеляція частная.

рактером (производящих сѣмена, кормовые продукты и пр.). Неопредѣленная редакція соотвѣтствующей статьи закона вызвала чрезвычайно распространительное ея толкованіе и многим обыкновенным имѣніям удалось забронировать себя от парцеляціи, — по крайней мѣрѣ пока — под предлогом принадлежности к этой категоріи.

Наиболѣе интенсивно парцеляція шла в б. Конгрессувкѣ — болѣе $^3/_5$ распарцелированнаго пространства приходится на эту область. Слабѣе всего парцеляція идет в б. Прусских провинціях. В Галиціи парцеляція производилась преимущественно в порядкѣ частном и через посредство обществ. учрежденій. В Конгрессувкѣ, наоборот, значительно большая часть пространства была раздѣлена через правительственные органы.

Всего подверглось раздѣлу:	В Конгрессувкѣ	В Галиціи	В б. Прусск. провинц.	На восточ. землях
Число объектов	2.208	1.027	114	610
Пространство (в гект.)	254.761	79.174	2.536	79.424

Что касается работ по ликвидаціи сервитутов, то за період времени с 1919 по 1923 г. итоги их представляются в таком видѣ (в б. Конгрессувкѣ и в Восточных воеводствах*):

В какой стадіи находятся работы	Добровольная		Принудительная	
	Число урегулирован. хозяйств	Общее пространство земли	Число урегулирован. хозяйств	Общее пространство земли
Заявлены	2.011	7.735	8.335	—
Подготовлены	—	—	16.693	—
Выполняются	5.472	29.920	6.298	—
Закончены	5.276	28.330	391	1.997
Прекращены	1.916	6.971	2.461	—

VII

«Внутренняя колонизація» на Восточных землях (б. русских губерніях Западнаго края и Волыни) заслуживает спеціальнаго разсмотрѣнія. Как указано выше, эти области признаны были наиболѣе пригодными для устройства здѣсь избыточнаго с.-х. населенія из других частей Польши. Это казалось выгодным, как в хозяйственном, так и в политическом отношеніях: с одной стороны, Восточныя воеводства считались особенно богатыми землей, которая и могла быть разверстана для новых самостоятельных земледѣльцев, задыхающихся от малоземелья у себя; с другой — конечно, имѣлась в виду *полонизація* края, которую старались провести в спѣшном порядкѣ — пока в Россіи продолжается большевицкій хаос**). Повидимому, это увлеченіе начинает в послѣднее время нѣсколько остывать, — по крайней мѣрѣ теперь раздаются голоса, предостерегающіе от устройства в В. кресах «осадников» (колонистов), особенно из бывших солдат и инвалидов. Надо сказать, что «военное осадничество», т. е. заселеніе б. военными земель,

*) *Чалбовскій*, «Droga», № 3, стр. 37.

**) Точка зрѣнія, с полной прямотой защищавшаяся, в особенности, в дни Кронштадтскаго возстанія в февралѣ 1921 г. в газетѣ (демократической) «Народ» и др.

пошедших в раздѣл, проводилось преимущественно в Восточных воеводствах. Г-н Чалбовскій дает такую таблицу распредѣленія парцелируемых здѣсь земель: из общаго пространства, подвергшагося распредѣленію (за время с 1920 до 1924 г.), в количествѣ 262.029 гект. — пошло:

Под военное осадничество (заселеніе военными)	Для мѣстнаго населенія	Под общедоступн. школы	Государств. лѣса	Прочія обществен. цѣли
111.834 гект.	79.176 гект.	751 гект.	51.477 гект.	14.791 гект.
42%	30%	—	20%	6%

Болѣе обстоятельно этим вопросом об использованіи Восточных земель для колонизаціи польских солдат и инвалидов занялся Константин Сроковскій, выпустившій в нынѣшнем году в Краковѣ очень интересную брошюру: «Національный вопрос на Восточных окраинах»*). Книжечка эта явилась в результатѣ спеціальной командировки в Восточныя воеводства, которую автор получил от премьер-министра и мин. вн. дѣл ген. Сикорскаго в февралѣ 1923 г. Когда г. Сроковскій закончил отчет о своей командировкѣ, ген. Сикорскій уже вышел в отставку, «сваленный» блоком «польскаго большинства», образовавшагося от соединенія всѣх правых партій с крестьянской партіей «Пяста»**). Таким образом, г. Сроковскій мог ознакомить с результатами своего офиціальнаго обслѣдованія всѣх интересующихся вопросом лишь в видѣ выпущенной им за свой счет и страх брошюры.

Надо поставить в крупную заслугу автору этой брошюры тот объективизм, который проникает все ея содержаніе. Здѣсь мы заимствуем из нея свѣдѣнія, касающіяся лишь колонизаціи на Вост. землях. По данным г. Сроковскаго, на Волыни по 1 янв. 1923 г. было отведено под «военное осадничество» 110.914 гект.; из них заселеніе закончено на 45.196 гект., подѣленных между 2.995 «осадниками» (поселенцами из военных). Обрабатывают, однако, эти осадники фактически лишь 14.430 гект., т. е. около трети подѣленной между ними земли. Но и эти $14^1/_2$ тысяч гект. далеко не всѣ обрабатываются ими собственными силами: половина сдается воен. осадниками в аренду сосѣдним крестьянам из половины урожая, 290 поселенцев, т. е. 10% ;вообще не ведут хозяйства на отведенных им землях. Обстроились и лично ведут хозяйство лишь 126 поселенцев, т. е. из общаго числа всего 4,3%. И не мудрено: из 2.995 «осадников» этих только 443 или 15% могут быть признаны за профессіональных земледѣльцев; остальная масса — 85% — никогда не занималась сельским хозяйством, не считала его своим основным занятіем. Все это по большей части городской люд, самых разнообразных профессій, — а частью, вообще не имѣющій никакого опредѣленнаго занятія. Есть среди них не мало парикмахеров, портных и т. п. В такія уродливыя формы вылилось это заселеніе Волыни «военными» земледѣльцами. Конечно, мѣстное населеніе встрѣчает этих поселенцев, как своих врагов, как недостойных и незаслуженно привилегированных конкурентов на полученіе здѣшних «паньских» земель. И конечно, всѣ тѣ политическія группы, которыя заявляют себя противниками этого «военнаго осадничества», пользуются здѣсь наибольшей популярностью. Но вот что любопытно: польскій

*) *Konstanty Srokowski* — «Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich». Kraków. 1924.

**) Это вызвало откол от «Пяста» болѣе лѣвых групп его.

автор, офиціально обслѣдовавшій эти области, констатирует, что на выборах в нынѣшній Сейм (осенью 1922 г.), нѣкоторые из этих военных поселенцев, которые должны были играть роль полонизаторов в восточных воеводствах, сами подавали свои голоса ... в пользу списка нац. меньшинств против всѣх польских партій. Кажется, лучше нельзя демонстрировать банкротство всего этого предпріятія с военным осадничеством.

Приблизительно также обстоит дѣло и в других частях Восточных земель — в Полѣсьѣ, Гродненщинѣ и пр. По данным, приводимым г. Сроковским, в Новогрудском воеводствѣ до конца 1922 г. было отведено 32.000 гект. для 1400 «осадников», в 1923 г. прибавилось еще 674 осадника, для которых предназначено было 13.480 гект. земли. В Полѣсском районѣ к концу 1922 г. было 800 воен. поселенцев, коим предоставлено пространство в общем около 20.000 гект. земли. Бѣлорусскій журнал: «Новае Жите» (№ 1) приводит такія цифры: в Новогрудском воеводствѣ из 80.849 гект. распарцелированной земли, — на долю воен. осадников пришлось $^5/_8$,— именно 50.813 гект., в Полѣсском они получили 26.907 гект. Среди этих поселенцев подлинных земледѣльцев-хозяев немного; даже сторонники «осадничества» не насчитывают среди них болѣе одной трети настоящих годных хозяев. Во всяком случаѣ — говорит г. Сроковскій, — не будет преувеличеніем допустить, что половина земли, предоставленной воен. колонистам, остается мертвым капиталом с точки зрѣнія тѣх государственных цѣлей, которым осадничество должно было служить. Хотя это и нельзя подкрѣпить точными цифровыми данными, но и в офиціальных кругах и в мѣстном обществѣ очень распространено мнѣніе, что надежды на достиженіе національно-политических цѣлей чрез посредство осадничества оказались в высокой степени призрачными*).

Удовлетворимся этим выводом офиціальнаго польскаго изслѣдованія и не будем ставить никаких точек над *i*.

VIII

Указанныя отрицательныя стороны законов об аграрной реформѣ и выяснившіеся слабые результаты ея вызвали цѣлый ряд попыток исправить это дѣло внесеніем нѣкоторых аграрных «новелл». Во время пребыванія у власти кабинета ген. Сикорскаго (первая половина 1923 г.) было выработано нѣсколько проектов — новаго закона «о парцеляціи и осадничествѣ», «о парцеляціи и осадничествѣ на восточных землях», наконец, закон «о финансированіи парцеляціи и осадничества» (всѣ три выработаны были проф. Зд. Людкевичем**). Эти законы не дошли до Сейма. Кабинет ген. Сикорскаго скоро пал, а пришедшій на его мѣсто кабинет Витоса-Гломбинскаго знаменовал собой скорѣе всего отказ от дальнѣйшаго аграрнаго законодательства. Надо сказать, что в Учредительном Сеймѣ (существовавшем до лѣта

*) В засѣданіи Сейма 5 іюля деп. Островскій привел цифру всѣх военных поселенцев, устроенных на Вост. «кресах». Он считает число их равным 7.000.

**) См. его брошюру: «Reforma rolna. Projekty rządowe nowych ustaw», Warszawa, 1923 г. (Аграрная реформа. Правительственные проекты новых законов.) В этой брошюрѣ, в предисловіи автор старается заранѣе оградить себя от упреков в теоретичности, увѣряя, что он считается со всѣми факторами. Тон предисловія показывает, что оппозиція против аграрнаго реформаторства вообще крайне обострилась.

1922 г.) не успѣла выкристаллизоваться партія аграріев-земледѣльцев, и реакція против аграрнаго реформаторства создалась постепенно. Принцип принудительнаго выкупа, положенный в основу реформы, был принят под давленіем критических обстоятельств, о которых мы говорили раньше. Когда страх от большевицкаго нашествія прошел, стали, наоборот, опасаться, что этот принцип принудительнаго отчужденія частной собственности колеблет основы соціальнаго порядка и грозит большими осложненіями в идеологіи собственности. Вообще, аграрная реформа вызвала цѣлый ряд правовых проблем и споров по ним. В Новом Сеймѣ, собравшемся в концѣ 1922 г., землевладѣльческіе интересы стали находить себѣ болѣе опредѣленное выраженіе. В одной из правых фракцій — так наз. группѣ г. Дубановича, — уже замѣтна нѣкоторая консолидація элементов, встающих на защиту крупнаго землевладѣнія. Эта группа так неохотно поэтому примкнула к тому «польскому большинству», в состав котораго вошла — потеряв свои лѣвыя группы, — партія «хозяйственнаго мужичка» («Пяст»), возглавляющаяся г. Витосом. Пока правило такое «большинство», аграрный вопрос, конечно, не мог получить никакого движенія. Послѣ ухода от власти г. Витоса, при «дѣловом» кабинетѣ г. Грабскаго, Министерство аграрных реформ сдѣлало попытку продвинуть свои проекты. Ставшій во главѣ его проф. Зд. Людкевич переработал вновь свой прошлогодній проект «о парцеляціи и осадничествѣ» и представил его 30 мая нынѣшн. года на одобреніе Совѣта министров. В Совѣтѣ министров возникли разногласія, и дѣло кончилось тѣм, что проф. Людкевич ушел в отставку. Оказывается, трудно составить проект, который мог бы собрать в настоящем Сеймѣ большинство. Настороженность в этом вопросѣ со стороны как правых, так и лѣвых — такова, что правительство не рѣшается выступать в Сеймѣ с столь больным вопросом: каждая частность представляемых проектов воспринимается весьма болѣзненно. Создается поэтому, очень пессимистическое настроеніе относительно возможности продвинуть, наконец, этот вопрос. Этот пессимизм очень откровенно выражен в статьѣ г. Северина Людкевича (б. главы Зем. Управл., брата министра, вышедшаго в отставку): «Общіе принципы и задачи аграрной реформы».

«Уже вскорѣ послѣ того, — говорит названный дѣятель — как собрался нынѣшній Сейм, стало совершенно ясно, что дѣло аграрной реформы — от замѣны «учредителей» обыкновенными депутатами, не выиграло, — и даже хуже того — стало сомнительным, — в состояніи ли будет нынѣшній Сейм содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса в такой степени, в какой это мог бы выполнить Учредительный Сейм. Этот послѣдній, по крайней мѣрѣ, был исполнен в данном отношеніи лучших намѣреній и желал и имѣл возможность устроить это дѣло, но, к сожалѣнію, не выполнил этого... И если уже Учред. Сейм не сумѣл или не смог разрѣшить этого вопроса, имѣя к тому всѣ жизненныя и правовыя возможности и благопріятныя условія, — то сколь мала должна быть надежда в этом отношеніи на нынѣшній Сейм, вдобавок еще при существованіи Сената».

Приходится признать, что дѣйствительность не опровергает этого пессимизма: аграрное законодательство в Польшѣ и в самом дѣлѣ остановилось на мертвой точкѣ.

В. Португалов.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ЛИТВѢ.

Три момента обусловили необходимость аграрной реформы в Литвѣ: момент *соціальный* — борьба с большевизмом, момент *національный* — лишеніе экономической мощи помѣщиков — чуждой и враждебной Литвѣ касты-сословія — отчасти русских и, главным образом, поляков, и момент *экономическій* — необходимость поднять уровень земледѣльческой культуры, находившейся в очень примитивном состояніи в значительной части хозяйств, особенно из-за широко практиковавшейся мелкой, потогонной аренды.

Сначала реформа опредѣлялась исключительно моментом патріотическим. По закону от 7 февраля 1919 года и 8 января 1920 года — экспропріируемая земля распредѣлялась исключительно среди волонтеров, принимавших участіе в борьбѣ за независимость Литвы. У помѣстій, не достигавших 300 гектаров, экспропріировалось 15%, а у бо́льших — 30% земельной территоріи. Волонтерам выдавался строевой лѣс для построек и сѣмена для посѣва. И только 3-го апрѣля 1922 года Учредительное Собраніе вотировало органически построенный закон о земельной реформѣ. И «Комитет по дарованію земли волонтерам» уступил мѣсто «Верховной Комиссіи по земельной реформѣ», которой подчиняются два исполнительных органа — департаменты земельный и межевой.

В основаніе реформы было положено образованіе мелких трудовых хозяйств и сведеніе хозяйств помѣщичьих до размѣра 80 гектаров. Новообразованныя мелкія трудовыя хозяйства — должны были быть неотчуждаемы, недѣлимы, запрещалась сдача их в аренду — кромѣ строго опредѣленных закономъ случаев. Владѣльцы получают выкуп — равный $^1/_5$ рыночной стоимости земли, новые же владѣльцы-крестьяне, выплачивают его в тридцатишестилѣтній срок, начиная с третьяго года по вступленіи во владѣніе, причитывая к основной цѣнѣ пятипроцентную надбавку.

Вся работа по проведенію реформы была возложена на «Верховную Комиссію», подчиненную Министру земледѣлія, который имѣет право отмѣны ея распоряженій и внесенія коррективов в ея работу.

Верховная Комиссія устанавливает какое количество земли подлежит парцеляціи в данном году, вырѣшает всѣ возникающіе принципіальные вопросы, устанавливает какія категоріи граждан и в каком процентном отношеніи должны получить земельные участки, опредѣляет срок, в который хозяйство должно быть приведено в порядок, устанавливает мѣры против нерадивых хозяев, размѣры субсидій для образованія хозяйства и т. п.

Земельный департамент проводит в жизнь постановленія комиссіи: производит экспропріацію земель, обсуждает жалобы, претензіи. На его рѣшеніе в двухнедѣльный срок может быть подано обжалованіе в «Верховную Комиссію», рѣшенія которой могут быть отмѣнены и измѣнены Министром Земледѣлія, являющимся высшей судебной инстанціей. Принцип экспропріаціи слѣдующій: помѣщику оставляется 80 гектаров, если же дѣло идет

о наслѣдниках, то по 80 гектаров каждому наслѣднику. Что касается лѣса, то оставляется участок в 25 гектаров. Уплата, установленная в ост-марках, равняется приблизительно ста литам (10 долларам) за гектар, т. е. приблизительно пятой части рыночной цѣны. Цѣна, разумѣется, варьируется в зависимости от качества земли, которой различают три ступени: лучшая, средняя и плохая.

Первыми кандидатами на землю являются тѣ крестьяне, у которых она была отнята в 60—63 гг., потом идут волонтеры войны за независимость, за ними безземельные и малоземельные, участки которых граничат с подлежащим раздѣлу имѣніем; рабочіе даннаго имѣнія и вблизи городов — ремесленники составляют послѣднюю категорію.

Норма, выдающаяся крестьянам, колеблется в зависимости от большей или меньшей близости к городу — уменьшаясь до 60% в предмѣстьях (максимальные размѣры участка 20 гектаров). Малоземельным производят пополненіе до нормы. Наконец, ремесленники и рабочіе городов и мѣстечек получают участки около 2 гектаров.

По установленіи количества земли, подлежащей парцеляціи, и опредѣленіи количества кандидатов, Межевой департамент разбивает помѣстья на участки, проводит дороги и передает их уѣздным комиссіям, состоящим из представителя Министерства Земледѣлія, муниципалитета и той волости, в которой лежит парцелируемое имѣніе. На рѣшеніе Комиссіи в двухнедѣльный срок может быть подана жалоба «Верховной Комиссіи», а в случаѣ неудовлетворительности рѣшенія — Министру Земледѣлія.

В послѣднее время был установлен восьмилѣтній срок для оборудованія хозяйства; за невыполненіе этого обязательства крестьянин может быть удален с участка. Сдача в аренду разрѣшается только в случаѣ выбора владѣльца на какую-нибудь общественную должность.

Что же касается субсидій, предполагавшихся к выдачѣ для организаціи хозяйства, практически из-за недостатка средств, онѣ выдаются только волонтерам; всѣ остальные обязаны производить работы за свой риск и страх. В большинствѣ случаев эти средства дает приданое, и поэтому параллельно с передвиженіем реформы из уѣзда в уѣзд вспыхивают эпидеміи браков.

Сейчас проектируется организація спеціальнаго крестьянскаго ипотечнаго банка, который должен будет придти на помощь новоселам. В связи с проектом банка внесен в Сейм и уже проведен в первом чтеніи проект передачи участков в полную собственность в тѣх случаях, когда выкуп внесен ранѣе десятилѣтняго срока. До настоящаго времени всѣ средства для проведенія реформы в жизнь складываются из сумм, вырученных за продажу с аукціона земельных участков лицам, обязующимся вести под министерским контролем образцовое хозяйство.

Для поднятія культурнаго уровня сельскаго хозяйства принимается ряд мѣр, кромѣ вышеуказанных образцовых хозяйств, обязующихся имѣть только племенной скот и пользоваться исключительно сѣменами, доставляемыми министерством. Между прочим, размѣры этих хозяйств сильно колеблются в зависимости от цѣлей, ставящихся им министерством, и совокупности условій, устанавливаемых иногда с чисто агрономической точки зрѣнія, иногда просто из соображеній непосредственно практических, как, напр., наличность извѣстнаго оборудованія, или извѣстнаго хозяйственнаго единства, позволяющаго болѣе быстро получить нужные практическіе ре-

зультаты. Кромѣ того, не подлежат экспропріаціи имѣнія с образцовой постановкой какой-нибудь отрасли сельскаго хозяйства. Таких имѣній в ковенском уѣздѣ — 30, нѣкоторыя из них достигают 300 и даже 400 гектаров. И, наконец, в каждом уѣздѣ в связи с введеніем реформы организуется от 10 до 15 образцовых хозяйств, сдающихся в аренду или, как мы видѣли раньше, продающихся с торгов. При уѣздных агрономах устраиваются опытныя поля, склады машин для сдачи в аренду крестьянам, случные пункты и т. д. Опытныя станціи будут руководиться центральной, к учрежденію которой уже приступлено.

Союз сельско-хозяйственных кооперативов при содѣйствіи Министерства Земледѣлія выписывает из заграницы репродукторов: лошадей, волов, свиней и баранов, которыя распредѣляются по случным пунктам. Тот же Союз выписывает партіи породистых кур и яиц, продавая их по льготным цѣнам сельским хозяевам. Министерство же снабжает пункты машинами.

В послѣднее время стали организовываться паровые кооперативныя молочныя, и начата организація особых пунктов по обработкѣ льна и пунктов для сушенія плодов и овощей.

Наконец, в области чисто просвѣтительной, предпринято открытіе 60 низших сельско-хозяйственных школ. В настоящее время в деревнях ведутся сельско-хозяйственные курсы. Эти курсы и превращаются в постоянныя школы. Кромѣ того, по мѣрѣ образованія кадра сельских учителей, проходящих сельско-хозяйственные лѣтніе курсы, при сельских школах устраиваются небольшія опытныя участки для предметнаго преподаванія улучшенных методов агрикультуры.

До настоящаго времени раздѣлено земель: «Комитетом по дарованію земли волонтерам» — 44.268 гектаров, «Верховной Комиссіей» в 1923 году — 97.227 гект., намѣчено на 1924 год — 130.000 гект., но, вѣроятно, уд стся разбить на участки около 160, что даст 302.000 гектаров на 694.169 гект., предназначенных к парцеляціи.

На этих участках образовано до 1924 года 12.686 хозяйств, из которых 6.696 получено безземельными. Приблизительно такое же количество будет сформировано в текущем году. Вся же реформа даст 50.000 хозяйств, что вмѣстѣ с существующими образует 250 тысяч мелких крестьянских хозяйств. Производится постепенное расселеніе хозяев по хуторам, которое, главным образом, происходит усиліями самого крестьянства.

В нѣкоторых уѣздах результаты реформы в ея цѣлом сказываются уже и теперь, замѣтно отражаясь на повышеніи производительности — и, особенно, на ростѣ животноводства, ибо каждое новое хозяйство быстро обрастает скотом для откорма и для производства молока, масла, сыров.

В 1923 году посѣвная площадь под хлѣбными злаками уже составляла 1.365.500 гект., из них рожью засѣяно было 583.500 гект., овсом — 330.300, ячменем — 174.000, картофелем — 143.000, пшеницей — 81.600 и льном — 52.100 гектаров.

Нѣсколько хуже дѣло обстоит с животноводством. В этом отношеніи работа только начинается; между тѣм как развитіе животноводства поставлено в Литвѣ в исключительно благопріятныя условія, как почвенныя, так и климатическія.

До сих пор преимущественное вниманіе обращалось на производство хлѣбных злаков, качество которых невысоко, и сбор поставлен в неблаго-

пріятную обстановку. Очень высок процент гнили, вслѣдствіе частых и обильных осадков весной и в іюлѣ — времени сбора хлѣбов. Наоборот, сырой и умѣренный климат Литвы благопріятствует росту трав. Опыты с выращиваніем сахарной и кормовой свекловицы дали удачные результаты, и уже вырос первый литовскій сахаро-рафинадный завод.

Кормовыя травы вообще дают высокій процент сбора — в образцовых хозяйствах высшій, чѣм в таковых же хозяйствах Даніи и Швеціи. Льняные жмыхи и жмыхи из конопли в свою очередь дают максимальный процент питательности.

Развитіе животноводства еще очень невысоко. За время нѣмецкой оккупаціи весь хорошій и особенно племенной скот был вывезен в Германію, почему крестьянство ростило весь приплод, каковы бы ни были его недостатки. И, если в количественном отношеніи Литва не может жаловаться, то, наоборот, качество скота достаточно низко.

По подсчету Министерства Земледѣлія в Литвѣ имѣется 800 тысяч молочных коров, 1.300 тыс. рогатаго скота и столько же лошадей. Однако порода, содержаніе скота и подготовка продуктов для рынка заставляет желать лучшаго.

Министерством Земледѣлія обращается теперь особое вниманіе на покупку молочнаго племенного скота в Швеціи и Даніи для поднятія крестьянскаго животноводства.

Всего сейчас в Литвѣ около 215.000 хозяйств. К концу реформы их будет около 250 тысяч. Из них нѣсколько тысяч поставлено образцово, и около десятка тысяч поставлено сравнительно хорошо. И в этих послѣдних хозяйствах, с 20 гектарами земли в среднем, содержится от 6—8 голландских коров, дающих до 5 штук прироста. Слѣдовательно количество молочных коров может быть значительно повышено. Вѣдь норма для таких же размѣров хозяйств в Швеціи 12—15 коров. Да и продуктивность коровы ниже на 40—50%.

Пока что только свиноводство растет очень быстро и становится важным элементом вывоза. В Ковно вырос большой завод для приготовленія замороженнаго мяса: великолѣпно оборудованный, способный поставлять 180.000 туш свиней и почти столько же рогатаго скота. Такой же завод возникает в Шавли и Клайпедѣ-Мемелѣ. Благодаря относительно высоким экспортным цѣнам завод может с выгодой для крестьянства закупать скот; предъявляемыя им условія качества скота отражаются уже на сельском хозяйствѣ, которое начинает приспособляться к внѣшнему рынку.

Улучшеніе пород скота, питанія, ухода и обработки продуктов — вот задачи — стоящія перед крестьянством. Путь к этому лежит через кооперативы, но о них слѣдует говорить отдѣльно.

Христіан.

В РОССІИ

О ГОЛОДѢ В СОВѢТСКОЙ РОССІИ

«Убыль за время войны и революціи опредѣляется в 4.053.000 человѣк. За голодный 1921—22 гг. убыль населенія составила 5.200.000 чел.». («Народное и государственное хозяйство Союза совѣтских соціалистических республик к серединѣ 1922—1923 г.», стр. 5).

Велико ли то бѣдствіе, которое сейчас постигло нашу родину? Много ли оно унесет вновь человѣческих жизней? Вот тѣ первые вопросы, которые возникают у нас при ознакомленіи с идущими из Россіи свѣдѣніями о неурожаѣ в цѣлом рядѣ губерній. С этими наиболѣе острыми, волнующими и мучительными вопросами связаны и другіе: почему неурожай в огромной Россіи порождает голод, какова будет помощь неурожайным районам со стороны правительства, каковы послѣдствія голода для народнаго хозяйства Россіи?

Итак — первый вопрос, как велик неурожай в Совѣтской Россіи? На этот мучительный вопрос отвѣтить труднѣе всего, так как отвѣт на него дает совѣтская власть и послушная власти казенная пресса, отражающая планы и намѣренія коммунистическаго центра. Но все же в силу необходимости при освѣщеніи вопроса о размѣрах голода приходится исходить из сообщеній об этом совѣтской печати. В настоящее время (начало августа) мы располагаем офиціальным описаніем размѣров неурожая, опубликованным Комиссіей по борьбѣ с послѣдствіями неурожая. Комиссія признала неурожайными слѣдующіе губерніи и уѣзды РСФСР и УССР: по Самарской губ. — Пугачевскій и Бузулукскій уѣзды; по Саратовской губ. — Аткарскій, Вольскій, Саратовскій, Камышинскій и Новоузенскій уѣзды; всѣ уѣзды Царицынской и Астраханской губ.; всѣ кантоны республики нѣмцев Поволжья; всѣ округа Терской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой области; по Воронежской губ. — Рассоменскій, Богучарскій, Павловскій, Калачевскій и Острогожскій уѣзды и районы; по Донской губ. — Донецкій, Морозовскій и Сальскій районы; по Ставропольской губ. — Александровскій, Благодарашенскій, Винодѣлинскій, Воронцово-Николаевскій, Дивенскій, Медвѣженскій, Ставропольскій и Курсавскій уѣзды; по Харьковской губ. — Харьковскій и Купянскій уѣзды и по Екатеринославской губ. — Мелитопольскій уѣзд [1]).

По подсчетам, опубликованным в циркулярном письмѣ Ц. К. РКП под наименованіем «Наканунѣ реализаціи урожая», гдѣ неурожайная территорія опредѣлена так же, как это сдѣлано и Комиссіей, указывается, что неурожаем захвачено около 6—7 милліонов населенія, нуждающихся в сѣменной и отчасти продовольственной помощи [2]).

Такова офиціальная картина неурожая. Вѣрна ли она? Можно ли при попыткѣ опредѣлить размѣры бѣдствія в Россіи исходить только из этого офиціальнаго описанія? Положительный отвѣт на этот вопрос был бы неосторожен и неосновател. Необходимо имѣть в виду, что при уже выяснившейся картинѣ неурожая на Поволжьи и Юго-Востокѣ совѣтская пресса приняла какой-то несоразмѣрно оптимистическій тон. Так, например, орган СТО в концѣ іюня, констатируя неурожай в рядѣ губерній, все же приходил к выводу, «что возможно валовой сбор хлѣба-фуража будет равняться прошлогоднему, т. е. 3 милліардам пуд. или,

---

[1]) «Эк. Ж.» № 245.
[2]) «Эк. Ж.» № 242.

если быть очень осторожным, то нѣсколько меньше, но все же весьма незначительно»[1]).

Когда в неурожайных районах появились грозные признаки бѣдствія — повышеніе цѣн на хлѣб и массовая распродажа скота, совѣтскіе дѣятели и совѣтская печать пытались объяснить эти явленія неосновательным и преувеличенным страхом населенія. «Столь поспѣшныя мѣры, как ликвидація скота и покупка хлѣба в запас, читаем мы в передовой статьѣ «Эк. Ж.» от 21 іюня, явно невыгодныя для крестьянства, можно понять лишь, как результат психологіи». «Приходится признать, сообщает в той же «Эк. Ж.» (от 28 іюня) видный коммунист Лежава, что рост цѣн в неурожайных губерніях имѣет своим основаніем прежде всего момент психологическій». Это созданіе «психологической теоріи» показывает, в какой степени совѣтская власть старается придать бѣдствію мѣстное, притом неглубокое значеніе. Во всем освѣщеніи неурожая совѣтской прессой чувствуется отсутствіе объективности, отсутствіе подлинной правды.

Поэтому-то необходима, по мѣрѣ возможности, провѣрка офиціальных сообщеній о неурожаѣ. Нѣт сомнѣнія в том, что размѣры бѣдствія преуменьшены. В этом мы убѣждаемся уже из одного того факта, что опубликованное число населенія, нуждающагося в сѣменной и «отчасти» продовольственной помощи, не соотвѣтствует числу населенія в дѣйствительности проживающему на территоріи офиціально признанных неурожайными уѣздов и губерній. По данным переписи 1920 г. на территоріи перечисленных выше районов проживало около 9 милліонов человѣк[2]). Правда в части нынѣ неурожайной территоріи в 1921 г. и 1922 г. много населенія погибло, но нельзя же допустить, что от голода 1921 года на этой территоріи вымерла третья часть населенія (осталось 6 милл. вмѣсто 9 милліонов).

Таким образом, уже из самаго несоотвѣтствія между опредѣленіем территоріи, признанной неурожайной, и числом населенія, проживающаго на этой территоріи, видно совершенно неправильное изображеніе размѣров голода. Если даже неурожайными оказались только тѣ уѣзды и губерніи, которые перечислены Комиссіей, то все же голоднаго населенія значительно больше, чѣм 6—7 милліонов.

Однако, неправильно опредѣлена и самая территорія, захваченная голодом. Прежде всего Комиссіей пропущен цѣлый ряд голодных районов по Украинѣ. Сейчас признаются неурожайными на Украинѣ только три уѣзда. Это не соотвѣтствует тѣм объективным условіям, которыя были на Украинѣ в теченіе весны и лѣта. Жара была совершенно небывалой. По сообщеніям совѣтской прессы в теченіе 35 лѣт не наблюдалось такой жары, как это было в текущем году[3]). Было очень мало дождей. Характеризуя состояніе посѣвов на 1 іюня начальник У. С. Б. А. Волков считал их как ниже-средніе[4]).

Когда началась уборка хлѣба, то на основаніи докладов с мѣст, сдѣланных на Всеукраинском хлѣбном совѣщаніи (22 іюля), было установлено, что в большинствѣ районов урожайность с десятины колеблется от 20 до 30 пуд.[5]). Нѣт основанія считать, что хлѣбозаготовители, к которым принадлежит и кооперація, ухудшали дѣйствительное положеніе дѣла. Оно ни в какой мѣрѣ не противорѣчит сложившейся для урожая обстановкѣ. Если исходить из этих данных о подесятинном сборѣ, принимая даже максимальный сбор в 30 пуд., то в таком случаѣ валовой сбор по Украинѣ должен быть опредѣлен в 564 милл. пуд.[6]). Между

---

[1]) «Эк. Ж.» № 213.

[2]) Статистическій ежегодник 1921 г. Населеніе Россіи по уѣздам, таблица II.

[3]) «Эк. Ж.» № 217.

[4]) «Коммунист» № 131.

[5]) «Эк. Ж.» № 240.

[6]) Посѣвная площадь взята в 18,8 милл. дес. *П. Попов.* Сельское хозяйство Союза республик, изд. 1924 г., стр. 18.

тѣм сѣменная, продовольственная и кормовая потребность самой Украины опредѣляется сов. экономистами в 673 милл. пуд.[1]).

Таким образом, дефицит равняется 109 милл. пуд. Нельзя допустить, что такой дефицит образовался исключительно за счет трех объявленных Комиссіей неурожайных уѣздов! В дѣйствительности число неурожайных мѣст на Украинѣ больше *и это утверждается самими же совѣтскими органами.* В сообщеніи «Эк. Ж.» от 12 іюля мы читаем: «особая полномочная комиссія по реализаціи урожая при совнаркомѣ СССР постановила округа с отмѣткой не выше 1,4 балла считать неурожайными и оказать им в государственном порядкѣ сѣменную помощь. Таковыми округами признаны: Харьковскій, Изюмскій и Купянскій — в Харьковской губ.; Шахтинскій, Луганскій и Старобѣльскій — в Донецкой губ. и Красноградскій — в Полтавской[2]). Пять указанных здѣсь уѣздов в постановленіи (от 25 іюля) «Комиссіи по борьбѣ с послѣдствіями неурожая» не упоминаются. Неужели же во время уборки хлѣба — между 12 и 25 іюля в этих пяти уѣздах урожай мог измѣниться?

Конечно, ничего подобнаго в теченіе этого времени не могло произойти и уменьшеніе количества неурожайных уѣздов сдѣлано, исходя «из высших соображеній». Однако и перечисленными уѣздами не ограничивается неурожай на Украинѣ. Из сообщеній совѣтской же прессы мы узнаем, что для уѣздов Николаевскаго и Херсонскаго Николаевской губ. требуется уже теперь помощь в размѣрѣ 1 милл. пуд. Урожай в Одесской губ. оказался настолько пестрым, что необходима помощь пока в 1.600 тыс. пуд., причем это количество хлѣба испрашивается мѣстными властями у центра[1]). От недорода из 74 районов в Одесской губ. пострадал 31[3]).

Из изложеннаго видно, что число неурожайных районов на Украинѣ значительно больше того, чѣм опредѣлено Комиссіей.

Невѣрное представленіе создано Комиссіей и относительно Крыма, о котором не упоминается как неурожайном. В сообщеніи из Симферополя от 22 іюня мы читаем, что «в нѣкоторых районах яровые посѣвы начали засыхать на корню. На 15 іюня рожь по всему Крыму оцѣнивается в 1,9 балла, пшеница — в 2,3 балла[4]).

В болѣе позднем сообщеніи — от 23 іюля из Севастополя — яровые оцѣниваются в 0,6 балла. Они почти всѣ скошены на сѣно[5]). Необходимо учитывать то обстоятельство, что продовольственное и сѣменное положеніе было в тяжелом состояніи зимою и весной. Крым требовал продовольственной поддержки и сѣменной помощи, которыя не были даны. В качествѣ сѣмян было прислано негодное зерно[6]).

Что положеніе дѣла с урожаем на югѣ — на Украинѣ и в Крыму — обстоит далеко неблагополучно, об этом свидѣтельствует также повышеніе цѣн на хлѣб. В концѣ іюля Госплан Украины констатирует, что рост хлѣбных цѣн продолжается, цѣны же на говядину падают[7]).

Кромѣ указанных районов, совѣтская печать сообщала свѣдѣнія о неблагополучіи с урожаем в Азербейджанѣ, Закавказьи, Дагестанѣ, Уральской области, губерніях — Курской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской. А между тѣм, даже ни один район этих губ. и областей не упомянут Комиссіей в качествѣ неурожайнаго.

Таким образом, совершенно безспорно, что площадь неурожая в этом году значительно больше, чѣм это офиціально указывается. Мы не хотим преувеличивать размѣров бѣдствія и не стали бы утверждать, что

[1]) Дубенецкій в «Эк. Ж.» от 31 мая т. г.
[2]) «Эк. Ж.» № 233.
[3]) «Эк. Ж.» № 239.
[4]) «Эк. Ж.» № 240.
[5]) «Эк. Ж.» № 215.
[6]) «Эк. Ж.» № 172 и 42.
[7]) «Эк. Ж.» № 244.

голодная территорія в этом году равна территоріи 1921 г. Также не будем утверждать и того обстоятельства, что сбор хлѣба в этом году будет так же ничтожен, как это было в 1921 г. Но совпаденіе достаточно близкое цифр средняго сбора с десятины в нѣкоторых неурожайных губ. в 1921 и нынѣшнем году невольно создают тревогу [1]).

Губерніи	Предполагаемый сбор в 1924 г. с десятины	Сбор в 1921 г. с десятины			
		Рожь		Пшеница	
		оз.	яр.	оз.	яр.
Саратовская (часть)	до 5 п.	6,3 п.	— п.	7,3 п.	3,6 п.
Царицынская	» 5 »	2,5 «	6,4 «	4,2 «	7,2 «
Ставропольская (часть)	» 5 »	— «	— «	4,1 «	6,8 «
Астраханская (часть)	» 5 »	0,3 «	9,8 «	— «	5,1 «
Терская обл.	от 5 до 10 »	18,9 «	28,8 «	10,2 «	19,2 «

Эта тревога усиливается еще и тѣм, что в текущем году неурожай и неудовлетворительный урожай оказался именно в значительной, в сущности основной, части производящаго района. Вообще в этом году ни в одном из районов Россіи нѣт хорошаго урожая.

По свѣдѣніям на 1 іюля междувѣдомственной экспортной комиссіи, основанным на данных Ц. С. У., посѣвы характеризуются слѣдующим образом [2]).

Потребляющая полоса	2,8 балла	Украина	2,4 балла
Производящая «	2,3 «	Киргизская респ.	2,8 «
Крым	2,1 «	Сибирь	2,9 «
Юго-Восток	2,1 «	Бѣлорусская респ.	3,0 «

Естественно возникает вопрос, за счет каких же районов при таком положеніи дѣла придется кормить голодающих? Украина, как мы видѣли, не обойдется сама, Юго-Восток требует помощи, значительная часть Поволжья — тоже. Правда, положеніе дѣла, как-будто бы лучше в Сибири, но переброска хлѣба из Сибири крайне затруднительна и, кромѣ того, излишки хлѣба в Сибири в этом году опредѣляются всего в 27 милл. пуд. [3]).

Кромѣ того, тяжелым вопросом остается также вопрос, как в этом году будет обезпечено продовольствіе потребляющаго района. Не надо забывать, что недостаток собственнаго хлѣба потребляющаго района очень значителен. Так для 1923 г. он вычислен в размѣрѣ 159,6 милл. пудов зерновых хлѣбов [4]). Нѣт основанія думать, что в этом году при урожаѣ ниже средняго этот недостаток будет меньше. Необходимо обратить вниманіе и на то, что в самом началѣ заготовительной работы для оказанія в первую очередь сѣменной помощи населенію Комиссія признала необходимым вывоз хлѣба из Сибири, гдѣ однако, как мы указывали, свободные излишки весьма незначительны [5]).

Итак, на основаніи изложеннаго, мы имѣем основаніе утверждать, что площадь и число населенія, захваченнаго неурожаем и требующаго сѣменной и продовольственной помощи, Комиссіей несомнѣнно преуменьшены. В дѣйствительности бѣдствіе больше, чѣм оно офиціально изображается. Кромѣ того, настоящіе размѣры самаго бѣдствія пока еще и не выяснены. Но есть объективныя основанія предполагать, что голод не ограничится только неурожайными районами, *а может перекинуться в тѣ районы, которые продовольствуются за счет производящих губ., значительная часть которых теперь пострадала от неурожая.*

---

[1]) «Эк. Ж.» № 248; Статистическій еженедѣльник 1921 г., стр. 288—289.
[2]) «Эк. Ж.» № 234.
[3]) «Эк. Ж.» № 239.
[4]) *П. Попов.* Сельское хозяйство, стр. 2, 3.
[5]) «Эк. Ж.» № 237.

Мы утверждаем, что совѣтская власть искусственно преуменьшает площадь, постигнутую неурожаем. Естественно возникает вопрос, для чего это дѣлается? Можно считать, что для совѣтской власти преуменьшеніе неурожая важно, во-первых, для того, чтобы обосновать возможность внѣшняго экспорта хлѣба, во-вторых, чтобы уменьшить ассигновки для оказанія помощи неурожайным районам. На послѣдней комм. конференціи Каменев говорил: «Реформа (денежная) хороша только потому, что мы удерживаем монополію внѣшней торговли и имѣем активный баланс». Но чѣм же создать активный баланс? Только вывозом хлѣба. В 1923—24 году (с октября по апрѣль) при общей стоимости вывоза в 179 милл. руб. от вывоза одних продуктов сельскаго хозяйства получено 152 милл. руб. Для 1924—25 года размѣр хлѣбозаготовки предполагалось довести до 654 милл. руб., а вывезти думали до 400 милл. пуд.[1]). Если денежная реформа сов. власти крайне необходима (по выраженію «Эк. Ж.» «нужна, как воздух»), то «нужен, как воздух» и экспорт хлѣба. Поэтому совѣтская власть так преувеличивает урожай тек. года. До какой степени это дѣлается рѣшительно (хотя совершенно безграмотно), можно, помимо изложеннаго выше, судить по слѣдующим любопытным примѣрам. Как мы видѣли, в Одесской губ. с урожаем дѣло обстоит далеко неблагополучно. Но из совѣтской прессы мы узнаем, что валовой сбор в этой губ. равняется 75 милл. пуд. и товарные излишки составляют не менѣе 20 милл. руб.[2]). В Одесской губ. по данным 1916 г. посѣвная площадь составляла 1.519 тыс. дес., нормальный сбор хлѣбов с десятины был 41,3 пуд. озимой ржи, 39,1 пуд. озимой пшеницы, 28,5 пуд. яровой пшеницы[3]). Если считать, что в этом году посѣвная площадь равняется 1.500 тыс. дес., то для валового сбора в 75 милл. пуд. необходим средній сбор с десятины в 50 пуд., т. е. такой сбор, который превышает средній сбор за 1905—1914 годы.

Вот другой примѣр. В Черниговской губ. сбор в этом году опредѣляется на 15% ниже прошлогодняго, но при этом предполагается заготовка излишков в 1 милл. пуд.[4]). Между тѣм, именно в прошлом году Черниговская губ. была признана, как нуждающаяся в ввозѣ для продовольствія[5]). Эти яркіе примѣры показывают, как желаніе экспортировать хлѣб заставляет преувеличивать урожай. В особенности это касается Одесской губ., ближайшей к порту в Одессѣ. Недаром по постановленію Одесскаго губисполкома в губерніи должны производиться хлѣбозаготовки преимущественно для цѣлей экспорта[6]).

В какой степени над совѣтской властью тяготѣет стремленіе экспортировать хлѣб за счет сокращенія потребленія в Россіи, видно из слѣдующаго характернѣйшаго разсужденія М. Кауфмана на страницах «Эк. Ж.» (от 29 іюля). М. Кауфман по собственному методу, в достаточной степени произвольному, опредѣляет, что свободных излишков хлѣба, т. е. излишков за покрытіем внутренних потребностей, имѣется всего 22 милл. пуд. Несмотря на это, он все же считает, что экспортировать возможно 60—75 милл. пуд. Как же так выходит? М. Кауфман полагает, что высокія цѣны на хлѣб увеличат товарную его массу (т. е., иначе говоря, хлѣб станет недоступен части населенія) и за счет этих увеличившихся товарных «излишков», (т. е. за счет сокращенія внутренних потребностей) предполагается увеличеніе вывоза.

Другая причина преуменьшенія бѣдствія, как мы указали, заключается в чисто денежных расчетах. Если объявить неурожайными всѣ тѣ районы, в которых неурожай дѣйствительно наблюдается, необходимо тѣм самым признать государственную обязанность помочь голодающим. Но средств для оказанія помощи совѣтская власть не имѣет. Несмотря

[1]) *П. Попов*, Сельское хозяйство, стр. 6, 29 и 45.
[2]) «Эк. Ж.» № 230.
[3]) Народное хозяйство Украины в 1921 г., стр. 108, 109.
[4]) «Эк. Ж.» № 224.
[5]) «Эк. Ж.» № 34 за 1923 г.
[6]) «Эк. Ж.» № 237.

на предположеніе в текущем бюджетном году ограничиться только 200 милл. руб. эмиссіонных доходов, сов. власть на 1 іюня дѣйствительно эмиссіонных доходов получила[1]):

От выпуска казначейских билетов	123,6	милл. чер. руб.
„ „ размѣнных знаков	15,6	„ „ „
„ „ старых денег (не считая банков. билетов, окт.-февр.)	230,9	„ „ „
Итого	370,1	милл. чер. руб.

Послѣ 1-го іюня послѣдовало разрѣшеніе на выпуск казнач. билетов на сумму в 35 милл. руб. и 50 милл. руб. Кромѣ того, до октября 1924 г. будет выпущено на 41 милл. руб. платежных обязательств и на 100 милл. руб. червонцев[2]). Совершенно ясно, что помощь голодающим может быть произведена исключительно за счет эмиссіонных доходов. Но если уже в настоящее время эмиссіонные доходы оказываются настолько значительны, что денежная реформа держится на волоскѣ, то что же с ней будет, когда государственные доходы в связи с неурожаем уменьшатся, а расходы по оказанію помощи голодающим увеличатся.

Вот по каким «высшим» соображеніям развертывающееся бѣдствіе совѣтская власть так рѣшительно старается преуменьшить, стремясь доказать, что появившіеся признаки голода — катастрофическая распродажа скота по дешевым цѣнам — есть только явленіе «психологическаго» характера.

Нам слѣдовало бы дальше остановиться на вопросѣ о мѣрах помощи совѣтской власти голодающему населенію. Но и оцѣнка этих мѣр и результаты неурожая будут болѣе ясны, если мы предварительно остановимся на вопросѣ о причинах голода в Россіи.

Конечно, неурожай связан с засухой и жарой. Но этим нельзя объяснить, почему неурожай создает голод. Необходимо поэтому уяснить самыя условія существованія сельскаго хозяйства.

Совѣтская власть настойчиво и безпрерывно доказывает, что в Россіи сельское хозяйство возстанавливается. Нельзя отрицать, что отмѣна разверстки, т. е. полнаго произвола в обложеніи сельскаго хозяйства, и открывшаяся с введеніем натуральнаго налога большая свобода хозяйственной дѣятельности создали условія, при которых труд сельскаго хозяина и затрата капитала могли получить выгодное приложеніе. В результатѣ новых условій мог начаться процесс возстановленія посѣвной площади. Но в какой степени в дѣйствительности это происходит? В сущности говоря, на этот вопрос нѣт возможности отвѣтить, настолько оказываются разнорѣчивыми данныя о посѣвных площадях. Приведем эти данныя[3]):

Посѣвная площадь (в соврем. границах) в милл. десятин:

1917 год	79,2
1920 „	61,0 и 53,9 (и та и другая цифра указаны в отчетѣ «*Народное и государств. хоз. 1922—23 г. г.*»).
1921 „	76 *(Вишневскій)*; 67 *(Громан)*; 64,4 *(Комиссія Госплана)*; 53,2 *(Центральное Ст. У-ніе)*; 46,5 *(Н. К. Земледѣлія)*; 53,7 *(Тейтель)*.
1922 „	43,8 и 50,8 *(Центральн. Стат. У-ніе)*; 56 *(Госплан)*; 49,4 *(Н. К. Земледѣл.)*; 49,1 *(Тейтель)*.
1923 „	59,3 *(Тейтель)*; 69,7 *(Попов)*.

На основаніи приведенных цифр, крайне разнообразных, мы, очевидно, можем сдѣлать только один как-будто бы безспорный вывод: послѣ голода 1921 года сельское хзяйство стало оправляться в смыслѣ повыше-

---

[1]) «Эк. Ж.» № 212 и «В. Ф.» № 3.

[2]) По сообщенію Начальника Валютнаго Управленія *Лоевецкаго.*

[3]) Разнообразіе цифр о посѣвной площади констатирует и отчет «Нар. госуд. хозяйство в 1922—1923 г.г.», стр. 24 и 25.

нія посѣвной площади. Но на основаніи этихъ цифр нельзя с безспорностью утверждать, что посѣвная площадь 1923 г. превысила посѣвную площадь 1920 и 1921 годов. Этот вопрос представляется спорным и неясным. В таком случаѣ и самое утвержденіе, что сельское хозяйство возстанавливается, представляется в высокой степени сомнительным. Если сельское хозяйство начало оправляться послѣ голода 1921 года, то это совсѣм еще не означает, что оно возстанавливается. Это только означает, что оно возстанавливает катастрофически упавшую посѣвную площадь послѣ 1921 г., которая была недостаточна для удовлетворенія урѣзанных потребностей населенія. Остается еще неизвѣстным, доведена ли посѣвная площадь до уровня 1920 года или нѣт. Но предположим, что посѣвная площадь 1923 г. доведена до уровня 1920 г. или даже нѣсколько ее превзошла. Говорит ли это дѣйствительно об укрѣпленіи сельскаго хозяйства? Не надо забывать, что в 1920 г. совѣтскою властью сельское хозяйство было признано находящимся в таких тяжелых условіях, что коммунисты должны были перейти от «единаго соціалистическаго хозяйства» к туманному и чреватому тяжелыми для них послѣдствіями НЭП-у. Именно 1920 г. был годом признанія разрушенія сельскаго хозяйства. Если с 1921 г. и были формально созданы лучшія условія для сельскаго хозяйства, то фактически сельское населеніе не могло в полной и значительной мѣрѣ использовать свободу своей хозяйственной дѣятельности. Этому помѣшал голод 1921 г., а также и политика совѣтской власти с 1921 г., о которой мы будем говорить ниже. С послѣдствіями голода сельское хозяйство начало справляться, но оно еще не вышло, или только что стало выходить из того тяжелаго состоянія, в котором оно находилось в 1920 и 1921 годах.

Если мы обратимся к валовым сборам, то их размѣр также свидѣтельствует, что о возстановленіи сельскаго хозяйства говорить еще не приходится.

Валовые сборы составляли в милл. пуд.:

1911—1915 [1])	1916	1920	1921	1922	1923
3.884	4.647	1.551	1.529	1.870	2.800 [2]).

Повышеніе сбора прошлаго года необычайно окрылило совѣтскую власть. Однако, разсуждая совершенно объективно, мы не знаем, насколько вѣрны цифры 1920 года и как велика дѣйствительная разница между 1920 и 1922 г. в размѣрѣ валового сбора. Если посѣвная площадь не учтена как слѣдует, то как может быть учтен урожай? Но если даже мы будем исходить из сбора в 2.800 милл. руб., то необходимо имѣть в виду, что при таком валовом сборѣ потребности населенія не были удовлетворены. Это обстоятельство всегда теперь замалчивается, в обиход вошли и как-то укрѣпились уменьшенныя и как бы санкціонированныя временем нормы потребленія. Напомним здѣсь, что по данным для 1909—1915 г. расход продуктов сельскаго хозяйства (без внѣшняго вывоза) составлял 3.570—4.160 милл. пуд. (в соврем. границах) [3]). В настоящее время потребность эта сводится к 2.591 милл. руб. [4]). Она распредѣляется слѣдующим образом:

Потребности сельскаго населенія:

а) обсѣмененіе	542	мил. пуд.
б) продовольствіе	1.338	„ „
в) прокорм скота	385	„ „
Итого	2.265	мил. пуд.

[1]) В среднем за год.

[2]) О сборѣ 1923 г. и до настоящаго времени не прекратились споры сов. статистиков. Надо думать, что приведенная цифра — преувеличена, предшествующія цифры преуменьшены. Цифры взяты из «Нар. и госуд. хоз. в 1922—23 г.» и *П. Попов* «Сельское хозяйство».

[3]) *П. Попов.* Производство хлѣба в Р. С. Ф. С. Р., стр. 19.

[4]) *П. Попов.* Сельское хозяйство, стр. 24.

Потребности городского населенія:

а) продовольствіе	232 мил. пуд.
б) прокорм скота	40 „ „
Итого	272 мил. пуд.
На снабженіе арміи	42 мил. пуд.
„ „ Туркестана и Закавказья	12 „ „
Итого	54 мил. пуд.
Всего	2.591 мил. пуд.

Стоит только принять во вниманіе число населенія и количество хлѣба, которое отпускается ему по расчетам П. Попова (Начальник ЦСУ), чтобы стало ясным, что на душу (с прокормом скота) приходится всего 15,5 пуд. (при населеніи в 131,5 мил., согласно переписи 1920 г.). Между тѣм, тот же П. Попов на основаніи работ ЦСУ в 1918—1920 г. устанавливал слѣдующія нормы (на душу со скотом): для потребляющей полосы — 22,5 пуд., для производящей — 28,5 пуд [1]). Совершенно ясно, что населеніе Россіи со времени *совѣтскаго господства ни в одном году еще не было сытым, что голод в той или иной степени всегда существовал в годы 1918—1923.* Это говорит о том, что при таких условіях у населенія (в массѣ) *не может быть запасов хлѣба, которые помогли бы ему пережить неурожай, тѣм болѣе, что с 1923 г. хлѣб, несмотря на недостаток его внутри, стал вывозиться.* Вот почему даже небольшой неурожай создает бѣдствіе. Неурожай нынѣшняго года, меньшій чѣм неурожай 1921 г., также по этой причинѣ создает бѣдствіе. Отсутствіе запасов у населенія при первых признаках неурожая побуждает его ликвидировать скот. С этим явленіем мы сталкиваемся в этом году, при чем продажа скота наблюдается не только в тѣх уѣздах, которые офиціально объявлены неурожайными, но и в других мѣстах (например, в Черниговской губ., в Одесской губ., в Крыму, в Сибири и т. д.).

Чтобы даже только частичный неурожай не превратился в бѣдствіе, необходим болѣе сильный подъем сельскаго хозяйства, чѣм это наблюдается теперь. Но этому подъему препятствует совѣтская власть. Эти препятствія двоякаго рода: экономическія и политическія. Экономическія препятствія состоят в том, что сов. власть в своем обложеніи сельскаго хозяйства идет значительно быстрѣе, чѣм возстанавливается (во всяком случаѣ послѣ голода) сельское хозяйство. По подсчетам Н. К. Ф. в 1922—1923 году государство путем обложенія (всѣх видов) извлекло у сельскаго хозяйства 10,43 % валовой его продукціи. Обложеніе в 1922—23 году оказалось на 17 % тяжелѣе предшествующаго года [2]).

Совѣтская власть, таким образом, использовала нѣкоторое возстановленіе сельскаго хозяйства, прежде всего для себя, не дав возможности использовать это улучшеніе на пользу самому сельскому хозяйству. Такая политика в условіях существованія сов. власти совершенно понятна. Разрушив другіе источники дохода, ведя собственное паразитическое хозяйство, сов. власть естественно в первую очередь и в главной части своих доходов находится в зависимости от крестьянства, почему сельское хозяйство является переобремененным и не имѣет возможности использовать для себя результаты собственнаго улучшенія. Характерно, что и в этом году, несмотря на неурожай, сов. власть предполагает взыскать с сельскаго хозяйства в видѣ «единаго» налога не меньше прошлаго года, а больше, а именно: в текущем году сельское населеніе в видѣ единаго налога уплатило 250 мил. руб., в будущем (1924—1925) должно уплатить 350 мил. руб.

Таким образом, для возстановленія сельскаго хозяйства необходимо устраненіе его переобложенія. Но это связано с необходимостью появленія

---

[1]) *П. Попов.* Производство хлѣба в Р. С. Ф. С. Р. О нормах потребленія см. труды *Щербины, Чаянова и др.*

[2]) Народ. и госуд. хозяйство в 1922—23 г., стр. 93.

другихъ доходовъ от обложенія промышленности, торговли, капитала, частной недвижимой собственности. Чтобы получить серьезные доходы от этих источников, необходимо создать свободу для частно-хозяйственной дѣятельности. Но такая политика связана с опасностями для самаго существованія сов. власти. Она потребует и ликвидаціи собственнаго совѣтскаго хозяйства, которое не может существовать в условіях свободнаго хозяйства. Слѣдовательно, сельское хозяйство и впредь будет страдать от переобложенія, и для него сов. власть, пока она существует, не может создать вполнѣ благопріятных условій для возстановленія. Прочное и постоянное возстановленіе сельскаго хозяйства немыслимо в условіях совѣтской финансовой и экономической политики. В ней самой коренятся причины и корни бѣдствій сельскаго населенія — постояннаго недоѣданія и періодическаго голоданія.

Сов. экономисты (напр. Попов) доказывают, что сельское населеніе теперь платит меньше, чѣм платило до войны. Но необходимо имѣть в виду, что оно платит теперь налоги при ничтожности или даже отсутствіи излишков, почему для него самого или ничего не остается или остается очень мало [1]).

Таковы экономическія препятствія для возстановленія сельскаго хозяйства, без котораго нѣт гарантій от превращенія неурожаев в бѣдствія.

Политическими препятствіями возстановленія сельскаго хозяйства является нетерпимость совѣтской власти к появленію сильных сельских хозяев. А между тѣм совершенно нельзя себѣ представить, чтобы в процессѣ возстановленія сельскаго хозяйства не выявились бы именно сильныя группы. Это совершенно неизбѣжно. Процесс возстановленія хозяйства не может пройти без дифференціаціи крестьянства, но это для сов. власти непріемлемо и политически опасно. Резолюція бывшей в этом году комм. конференціи, возстанавливающей под видом комитетов взаимопомощи скверной памяти комитеты бѣдноты, свидѣтельствует о том, как боится сов. власть появленія «кулаков». Вообще слѣдует сказать, что *рост благосостоянія сельскаго населенія для коммунистов — величайшая опасность.*

Перейдем теперь к разсмотрѣнію мѣр помощи голодающим со стороны власти. Согласно предварительному оріентировочному плану Комиссія по борьбѣ с послѣдствіями неурожая план финансированія мѣропріятій, связанных с неурожаем 1924—25 г., исчислен в размѣрѣ всего 62 мил. руб. с распредѣленіем этой суммы слѣдующим образом: для сѣменной кампаніи озимаго и ярового — 25.351 тыс. руб., на операціи по сохраненію скота — 8 мил. руб., на дѣтское питаніе — 7 мил. руб., на общественныя работы — 14 милл. руб. и в резервный фонд — 7.639 тыс. руб. [2]). Кромѣ того, для голодающих районов предполагается оказаніе налоговых льгот.

Вмѣстѣ с этим задуманы меліоративныя работы. Но этого рода мѣропріятія относятся уже к предупрежденію голода и имѣют длительный характер.

Нам необходимо разсмотрѣть мѣропріятія перваго рода.

Прежде всего, бросается в глаза отсутствіе собственно продовольственной помощи голодному населенію. Правда, ассигнуется 7 милл. руб. на дѣтское питаніе и 14 мил. руб. на общественныя работы. Но, во-первых, кромѣ дѣтей, голодают и будут голодать и взрослые, во-вторых, общественныя работы не могут захватить всѣх милліонов голодающих, разбросанных на громадной территоріи и, слѣдовательно, будут источником помощи только безработному населенію в городах. Но будем все же считать, что 21 мил. руб. является продовольственной помощью. Мы считали (см. выше), что безусловно голодающаго населенія должно быть не менѣе 11 милліонов (Поволжье, Юго-Восток и Сѣверный Кавказ около 9 мил., на Украинѣ около 1,3 мил., Крым не менѣе 0,5 мил. и для других райнов возьмем скромную цифру в 0,5 мил.). В таком случаѣ

---

[1]) Подробно этот вопрос изслѣдован нами в работѣ «Разверстка и натуральный налог», см. стр. 198—251 и 327—381.

[2]) «Эк. Ж.» № 245.

на одного голодающаго ассигнуется около 2 руб. Часть этих расходов отнимет переброска хлѣба и другіе совѣтскіе, всегда очень высокіе, накладные расходы. При цѣнѣ ржи в 65—100 коп. (берем цѣны на 30 іюля) на каждаго голодающаго получается maximum два пуда. Мы приводили выше ничтожные цифры сбора в неурожайных губ. с десятины. Совершенно очевидно, что предполагаемая продовольственная помощь представляет собою совершенно незначительную часть необходимаго продовольствія. Это говорит о том, что голодныя смерти при таких условіях совершенно неизбѣжны.

Организуя продовольственную помощь в таких совершенно недостаточных размѣрах, Комиссія совершенно не говорит о мѣрах для продовольствія потребляющаго района, который без ввознаго хлѣба прожить не может. Гдѣ населеніем этого района будет взят хлѣб? Какія средства сов. власти будут для этого даны? Эти важные вопросы, неудовлетворительное разрѣшеніе которых увеличит число голодающих, остаются открытыми. Голод найдет для себя жертвы не только на Волгѣ, Дону, Терекѣ, но и на сѣверѣ.

Сѣменная помощь ограничивается 25 мил. руб. Совѣтская печать сообщает, что зерно этого года мало пригодно для посѣва. Приходится искать зерно прошлаго года (175 мил. лучшаго прошлогодняго зерна заграницей!) и, конечно, если его можно найти, переплачивать. Но нечего и говорить о том, что зерна прошлаго года много не найти по отсутствію запасов. Поэтому будет пріобрѣтено плохое зерно текущаго года. Обсѣменить необходимо по совѣтским данным до 7 мил. дес. (мы думаем, что значительно больше). Для этого потребуется около 50 мил. пуд.[1]). Между тѣм на отпущенные суммы едва ли будет пріобрѣтено больше 25 мил. пуд. Кромѣ того, есть полное основаніе сомнѣваться в том, что зерно для посѣва будет доставлено во-время и не будет съѣдено на мѣстѣ. Судя по сов. прессѣ, можно думать, что сѣмена своевременно доставлены не будут.

Таким образом, и сѣменная помощь окажется неудовлетворительной. Но, как и в продовольствіи, сѣменная нужда будет наблюдаться и в потребляющем районѣ.

Будет ли сбережен скот? Значительное его количество уже распродано. Суммы для спасенія скота ничтожны, организація самаго дѣла сложна. Главное же, населеніе, не получая достаточной продовольственной помощи, естественно будет все-таки стремиться продавать скот, чтобы купить хлѣба или рѣзать его.

Итак, сов. власть задумала полумѣры и осуществленіе этих полумѣр (если только это будет осуществлено) только в части уменьшит бѣдствіе.

Перваго августа ВЦИК'ом принято постановленіе о налоговых льготах населенію особо пострадавшему от неурожая. Эти мѣры двоякаго рода, освобожденіе населенія от мѣстных надбавок к «единому» налогу и полное освобожденіе от налога. Послѣдняя мѣра касается только тѣх губерній, которыя признаны как нуждающіяся в продовольственной и сѣменной помощи. Мы видѣли, что количество таких губерній преуменьшено. Слѣдовательно, цѣлый ряд голодных районов все же будет уплачивать «единый» налог.

Кромѣ того, очень существенным является вопрос, каким образом совѣтская власть возмѣстит тѣ потери от «единаго» налога, которыя она понесет от осуществленія льгот нуждающимся губерніям. Пока мы знаем, что «единый» налог предполагали взыскать сначала в сумму 400 мил. руб., а потом под вліяніем неурожая уменьшили до 350 мил. руб. Не будет ли недоимка по неурожайным губерніям разложена на другія губ.? Как

---

[1]) Нормы высѣва в 1921 г. были слѣдующими (в пудах):

	Рожь		Пшеница	
	озимая	яровая	озимая	яровая
Производительн. р.	8,6	9,2	8,6	7,7
Юго-Восток	5,7	8,1	9,1	7,0
Украина	8,5	6,9	8,0	7,5

будто бы получается именно так. А мы знаем, что в прошлом сов. власть всегда увеличивала налог с губерній болѣе благополучных, если она предвидѣла недобор в неурожайных губерніях. Так в 1921 г. на Украинѣ натуральный налог был распредѣлен, до выясненія урожая и послѣ выясненія, слѣдующим образом:

Губерніи	Перевонач. предположенія (до выясненія картины урожая)	Окончательно распредѣленіе послѣ выясненія неурожая в рядѣ губ.
Александровская	10,0 мил. пуд.	0,5 мил. пуд.
Волынская	4,8 „ „	7,0 „ „
Донецкая	6,3 „ „	2,5 „ „
Екатеринославская	2,4 „ „	1,5 „ „
Кіевская	11,9 „ „	13,0 „ „
Николаевская	4,6 „ „	6,0 „ „
Кременчугская	7,8 „ „	4,5 „ „
Одесская	6,3 „ „	5,5 „ „
Подольская	13,3 „ „	16,0 „ „
Полтавская	10,9 „ „	13,0 „ „
Харьковская	5,0 „ „	6,0 „ „
Черниговская	4,8 „ „	6,0 „ „
Всего......	79,5 мил. пуд.	81,5 мил. пуд.

Из этой таблицы мы видим, что неурожай ряда губ. Украины в 1921 г. совсѣм не вызвал сокращеніе контингента, а лишь новое неизбѣжное его распредѣленіе с переложеніем недоборов на благополучныя губерніи.

Есть основанія по ходу теперешних дѣйствій сов. власти думать, что этот испытанный пріем будет примѣнен и в этом году.

Каковы же могут быть послѣдствія неурожая текущаго года?

Тяжело признавать, но у пишущаго эти строки нѣт увѣренности, что наступающее бѣдствіе не унесет в могилу много человѣческих жизней не только в голодных районах, но вообще по всей Россіи. По опыту голода 1921 г. можно предвидѣть сильное сокращеніе посѣвной площади 1924—1925 года, притом не только в неурожайном районѣ, но и в других районах Россіи, которые понесут тяжесть обложенія не только за себя, но и за голодныя губерніи. Слѣдовательно, процесс возстановленія сельскаго хозяйства опять затормозится, тѣм болѣе, что значительное количество скота будет неизбѣжно потеряно.

Финансы совѣтской власти сильно пострадают, она будет судорожно искать выхода путем тяжелаго обложенія населенія, путем эмиссіи и путем других мѣр, к числу коих, может быть слѣдует отнести и продажу части русских богатств западу.

Во всяком случаѣ, надо ждать не облегченія экономических и политических условій возстановленія народнаго хозяйства, ибо осуществленіе этой задачи, как мы указывали выше, опасно для самаго существованія сов. власти, а ухудшенія этих условій: предъявленіе больших требованій к населенію для пополненія пустой совѣтской казны, усиленіе политическаго террора, как мѣры борьбы с недовольными и возстающими.

Полумѣры будут осуществлены для голодающих, а настоящія мѣры будут приняты для спасенія собственнаго существованія — для удержанія власти.

Преобладаніе забот совѣтской власти о самой себѣ, принесеніе для этого новых жертв со стороны населенія сохранит прежнія условія тяжелаго существованія сельскаго хозяйства с его спутниками — постоянным недоѣданіем и періодической голодовкой.

Все это будет так, если чаша народнаго терпѣнія не переполнится...

А. Марков.

КРЕСТЬЯНСТВО И СОВѢТЫ

(По даннымъ выборовъ 1922 г.)

Вопрос об отношеніи крестьянства к «своим» совѣтам — сельским совѣтам, волостным съѣздам совѣтов и волостным исполн. комитетам — для будущаго Россіи имѣет крупное значеніе. Понятно, поэтому, что нерѣдко дѣлаются попытки на этот вопрос отвѣтить. Такія попытки, однако, обыкновенно бывают основаны или на абстрактных соображеніях, или на личных впечатлѣніях, по необходимости относящихся к весьма ограниченным территоріям.

В настоящее время имѣется возможность положить в основу отвѣта матеріал иного свойства. В офиціальном органѣ Н. К. В. Д., выходящем под заглавіем «Власть Совѣтов», опубликованы цифровыя данныя [1]), относящіяся к выборам 1922 г. [2]) по 572 уѣздам РСФСР (из общаго числа 606). К сожалѣнію, матеріал этот страдает серьезным пороком: он по большей части относится не к цѣлым губерніям, а только к частям их, причем, 1) в таблицах представившіе свѣдѣнія уѣзды обыкновенно не перечисляютя, а указывается лишь число их, и 2) число таких уѣздов по отдѣльным вопросам сильно колеблется. Это обстоятельство заставляет во многих случаях прибѣгать к не совсѣм удовлетворительному методу вычисленія средних на 1 уѣзд и сравненія между собою таких средних [3]).

Такіе дефекты матеріала не устраняют однако возможности установить ряд интересных фактов, вскрывающих характер выборов в русской деревнѣ под властью совѣтов. В дальнѣйшем изложеніи, поскольку не оговорено противное, всѣ данныя почерпнуты из названнаго источника [4]).

I. СОСТАВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Конституція РСФСР, как извѣстно, не признает принципа всеобщности избирательнаго права. В отношеніи деревни особое значеніе принадлежит п. а), ст. 65; пункт этот лишает активнаго и пассивнаго избирательнаго права лиц, прибѣгающих к наемному труду с цѣлью извлеченія прибыли. В эпоху коммунистическаго натиска на деревню, этому постановленію придавалось распространительное толкованіе, и от выборов отстранялось все богатое и среднее крестьянство. К настоящему времени положеніе измѣнилось, что явствует из нижеслѣдующей таблицы.

---

[1]) *С. М. Гурвич.* Сельскіе совѣты, волостные съѣзды совѣтов и вол. исполн. комитеты. «Власть совѣтов» 1923 г., іюнь—іюль.

[2]) Имѣющіяся пока (февр. 1924 г.) данныя по выборам 1923 г. настолько суммарны, что не допускают никакой обработки.

[3]) Во всѣх таблицах, помѣщенных в настоящей статьѣ, по каждой губерніи приводится: а) общее число уѣздов в 1922 г. и б) число уѣздов, представивших по данному вопросу свѣдѣнія. Эти числа в таблицах обозначены соотвѣтственно а) и б).

[4]) Непосредственно заимствованы, однако, только основныя абсолютныя цифры. Суммированіе и нахожденіе средних произведено заново, т. к. в работѣ С. М. Гурвича в этом отношеніи допущены элементарныя ошибки. Цифры, относящіяся к переписи 28-го авг. 1920 г., почерпнуты из «Статистическаго Ежегодника Россіи» за 1918—1920 г. (Москва 1921 г.). Данныя о результатах выборов 1923 г. (мѣстами приводимыя для сравненія) взяты из замѣток, помѣщенных в «Извѣстіях ЦИК-а СССР», 1923 г. № 278 и 1924 г. № 15.

Табл. 1. Отстраненіе от выборов по ст. 65 конституціи.

Губерніи	Число уѣздов а	Число уѣздов б	Общее число избирателей	Число лиц отстранен. от выборов	На 100 избират. при ход. отстр.
Екатеринбургская	7	1	108.132	3.095	2,8
Кубано-Черноморская	8	8	1.218.288	28.569	2,4
Нижегородская	18	17	1.366.247	14.922	1,1
Пензенская	12	10	959.023	9.186	0,9
Адыгейская авт. обл.	3	3	41.366	650	1,5
Крымская авт. респ.	7	5	108.172	4.326	3,8
			3.802.091	60.748	1,6

Поуѣздныя цифры отстраненных колеблются от 0,4 % по глухому Ветлужскому уѣзду Нижегородской (прежде Костромской) губерніи до 5,9 % по Черноморскому уѣзду Кубано-Черноморской губерніи и 7,2 % по Симферопольскому уѣзду Крымской республики.

Крайне интересно было бы установить, как распредѣляются устраненные от выборов по отдѣльным пунктам ст. 65 конституціи. К сожалѣнію, соотвѣтствующія данныя имѣются лишь по Пензенской губерніи.

Табл. 2. Отстраненіе от выборов по отдѣльным пунктам ст. 65 конституціи.

Пункты ст. 65 конст.		Число отстраненных: Абсол.	В % к общему числу отстраненных	В % к общему числу избирателей
а	Предприниматели[1])	581	6,3	0,06
б	Живущіе на нетрудовой доход	1.187	12,9	0,12
в	Частные торговцы и посредники	2.070	22,6	0,21
г	Духовенство	1.814	19,7	0,18
д	Агенты б. полиціи	1.420	15,5	0,14
е	Душевно-больные	364	4,0	0,03
ж	Осужден. за корыст. и ин. преступ.	1.750	19,0	0,18

Если допустить, что данныя табл. 1 и 2 имѣют показательное значеніе для сельской Россіи вообще, то можно выставить предположеніе, что в деревнѣ избирательное право фактически приближается ко всеобщему, и что так наз. «кулачество» не является болѣе поводом к лишенію политических прав.

Будучи почти всеобщим, избирательное право в предѣлах деревни является и равным. Но весьма низким по своему удѣльному вѣсу оказывается голос крестьянина сравнительно с голосом городского избирателя. Дѣло в том, что при выборах на уѣздные съѣзды совѣтов (в коих впервые встрѣчаются представители города и деревни), 1 депутат приходится на 2.000 сельских *жителей* и на 200 городских *избирателей*[2]). При выборах на губернскіе съѣзды, 1 депутат приходится на 10.000 сельских жителей и на 2.000 городских избирателей[3]). Та же пропорція (1 : 5) принята для выбо-

---

[1]) Конституція говорит не о предпринимателях, а о лицах, прибѣгающих к наемному труду и т. д. Подмѣн терминов принадлежит не мнѣ, а составителю статьи во «Власти Совѣтов». В подмѣнѣ нельзя не видѣть характерный симптом конституціонной эволюціи.

[2]) Положеніе об уѣздных съѣздах совѣтов, § 1 (С. У. 1922 г. № 10, ст. 91).

[3]) Положеніе о губернских съѣздах совѣтов, § 1 (С. У. 1922 г. № 72—3, ст. 907).

ровъ на всероссійскій и общесоюзный съѣзды совѣтов. Такая пропорція (не говоря уже о пропорціи 1 : 10) была бы справедлива, если бы 1 избиратель приходился на 5 жителей. При совѣтском избирательном правѣ, признающем женское равноправіе, понижающем избирательный возраст до 18 лѣт и лишающем права голоса сравнительно малочисленныя группы населенія, дѣйствительная пропорція значительно выше, что явствует из нижеслѣдующей таблицы:

Табл. 3. Отношеніе числа избирателей к числу жителей.

Губерніи	Число уѣздов а	Число уѣздов б	Число избирателей	Число сельских жител. (по переписи 28-VIII-20)	Отношеніе чис. избир. к числу сельских жител.
Екатеринбургская	7	1	108.132	276.577	1 : 2,5
Иваново-Вознесенская	7	7	425.895	537.275	1 : 1,3 (?)
Костромская	7	6	381.182	550.721	1 : 1,5
Кубано-Черноморская	8	8	1.218.288	2.446.858	1 : 2,0
Нижегородская	18	17	1.366.247	2.007.776	1 : 1,5
Пензенская	12	10	959.067	1.458.486	1 : 1,5

Таким образом, совѣтскій избирательный закон привилегирует город сравнительно с деревней в 2—4 раза.

II. ВЫБОРЫ В СЕЛЬСКІЕ СОВѢТЫ

Как пользуется крестьянство открывающейся перед ним возможностью почти всеобщаго участія в выборах? Отвѣт дает нижеслѣдующая таблица.

Табл. 4. Участіе избирателей в выборах в сельскіе совѣты.

Губерніи	Число уѣздов а	Число уѣздов б	Число избирателей	Участвовало в выборах	На 100 избир. участ. в выборах
Екатеринбургская	7	1	108.132	43.964	40,7
Иваново-Вознесенская	7	7	425.895	74.555	17,4
Костромская	7	6	381.182	137.675	36,1
Кубано-Черноморская	8	8	1.218.288	250.758	22,4
Нижегородская	18	17	1.366.247	275.976	20,3
Адыгейская автон. обл.	3	3	41.366	13.005	31,4
Карачаево-Черкесская автономная область	5	4	87.045	17.533	20.1
Крымская авт. респуб.	7	5	108.172	20.490	18.9
			3.736.327	833.956	22.3

Отклоненія от средней по 51 уѣзду, составляющей 22,3 % [1]), представляются весьма значительными: в то время, как по Кинешемскому уѣзду (Иваново-Вознесенской губерніи) участвовало в выборах 9,5 % избирателей, Ѳеодосійскому (Крымской республики) — 12,3 %, а по Варнавинскому (Нижегородской, прежде Костромской губерніи) — 12,9 %, по Буйскому уѣзду (Костромской губ.) подали свой голос 39,2 % избирателей, по Камышловскому (Екатеринбургской) — 40,7 %, а по Костромскому — 54 %.

Как средняя величина, так и только-что приведенныя максимальныя цифры позволяют утверждать, что выборы в сельскіе совѣты проходят при весьма высоком абсентеизмѣ избирателей. Причины этого явленія, очевидно, лежат в моральной области и в общем не могут быть раскры-

[1]) В 1923 г., под вліяніем предпринятой властью спеціальной кампаніи, процент этот поднялся до 35,8 %.

ты статистическим методом. Есть, однако, один фактор, который поддается учету. Фактор этот — самоустраненіе крестьянской женщины, которая лишь в слабой степени пользуется свалившимся на нее в эпоху революціи равноправіем. Цифры, к сожалѣнію, имѣются лишь относительно небольшой площади.

Табл. 5. Участіе женщин в выборах в сельскіе совѣты.

Губерніи	Общее число избирател.	На 100 жител. приход женщ[1]	Мужчины		На 100 избир. подал. голос	Женщины		На 100 избир. подал. голос
			Число избират.	Число подавш. голос		Число избирател.	Число подав. голос	
Екатеринб. (1 у.)	108.132	55,8	47.868	36.762	76,7	60.264	7.202	11,9
Иван.-Возн. (4 у.)	287.068	58,0	121.550	33.389	27,4	166.518	7.655	4,6
Нижегород (17 у.)	1.366.247	56,9	589.879	265.600	45,0	776.368	11.199	1,5
	1.761.447		759.297	335.751	44,3	1.002.150	22.056	2,6

Т. к. средній процент участія избирателей в выборах (20,6%) по трем губерніям (табл. 5) близок к среднему по 51 уѣздам (табл. 4), то полученныя цифры — 44%, для участія мужчин, и 2,6%, для участія женщин, — с нѣкоторой вѣроятностью могут быть приняты за характерныя для болѣе значительных площадей.

Кого же избирают крестьяне в сельскіе совѣты [2])? Прежде всего нужно отмѣтить, что, если мало использованным оказывается активное избирательное право женщин, то еще хуже стоит дѣло с правом пассивным.

Табл. 6. Распредѣленіе членов сельских совѣтов по полу.

Губерніи	Число уѣздов		Общее число членов	Из них	
	а	б		Мужчин	Женщин
Воронежская	13	12	13.456	13.157	299
Иваново-Вознесенская	7	7	5.164	5.114	50
Кубано-Черноморская	8	8	7.859	7.714	145
Пермская	7	7	11.677	11.597	80
Тульская	12	12	10.205	10.100	105
Царицынская	7	7	5.382	5.231	151
Суммарныя дан. по 15 др. губ.[3])			45.373	45.081	252
			99.061	97.994	1.022

Женщины составляют, таким образом, только 1,04% [4]) всего состава сельских совѣтов. Иными словами, женщины проводят в совѣты в 2½ раза меньше избранниц, нежели это отвѣчало бы их численности в составѣ фактических избирателей.

Не имѣется, к сожалѣнію, никаких свѣдѣній о возрастѣ избранников. Нѣкоторыя указанія можно, однако, усмотрѣть в данных о возрастном составѣ членов уѣздных съѣздов совѣтов, которые в большей своей части состоят из представителей сельских совѣтов. На выборах *1923 г.* в со-

[1]) По данным переписи 1920 г. — Расчет в дальнѣйших столбцах произведен в предположеніи, что % женщин среди избирателей равен % женщин во всем населеніи.

[2]) Вопрос о партійном составѣ избранных разсматривается в V главѣ.

[3]) Губерніи эти во «Власти Совѣтов» не поименованы.

[4]) На выборах в 1923 г. в сельскіе совѣты прошло 2,1% женщин.

став уѣздных съѣздов прошло 11,9% лиц в возрастѣ от 18—25 лѣт, 69,7% в возрастѣ от 25—40 лѣт, 18,0% в возрастѣ от 40—60 лѣт и 0,4% в возрастѣ старше 60 лѣт. Этот сравнительно молодой состав уѣздных съѣздов явно свидѣтельствует о том, что старшее поколѣніе принимает лишь малое участіе в сельских совѣтах и, вѣроятно, держится в сторонѣ при выборах в таковые; в этом самоустраненіи стариков заключается, быть может, второй фактор установленнаго нами абсентеизма сельских избирателей.

По соціальному составу своему сельскіе совѣты являются, естественно, почти сплошь крестьянскими: на 169.265 членов сельских совѣтов по 222 уѣздам приходится 159.595 (или 94,2%) крестьян и только 9.670 (или 5.8%) рабочих и служащих. Менѣе 90% крестьяне составляют только по 6 губерніям, областям и республикам (из числа 35, в коих расположены уѣзды) — по Горской республикѣ (89,6%), Донской губерніи (85,8%), Карачаево-Черкесской области (77,4%), Кубано-Черноморской губерніи (76,3%), Крымской республикѣ (66,8%) и Астраханской губерніи (56,8%). Любопытно отмѣтить, что, за исключеніем Крымской республики, всѣ эти территоріи принадлежат к числу тѣх, в коих в значительном количествѣ проживают казаки[1]. За слабостью в них крестьянскаго (к которому причисляется и казачье) представительства легко предположить давленіе власти.

По образованію из 82.928 членов сельских совѣтов (по 104 уѣздам) приходится 1.537 лиц (или 1,8%) со средним или высшим образованіем, 71.734 (или 86.6%) с низшим или домашним образованіем и 9.652 (или 11,6%) неграмотных. Особенно много лиц со средним или высшим образованіем усматривается по Крымской республикѣ (11,7%), Царицынской губерніи (8,4%), Кубано-Черноморской губерніи (7,2%), Карачаево-Черкесской области (6,3%) и Донской губерніи (3,0%). Зато по Витебской, Нижегородской и Сѣверо-Двинской губерніям их не было вовсе. Особенно много неграмотных приходится на Карачаево-Черкесскую область (29,9%), Алтайскую губернію (28,7%) и Пермскую губернію (24,6%).

Состав избранных является, несомнѣнно, болѣе грамотным, нежели масса избирателей. Это общее впечатлѣніе может быть подтверждено цифровыми данными по 4 уѣздам Вятской губерніи: в то время, как среди избирателей неграмотные составляли 25,7%, среди избранных в члены сельских совѣтов их было только 14,3%.

III. ВЫБОРЫ В ВОЛОСТНЫЕ СЪѢЗДЫ СОВѢТОВ

По конституціи РСФСР (ст. 53 п. в.) волостные съѣзды совѣтов образуются из представителей всѣх совѣтов, имѣющихся на территоріи волости, по расчету 1 депутат на 100 жителей. Т. к. и сельскіе совѣты (ст. 87 п. б.) образуются по тому же расчету, то волостные съѣзды должны по конституціи составляться путем механическаго соединенія сельских совѣтов, и только при переходѣ к уѣздной инстанціи начинается типичное для совѣтской системы делегированіе: в уѣздные съѣзды вводятся, по расчету 1 делегат на 1.000 жителей, представители сельских совѣтов (наряду с депутатами совѣтов городов, фабрично-заводских поселков и отдѣльных фабрик и заводов).

Произведенная в теченіе января 1922 г. реформа совѣтской схемы в корнѣ разрушает это положеніе вещей. Волостные съѣзды образуются теперь из представителей сельских совѣтов по расчету 1 депутат на каждые 10 членов совѣтов[2]. Т. к. депутаты в сельскіе совѣты избираются по расчету 1 на 200 жителей[3]), то представительство в волостных съѣздах ограничивается 1 депутатом на 2.000 жителей. Та же самая норма при-

[1]) Горская республика и Карачаево-Черкесская область составились из частей Терской (а вторая и Кубанской) области.

[2]) Положеніе о вол. съѣздах совѣтов § 1 (С. У. 1922 г., № 10, ст. 92).

[3]) Положеніе о сельских совѣтах § 9 (С. У. 1922 г., № 10) ст. 93).

нята для представительства сельских совѣтов в уѣздном съѣздѣ [1]), так что фактически сельская половина послѣдняго может составляться путем механическаго соединенія волостных съѣздов [2]).

Выборы 1922 г. были первыми послѣ реформы. Как же отнеслась к этой послѣдней деревня? Отвѣт представляется довольно неожиданным: деревня реформу просто игнорировала [3]). Краснорѣчивое доказательство заключается в слѣдующей таблицѣ.

Табл. 7. Порядок образованія волостных съѣздов.

Губерніи	Общее число уѣзд.	Сельскіе совѣты: Общее число членов	Сельскіе совѣты: По скольким уѣздам	Сельскіе совѣты: В средн. на 1 уѣзд приходится член. (А)	Волостные съѣзды: Общее число членов	Волостные съѣзды: По скольким уѣзд.	Волостные съѣзды: В средн. на 1 уѣзд приход. член. (Б)	Отношеніе А к Б
Владимирская	13	5.840	12	487	2.037	5	407	1,2 :1
Вятская	10	5.252	7	750	7.147	7	1.021	0,7 :1
Иваново-Вознесенская	7	5.164	7	738	5.377	7	768	0,96:1
Иркутская	8	2.741	7	392	1.127	6	188	2,1 :1
Костромская	7	2.505	6	412	6.390	7	913	0,4 :1
Нижегородская	18	12.916	18	716	12.725	18	707	1, :1
Ново-Николаевская	5	8.700	5	1.140	2.350	4	588	1,9 :1
Пензенская	12	11.339	12	945	4.382	10	438	2,2 :1
Пермская	7	11.677	7	1.668	4.086	2	2.043	0,8 :1
Челябинская	7	8.762	5	1.550	1.490	3	497	3,1 :1
Ярославская	5	1.873	4	468	1.854	3	618	0,75:1
Крымская авт. республ.	7	1.647	7	235	771	6	128	1,8 :1

Тѣ двѣнадцать губерній, по которым имѣются свѣдѣнія, могут быть разбиты на три группы. Первая (в составѣ губерній Владимирской, Иваново-Вознесенской и Нижегородской) формирует вол. съѣзды совѣтов по конституціонной схемѣ, путем механическаго сочетанія сельских совѣтов. Вторая (в составѣ губерній Иркутской, Ново-Николаевской, Пензенской, Челябинской и Крымской республики) образует волостные съѣзды из расчета 1 делегат на 2—3 члена сельских совѣтов. Наконец, третья (в составѣ губерній Вятской, Костромской, Пермской и Ярославской) имѣет *на съѣздах больше* депутатов, нежели членов *сельских совѣтов.* Это возможно только при принятіи за основу конституціонной схемы с дополненіем получающагося, таким образом, аггрегата: 1) представителями совѣтов фабрично-заводских поселков и отдѣльных фабрик и заводов [4]) и 2) делегатами от профессіональных и иных рабочих организацій в порядкѣ ст. 70 конституціи [5]).

Есть основаніе полагать, что это привхожденіе в вол. съѣзды посторонних сельским совѣтам элементов имѣет мѣсто не только по третьей группѣ губерній. По губерніям первых двух групп можно установить увеличеніе, при переходѣ от сельских совѣтов к волостным съѣздам (или

[1]) Положеніе об уѣздных съѣздах совѣтов § 1 (С. У. 1922 г., № 10, ст. 91).

[2]) Таким образом, на выборы в волостные съѣзды перенесен центр тяжести избират. механизма; именно на них предположено сконцентрировать работу по фильтраціи депутатов с точки зрѣнія их политической благонадежности.

[3]) Явленіе это повторилось и в 1923 г., когда по 33 уѣздам выбрано 273.334 члена сельских совѣтов и 153.413 членов вол. съѣздов.

[4]) На что имѣется указаніе в ст. 53 конституціи, но не в положеніи 1922 г.

[5]) Что эта статья не представляется мертвой буквой, видно из того, что в 1920 г. в состав уѣздных съѣздов совѣтов, сверх 30.799 представителей сельских совѣтов и 4.614 представителей городских совѣтов, входило 1.274 представителей фабрично-заводских поселков и отдѣльных фабрик и заводов и 943 представителя профессіональных и партійных организацій («Статистическій Ежегодник Россіи» за 1918—1920 год.).

даже формируемым из состава послѣдних вол. исполн. комитетам) *абсолютнаго* числа: 1) женщин, 2) лиц некрестьянскаго происхожденія, 3) лиц со средним образованіем и 4) коммунистов[1]. При таких условіях группы сближаются, и волостные съѣзды оказываются составляемыми 1) из совокупности членов сельских совѣтов или отбора их по расчету не ниже 1 : 3 (вмѣсто законнаго 1 : 10) и 2) из присоединяющихся к ним отмѣченных выше элементов.

Из кого же складываются формируемые указанным способом волостные съѣзды? Прежде всего, можно констатировать тот нѣсколько неожиданный факт, что % женщин в их составѣ нѣсколько выше найденнаго в табл. 6 для сельских совѣтов.

Табл. 8. Состав волостных съѣздов по полу.

Губерніи	Число уѣздов		Число чл. волост. съѣздов	Из них		На 100 чл. приходит. женщин
	а	б		Мужч.	Женщ.	
Вятская	10	7	7.147	7.121	26	0.4
Иваново-Вознесенская	7	7	5.377	5.303	74	1.4
Иркутская	8	6	1.127	1.120	7	0.6
Костромская	7	7	6.390	6.237	153	2.4
Ново-Николаевская	5	4	2.350	2.339	11	0.5
Пензенская	12	10	4.382	4.368	14	0.3
Пермская	7	2	4.086	2.626	76	2.8
Крымская авт. республ.	7	6	771	755	16	2.1
	63	49	30.246	29.869	377	1.3

Обращает на себя вниманіе тот факт, что по Иваново-Вознесенской губерніи женщин в волостных съѣздах (74) больше, нежели в сельских совѣтах (50). По 2 уѣздам Пермской губерніи их приходится на вол. съѣзды 76, тогда как в сельских совѣтах 7 уѣздов их числится 80. Очевидно, часть женщин попадает в волостные съѣзды *не из сельских совѣтов.*

Повышенное относительно участіе женщин в волостных съѣздах находит себѣ наиболѣе вѣроятное объясненіе в том фактѣ, что значительная часть женщин, попадающих в сельскіе совѣты и вол. съѣзды — коммунистки, а, как мы увидим ниже, члены РКП переходят из сельских совѣтов в волостные съѣзды поголовно. Отсюда можно сдѣлать опредѣленный вывод и в отношеніи состава женщин, осуществляющих свое право голоса при выборах в сельскіе совѣты: среди них должно быть немало коммунисток[2].

По соціальному составу волостные съѣзды почти не отличаются от сельских совѣтов: на 27.350 членов по 47 уѣздам приходится 25.454 (или 93,1%) крестьян и только 1.896 (или 6,9%) рабочих и служащих. По нѣкоторым губерніям замѣчается абсолютное увеличеніе некрестьянскаго элемента сравнительно с сельскими совѣтами: по 7 уѣздам Вятской губерніи 64 рабочим и служащим в сельских совѣтах противостоят 268 таковых в волостных съѣздах: в Костромской губ. вмѣсто 74 их имѣется 463. Здѣсь мы, очевидно, сталкиваемся с проникновеніем на волостные съѣзды лиц, не состоящих членами сельских совѣтов.

По образованію члены волостных съѣздов 47 уѣздов распредѣляются слѣдующим образом: 304 (или 1,2%) имѣли среднее или высшее образованіе, 22.107 (или 87,1%) низшее или домашнее, а 2.977 (или 11,7%) были

[1]) См. ниже в этой и слѣдующих главах.

[2]) Повышенное участіе коммунисток прямо отмѣчается для избирательной кампаніи 1923 г.

неграмотны. Цифры эти весьма близки к установленным выше (гл. II) для сельских совѣтов.

IV. ВЫБОРЫ В ВОЛОСТНЫЕ ИСП. КОМИТЕТЫ

На основаніи положенія о волостных съѣздах совѣтов, волостные исполнительные комитеты образуются из 3 или, в исключительных случаях, четырех лиц.

При выборах в вол. исполн. комитеты это небольшое увеличеніе относительной роли женщин, которое наблюдается при составленіи волостных съѣздов, не находит продолженія. Наоборот, в вол. исполн. комитеты женщины попадают лишь в видѣ рѣдчайшаго исключенія, что видно из нижеслѣдующей таблицы.

Табл. 9. Состав вол. исполн. комитетов по полу

Губерніи	Общее число членов	Из них	
		Мужчин	Женщин
Воронежская	746	765	1
Иваново-Вознесенская	508	507	1
Кубано-Черноморская	503	502	1
Пермская	803	801	2
Тульская	728	723	5
Царицынская	372	372	—

Є точки зрѣнія соціальнаго состава может быть установлено паденіе крестьянскаго элемента: на 14.980 членов вол. исполн. комитетов по 246 уѣздам приходится только 12.257 (или 82,2%) крестьян и 2.723 (или 17,8%) рабочих и служащих. Из 29 губерній и т. п., по коим возможно сравненіе в этом отношеніи сельских совѣтов и вол. исполн. комитетов, только по 2 (Сѣверо-Двинской и Адыгейской авт. обл.) замѣчается небольшое увеличеніе относительных чисел. По всѣм остальным они падают, особенно рѣзкое паденіе характеризуют губерніи Владимирскую (с 91,1% до 62,7%), Гомельскую (с 95,5% до 73,3%), Екатеринбургскую (с 98,4% до 65,0%), Кубано-Черноморскую (с 76,3% до 54,2%) и Тамбовскую (с 93,9% до 74,0%) и Татарскую республику (с 99,5% до 65,3%).

В связи с этим оттѣсненіем крестьянскаго элемента стоит значительное, сравнительно с сельскими совѣтами и вол. съѣздами, повышеніе образовательнаго ценза, причем увеличивается число лиц с высшим или средним образованіем и уменьшается число неграмотных: на 8.550 членов вол. исполн. комитетов по 136 уѣздам приходилось 370 лиц (или 4,3%) с высшим или средним образованіем, 8.065 (или 94,4%) с низшим или домашним и только 155 (или 1,3%) неграмотных. По нѣкоторым губерніям число лиц со средним образованіем даже *абсолютно* превышает число таких же лиц в составѣ сельских совѣтов. Особенно характерны цифры по губерніям Нижегородской и Сѣверо-Двинской, которыя вовсе не знают лиц со средним образованіем в составѣ сельских совѣтов, тогда как в вол. исполн. комитетах их оказывается соотвѣтственно 60 и 8.

V. ВЫБОРЫ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ

При разсмотрѣніи результатов выборов в сельскіе совѣты, вол. съѣзды совѣтов и вол. исполн. комитеты мы оставили в сторонѣ вопрос об отношеніи избирателей к РКП. Мы сдѣлали это потому, что вопрос может быть правильно разрѣшен только при совмѣстном анализѣ всѣх трех ступеней выборов.

Количество мѣст, полученных РКП, видно из нижеслѣдующей таблицы.

Табл. 10. Успѣхи РКП на выборах. (I)

Органы	Число уѣздов, по коим имѣются свѣд.	Общее число членов	В том числѣ коммунистов		
			Абсол.	На 100 членов	В сред. на 1 уѣзд
Сельскіе совѣты	318	254.340	15.012	6,1	47
Волост. съѣзды совѣтов	80	50.921	5.617	11,7	70
Волостн. исп. ком-ты	322	20.411	8.007	40,1	25

Разсмотрѣніе первой строчки таблицы, из коей явствует, что коммунисты составляют лишь 6,1% общаго числа членов сельских совѣтов[1]), и что по 318 уѣздам их абсолютное число достигает 15.000 (каковому числу по всей РСФСР соотвѣтствует 25.000), естественно приводит к мнѣнію, будто коммунисты на выборах в сельскіе совѣты успѣха не имѣют.

Такое мнѣніе представляется, однако, глубоко ошибочным. «Коммунисты не имѣют успѣха на выборах» — это означает, что часть таковых остается при выборах за флагом. Между тѣм, в Совѣтской Россіи дѣйствует совершенно опредѣленная норма неписаннаго права, которая гласит: «если при каких-либо выборах число подлежащих избранію равно или меньше числа состоящих членами избирательной коллегіи коммунистов, то всѣ коммунисты оказываются выбранными поголовно (поскольку тѣ или иные из них не занимают должностей, фактически несовмѣстимых с замѣщаемыми»[2]). Допустить, что норма эта в деревнѣ не дѣйствует, тѣм менѣе возможно, что по самому построенію совѣтской схемы, деревенскій коммунист, провалившійся при выборах в сельскіе совѣты, вообще не имѣет способа попасть в «верховные органы власти» — съѣзды и их исполн. комитеты (если он не является случайно связанным с городом, фабрикой и т. д.). Член правящей организаціи, оставляемый избирателями не у дѣл, такая фигура в Совѣтской Россіи представляется немыслимой.

Но предположеніе, будто коммунисты не имѣют успѣха при сельских выборах, представляется совершенно ненужным для того, чтобы объяснить малое число их в составѣ избранников. Дѣло стоит гораздо проще: организація, насчитывающая в своем составѣ около 400.000 членов[3]), должна держать в своих руках весь аппарат центральнаго, губернскаго и уѣзднаго управленія, армію и флот, ГПУ и милицію, транспорт и крупную промышленность, профессіональныя и кооперативныя объединенія, высшую и среднюю школу и т. д. Нѣт никаких сомнѣній в том, что много больше 25 тысяч человѣк[4]) она удѣлить на деревню не может. Коммунистов из числа крестьян, правда, значительно больше; но, во-первых, «крестьянство» многих из них (если не понимать его в старом со-

---

[1]) На выборах 1923 г. в сельскіе совѣты по 333 уѣздам прошло 22.715 коммунистов (или 8,3%), в вол. съѣзды — 28.007 (или 18,3%), в вол. исполн. комитеты — 8.221 (или 48,6%).

[2]) Эта норма позволяет объяснить любопытный процесс возрастанія относительнаго числа коммунистов на каждой ступени выборов, процесс, который от сельских совѣтов с их 6% коммунистов приводит к губ. исполн. комитетам с 90% таковых: каждая ступень дает коллегію меньшаго численнаго состава, чѣм предыдущая, и, если при этом нѣкоторая группа проходит, не уменьшаясь или почти не уменьшаясь в своей *абсолютной* численности (как это слѣдует из нормы), то *относительное* усиленіе ея дано с математической необходимостью.

[3]) По сообщенію Зиновьева на засѣданіи коммун. фракціи II съѣзда совѣтов СССР (январь—февраль 1924 г.), в партіи к концу 1923 г. было 386.313 членов, в том числѣ «крестьян от сохи» — 65.498.

[4]) В дальнѣйшем выяснится, что в селах и волостях в совокупности «работает» нѣсколько больше 25 тыс. коммунистов.

словном смыслѣ) является болѣе, чѣм сомнительным, а, во-вторых, цѣлый ряд подлинных деревенских коммунистов по необходимости привлекается к работѣ в городѣ и в арміи. На недостаткѣ коммунистов для мѣстнаго управленія основан весь план «районированія» Россіи с замѣной губерній и уѣздов средним между ними образованіем — округом, и со значительным «укрупненіем» волости, и, слѣдовательно, уменьшеніем числа постов, подлежащих непремѣнному замѣщенію членами партіи[1]). Итак, в сельскіе совѣты попадает только 25 тыс. коммунистов исключительно потому, что большаго числа их партія направить в таковые не может. А «направленные» избираются, очевидно, поголовно.

Против такого предположенія можно высказать слѣдующее возраженіе. Если теорія «личнаго права» коммуниста на избраніе правильна, то она должна быть справедлива для всѣх степеней выборов. Между тѣм, при послѣдовательном формированіи вол. съѣздов совѣтов и вол. исполн. комитетов, по 322 уѣздам из 15 тыс. коммунистов избрано только 8 тыс. (что отвѣчает приблизительно 13 тыс. по всей РСФСР). Почти половина деревенских коммунистов оказывается, таким образом, забаллотированной.

Такой вывод, представляется, однако, слишком поспѣшным. Приведенная норма неписаннаго права знает оговорку на случай несовмѣстимости. Очевидно, что она и вступает в силу при только что отмѣченном явленіи. Немало коммунистов нужно для замѣщенія должностей предсѣдателей сельских совѣтов (хотя бы в наиболѣе крупных или почему-либо политически подозрительных селеніях); другіе должны быть продвинуты в уѣздныя и губернскія инстанціи; большая часть тѣх и других является потерянной для вол. исполн. комитетов[2]). Но т. к. на послѣдніе все же приходится около 13.000 коммунистов, а всѣх волостей в РСФСР имѣется 10.403; то на должности предсѣдателей, а мѣстами и членов, коммунистов хватает.

Использованіе коммунистов по отдѣльным губерніям представляется неравномѣрным. Нижеслѣдующая таблица дает по этому вопросу нѣкоторое представленіе[3]).

Табл. 11. Обезпеченіе вол. исполн. комитетов коммунистами.

Губерніи	Число коммун. в вол. комит.	Число волостей	На I вол. исп. ком. прих. коммун.	Губерніи	Число коммун. в вол. испол. комит.	Число волостей	На I вол. исп. ком. приход. коммун.
Алтайская	146	128	1,2	Пермская	234	273	0,9
Астраханская	64	29	2,2	Псковская	145	135	1,1
Витебская	157	70	2,3	Самарская	394	320	1,2
Воронежская	383	215	1,8	Сѣверо-Двинская	52	96	0,55
Гомельская	217	85	2,5	Симбирская	179	155	1,1
Енисейская	197	153	1,3	Смоленская	216	210	1,0
Иваново-Вознесен.	82	135	0,6	Ставропольская	62	126	0,5
Костромская	73	137	0,55	Тамбовская	455	216	1,8
Кубано-Черномор.	329	154	2,1	Тульская	231	245	0,95
Нижегородская	304	273	1,1	Царицынская	227	76	3,0
Новгородская	58	134	0,4	Челябинская	207	90	2,3
Ново-Николаевск.	189	83	2,3	Вотская авт. обл.	99	70	1,4

---

[1]) О связи между районированіем и недостатком коммунистов см. статью проф. *А. А. Боголѣпова* «Мѣстное управленіе» в сборникѣ «Право Совѣтской Россіи», Прага 1924 г.

[2]) Весьма вѣроятно, что партійными директивами коммунистки не назначаются на работу в в. и. к-ты; такое предположеніе необходимо и достаточно для объясненія «неуспѣха» их на выборах в таковые.

[3]) Взяты только тѣ губерніи, по коим имѣются данныя по всѣм уѣздам, число волостей приведено по таблицѣ, помѣщенной в «Власть Совѣтов», 1923 г., іюнь—іюль, стр. 187.

В этой неравномѣрности можно подмѣтить опредѣленную правильность. К губерніям, в коих вол. исполн. комитеты наиболѣе обезпечены коммунистами (свыше 2 на 1 волость), относятся всѣ тѣ, в коих проживает значительное количество казаков (Астраханская, Кубано-Черноморская, Царицынская и Челябинская). Наименѣе обезпечены коммунистами губерніи, достаточно надежныя в виду наличности сильнаго фабрично-заводского элемента (Иваново-Вознесенская и Костромская). Интересно, далѣе, что в тѣх губерніях, в коих особенно хорошо снабжены коммунистами вол. исполн. комитеты, исключительно велико число коммунистов, не попадающих в вол. комитеты из сельских совѣтов. По Кубано-Черноморской области число таких коммунистов доходит до 1.615; иными словами, в этой весьма неблагонадежной области хорошо проникнут коммунистическим духом каждый сельскій совѣт. То же самое имѣет мѣсто в Челябинской губерніи, гдѣ исключительно на сельскіе совѣты приходится 1.326 коммунистов. Эта цѣлесоотвѣтственность дислокации коммунистических сил лишній раз доказывает, что не волеизъявленіями сельскаго населенія опредѣляется число коммунистов, попадающих в сельскіе совѣты и вол. исполн. комитеты, а приходящими откуда-то сверху директивами.

Правильность теоріи «личнаго права» коммунистов на избраніе и распредѣленія их в порядкѣ партійной директивы может быть установлена еще слѣдующим способом. Если многіе коммунисты, состоящіе членами сельских совѣтов, по указанным выше соображеніям, не могут быть избираемы в вол. исполн. комитеты, то ничто не мѣшает им быть избранными поголовно в состав волостных съѣздов. Положеніе это находит блестящее подтвержденіе в нижеслѣдующей таблицѣ [1]).

Табл. 12. Успѣхи РКП на выборах (II).

Губерніи	Сельскіе совѣты			Волостные съѣзды		
	Число коммунистов	По скольк. уѣздам	В среднем на уѣзд	Число коммунистов	По скольк. уѣздам	В среднем на уѣзд
Владимирская	102	12	8	267	5	52
Вятская	13	7	2	406	7	58
Иваново-Вознесенская	127	7	18	376	7	54
Иркутская	205	7	29	170	6	29
Костромская	43	6	7	438	7	62
Нижегородская	785	18	44	1.810	18	101
Ново-Николаевская	452	5	90	419	4	104
Пензенская	475	12	40	448	10	45
Пермская	361	7	52	197	2	98
Челябинская	1.678	5	336	567	3	189
Ярославская	20	4	5	198	3	66
Крымская авт. обл.	222	7	32	195	6	32

По всѣм губерніям, кромѣ перенасыщенной коммунистами Челябинской, число коммунистов при переходѣ от сельских совѣтов к вол. съѣздам или не измѣняется или повышается, притом нерѣдко в весьма значительной пропорціи [2]). Особенно характерна неизмѣнность числа коммунистов по губерніям Иркутской, Ново-Николаевской и Пензенской и Крымской республикѣ, в которых, как установлено в главѣ III, волостные съѣзды численно меньше совокупности сельских совѣтов. Из губерній, в коих число коммунистов возрастает *абсолютно* (по расчету на 1 уѣзд), Вятская, Иваново-Вознесенская, Костромская, Нижегородская, Пермская и Ярославская отмѣчены выше, как представляющія «аномалію» или в смыслѣ

[1]) Это явствует также из того факта, что, как видно из табл. 10, средней в 45 коммунистов-членов сельских совѣтов отвѣчает среднее в 70 коммунистов в составѣ вол. исполн. комитетов.

[2]) Повышеніе абсолютн. числа коммунистов в вол. съѣздах сравнительно с сельскими совѣтами замѣчается и в 1923 г. (см. прим. к табл. 10).

превышенія совокупностью волостных съѣздов совокупности сельских совѣтов, или абсолютнаго увеличенія, при переходѣ от сельских совѣтов к волостным съѣздам и вол. исполн. комитетам, характеризуемых тѣми или иными признаками элементов. Табл. 12 раскрывает подкладку этих аномалій: сущность дѣла заключается, несомнѣнно, в проведеніи в волостные съѣзды, в той или иной формѣ, групп коммунистов не из состава сельск. совѣтов.

VI. ИТОГИ

На основаніи установленных нами данных мы можем нарисовать такую картину выборов в современной крестьянской Россіи.

Классовой характер совѣтскаго избирательнаго права в настоящее время в деревнѣ почти не чувствуется, т. к. он проявляется только в устраненіи торгово-промышленной, но не крестьянской, буржуазіи. Однако, почти всеобщее избирательное право далеко не равнозначуще всеобщности участія в выборах: из общей массы избирателей голосует только 22%. В составѣ лиц, фактически осуществляющих свое избирательное право, мужчины представлены много сильнѣе женщин: из мужчин голосует около 40% (причем, повидимому, воздерживается старшее поколѣніе), а из женщин — только $2^1/_2$%; среди немногочисленных голосующих женщин замѣчается значительное число коммунисток.

При выборах в сельскіе совѣты дѣйствует в полной мѣрѣ норма неписаннаго права, предоставляющая каждому наличному коммунисту право быть избранным. Хотя коммунистов проходит всего около 6%, но эти 6% — это почти весь состав деревенских представителей партіи. В остальных отношеніях какой-либо предопредѣленности исхода выборов установить нельзя; и только по нѣкоторым губерніям с особо неблагонадежным населеніем замѣчается столь значительное вхожденіе некрестьянских элементов, что возникает предположеніе о нѣкотором воздѣйствіи со стороны власти.

По отношенію к выборам в волостные съѣзды совѣтов выясняется, прежде всего, что эти съѣзды в большей части губерній, в нарушеніе закона, образуются путем механическаго соединенія сельских совѣтов с присоединеніем нѣкоторых посторонних элементов (из состава совѣтов фабрик, заводов и фабрично-заводских поселков и из нѣкотораго числа представителей профессіональных или партійных организацій). Это восполненіе может быть установлено и в тѣх мѣстностях, в коих выборы (хотя и не на основаніи законной пропорціи) производятся. При формированіи вол. съѣздов проходят всѣ коммунисты из состава сельских совѣтов; к ним присоединяется много новых из состава привходящих элементов.

При выборах в вол. исполн. комитеты тѣ элементы, которые в вол. съѣздах являются привходящими, выступают в качествѣ преобладающих. В частности, в эти комитеты «избирается» ровно столько коммунистов, сколько найдет нужным партія.

Таким образом, до нѣкоторой степени «крестьянскими» могут быть названы только сельскіе совѣты; и здѣсь необходимы оговорки, т. к. 1) в избраніи их принимает участіе лишь *меньшинство* крестьянства и 2) в их состав входит цѣлая группа лиц по *личному праву*. В меньшей мѣрѣ крестьянскими являются волостные съѣзды. Что касается вол. исполн. комитетов, то состав их опредѣляется не столько волею крестьянства, сколько дислокаціей коммунистических сил, устанавливаемой центральными органами властвующей над Россіей организаціи.

Н. С. Тимашев.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА В РОССІИ

Послѣдняя, третья по счету, денежная реформа в Россіи имѣет офиціальной цѣлью установленіе «постоянной цѣнности». Достигнуто было это рядом мѣропріятій, которыя распадаются на три слѣдовавших одна за другой ступени: 1) выпуск новых денежных знаков «стоимость которых обозначена в твердой валютѣ», 2) пріостановка выпуска денежных знаков стараго образца и установленіе твердаго курса этих старых денежных знаков в деньгах постоянной цѣнности, и, наконец, 3) выкуп денег стараго образца по ранѣе установленному курсу. Вся реформа опирается на существующій уже с 1922 года в формѣ банкноты червонец и как-бы кончает с системой параллельных валют постоянной падающей цѣнности (червонец и совѣтскій денежный знак), которая была до сих пор характерна для совѣтскаго денежнаго хозяйства.

В основѣ реформы лежит декрет Ц. И. К. и С. Н. К. Союза С. С. Р. от 5-го февраля 1924 г. Этим декретом постанавливается выпуск в обращеніе государственных казначейских билетов достоинством в один рубль, 3 рубля и 5 рублей золотом. Казначейскіе билеты получают обязательность пріема по их золотой нарицательной стоимости на всей территоріи Союза С. С. Р., как кассами Народнаго Комиссаріата Финансов по всѣм платежам в казну, так и всѣми учрежденіями, предпріятіями и лицами. Предѣл эмиссіоннаго права Н. К. Ф. устанавливается тѣм, что этот послѣдній не может выпускать в обращеніе казначейских билетов больше, чѣм на половину суммы червонцев, выпущенных в обращеніе эмиссіонным отдѣлом Гос. Банка. Кромѣ этого, каждый отдѣльный выпуск гос. казначейских билетов в вышеуказанных предѣлах опредѣляется особыми постановленіями Совѣта Труда и Обороны. Соотвѣтствующих постановленій С. Т. О. было до сих пор пять, опредѣливших выпуск казначейских билетов на сумму 140 милл. рублей.

5/II	1924 г.	. . . .	20 милл. рублей
22/II	„	. . . .	30 „ „
21/III	„	. . . .	25 „ „
9/IV	„	. . . .	25 „ „
25/IV	„	. . . .	40 „ „

Циркуляром Гос. Банка от 4-го февраля 1924 года было предписано всѣм мѣстным учрежденіям Гос. Банка свободно безвозмездно производить обмѣн предъявляемых кліентурой червонцев на казначейскіе билеты, принимать эти послѣдніе в погашеніе долгов и на текущіе счета наравнѣ с червонцем, равно как и свои платежи производить в зависимости от кассовой наличности червонцами и казначейскими билетами. Таким же циркуляром от 27 февраля было предписано не только «свободно производить обмѣн предъявленных кліентурой червонцев на казначейскіе билеты по номиналу (10 р. = 1 черв.), но и безпрепятственно обмѣнивать казначейскіе билеты на червонец...» и вообще «...принять всѣ мѣры к свободному взаимному обмѣну чарвонцев на казначейскій знак и в корнѣ пресѣкать всякую возможность возникновенія каких-либо курсовых разниц между этими валютами».

Слѣдующій декрет, распубликованный 24-го февраля, касался созданія мелкой размѣнной монеты «постоянной цѣнности». Им установлена чеканка серебряной монеты в 10, 15, 20 и 50 коп. и в один рубль, и мѣдной монеты в 1, 2, 3 и 5 коп. Эти монеты обязательны к пріему во всѣ платежи на всей территоріи С. С. С. Р. из расчета один рубль серебряной и мѣдной монеты равен одному рублю золотом гос. казначейскими биле-

тами. Возобновлено старое ограниченіе пріема мѣдной и мелкой серебряной монеты до 3 рублей в один платеж и серебра достоинством в 1 р. и 50 коп. — до 25 рублей. Общая сумма серебряных и мѣдных монет совѣтскаго образца в обращеніи должна к 1-му января 1925 г. составлять не менѣе 100 милл. рублей. В случаѣ недостатка в мелкой монетѣ в первые мѣсяцы реформы Н. К. Ф. дано право выпустить бонны, достоинством от одной до пятидесяти коп. с тѣм однако, чтобы не позднѣе 1-го января 1925 г. приступить к изъятію этих временных бонн путем безпрепятственнаго обмѣна их по нарицательной стоимости на звонкую монету. Техническія условія чеканки, проба и т. д. — отвѣчают правилам, которыя существовали для соотвѣтствующих монет в дореволюціонное время. Серебро царскаго образца не допускается к обращенію, но организована его скупка, для чего отпущены Н. К. Ф. спеціальные кредиты.

Указанными двумя декретами была создана новая валюта в принципѣ равная золоту. Эта валюта циркуляром Гос. Банка была поставлена в фактическую связь с червонцем путем безпрепятственнаго взаимнаго обмѣна.

Почти одновременно с этими двумя постановленіями Ц. И. К. и С. Н. К. от 14-го февр. и 7-го марта была опредѣлена дальнѣйшая судьба стараго сов. денежнаго знака: — с 15-го февр. 1924 г. прекращено печатаніе и эмиссія сов. денежных знаков не обозначенных в твердой валютѣ. Всѣ имѣющіеся запасы уничтожены. Выпущенные до этого срока сов. денежные знаки сохраняют законную платежную силу до спеціальнаго постановленія об их выкупѣ. С 25-го марта прекращен выпуск денег стараго образца из касс Н. К. Ф. и Гос. Банка и установлен твердый курс в 1 руб. золотом за 50.000 руб. денежными знаками образца 1923 года, по которому оставшіеся в оборотѣ денежные знаки стараго образца обязательны к пріему государственными, кооперативными и частными учрежденіями и лицами. Этими постановленіями старый сов. денежный знак был также включен в новую денежную систему, ему придана устойчивая цѣнность и он превращен в мелкую размѣнную монету.

Таким на первый взгляд стройным рядом мѣр проведена одна из самых трудных и сложных реформ в народном хозяйствѣ. Надо сказать, что если бы дѣйствительно были приняты достаточныя подготовительныя мѣры финансоваго и техническаго характера, а также подведена или найдена достаточная экономическая основа — эта реформа имѣла бы всѣ данныя для того, чтобы окончательно оздоровить денежное обращеніе Россіи. Но прежде чѣм говорить о дѣйствительных результатах реформы, надо сразу же указать на одну очень интересную и характерную черту ея. С момента начала денежной реформы и до настоящаго момента (15-го іюля 1924 г.) новый казначейскій знак и связанная с ним юридически новая размѣнная монета объединены с червонцем, т. е. банкнотой русскаго Гос. Банка, взаимным размѣном по номиналу. Но такое объединеніе, такое сліяніе разных видов денег, — казначейской и банковой, — в единую денежную систему, т. е. осуществленіе главнѣйшаго условія всякаго упорядоченнаго денежнаго обращенія достигнуто путем циркуляра Главнаго Правленія Гос. Банка своим отдѣленіям и такого же циркуляра Н. К. Ф. своим подчиненным мѣстам. Никакой юридической связи, никакого законнаго отношенія, кромѣ указаннаго фактическаго состоянія, установленнаго внутренним распорядком двух учрежденій — *не существует*. Завтра почему-либо Гос. Банк прекратит таким же циркулярным распоряженіем (не подлежащим опубликованію) обмѣн по паритету и никакой связи между червонцем и казначейским билетом, кромѣ случайно установившейся взаимной цѣны — не будет. Юридически двойственность валют остается, и этим путем создана лазейка для новаго развитія инфляціи и обезцѣненія одной из валют с сохраненіем постоянной цѣнности другой, т. е. наиболѣе характерная черта сов. денежнаго обращенія остается в силѣ. Для того, чтобы скрыть эту специфическую черту был установлен максимальный контингент эмиссіи казначейских билетов по отношенію к червонцу, а именно $^1/_3$ к $^2/_3$. Но уже сейчас можно сказать с увѣренностью, что такое контингентированіе не достигнет цѣли. Не говоря о том, что в сов. финансовой прессѣ мусси-

руется вопрос о недостаточности казначейской эмиссіи и о том, что в ближайшее же время ея предѣлы должны быть раздвинуты, такого контингентированія нельзя достигнуть по той простой причинѣ, что червонец — есть банкнота, которая путем извѣстных банковых операцій может быть втяута из оборота назад в банк, при чем это может имѣть мѣсто по причинам совершенно независимым от денежнаго обращенія. Казначейскій же билет такой эластичностью не обладает, он возвращается только (или почти только) как платеж налогов, но тогда он необходимо должен быть опять израсходован государством, т. к. это есть цѣль взиманія налога. Если выпуск казначейских билетов приблизится к своей предѣльной нормѣ, что отвѣчает реальному положенію вещей, то в любой момент законное соотношеніе эмиссіи может быть нарушено по причинам лежащим на сторонѣ червонца и слѣдовательно казначейская эмиссія надолго, если не совсѣм должна будет прекратиться или же нужно будет измѣнить закон о предѣльной нормѣ выпуска казначейских денег.

Из этого слѣдует то основное и казалось бы общеизвѣстное положеніе, что если сохранить упорядоченное денежное обращеніе, то надо отказаться от эмиссіи, как источника покрытія бюджетнаго дефицита. Всякому, хотя бы даже поверхностно знакомому с состояніем совѣтских финансов, ясно, что это самое маловѣроятное предположеніе из всѣх, которыя только можно сдѣлать.

Для правильнаго пониманія реформы надо помнить и то, что постоянно повторяющееся наименованіе «рубль золотом государственными казначейскими билетами» предназначено только для психологической убѣдительности, только для приданія новым деньгам вида дореволюціонных хороших денег. На самом дѣлѣ, как новый казначейскій билет, так и червонец — это бумажныя валюты, первая без всякаго обезпеченія, а вторая с небольшим металлическим обезпеченіем и банковым покрытіем на всю сумму, если в условіях сов. хозяйства можно говорить о банковом обезпеченіи (об этом еще придется сказать нѣсколько слов). К золоту эти бумажныя валюты не имѣют никакого отношенія и с ним никак не связаны. Вообще надо сказать, что дѣйствительная связь бумажной валюты с золотом достигается только одним путем — именно безпрепятственным размѣном их на золото и обратно.

Каковы результаты этой денежной реформы, поскольку можно судить о них за короткое время, которое прошло с ея проведенія?

Как уже было указано, к денежной реформѣ было приступлено без всякой финансовой подготовки и экономической базы. Даже технически реформа была так несовершенно и поспѣшно проведена, что в первый момент повела к сильному размѣнному голоду. Послѣднее явленіе с своей стороны повлекло разныя нежелательныя послѣдствія в области торговли и промышленности. Н. К. Ф. был принужден не только пріостановить изъятіе старых ден. знаков, которые оставлены пока в обращеніи как размѣнная монета, но и выпустить в довольно большом количествѣ бонны. Пока можно считать офиціально прокламированный результат реформы достигнутым: русская валюта стабилизована. Но это, если судить по котировочным курсам иностранной валюты в Москвѣ. Надо, конечно, учитывать легкую возможность регулировки и даже подтасовки офиціальной котировки иностранной валюты при отсутствіи всякой свободы сдѣлок на сов. фондовых биржах.

Если же судить по общему индексу цѣн, то наблюдается его нѣкоторый рост, — особенно за послѣдній мѣсяц, — причина чего может лежать в паденіи покупной силы рубля. Говорю может, так как в настоящій момент новаго тяжелаго хозяйственнаго кризиса, переживаемаго Россіей, причины роста цѣн должны быть очень разнообразны. Если бы реформа опиралась на здоровую экономическую базу и бездефицитный бюджет, то достигнутые результаты показывали бы на несомнѣнный успѣх реформы. В сов. дѣйствительности все вывернуто наизнанку, а потому только теперь судьба денежной реформы подошла к своему критическому моменту и только сейчас начинаются тѣ затрудненія, которыя Сов. власть без финансовой помощи извнѣ преодолѣть не

сможет иначе, как цѣной новой валютной катастрофы. Главное затрудненіе возникает перед Н. К. Ф. вмѣстѣ с ликвидаціей размѣннаго голода, ибо раз нѣт потребности в мелких деньгах, дальнѣйшая эмиссія казначейских знаков ненужна. Слѣдовательно, казначейству закрыт легко объяснимый и широкой публикѣ понятный мотив новых эмиссій. Власть принимает всѣ возможныя мѣры для увеличенія емкости рынка казн. знаков. С одной стороны, Н. К. Ф. запрещает всѣм государственным, кооперативным и частным организаціям, учрежденіям и лицам, без его особаго разрѣшенія, выпускать какіе-либо суррогаты денег, главным образом, в видѣ предъявительских квитанцій на товары и платежных ордеров, карая это немедленным опечатаніем касс виновных. С другой стороны, Гос. Банку с той же цѣлью освобожденія мѣста в каналах обращенія предписывается по возможности сократить червонное обращеніе, для чего производить выпуск банкнот в обращеніе в минимальных размѣрах, усилить продажу иностранной валюты на московской и провинціальных биржах, ограничив одновременно продажу червонцев экспортерам, снизить остатки по текущим счетам, всѣми мѣрами укрѣплять кассу и т. д.; одним словом, вытянуть максимальное количество червонцев из оборота для того, чтобы они могли быть замѣнены казн. билетами. Благодаря этим мѣрам, червонцы накапливаются в кассах отдѣленій Гос. Банка, не отражаясь в балансѣ эмиссіоннаго отдѣленія Гос. Банка, каковым балансом опредѣляется предѣл эмиссіи казн. знаков.

Количество банкнот, выпущенных эмиссіонным отдѣлом Гос. Банка неуклонно и значительно повышается:

на 15-е февр. было выпущено	268,9	милл. руб.
„ 1-е апр. „ „	294,5	„ „
„ 1-е мая „ „	350,2	„ „
„ 1-е іюня „ „	367,0	„ „
„ 1-е іюля „ „	387,5	„ „

Этим расширяется законный предѣл казначейской эмиссіи. Но так или иначе, предѣл казначейской эмиссіи очень близок, и через очень короткій срок сов. власти придется считаться с этим фактом. В связи с этим сов. финансовые круги очень заняты вопросом, сколько денежных знаков требует оборот. Путем сопоставленія довоеннаго денежнаго обращенія в Россіи с современным, они приходят к заключенію, что рынок может поглотить еще огромное количество мелких (до червонца) денежных знаков, хотя бы на первый взгляд каналы обращенія и были наполнены. Не надо указывать на всю нелѣпость такого сопоставленія, т. к. размѣры торговаго оборота, темп хозяйственной жизни, да вообще вся экономическая обстановка настолько различны, что не позволяют дѣлать никаких сравненій. Другіе пытаются подойти к этому же вопросу иным путем. Сравнивая скорость обращенія падающаго сов. денежнаго знака с червонцем до реформы, они находят, что скорость обращенія перваго превышала скорость обращенія второго от 7-ми до 16-ти раз. Принимая за основу довоенное положеніе, когда купюры ниже 10 рублей составляли в общей массѣ около 40%, и полагая, что новые казначейскіе знаки и бонны не будут имѣть скорость обращенія большую, чѣм соотвѣтствующія купюры до войны — сов. финансисты, сдѣлав соотвѣтствующія исчисленія, находят, что предѣл выпуска казначейских билетов еще далеко не достигнут и что оборот может поглотить еще сумму приблизительно равную уже выпущенному количеству. Такое разсужденіе, несмотря на свою шаткость, конечно, болѣе близко к истинѣ, хотя тоже совершенно произвольно. Статьями, докладами и разсужденіем такого рода создается психологическая почва для начала новой инфляціи. Ограниченіе эмиссіи казначейских знаков опредѣленным отношеніем к банковой эмиссіи тоже не ставит твердых границ выпуску денег, как это наблюдается в зап.-европ. государствах, благодаря бутафорному характеру банковаго покрытія в совѣтских условіях. Только фигурирующій в балансѣ Гос. Банка металл и иностранная валюта (хотя, к сожалѣнію, совершенно неизвѣстно какая иностр. валю-

та), являются дѣйствительным покрытіем, главное же покрытіе учтеные векселя и торговыя ссуды государственной промышленности и кооперации такого покрытія из себя не представляют, т. к. и гос. промышленность и кооперація живут за счет казны и, если бы с них потребовали назад эти ссуды, они могли бы их уплатить, лишь получив деньги от той же казны. Поэтому никаких разумных границ банковой эмиссіи нѣт, ибо и сейчас покрытіе червонцев на 4/5-х фиктивное и его, конечно, по мѣрѣ надобности можно до безконечности увеличивать.

Таким образом, и с этой стороны нѣт никаких препятствій для начала инфляціи, при этом начала совершенно незамѣтнаго для населенія. Вопрос только в одном — с развитіем инфляціи коснется ли этот процесс только казначейских билетов или и банкнот (червонцев), хотя, как уже указано выше, созданы всѣ юридическія и фактическія условія для незамѣтнаго разрыва судеб этих 2-х валют.

После всего сказаннаго напрашивается вопрос, для чего же была вообще затѣяна новая денежная реформа? На это можно дать совершенно точный и исчерпывающій отвѣт.

Старый совѣтскій денежный знак дошел до того состоянія, когда его эмиссія не могла давать бюджетнаго дохода. Из создавшагося положенія нужно было найти немедленный выход. Без всякой сколько-нибудь серьезной подготовки провели реформу денежнаго обращенія, построеннаго на том совершенно правильном расчетѣ, что твердая валюта обращается медленнѣе падающей. Послѣдняя (совзнак) была перед самой реформой, путем огромнаго выпуска крупных купюр, особенно обезцѣненных, а, затѣм, путем фиксаціи твердаго курса включена в общую денежную систему, гдѣ заняла ничтожное мѣсто, а именно на 1-е мая 3,3% общаго количества обращающихся денег. Этим было освобождено мѣсто для выпуска новых денег в видѣ казначейских билетов, т. е. *создан новый эмиссіонный источник дохода.* Пока потребность в новых деньгах не удовлетворена полностью, пока оборот еще не пресыщен все новыми количествами денежных знаков все идет благополучно. Но по компетентному мнѣнію многих сов. финансистов этот предѣл уже почти достигнут, и теперь дальнѣйшая судьба русской валюты зависит от множества причин уже обще-экономическаго и политическаго характера. Состояніе бюджета и надвигающійся голод потребуют огромных расходов и сократят, как поступленіе налогов, так и валютные доходы от экспорта. Поэтому, если Сов. власть не получит иностраннаго займа, который бы дал возможность покрыть бюджетный дефицит, новая эмиссія, а за ней и обезцѣненіе всей или только казначейской валюты неизбѣжны.

Трудно сказать, какова ближайшая судьба русских денег, но нельзя не признать, что вся реформа денежнаго обращенія построена на шатком фундаментѣ и разсчитана только на немедленный эффект новаго эмиссіоннаго дохода в 150—200 милліонов золотых рублей, без намѣренія достигнуть дѣйствительнаго и кореннаго оздоровленія хозяйственной жизни страны.

Н. Жекулин.

КООПЕРАЦІЯ В СОВѢТСКОЙ РОССІИ

(К іюлю 1924 г.)

I. КООПЕРАЦІЯ И XIII СЪѢЗД РКП

Происходившій в концѣ мая этого года XIII съѣзд РКП придал такое крупное значеніе дальнѣйшему развитію и направленію дѣятельности кооперации, что этот момент неизбѣжно становится одним из важнѣйших в ея жизни. Усиленное вниманіе партии к кооперации объясняется официально тѣм, что только при развитии послѣдней достигается вытѣсненіе частнаго капитала и, стало быть, приближеніе к соціализму. Это вытѣсненіе частнаго капитала и ставится первоочередной задачей кооперации, взамѣн чего ей обѣщается всяческая поддержка.

Такая постановка, несомнѣнно, отзовется на дальнѣйшем развитіи и судьбах коопераціи, и потому цѣлесообразно окинуть бѣгло пройденный ею путь, оцѣнить позицію, на которую она волею партіи выдвигается и высказать предположеніе о возможных для нея послѣдствіях от этой новой затѣи большевиков.

Свободная кооперація была окончательно разрушена в 1920 году *). На ея развалинах, по предначертаніям Москвы и при ближайшем участіи мѣстных органов коммунистической партіи, была выстроена совѣтская кооперація. Объединившая на бумагѣ все населеніе и ставшая одинаково чуждой всѣм; принудившая многих служить ей, но убившая в них душу живую претившими им цѣлями и методами; захватившая всю хозяйственную работу и, на самом дѣлѣ, испортившая в глазах населенія всякую работу — такова была эта единая «потребкооперація». Она стала органом Наркомпрода и отражала его безхозяйственность и немощность. Первыми ея организаціонными шагами в 1920 году было уничтоженіе всякой самодѣятельности населенія путем закрытія районных союзов и превращенія их в райотдѣленія и закупочные пункты. Основной ячейкой стала многолавка, а второй ступенью — далекій от населенія губсоюз. Многолавка, правда, сразу провалилась. Работа же губсоюза, за отсутствіем средств, свелась к распредѣленію получаемаго из Наркомпрода. Когда сократилось распредѣленіе, то губсоюзы занялись добываніем «нарядов» на товары разных «главков» и «центров» и оборотами с этими товарами, как с низовой сѣтью, так и с тѣми же «госорганами», причем послѣднія операціи преобладали. Низовая сѣть постепенно замирала: случайность, мизерность и часто полная непригодность в деревенской обстановкѣ присылаемых товаров дѣлали ее не нужной.

К концу 1920 года общее хозяйственное и политическое положеніе так обострилось, что выхода для совѣтской власти осталось только два: или провалиться с треском, или дать отбой в области сельскаго хозяйства и промышленности. Ленин выдвинул НЭП. Слѣдствіем ослабленія поводов, на которых тянули крестьянина, явилось законодательство о с.-х. кооперации (19 апрѣля—16 августа 1921 г.). Но в общем власти было

---

*) Многое в этом отношеніи сдѣлано О. Ю. Шмидтом (послѣ столь же отличившійся в Главпрофобр'ѣ) и его правой рукой, В. Н. Ришаром, ставленником Центросоюза.

не до кооперацiи. Послѣдняя предоставляется самой себѣ и должна приспособляться к новым условiям так же, как и другiе «госорганы».

С введенiем НЭП'а дѣло не улучшилось. Ассортимент товаров не измѣнился, а паденiе цѣнности денег заставляло ускорять оборот путем перепродажи какому-нибудь «главку» большей части закупленной партiи. Продажа на сторону составляет теперь неизбѣжную часть операцiи всѣх губсоюзов и центросоюза. Даже в 1923 г. Центросоюз еще продавал некооперативным организацiям значительную часть своих товаров: за первую четверть — 39.6%, за 2-ю четверть — 48% и за 3-ю четверть — 30 % (Эк. Ж. № 186).

Падающая валюта и стремленiе к наживѣ заставляли неимовѣрно повышать накладные расходы, и товары попадали в потребилку дороже, чѣм обходились у мѣстнаго лавочника. Естественно, что населенiе пошло к лавочнику, быстро заполонившему всю сельскую торговлю. Разбухшая за время распредѣлительной дѣятельности сѣть потребилок начала сокращаться.

	Потребил.		Друг. видов		Всего	
	Общ-в.	Лавок	Общ-в.	Лавок	Общ-в.	Лавок
На 1/X 1922 г. было . . .	19.965	29.586	2.927	2.522	22.892	32.108
„ 1/I 1923 „ „ . . .	19.958	29.244	2.319	2.655	23.277	31.899
„ 1/X 1923 „ „ . . .	16.742	23.045	2.343	2.445	19.085	25.490

Как видим, сильнѣе всего сѣть сократилась к моменту наивысшаго расхожденiя «ножниц», когда и несоотвѣтствiе цѣн, и закрытiе кредита были жестоко почувствованы всѣми торгующими организацiями.

К этому же моменту стала особенно ясна для всѣх партiйных сторонников единой потреб. кооперацiи несостоятельность и бюрократичность ея, а потому в центросоюзных верхах забили отбой. Многолавка, как сказано выше, с самаго начала провалилась; теперь рѣшено было сдать в архив и губсоюзы, построив вмѣсто них райсоюзы (районные союзы), но, конечно, не так, как требует жизнь, а как значилось в старых прописях — крупнорайонные: вмѣсто 30 губернских союзов (без Украины) предполагается открыть 102 райсоюза (Эк. Ж. № 172).

Тот же кризис заставил партiйные круги вспомнить и еще об одном «пустякѣ» — паевом капиталѣ: он, как показал кризис, весьма может пригодиться для упроченiя положенiя кооперацiи в трудные моменты.

Теперь уже никто не вѣрил в то, что все населенiе сдѣлает взносы паевого капитала в потребилку, а потому пришлось вернуться к старому кооперативному принципу о добровольном членствѣ в кооперацiи. Переход на добровольное членство и организацiя райсоюзов уже начались и, предполагается, будут в теченiе этого года закончены. Под влiянiем ли добровольнаго членства, или общаго торговаго оживленiя к 1 января 1924 г. потребительных обществ было 20.120 с 28.063 лавками.

Положенiе отдѣльных частей потребительской кооперацiи может быть очерчено крайне бѣгло.

Рабочая кооперацiя насчитывает 545 фабрично-заводских и 566 добровольных объединенiй. Кромѣ того, из 826 городских ЕПО *) 400 являются чисто рабочими. Рабочiе кооперативы имѣют 843 фабрично-заводских лавки, 600 лавок-распредѣлителей при добровольных объединенiях и 1797 лавок городских ЕПО. Число членов около 2,5 милл. человѣк. Общiй процент использованiя заработной платы через рабочую кооперацiю составляет около 18%, доходя в крупных центрах до 50—52 %. Среднiй процент накладных расходов составляет 12—18 %. Кооперацiя, имѣя небольшие остатки товаров, мало пострадала при осеннем кризисѣ и при проведенiи денежной реформы. Из оборота Центросоюза на ея долю приходится 9 %. Положенiе рабочей кооперацiи Украины и Крыма весьма тяжелое: послѣ кризиса поправка идет с трудом.

Что касается *нерабочей* кооперацiи, то объединяется ею около 4,5 милл. человѣк, хотя положенiе ея далеко не вездѣ благополучно. Вот отзывы,

*) Единых потребительных обществ.

идущіе с мѣст: безденежье и неудачный ассортимент (Москва, Томск, Дон), большая задолженность (Урал); слабость сравнительно с частным торговцем (Украина), «как покупатель неплатежеспособна, а как продавец дорога» (Пермь), накладные расходы около 20 % (Крым).

Вся система потребительской кооперации сдѣлала за 1922—23 г. валовой оборот 853 милл. руб., а за исключеніем оборота между звеньями системы, 520 милл. руб. Из первой суммы на долю Центросоюза приходилось 182 милл. руб. (с конторами), ⅔ товаров были продукты промышленности. За полугодіе по I/IV—1924 г. оборот Центросоюза в золотых рублях увеличился почти вдвое (в товарных он повысился лишь на 9 %). XI сессія Совѣта Центросоюза подвергла дѣятельность послѣдняго жестокой критикѣ во всѣх отраслях. В связи с этим, а также с постановленіями партіи, в дѣятельности Центросоюза происходит значительное сокращеніе и перестройка. Недостаток средств заставляет усиленно собирать паевой капитал; ведутся усиленно попытки развить комиссіонно-посредническіе операціи; транспортныя предпріятія выдѣляются в особое паевое товарищество; провинціальныя конторы закрываются.

Характеристику потреб. кооперации надо дополнить еще одной чертой. В 1919—1920 г. г. она преобразовывалась в единую, объединяющую всѣ функціи. Эта позиція потреб. кооперацией твердо усвоена. Вся система потреб. кооперации заготовила в 1922—1923 г. г. около 13 милл. пуд. ржи, 5 милл. пуд. пшеницы и 9 милл. друг. хлѣбов; около 1.300 тыс. п. льна и 7½ милл. штук пушнины, в переводѣ на бѣлку. В ней объединялось немного менѣе половины всѣх маслод. заводов России с продукцией в 600.000 пуд.

Лишь по отсутствію средств Центросоюз отказался от снабженія населенія машинами; по этой же причинѣ ограничивается участіе Центросоюза в хлѣбозаготовках. Но гдѣ можно выгодная позиція смѣшанных функцій упорно защищается и проводится. Так к XIII Съѣзду Совѣтов опубликован декрет о потребительской кооперации, гдѣ полнота функцій потреб. кооперации не оставляет желать большаго. Естественно, что на этой почвѣ возможны недоразумѣнія и несогласованныя дѣйствія между потребительской и с.-х. кооперацией.

Как развивалась *с.-х. кооперація* видно из статьи С. С. Маслова во II—III сборникѣ «Крестьянская Россія». Она не была похожа на прежнюю ни по организаціи, ни по работѣ. Выборы в органы управленія были не свободны: коммунисты, иногда в большем числѣ, чѣм безпартійные сидѣли и в Правленіи и в Совѣтѣ. Работа также была не свободна: кредит находился цѣликом в руках власти; поле дѣятельности было изуродовано, так как хозяйство было разорено; кромѣ того потреб. кооперація не хотѣла выпускать из своих рук вліяніе на населеніе.

С.-х. кооперации приходилось с трудом пробивать себѣ дорогу и среди недовѣряющаго населенія, и среди ревнивых, болѣе безпринципных, чѣм когда-либо, кооперативных верхов. И тѣм не менѣе работа здѣсь налаживается. С.-х. кооперація добивается, наряду с потребительной, возврата національизированнаго имущества; постепенно отвоевывает свою долю участія в заготовках всякаго рода и внѣшних сношеніях и в 1923 г. стоит в рядах гос. заготовителей, хотя и позади потреб. кооперации, но все же крупной величиной.

Общія условія — безденежье, падающая валюта, безтоварье заставляли с.-х. кооперацію браться и вести дѣла, ей несвойственныя, ради наживы; и в главной своей работѣ — организаци сбыта — она попадала на ложный путь, выступая единым фронтом с госуд. заготовителями *против* крестьянина, снижая цѣны на продукты его хозяйства, так что населеніе часто не различало кооперацію от частнаго скупщика. Принудительное пониженіе цѣн за заготовленные для товарообмѣна продукты промышленности и сжатіе кредита в банках больно ударило по с.-х. кооперации, и к началу 1924 г. она выходит сильно потрепанная, с горьким опытом как не надо вести дѣла, но все же с надеждою на участіе в работѣ по сбыту — еще болѣе широком, чѣм в прошлом. Эту ея увѣренность питает продѣланная ею в эти годы большая организаціонная работа. Будучи не в

такой мѣрѣ правительственно-партійной организацией, какой является потреб. кооперація, с.-х. кооперація естественно стала мѣстом, куда стекались болѣе живые люди, знакомые с кооперативной работой и знакомые населенію, а это уже было много для успѣха. О темпѣ организаціонной работы можно судить по слѣдующим цифрам. По данным Сельскосоюза мы видим слѣдующій рост кооперативов I-й степени:

15/VIII 1921 г.	600	1/VII 1922 г.	19.273
1/I 1922 г.	12.000	1/I 1923 г.	28.469

Эти цифры без кооперативов Украины, Кавказа и Дальн. Востока. С присоединеніем Украины на 1-ое января 1923 г. было: 37.636 кооперативов I-ой степени. Правда в этом числѣ много комхозов и с.-х. коммун, нынѣ постепенно отмирающих; из 28.469 кооперативов на их долю приходилось 9.765 или 34.4%. Но все-таки, и за их исключеніем, остается внушительная цифра кооперативов. Они объединены в союзную сѣть, которая развивалась в свою очередь слѣдующим образом:

15/VIII 1921 г. . . .	72	1/VII 1922 г. . . .	288
1/I 1922 г. . . .	247	1/I 1923 г. . . .	329 и 4 центральных.

В общем с.-х. коопераціей объединяется около 3 милл. чел. По предварительным данным на 1-е января 1924 г. баланс с.-х. коопераціи повысился в 3—5 раз, сравнительно с его высотой к 1 января 1923 г. Положеніе в общем укрѣпилось. Большая работа продѣлана по возстановленію 3.200 маслодѣльных кооперативных заводов на Уралѣ, в Вологодской губ. и в Сибири; среди этой отрасли коопераціи возникла мысль об образованіи спеціальнаго союза и такой открыт под названіем «Маслоцентр».

Это будет теперь 4-й центр в с.-х. коопераціи. Конечно, крупнѣйшим является Сельскосоюз, объединившій на 1 января 1923 г. — 123 союза, а включая, входящіе в них союзы, всего 302 союза или почти 91 % всѣх. Обороты его за 1923—1924 г. составляли 260 милл. руб. против 170 милл. руб. прошлаго года. Средств своих мало, а потому приходится крупныя суммы платить, как проценты. Положеніе еще болѣе отягчается большой задолженностью членов (12 милл. руб.). Крупными операціями являются хлѣбозаготовка, машино-снабженіе, сѣменное дѣло и др. Хлѣбозаготовка в 1923 г. достигла 10 милл. пуд.; в 1924 г. предполагается заготовить 35 милл. пуд. Машин в прошлом году было заготовлено: пахотных 26.000, посѣвных 2000, уборочных 3000, мелкаго инвентаря и строительных матеріалов на 2,5 милл. руб. Удобреній было продано 600.000 пуд. Сѣмян на 1-е апрѣля с. г. заготовлено 600.000 пуд.

Значительное мѣсто в работѣ с.-х. коопераціи занимает Льноцентр. За прошлый год им было экспортировано 249.514 пуд. льна или около $^1/_6$ всего вывезеннаго количества. К 1 апрѣля 1924 г. заготовлено уже 530.000 пуд. льна. Улучшенных сѣмян отпущено населенію 310.000 пудов. Оборудываются 2 механических льно-трепательных завода. Средств недостаточно и потому в работѣ часты перебои. Тяжело ложится обязанность снабжать льном госпромышленность.

Менѣе широка работа Союз-картофеля, причиной чему является недостаток средств.

Итак, к 1 іюня 1924 г. с.-х. кооперація прошла организаціонную стадію работы, окрѣпла в трепкѣ конца 1923 — начала 1924 г. г. и имѣет болѣе или менѣе опредѣленный план работы; но средств имѣет мало. Потреб. кооперація продѣлывает организаціонную работу большой важности — переход на добровольное членство и перестройка союзной сѣти, которая едва-ли повсюду пройдет в соотвѣтствіи с интересами мѣст и дѣла, в силу той узости взглядов, которая всегда отличала Центросоюз. Это, несомнѣнно, потребует дальнѣйших еще болѣе туго проводимых передѣлок, и потому фактически в этом году организаціонная работа никак не будет закончена. Переплетающіеся интересы в работѣ послужат, вѣроятно, не раз поводом к столкновеніям между потребительской и с.-х. коопераціей. Средствами потребительская кооперація богаче других видов коопераціи и потому значительно сильнѣе. Промысловая кооперація бѣдна и силами, и средствами.

Базой для всѣх операцій являются средства, а их, мы видѣли, в кооперации далеко не много. Поэтому ей приходится настойчиво искать кредит и за него дорого платить. Свой кредитный центр — Всекобанк — еще весьма слаб; он зависит сам от заемных средств, так как основы — низовой кредитной кооперации — нѣт, и мѣстныя средства отводятся теперь по другому руслу — в общества с.-х. кредита. В то же время Всекобанк занят широким раскидываніем отдѣленій по всей Россіи. Это ведет к крайнему распыленію средств и к неравномѣрному кредитованію кліентов. Бюрократизм заставляет Банк держать отдѣленія в ежовых рукавицах, сжимая кредит при первой тревогѣ и, во всяком случаѣ, разрѣшая его там на болѣе краткій срок, чѣм в центрѣ. Болѣе льготно и сильнѣе он обслуживает ближайшій район. На 1 марта с. г. из всей задолженности на Правленіе приходилось 50,7 %, а на долю 35 отдѣленій — остальные 49,3 %, или в среднем по 1,3 %. Но и в ближайшем районѣ, благодаря финансовой слабости, происходят сильные перебои. Так в апрѣлѣ с. г. Всекобанк сжал кредит, исключительно за счет потребительской кооперации: открыв ей кредит вмѣсто 4.160 тыс. руб. (в мартѣ) лишь в размѣрѣ 1.930 тыс. руб. Понятно, что при этих условіях Всекобанк значительной поддержкой широких кругов кооперации не является.

Послѣ этого бѣглаго учета состоянія кооперации остановимся подробнѣе на постановленіях XIII Съѣзда РКП, опубликованных в № 198 Экон. Жизни, но для лучшаго их расшифрованія рекомендуем взять и постановленіе Центр. Ком. РКП, опубликованное еще 24 апрѣля с. г. в № 169.

При чтеніи постановленій Съѣзда, от них, за исключеніем мѣст с обычной большевицкой фразеологіей, остается хорошее впечатлѣніе. Только все время точит сомнѣніе: да откуда же такая благодать? Вѣдь всего два года тому назад все было на выворот! А с другой стороны, из каких же рессурсов все это будет дѣлаться? И наконец, почему это вытѣсненіем частнаго капитала должна срочно заняться кооперація, у которой так много и других неотложных задач?

Внимательно вчитываясь в оба документа, мы приходим к заключенію, что кооперація не случайно приплетена, а без нея дѣйствительно не обойтись; только она является средством для достиженія совсѣм особой цѣли.

Нам думается, *суть не в вытѣсненіи частнаго капитала, а в отобраніи у деревни по дешевкѣ всего ея производства под благовидными предлогами.*

У крестьянства можно все просто отнять, путем налога или конфискаціи. Это не потребует денег, но не безопасно. Можно у него, оставшееся за уплатой налога, купить. Это безопасно, но требует большого товарнаго или денежнаго кредита, и чѣм централизованнѣе дѣло вести, тѣм дороже обойдется вся операція. Отсюда лучше *вести дѣло децентрализованно.*

Как же при минимальном кредитѣ, или и совсѣм без него, получить у деревни на мѣстах продукты ея хозяйства?

Очевидно *надо сдѣлать так, чтобы крестьянин оказал кредит,* подождал выручку за свой хлѣб, яйца, масло, пушнину и пр., пока товар продается в Россіи или заграницей. А как же быть с предметами потребленія, нужными ему в хозяйствѣ? Их он должен купить. На что? — *Он должен дать авансы, паевые капиталы и т. п. средства,* продав государственным заготовителям продуктов на мѣстѣ то из своего хозяйства, что им по дешевкѣ подойдет.

Но кто же та организація, которой деревня повѣрит все свое кровное, тяжким трудом добытое? — *Кооперація!* Другого никого и не будет: частный капитал будет вытѣснен из розничной и оптово-розничной торговли. Она возьмет у деревни под малые авансы его годные для экспорта товары, а остаток, за вычетом всѣх накладных расходов, ему честно вернет. Может этот остаток будет не велик (на заготовку в прошлом году почти в 40 милл. пудов хлѣба у Центросоюза нашлось для возврата производителю 400.000 рублей, т. е. ровно по копѣйкѣ на пуд), это не важно. Кооперація же (только уже теперь другая, потребительная) привезет ему на полученные от него авансы керосин, сахар, соль, ману-

фактуру. Может быть цѣны будут дороговаты, а товары плоховаты, это не важно. *Но купить других будет не у кого! Вѣдь частный капитал из розничной и оптово-розничной торговли* будет вытѣснен. Тогда с кооперацiей конкурировать будет некому. И цѣны не будут повышаться, ибо кооперацiя в точности исполнит, что ей предпишет компартiя, потому что кооперацiя, особенно теперь, когда в нее вольются «всѣ члены сельских партiйных ячеек» (п. 6 постановленiй) будет строго партiйная организацiя. Если же цѣны на с.-х. продукты не будут повышаться (читай: *будут низки!),* тогда и реальная заработная плата рабочих не упадет, и денежная реформа не пострадает.

Остается только вопрос: а что же дѣлать кооперативным центрам? Ну, они могут содѣйствовать выработкѣ болѣе льготных условiй на покупки низовой кооперацiи у гос. органов, а при экспортѣ тому, что «вся прибыль от государственной торговли будет попадать не в руки частнаго предпринимателя, а на общее улучшенiе нашего хозяйства» (Доклад Каменева, «Эк. Ж.» № 195).

Читатель вправѣ спросить: «а гдѣ же хотя бы признаки такого хода разсужденiя у совѣтских властителей?» Вот тут и слѣдует обратиться к постановленiям Центр. Комитета РКП (Эк. Ж. № 169). Они много грубѣе тезисов XIII съѣзда РКП, но зато откровенны. В раздѣлѣ Б. о кооперацiи читатель и найдет всѣ приводившiяся соображенiя, иногда неприкровенныя. Напр., п. 19 гласит: «В виду особо исключительной роли потреб. кооперацiи в настоящiй момент, в связи с борьбой за отвоеванiе рынка у частнаго капитала, сниженiе цѣн и обезпеченiе успѣшнаго проведенiя денежной реформы, а также охраны реальной зарплаты рабочаго, пленум Ц. К.» и т. д. Как видим, вытѣсненiе частнаго капитала только один из моментов, привлекающих вниманiе.

Далѣе п. 17: «Необходимые для хозяйственной дѣятельности средства потреб. кооперацiя должна извлекать в первую очередь от самого объединеннаго в кооперативы населенiя в формѣ паевых взносов, авансов на закупку товаров и т. п.» О том, что кооперацiя должна дать средства на хлѣбныя заготовки и притом *не менѣе 25 % общей стоимости всѣх хлѣбозаготовок* говорили в 14 сессiи Совѣта Сельсоюза Смирнов и Садырин, хорошо освѣдомленные о планах власти. Из абзацов п. 10 видно далѣе, что партiя признала необходимым свертывать, «ликвидировать», «воспретить», и т. п. Эта политика не отмѣняется и послѣ постановленiй XIII Съѣзда, все это в сущности утвердившаго. Тут же мы найдем и о посредническо-комиссiонных операцiях центров и т. д. Характерно, что Центральный Комитет РКП держится еще старой терминологiи, говоря только о потребительской кооперацiи (как единой), а постановленiя Съѣзда различают всѣ виды кооперацiи и даже кредитную, в особой сдѣланной Съѣздом вставкѣ к тезисам Андреева.

Итак, вслѣдствiе сличенiя и изученiя всѣх этих документов мы настаиваем, что суть не в вытѣсненiи частнаго капитала, а в прибранiи к рукам деревни. Конечно, без стѣсненiй частнаго капитала это продѣлать нельзя, но цѣль поставлена покрупнѣе. А для кооперацiи отведена роль самая гнусная.

Чего же можно ждать от кооперацiи в этих условiях? И каковы могут быть для нея результаты всего надуманнаго большевиками?

Осенью предстоит сбор налога, который, по словам Каменева оцѣнивается в 400 миллiонов. Одна эта сумма потребует выбрасыванья на рынок огромнаго количества хлѣба, приблизительно в 1 миллiард пудов (считая среднюю цѣну 40 к.).

В прошлом году, благодаря безденежью и «смычкѣ» заготовителей, цѣны страшно упали, и деревня потеряла от 20 % до 25 % сверх выплаченнаго ею налога. Теперь безденежье едва-ли будет слабѣе. Хотя Каменев и заявлял, что на заготовку будет обращено из эмиссiи за iюль, август и сентябрь 150 миллiонов рублей, но пока что этих денег ни у кого не видно. По крайней мѣрѣ, на 14-й сессiи Совѣта Сельскосоюза цифры, ассигнуемыя на хлѣбозаготовки, назывались Садыриным (Эк. Ж. № 216) прямо смѣхотворныя: 750.000 руб. от Наркомфина и 500.000 руб.

собственных. Ничего не слышно о свободных крупных средствах и у потреб. кооперации и у других заготовителей. С другой стороны, налоговый пресс будет в этом году давить еще болѣе немилосердно для поддержанія и денежной реформы, и реальной заработной платы рабочаго и т. п. Поэтому деревня будет поставлена в безвыходное положеніе, а если введут какія-нибудь зачетныя по налогу квитанціи вродѣ прошлогодних, то хлѣб, да и остальное экспортное, она спустит без денег; возможно, что деревня вынуждена будет отпустить кооперации и в кредит или под предметы для хозяйства. Во всяком случаѣ цѣны должны упасть сильно.

Судя по всему, только со стороны с.-х. кооперации можно ожидать попыток к ослабленію бѣды для деревни. Она уже заговаривала о хлѣбозалоговых операціях в связи с взиманіем налога. При безденежьи это будет почти невозможно. Может быть придумает и что-либо другое. Потреб. кооперація едва ли будет особо страдать угрызеніями совѣсти, пользуясь за счет деревни.

Деревня скоро всю эту механику поймет и всю ненависть перенесет на кооперацію, поставив на ней еще раз крест. С другой стороны, если только частный капитал рискнет, крестьянство может сорвать всю затѣю большевиков, отвертѣвшись уплатой минимальной части налога и запродав всѣ свои продукты торговцу, но держа их у себя, а потребленіе предметов промышленности сведя, в тоже время, к минимуму.

Все сказанное не затрагивает пока вопроса о голодѣ, который сильнѣйшим образом все перемѣшает и, может быть, уничтожив для большевиков возможность осуществить их скрытую мысль, даст кооперации случай использовать постановленія Съѣзда себѣ и населенію на благо. Хорошо бы, но сомнительно.

Дѣло в том, что как указано выше, госторговля и промышленность вовсе не видѣли и не видят в кооперации желательную посредницу, особенно тѣ ступени ея, которыя организуют покупателя. Поэтому всемѣрно подлаживаясь под тон, они стараются всѣми силами ослабить кооперацію, обходя ея союзы, «оріентируясь на низовую кооперацію», как теперь они любят выражаться. Цѣны назначаются на крупныя партіи тѣ же, что и на мелкія, кредит открывается только низовой кооперации и даже собираются устраивать для нея базисные склады. Опасность здѣсь большая, но слишком очевидная и думается, что эту попытку удастся, если не парализовать совершенно, то ослабить.

Хуже всего со сжатіем кредита, как товарнаго, так и денежнаго. Тут госорганы стоят на почвѣ постановленій и всемѣрно поддерживаются банками. Всекобанк безсилен ослабить остроту кризиса, так как сам зависит от Госбанка, а тот заявляет, что он будет кредитовать непосредственно низовую кооперацію. На дѣлѣ, как это выяснилось анкетою Центросоюза, сокращеніе кредита союзам не возмѣщается увеличеніем кредита низовой кооперации. И Всекобанк, и Центросоюз констатируют, что сокращеніе кредита теперь бьет кооперацію особенно больно, так как совпадает с началом заготовок. Сельскосоюз расчитывает на помощь открывающагося Центральнаго с.-х. банка, но и она вряд-ли будет значительна.

II. НОВОЕ В СОЮЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВѢ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦІИ

Единая кооперація, как она проектировалась в 1920 г. должна была состоять из многолавки, губсоюза и Центросоюза. А на мѣстах существовали: однолавки в деревнѣ и многолавки в городѣ, районные союзы (преимущественно мелкорайонные, т. е. обнимавшіе не больше уѣзда), не вездѣ губсоюзы, не всюду областные союзы и, наконец, Центросоюз.

Вмѣсто мелкорайонных и крупных союзов были устроены районныя отдѣленія и закупочные пункты. Областные союзы были просто уничтожены (Московскій), или превращены в губсоюзы (Вологодскій, Петроградскій).

В таком «усовершенствованном» видѣ кооперація пробыла не болѣе года. В 1921 г. возстанавливается с.-х. кооперація и сразу же оживает ряд союзов (см. цифры выше).

Из 288 союзов на 1 іюля 1922 г, было:

Губернских	53	или	18.4%
Районных	180	„	62.5%
Уѣздных и волостных	55	„	19.1%
Всего	288	или	100%

На 1 января 1923 г. мы имѣем нѣсколько иную группировку, согласно которой было:

Волостных	3	или	0.9%
Мелкорайонных	63	„	18.9%
Уѣздных	165	„	49.5%
Крупнорайонных	23	„	6.9%
Губернских	63	„	18.9%
Союзы в автономных областях и республ.	9	„	2.7%
Областных	3	„	0.9%
Всероссійских	4	„	1.2%
Всего	333	или	100%

Трудно сказать, что представляли из себя «районные» союзы на 1 іюля 1922 г. Судя по их расположенію в таблицѣ между губернскими и уѣздными, они были крупнорайонные. Если это так, то за протекшіе с того времени полгода произошло сокращеніе района дѣйствія большинства союзов, что и в нынѣшних условіях свидѣтельствовало бы о большей жизненности мелкорайонных союзов, чѣм крупнорайонных.

1923 год оказался годом рѣшающим для вопросов кооперативнаго строительства. Примѣр с.-х. кооперации и встряска, которую получила в этом году потреб. кооперація, заставила ея самых ярых сторонников пересмотрѣть схему строительства. Теперь уже не только от многолавки, но и от лавки с одним отдѣленіем открещиваются. На XI сессіи Совѣта Центросоюза постановлено, что основной формой деревенской коопераціи признается однолавка с небольшим районом дѣйствія.

Пробили себѣ дорогу в потреб. кооперацію и районные союзы, но пока что крупные. Такія, по крайней мѣрѣ, идут свѣдѣнія, когда сообщается об организаціонной дѣятельности Центросоюза: намѣчено создать на территоріи 30 губернских союзов 102 раойнных союза, т. е. по $3^1/_2$ на губернію. Это отзывается еще старой схемой, жизнью далеко не оправданной. Эту схему еще твердо помнят и вершители судеб с.-х. коопераціи и, хотя в составѣ Сельскосоюза $^2/_3$ мелкорайонных союзов и хотя сам же Сельскосоюз дает им лучшую аттестацію, руководители его совѣтуют устраивать крупнорайонные союзы. Схемы трудно изживаются.

А жизнь, как не скудны свѣдѣнія о районном строительствѣ, говорит о другом. Вот в Смоленской губ., напр., образовано, по одному сообщенію, болѣе раннему (11/V — Эк. Ж. № 180), — 5 районных союзов, причем 1 крупнорайонный, а остальные «карликовые»; по другому, позднѣйшему (17/V — Эк. Ж. № 185) — 8 союзов. А до уничтоженія свободной коопераціи их было 9 (не считая 1-го кредитнаго союза). По существу идет простое возстановленіе бывшаго.

Карликовыми союзами до уничтоженія коопераціи назывались союзы из 5—10 кооперативов; их было 6—7 в Тамбовской и рѣдко по 1—2 встрѣчались в других губерніях. Такіе союзы вызывали всегда и со всѣх сторон возраженія и очевидно не зря, потому, что о таких объединеніях и до сих пор кооператоры помнят, как об излишне удорожающем опе-раціи аппаратѣ. Но с этими карликовыми союзами мелкорайонные союзы не имѣют ничего общаго.

Из Твери сообщает бывшій инструктор Центросоюза, что попрежнему дѣйствует губсоюз. Только раньше у него было 5 отдѣленій и 10 заку-

почных пунктов. Теперь отдѣленія обращены в райсоюзы. До уничтоженія кооперации в Тверской губ. было 23 союза (в том числѣ 1 с.-х. и 4 кредитных). На основаніи этого думается, что и так наз. закупочные пункты со временем опять вырастут в союзы. И так жизнь будет пробиваться повсюду с большими или меньшими треніями, смотря по большей или меньшей узости взглядов мѣстнаго инструктора Центросоюза.

Больше всего непріятностей для кооперативных центров создавали в прошлом областные кооперативные союзы. Это были сильныя организаціи, твердо отстаивавшіе свою автономію в мѣстной работѣ и право на согласованную с центрами, но все же свободную работу по заготовкѣ и сбыту на всероссійских рынках, а в нѣкоторых случаях и на міровых. С большим нежеланіем, но пред революціей Центросоюзу пришлось пойти на уступки областникам. Сельскосоюз, благодаря руководству А. Е. Кулыжнаго, с ними жил в миру. В 1921 г. всѣ областные союзы, как сказано, были ликвидированы. Но надобность в них, как в крупной организаціонной, культурно-просвѣтительной и торговой силѣ все время ощущалась. Как только районное союзное строительство стало развиваться, началась борьба и за областные союзы, и 38-е собраніе уполномоченных Центросоюза в концѣ 1923 г. признало 3 областных союза: Сибирскій Сѣверо-Западный и Юго-Восточный. Но этим дѣло не ограничилось; в ближайшее время предстоит открытіе Уральскаго, Дальневосточнаго и Киргизскаго союзов и это в теченіе всего 6 мѣс.! Далѣе пробивает себѣ дорогу Саратовскій союз. Такой темп пугает сторонников централизаціи, и они стремятся, как и раньше, пустить в ход всякіе тормаза и запутать вопрос, говоря, что областное строительство выдумка верхов кооперации или даже отдѣльных лиц, что в этом вопросѣ надо предоставить голос низовой кооперации. Нѣкоторые, наряду с предложеніем требовать согласіе Совѣта Центросоюза, очень рекомендуют компартіи проявлять твердость в неразрѣшеніи. Предлагается уродливая система строительства, по которой в районѣ ближайшем к мѣсту нахожденія управленія областного союза не слѣдует устраивать районных союзов, явно с цѣлью отвлечь вниманіе от областных задач и загрузить районными дѣлами. Но все это постепеннаго хода вещей не останавливает, и из порядка составленія капитала возникших областных союзов, путем передачи им баланса мѣстных контор Центросоюза (Экон. Ж. № 182 и 186), мы видим, что линія взята твердо и обращенія в Совѣт Центросоюза нисколько не страшны. XI сессія Совѣта Центросоюза — этот голос низовой кооперации — по существу покончила с самодовлѣющей ролью Центросоюза, постановив: Центросоюз должен пойти навстрѣчу желаніям мѣст и помочь организации областных единиц (союзов). С послѣдними Центросоюз должен установить самую тѣсную связь и взять на себя руководство по дальнѣйшей организации областей. С образованіем областных кооперативных союзов Центросоюз будет представлять собой «идейно-организаціонный и представительный центр для потребительской кооперации всего С. С. С. Р., комиссіонно-посредническій и торговый центр по товарам всесоюзнаго значенія и по экспортным и импортным товарам, являясь в то же время торговым центром потребительской кооперации центрально-промышленнаго и прилегающих к нему районов» (Эк. Ж. №187 — 20/V).

Для даннаго переходнаго момента постановленіе вполнѣ пріемлемо и с точки зрѣнія областников, и с точки зрѣнія сторонников губсоюзов. Перерыва в работѣ всероссійскаго масштаба не происходит, а мѣстам дается полная возможность организоваться в областные союзы.

Но когда эта послѣдняя организаціонная работа будет сдѣлана, задачи Центросоюза придется пересмотрѣть. Нельзя принципіально согласиться, чтобы какой-нибудь областной союз нес работу и во всероссійском масштабѣ — работу чрезвычайной технической и организаціонной сложности. Областныя задачи не малыя и выполнять их одновременно со всероссійскими не приходится. Областной союз центрально-промышленнаго района должен существовать, конечно, особо от всероссійскаго идейнаго и организаціоннаго центра потребительской кооперации. Может быть да-

же работу послѣдняго центра не слѣдует суживать задачами только одной потребительской коопераціи, но на первое время такое обособленіе цѣлесообразно; что касается техническаго торговаго центра по всероссійским и заграничным товарам, то это должен быть совершенно самостоятельный центр с другими, чѣм у областного или всероссійскаго идейно-организаціоннаго союзов, членами, с другим построеніем, задачами и средствами. Только благодаря такому раздѣленію труда возможно установленіе мира и равновѣсія во всѣх областях работы и на всей территоріи Россіи.

Путь, на котором сейчас стоит строительство потребительской коопераціи, мы считаем правильным и открывающим в будущем широкія возможности кооперативной работы.

Н. Малолѣтенков.

СОСТАВ С. С. С. Р.

Союз совѣтских соціалистических республик состоит из 4 «союзных республик». РСФСР, Украинской, Бѣлорусской и Закавказской; до союзнаго договора 30-го декабря 1922 г., Украина, Бѣлоруссія, а равно составившія Закавказье республики грузинская, армянская и азербейджанская носили в офиціальных актах РСФСР наименованіе «договорных» или «независимых». Формально внѣ союза остались двѣ совѣтскія республики: — Бухара и Хорезм (б. Хивинское ханство); однако, обѣ республики находятся в договорных отношеніях с главным членом союза — РСФСР и органически связаны с составною частью послѣдней — Туркестанской автономной республикой.

Из членов СССР два — Украина и Бѣлоруссія — представляются унитарными государствами, а два другіе — являются сложными образованіями, притом разных типов. РСФСР состоит из: 1) территоріи, непосредственно подчиненной ея центральным органам («губерній»); 2) из 10 автономных областей: вотской, коми (= зырянской), марійской (= черемисской) и чувашской в Европейской Россіи; адыгейской, кабардино-балкарской, калмыцкой, карачаево-черкесской и чеченской на Кавказѣ и ойратской на Алтаѣ; 3) 11 автономных республик: башкирской, карельской, крымской, нѣмцев Поволжья и татарской в Европейской Россіи; горской и дагестанской на Кавказѣ; бурято-монгольской и якутской в Сибири и киргизской и туркестанской в прежних средне-азіатских владѣніях *). В противоположность РСФСР, Закавказская республика не имѣет территоріи, непосредственно подчиненной ея центральным органам, и цѣликом распадается на республики: грузинскую, армянскую и азербейджанскую. Первая и послѣдняя из названных республик имѣют в своем составѣ автономныя территоріи, а именно: Грузія — республики абхазскую и аджарскую и юго-осетинскую автономную область, Азербейджан — нахичеванскую республику **) и карабахскую автономную область. Из сказаннаго видно, что государственная власть только-что названных образованій является властью *четвертой степени* (СССР — Закавказье — Грузія или Азербейджан — автономная республика или область). Необходимо отмѣтить, что всѣ перечисленныя республики и области, входя непосредственно в состав «союзных республик», до нѣкоторой степени являются и членами СССР, т. к. посылают своих представителей во «вторую палату» центр. исполн. комитета союза — «Совѣт національностей».

---

*) Киргизская республика частью своей территоріи принадлежит к составу Европейской Россіи.

**) Республика эта географически не примыкает к Азербейджану, а отдѣлена от него территоріей совѣтской Арменіи.

Время возникновенія, территорія и населеніе союзных и автономных республик и областей, а равно число членов, посылаемых ими в Совѣт національностей, видно из нижеслѣдующей таблицы.

Наименованіе	Время возникновенія	Территорія в тысячах квадрат. верст	Населеніе в тысячах жителей	Число членов в совѣтѣ національностей
РСФСР:				
1. Губерніи		9.522	71.815	5
2. Автономныя области:				
Адыгейская	22/VII—22	—*)	130	1
Вятская	5/I—21	28	740	1
Кабард.-Балкарская	16/I—22	—*)	180	1
Калмыцкая	25/XI—20	87	126	1
Карачаево-Черкес . .	12/I—22	—*)	150	1
Коми	22/VIII—21	241	187	1
Марійская	25/XI—20	16	425	1
Ойратская	1/VI—22	60	113	1
Чеченская		—*)	—***)	1
Чувашская	24/VI—20	15	759	1
3. Автон. республики:				
Башкирская.	19/V—20	136	3.027	5
Бурято-монгольская	9/I—22	102	176	5
Горская	20/I—21	39**)	349†)	5
Дагестанская	20/I—21	31	1.548	5
Карельская	6/VIII—20	110	300	5
Киргизская	26/VIII—20	1.900	5.089	5
Крымская	18/X—21	34	762	5
Нѣмцев Поволжья .	9/X—18	25	540	5
Татарская	27/V—20	63	3.127	5
Туркестанская	1/V—18	1.300	7.202	5
Якутская.	20/IV—22	4.000	310	5
Итого по РСФСР . . .		17.709	96.002	
	Союзные договоры с РСФСР.			
Украина	31/XII—20	393	26.002	5
Бѣлоруссія		113	3.859	5
Закавказье:				
1. Грузія (с автоном. респуб. и областями)	25/II—21	58	2.372	8
2. Арменія	30/IX—21	34	1.214	5
3. Азербейджан (с автон. респуб. и областями)	30/IX—20	77	2.097	7
Итого по Закавказью		169	5.653	
Итого по СССР		18.384	131.546	
Бухара.	4/III—21	210	3.000	
Харезм	13/IX—20	55	1.000	
Всего . . .		18.649	135.546	100

*) Территоріи этих областей включены в таблицѣ в территорію Горской республики, из состава коей они были в теченіе 1922 года выдѣлены.

**) Со включеніем территоріи 4 автономных областей.

***) Населеніе этой области в таблицѣ не выдѣлено из состава населенія Горской республики.

†) Со включеніем населенія Чеченской области.

Для уясненія сущности совѣтскаго союзнаго строя важна еще нижеслѣдующая таблица, показывающая в какой мѣрѣ автономныя республики и области являются дѣйствительно «національными»:

Наименованіе республик и областей	На сто жителей приходится		
	Господствующ. племени	Русских	Остальных
Адыгейская	50	43	7
Башкирская	52	38	10
Бурято-монгольская	73	26	1
Горская	57*)	43	—
Киргизская	50	43	7
Крымская	26**)	67	7
Марійская	65	30	5
Нѣмецкая	67	31	2
Ойратская	70***)	30	—
Татарская	51	39	10

Н. С. Тимашев.

*) Ингуши и осетины.
**) Татары.
***) Калмыки, киргизы и теленгеты.

ИЗ ПЕЧАТИ И ЖИЗНИ

К ОБЕЗЦѢНЕНІЮ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ НА МІРОВОМ РЫНКѢ.

Послѣвоенное состояніе мірового рынка сельско-хозяйственных и, в частности, хлѣбных продуктов не раз уже подвергалось изученію за послѣдніе годы. Изучалось послѣвоенное движеніе хлѣбных цѣн, оно ставилось в связь с измѣненіями в условіях производства и потребленія хлѣбов, произошедшими послѣ войны и приведшими к ощущаемой нынѣ депрессіи хлѣбнаго рынка; составлялись міровые балансы производства и потребленія хлѣбов; и, таким образом, современное положеніе мірового хлѣбнаго рынка, как такового, может считаться болѣе или менѣе освѣщенным*).

Но что до сих пор достаточно не освѣщено даже с чисто фактической стороны, — это положеніе рынка с.-х. продуктов в *его соотношеніи* с рынком товаров несельско-хозяйственнаго происхожденія и, в частности, вопрос о нѣкотором *обезцѣненіи сельско-хозяйственных продуктов* по отношенію к продуктам промышленности, которое (по сравненію с довоенным временем) повидимому наблюдается в преобладающем большинствѣ стран міра. Вопрос этот был поставлен и широко обсуждался лишь в Совѣтской Россіи*) и в Соединенных Штатах, гдѣ кризис, переживаемый фермерским хозяйством, привлекает к себѣ всеобщее вниманіе. В послѣднее время он обсуждается и в Германіи и в Польшѣ. Но, насколько мнѣ извѣстно, сколько-нибудь обстоятельных изслѣдованій этого вопроса в міровом масштабѣ и даже сводок фактическаго матеріала пока не появилось. Между тѣм вопрос этот представляет значительный интерес, ибо ясно, что степень преуспѣянія или, наоборот, депрессіи сельскаго хозяйства опредѣляется не столько абсолютным уровнем цѣн на продукты, выраженным в деньгах, сколько отношеніем этих цѣн к цѣнам других товаров, т. е. покупательной способностью продукцій сельскаго хозяйства по отношенію к другим товарам.

Кромѣ общаго интереса, для нас этот вопрос представляет еще, между прочим, тот частный интерес, что во время обсужденія его в совѣтской экономической печати нѣсколько раз было высказано сужденіе, что факт неслыханнаго обезцѣненія с.-х. продуктов в Сов. Россіи, имѣвшаго мѣсто лѣтом 1923 г., в сущности, в очень значительной мѣрѣ может быть объяснен тѣми общими условіями, в которых находится все міровое хозяйство, и от которых зависит и обезцѣненіе с.-х. продуктов на западѣ, и что этот факт в Россіи ничего особенно специфическаго из себя не представляет. С точки зрѣнія провѣрки этого сужденія и, стало быть, нѣкотораго дополнительнаго освѣ-

---

*) Кромѣ основных для даннаго вопроса изданій Международнаго Сельско-Хозяйственнаго Института в Римѣ, см. интересныя статьи спеціалиста по хлѣбному рынку *Джемса Уильсона* в «Journal of the Royal Statistical Society» и в «Corne trade news», далѣе обстоятельную русскую статью *Л. Юровскаго* «Міровой рынок пшеницы» («Вѣстник Статистики», кн. X, 1922 г.); для мірового баланса хлѣбов 1921/22 г. в связи с вопросом о помощи голодающей Россіи, см. также мою работу «Le bilan mondial des céréales en 1921/22 et le secours á la Russie» в «Memoires et documents de la Société d'Etudes Economiques». Paris, 1922.

*) Положенію этого вопроса в Россіи посвящена моя статья в кн. VII «Крест. Россіи».

щенія фактов русской экономической жизни — тема о міровом рынкѣ цѣн на с.-х. и промышленные продукты тѣм болѣе заслуживает разсмотрѣнія.

В настоящей статьѣ я не имѣю в виду сколько-нибудь подробно изслѣдовать этот трудный и сложный вопрос, не имѣющій еще за собою почти никакой литературы. Я хочу дать лишь в самых грубых и общих чертах, в видѣ перваго приближенія, фактическую картину современнаго соотношенія цѣн на с.-х. и промышленные продукты в главнѣйших странах на основаніи сведеннаго мною матеріала индексных чисел, а также установить на основаніи этой картины нѣкоторыя общія положенія, скорѣе предположительнаго характера, могущія в извѣстной степени помочь оріентироваться в вопросѣ.

И такое даже, преимущественно фактическое, изученіе этого вопроса представляет очень большія трудности, вытекающія, главным образом, из неудобосравнимости матеріала индексных чисел по различным странам. Причиной неудобосравнимости являются при этом не столько различные методы построенія индексов (в смыслѣ метода вычисленія общаго индекса на основаніи частных чисел-показателей для отдѣльных товаров и примѣняемой при этом системы «взвѣшиванія» отдѣльных чисел-показателей), сколько *различный подбор тѣх товаров*, для которых выводится индекс. Так, промышленные товары составляют иногда $^1/_2$ или даже меньше, а иногда (в большинствѣ случаев) $^3/_4$ и больше, всѣх входящих в список товаров. Ясно, что если есть налицо нѣкоторое основное расхожденіе в уровнѣ цѣн промышленных и с.-х. товаров, то общіе индексы, слагающіеся в разной пропорціи из тѣх и других, представляют, в сущности, в разных странах величины несравнимыя. Ясно также, что нельзя измѣрять и сравнивать в различных странах степень обезцѣненія с.-х. продуктов отклоненіем их индекса от *общаго индекса* для всѣх товаров, ибо послѣдній зависит в своей величинѣ от пропорціи в которой входят в список товаров с.-х. и промышленные товары: там, гдѣ преобладают промышленные товары он будет ближе к их индексу и обезцѣненіе с.-х. продуктов покажется больше. Поэтому сравненія между странами можно производить только исчисляя непосредственно отклоненіе индекса с.-х. товаров от индекса промышленных товаров. Но послѣдній далеко не всегда дается в публикуемых данных и опредѣленіе его требует дополнительных вычисленій, которыя, к тому же, часто не могут быть точными, так как неизвѣстна примѣняемая в данной странѣ система взвѣшиванія.

Группы с.-х. и промышленных товаров тоже различны по составу в разных странах. Первая разбита чаще всего на «растительные продовольственные» и «животные продовольственные продукты». На ряду с ними есть еще группа «прочіе продовольственные продукты», включающая преимущественно колоніальные товары; так как рынок колоніальных товаров с точки зрѣнія нашей темы менѣе всего интересен, я эту послѣднюю группу оставляю внѣ разсмотрѣнія. Текстильное сырье по общему правилу, вмѣстѣ с текстильными полуфабрикатами и фабрикатами, входит в группу промышленных товаров (что и правильно, так как его цѣна в своем движеніи связана скорѣе с этими послѣдними). Группы «растительных продовольственных» и «животных продовольственных продуктов», которыя нас ближе всего интересуют, тоже невполнѣ однородны по своему составу, в особенности первая; в большинствѣ случаев туда повидимому входят лишь хлѣба и картофель или одни хлѣба (иногда это прямо отмѣчено); но бывает (правда, рѣдко), что входят и прочіе растительные продовольственные продукты (овощи, фрукты и проч.). Наконец, группа промышленных товаров чаще всего распадается на текстильные товары (сырье, полуфабрикаты и фабрикаты), минералы и металлы (уголь, чугун, сортовое желѣзо и сталь, рельсы, цвѣтные металлы и проч.) и «разные» товары, куда входят лѣсные матеріалы, бумажные товары, химическіе продукты, иногда мебель, орудія и инструменты и проч. Пропорція этих трех групп в составѣ промышленных товаров далеко не одинакова в различных странах, и в предѣлах каждой группы различна может быть пропорція сырья, полуфабрикатов и фабрикатов.

Для интересующей нас проблемы

представляет наибольшій интерес сравненіе групповых индексов для групп «растительных продовольственных» и «животных продовольственных продуктов», с одной стороны, и всѣх промышленных товаров — с другой. Такое сопоставленіе я и привожу ниже для 12 стран, причем приводимыя цифры или взяты непосредственно из публикуемых индексов или вычислены мною на основаніи таковых, с цѣлью обезпечить наибольшую сравнимость.

Несмотря на всѣ сдѣланныя выше оговорки использованный матеріал допускает все же нѣкоторое сравненіе, — этому порукой извѣстная правильность, проявляющаяся в полученных цифрах, на которой я остановлюсь в дальнѣйшем.

Из привлеченных к сопоставленію 12 стран — двѣ — вывозящія хлѣб: С. Штаты и Канада, шесть — относительно мало ввозящих: Германія, Франція, Швеція, Испанія, Чехословакія и Польша, и четыре — многоввозящих: Италія, Норвегія, Англія и Швейцарія*). Процент производства 4-х главных хлѣбов (пшеницы, ржи, ячменя и овса) по этим странам в 1921 и 1922 гг. к потребленію их в теченіе соотвѣтствующих сельско-хозяйственных годов (1921 — 1922 и 1922—1923) представляется в слѣдующих цифрах*):

Процент производства к видимому потребленію:

Страны	1921/22	1922/23
Вывозящія:		
Соед. Штаты . .	124	111
Канада	155	179
Маловвозящія:		
Польша	99,5	99,5
Чехословакія . .	94	97
Испанія	96	—
Швеція	97	92
Франція	95	89
Ирландія	87	83
Многоввозящія:		
Италія	67	60
Норвегія	48	47
Англія	48	46
Швейцарія . . .	27	19

Таким образом, ввозящія страны первой группы за указанные два года импортом покрывали лишь от 0,5% до 17% своего потребленія, ввозящія страны второй группы — от 33% до 81% своего потребленія.

В нижеслѣдующей таблицѣ я привожу отношеніе индексов растительных продовольственных продуктов и животных продовольственных продуктов к индексу промышленных товаров по указанным странам, которыя интересно сопоставить с только что приведенными данными о степени обезпеченности этих стран своим хлѣбом. В видах этого послѣдняго сопоставленія приводимыя цифры приурочены к іюлю 1923 г., т. е. к позднѣйшей датѣ, на которую отношеніе цѣн могло еще находиться под существенным вліяніем хлѣбнаго баланса 1922—23 года.

*) По Соединенным Штатам из четырех главнѣйших индексов — Bureau of Labor Statistics, Bradstreet'a, Dun's Review и Federal Reserve Board (послѣдній есть лишь перегруппировка индекса Bureau of Labor Statistics) мною использован индекс Bradstreet'a, как наиболѣе пригодный для сравненія, несмотря на его техническія несовершенства. Для Англіи из трех публикуемых индексов (Board of Trade, Statist'a-Sauerbeck'a и Econamist'a) взят первый. Для Германіи взят индекс Statist. Reichsamt'a, для Франціи — Statistique Générale de la France, для Италіи — Миланской торговой палаты, для Испаніи — Статистико-географическаго института, для Чехословакіи — Государтсвен. статистич. бюро, для Польши — Главнаго статистическаго управленія, для Швеціи — Kommerskollegium, для Норвегіи — Oekomisk Revue, для Швейцаріи — д-ра Лоренца, для Канады — Министерства Труда.

*) См. изданія Международнаго Сельск.-хоз. Института в Римѣ: «Annaire de statistique agricole pour 1922» и «Bulletin de la statistique agricole et commercial» за 1924 г. Имѣется в виду, конечно, так называемое «видимое» потребленіе (производство + ввоз — вывоз).

Отношеніе индексов растит. и животн. продовольств. продуктов к индексу промышлен. товаров:

Страны	Индексы растит. продов. продуктов*)	Индексы живот. продов. продуктов
Вывозящія:		
С. Штаты**)	71 %	63 %
Канада	72 ,,	85 ,,
Маловвозящія:		
Германія	47 %	59 %
Чехо-Словакія	73 ,,	86 ,,
Польша	76 ,,	60 ,,
Швеція	79 ,,	80 ,,
Франція	80 ,,	92 ,,
Испанія	87 ,,	101 ,,
Многоввозящія:		
Англія	88 %	93 %
Швейцарія	89 ,,	95 ,,
Норвегія	91 ,,	92 ,,
Италія	103 ,,	105 ,,

Первое, что мы усматриваем из этой таблицы, это то, что нѣкоторое обезцѣненіе с.-х. продуктов, в особенности продуктов полеводства, есть для изслѣдованных стран явленіе почти повсемѣстное (оно не наблюдается лишь в Италіи***) и, для животных продуктов, в Испаніи). Однако, в общем и цѣлом степень обезцѣненія с.-х. продуктов не столь уж значительна: за исключеніем Германіи оно, для продуктов полеводства, нигдѣ не превышает 30 %, а в большинствѣ стран не превышает и 20 %. Это обезцѣненіе не может, конечно, идти в сравненіе с обезцѣненіем с.-х. продуктов в современной Россіи, гдѣ в худшіе моменты индекс с.-х. товаров спускался до 1/3 индекса промышленных товаров.

Далѣе мы видим, что обезцѣненіе продуктов полеводства в общем больше, чѣм обезцѣненіе продуктов животноводства. Обратное соотношеніе наблюдается лишь в С. Ш. Америки и в Польшѣ.

Наконец, сравнивая отдѣльныя страны друг с другом, мы наблюдаем, что обезцѣненіе с.-х. продуктов в многоввозящих хлѣб странах в общем меньше, чѣм в маловвозящих и в вывозящих странах. Для растительных продуктов это проявляется с особенной ясностью: в приведенной таблицѣ ввозящія страны расположены *в порядкѣ убыванія обезцѣненія* растительных продуктов, и при таком расположеніи *всѣ* многоввозящія страны оказываются рядом, в концѣ таблицы. *Средній* процент обезцѣненія растительных продовольственных продуктов для вывозящих и маловвозящих стран, вмѣстѣ взятых, равен 27 %, для многоввозящих стран — 9 %; средній процент обезцѣненія продуктов животноводства для первой группы стран равен 22 %, для второй — 4 %*). Наблюдающаяся здѣсь правильность вполнѣ естественна, ибо ясно, что на рынкѣ стран, могущих удовлетворить своим производством лишь незначительную часть своих потребностей в хлѣбах, послѣдніе не могут обезцѣниваться так, как на рынкѣ стран, почти цѣликом удовлетворяющих потребность собственным производством или имѣющих излишки для вывоза**). Не так это ясно для продуктов животноводства, но и здѣсь связь с рынком продуктов полеводства довольно по-

---

*) Для большинства стран точно извѣстно, что приводимые индексы растит. продовольствія охватывают лишь хлѣба, или хлѣба, картофель и рис; есть основаніе думать, что и в прочих случаях дѣло обстоит так же.

**) По другому болѣе или менѣе сравнимому с индексом Bravstrect'a, индексу Dun'a обезцѣненіе хлѣбов нѣсколько меньше.

***) Впрочем, начиная с сентября 1923 г. оно, как будет видно из дальнѣйшаго, выступает и в Италіи.

*) Та же правильность сохраняет силу и в мартѣ мѣсяцѣ 1924 г. (послѣдняя дата, на которую мы располагаем сравнимыми свѣдѣніями) Процент обезцѣненія растительных продуктов равен в этот момент 22, а животных — 6.

**) Однако исключительно высокое обезцѣненіе с.-х. продуктов в Германіи объясняется не столько особенностями снабженія хлѣбнаго рынка, сколько условіями образованія цѣн на промышленныя издѣлія и судьбами германскаго денежнаго обращенія. То же самое, повидимому, относится и к Польшѣ. Вообще условія снабженія хлѣбом есть, конечно, лишь один из факторов, опредѣляющих собою интересующее нас соотношеніе цѣн.

нятна. Поэтому указанная правильность интересна не столько сама по себѣ, сколько как показатель того, что несмотря на всѣ сдѣланныя ранѣе оговорки относительно неудобосравнимости данных по отдѣльным странам, такое сравненіе все-таки в извѣстной мѣрѣ допустимо и говорит кое-что о существѣ дѣла.

Переходя от сравненія между странами к прослѣживанію *динамики явленія во времени*, мы можем уже оперировать не отношеніем индекса с.-х. продуктов к *индексу промышленных товаров*, а отношеніем перваго к *общему индексу всѣх товаров*, ибо в предѣлах каждой данной страны состав этого общаго индекса (с точки зрѣнія включенных в него товаров) остается неизмѣнным. Между тѣм, использованіе общаго индекса чрезвычайно сокращает вычислительную работу.

В нижеслѣдующей таблицѣ сгруппирован матеріал движенія индексов, гдѣ это оказалось возможным, с 1918 года (послѣдняго года военной конъюнктуры); представляло бы интерес заглянуть и в 1914—17 годы, но здѣсь я располагаю матеріалом лишь по немногим странам. Для каждой страны приведен индекс растительных продовольственных продуктов (строка *a*), общій индекс всѣх товаров (строка *b*) и процентное отношеніе перваго ко второму (строка *c*)*). Всѣ индексы выражают уровень цѣн по отношенію к уровню их в 1913 или началѣ 1914 гг., принятому за 100 (для Германіи и Польши за 1). См. табл. на стр. 216.

Присматриваясь прежде всего к движенію общих индексов, мы замѣчаем, что кульминаціонной точкой повышенія цѣн является 1920 год, послѣ котораго наступает рѣзкое паденіе их уровня в 1921 и 1922 гг., пріостанавливающееся (или даже смѣняющееся маленьким повышеніем) в 1923 году. Это движеніе общих индексов цѣн изображает общеизвѣстные этапы послѣвоенной мировой экономической конъюнктуры, а именно — 1) послѣвоенный «бум» 1920 года, когда проявились и потребовали себѣ удовлетворенія всѣ долго сжимавшіяся в годы войны потребности и когда производство, невполнѣ еще оправившееся послѣ военнаго напряженія, разрушенія и перестройки, не было в состояніи сразу удовлетворить эти потребности; 2) послѣдовавшую затѣм депрессію, вызванную тѣм, что, с одной стороны, производство успѣло замѣтно расшириться, а с другой — спрос, послѣ кратковременной горячки, испытал длительное суженіе в связи с выявившимися в цѣлом рядѣ стран, отрицательными результатами войны и революціи, в смыслѣ разстройства денежнаго обращенія, пониженія жизненнаго уровня и покупательной способности населенія и проч.; 3) намѣтившійся кое-гдѣ в 1922 году, кое-гдѣ в 1923 г., нѣкоторый поворот в сторону изживанія кризиса. — (Соединенные Штаты раньше других ощутившіе кризис, раньше других стали его и изживать).

Обращаясь к тому, как на фонѣ этого общаго движенія товарных цѣн движутся цѣны продуктов полеводства и как, в частности, в разные моменты обстоит дѣло с обезцѣненіем их по отношенію к продуктам промышленности, мы замѣчаем слѣдующее*).

1. По правилу цѣны продуктов полеводства, как и всѣ товарныя цѣны достигают максимума в період послѣвоеннаго подъема 1920 г., но онѣ повышаются в этот період *до менѣе высокаго уровня*, чѣм общій индекс цѣн, стало быть, чѣм цѣны промышленных товаров; имѣет мѣсто замѣтное отставаніе роста цѣн продуктов от роста цѣн промышленных издѣлій или относительное обезцѣненіе первых. Исключеніем из этого правила являются С. Штаты и Канада, гдѣ в этот період цѣны растительных продовольственных продуктов стоят выше цѣн промышленных товаров.

---

*) В дальнѣйшем я сосредотачиваю свое вниманіе уже только на динамикѣ цѣн на *продукты полеводства;* вопрос о продуктах животноводства нѣсколько болѣе сложен и требует самостоятельнаго разсмотрѣнія.

*) При этом сравненіи общіе индексы могут нам приблизительно представлять движеніе цѣн промышленных товаров, ибо поскольку в движеніи общих индексов есть нѣчто отличное от движенія индексов продуктов полеводства, это проистекает главным образом из особенностей движенія цѣн промышленных товаров.

ТАБЛИЦА ДВИЖЕНІЯ ИНДЕКСОВ

Страны	Индексы	1918	1919	1920	1921	1922	1923				1924 март
							март	іюль	сент.	дек.	
Соед. Штаты	a) инд. растит. продов.	—	220	241	141	118	129	115	—	117	121
	b) общ. индекс.	—	203	201	123	132	151	142	—	146	140
	c) отнош. a к b в %	—	108	120	115	89	85	81	—	80	86
Канада	a) инд. растит. продов.	231	227	263	150	143	129	126	—	126	130[1]
	b) общ. индекс.	204	215	246	181	165	166	165	—	164	165[1]
	c) отонш. a к b в %	113	106	107	83	87	78	76	—	77	79[1]
Германія	a) инд. растит. продов.	—	—	9,5	17	93	796	13225	18532	873[2]	85,6[3]
	b) общ. нндекс.	—	—	14 9	19	100	1162	19385	36009	1262[2]	120,7[3]
	c) отнош. a к b в %	—	—	46	90	93	62	68	52	69	71
Чехословакія	a) инд. растит. продов.	—	—	—	—	1213	806	781	734	763	128[3]
	b) общ. индекс.	—	—	—	—	1355	1028	968	957	984	145[3]
	c) отнош. a к b в %	—	—	—	—	90	78	81	77	78	88
Польша	a) инд. растит. продов.	—	—	—	—	1355	9126	25900	51406	1134[4]	1928[4]
	b) общ. индекс.	—	—	—	—	1016	9885	30700	73022	1483[4]	2453[4]
	c) отнош. a к b в %	—	—	—	—	133	92	84	70	77	79
Швеція	a) инд. растит. продов.	—	—	269	223	182	148	147	141	138	143
	b) общ. индекс.	—	—	374	215	173	168	162	162	160	162
	c) отнош. a к b в %	—	—	72	104	105	88	91	87	86	88
Франція	a) инд. растит. продов.	298	313	427	330	295	333	340	342	380	439
	b) общ. индекс.	341	358	512	347	329	426	409	426	461	502
	c) отнош. a к b в %	87	87	83	95	90	78	83	80	82	87
Испанія	a) инд. растит. продов.	172	177	202	170	165	165	155	155	156	166[1]
	b) общ. индекс.	204	204	221	190	176	171	170	174	176	180[1]
	c) отнош. a к b в %	84	87	91	95	94	96	91	89	89	92[1]
Англія	a) инд. растит. продов.	—	—	273	194	151	138	139	139	140	149
	b) общ. индекс.	—	—	307	197	159	160	157	158	163	165
	c) отнош. a к b в %	—	—	89	98	95	86	89	88	86	90
Швейцарія	a) инд. растит. продов.	—	—	—	232	161	159	156	148	149	158
	b) общ. индекс.	—	—	—	179	164	181	173	181	183	180
	c) отнош. a к b в %	—	—	—	130	92	88	90	82	81	88
Норвегія	a) инд. растит. продов.	—	274	376	408	244	202	213	213	226	265
	b) общ. индекс.	—	314	409	300	232	229	231	234	244	266
	c) отнош. a к b в %	—	87	92	136	105	88	92	91	93	100
Италія	a) инд. раст. прод.	—	—	—	—	545	561	547	504	498	543
	b) общ. индекс.	—	—	—	—	504	547	539	531	535	549
	c) отнош. a к b в %	—	—	—	—	108	103	101	95	93	99

[1] февраль. [2] в милліардах. [3] в золотѣ. [4] в тысячах.

2. В слѣдующій затѣм період депрессіи 1921 и 1922 гг. цѣны растительных продовольственных продуктов падают, но падают *менѣе рѣзко*, чѣм общіе индексы, т. е. чѣм цѣны промышленных издѣлій, почему разстояніе между первыми и вторыми в смыслѣ обезцѣненія первых *уменьшается;* в нѣкоторых странах (Швеція, Норвегія, Италія) оно даже смѣняется противоположным соотношеніем — нѣкоторым обезцѣненіем промышленных товаров; в прочих — остается все-таки в силѣ нѣкоторое обезцѣненіе продуктов полеводства.

3. От 1922 к 1923 году, при стаціонарном положеніи общих индексов или их нѣкотором повышеніи, индексы растительных продовольственных продуктов или продолжают падать или остаются стаціонарными, или, наконец, повышаются в меньшей степени, чѣм общіе индексы, и таким образом, разстояніе между цѣнами растительных продовольственных продуктов и цѣнами промышленных товаров, степень обезцѣненія первых опять *увеличивается**).

4. Наконец, через имѣющія в значительной степени *сезонный* характер колебанія индексов в теченіе 1923 и в началѣ 1924 гг. проступает нѣкоторая слабая, правда, и не повсемѣстная, тенденція к новому ослабленію обезцѣненія продуктов полеводства к веснѣ 1924 г., далеко, впрочем, не компенсирующая усиленіе этого обезцѣненія от 1922 к 1923 году (мѣрою этой тенденціи может служить сравненіе индексов марта 1924 и марта 1923 гг).

Исчерпывающее объясненіе этой динамики цифр требовало бы обстоятельнаго анализа конъюнктуры всѣх разсматриваемых стран, а оно в задачи настоящей статьи, конечно, входить не может. Но позволительно указать на нѣкоторыя обстоятельства общаго характера, в свѣтѣ которых становятся болѣе или менѣе понятными тѣ общія правильности в движеніи цифр, которыя мы установили.

1. Болѣе высокій подъем цѣн промышленных издѣлій в період подъема 1920 года (как и в военные годы) становится понятным, если сообразить, что промышленность была куда болѣе «выведена из строя» войною, чѣм сельское хозяйство, и, стало быть, менѣе была способна отвѣтить на предъявляемыя спросом требованія*), с другой стороны, подъем долго сжимавшагося спроса в 1920 году должен был быть особенно силен по отношенію к продуктам промышленности, так как по отношенію к хлѣбу расширенію спроса положена вообще довольно опредѣленная и невысокая граница.

2. Поднявшись на бо́льшую высоту в період оживленія 1920 г., цѣны промышленных издѣлій, естественно, должны были рѣзче упасть в період депрессіи, причем, замѣтим, онѣ и при этом болѣе рѣзком паденіи в большинствѣ стран не опустились до уровня или ниже уровня цѣн продуктов полеводства а продолжали стоять выше; там же, гдѣ такое паденіе их ниже уровня продуктов полеводства, имѣло мѣсто (Норвегія и Швеція в 1921 и 1922 гг., Италія в 1922 году) это, повидимому, объяснялось нѣсколько стѣсненным хлѣбным рынком этих стран в эти годы (так, Норвегія послѣ сбора хлѣбов около 3,9 милл. квинталов в 1919 и 1920 гг., собрала в 1921 и 1920 годы только по 3,3 милл. кв.; Италія в 1922 г. собрала 51,6 милл. кв., против 61,6 милл. в 1921 г.). Может быть и вообще для пониманія этого менѣе рѣзкаго паденія хлѣбных цѣн, чѣм цѣн промышленных издѣлій в період депрессіи 1921 и 1922 г. имѣет значеніе тот факт, что значительное увеличеніе сбора хлѣбов в 1921 г. в

*) Как было указано, в Соединенных Штатах и Канадѣ в 1920 году и ранѣе — наблюдалось относительное обезцѣненіе не растительных продовольственных продуктов, а промышленных товаров; обезцѣненіе первых появляется лишь в період депрессіи 1921—22 гг.; но к 1923 г., как и всюду, оно усиливается.

*) Замѣтим, что болѣе высокаго подъема цѣн на промышленные товары не было в С. Штатах, промышленность которых, как извѣстно, менѣе всего пострадала от военнаго напряженія, не было его и в Канадѣ, гдѣ промышленность, поскольку она существует вообще, повидимому, не была затронута военной конъюнктурой; наоборот, промышленность многих нейтральных стран Европы в очень сильной степени работала на войну.

нѣкоторых ввозящих странах нашло себѣ извѣстный противовѣс в паденіи сбора в других ввозящих странах и, главное, в вывозящих странах (в С. Штатах — на 73 милл. кв. по сравненію с 1920 г.), а в 1922 г., наоборот, прекрасный сбор вывозящих стран, С. Штатов и Канады, сопровождался сильно пониженным сбором в ввозящих странах (во Франціи, Италіи и Германіи вмѣстѣ взятых на 65 милл. кв. меньше против 1921 г.). В цѣлом міровой сбор 4 главных хлѣбов в 1921 г. увеличился на 3,5% против сбора 1920 г., а в 1922 г. — на 2,8% против сбора 1921 г. Что же касается сбора 1923 г., то он одинаково хорош и в ввозящих и в вывозящих странах, превышая, приблизительно, на 10% сбор 1922 г. И это существенно для пониманія слѣдующаго, третьяго, этапа міровой конъюнктуры.

3. Ощутив депрессію, міровая промышленность, в порядкѣ обычнаго приспособленія к конъюнктурѣ, сильно сократила свое производство; так, общая цифра производства чугуна в главнѣйших странах с 4773 тыс. тонн в 1920 г. — сократилась до 2759 тыс. в 1921 году*).

*Этой способностью — произвольно, быстро и сильно сокращать производство в порядкѣ реагированія на конъюнктуру — сельское хозяйство в основных своих отраслях не обладает***). Несмотря не депрессію 1921 и 1922 годов посѣвныя площади и міровой сбор хлѣбов продолжают все время возрастать, а сбор 1923 г. дает рекордныя цифры, виды на которыя уже с весны 1923 г. давили на хлѣбныя цѣны. Этим, главнѣйше, надо думать, объясняется то, что в то время, как промышленность начинает уже с 1922—1923 гг. изживать депрессію, депрессія хлѣбнаго рынка еще углубляется или в лучшем случаѣ остается без перемѣны, и продукты полеводства в 1923 году проявляют максимальное обезцѣненіе.

4. Только осенью 1923 г. и весною 1924 г. началась нѣкоторая реакція сельскаго хозяйства на тяжелую депрессивную конъюнктуру хлѣбнаго рынка. Озимые посѣвы 1923 г. и яровые 1924 г. дали нѣкоторое, довольно замѣтное пониженіе; так, вся посѣвная площадь 1924 г. под пшеницей в С. Штатах на 8%, а в Канадѣ на 4,4% ниже площади 1923 г., для ржи уменьшеніе составляет в С. Штатах — 11,8%, а в Канадѣ цѣлых 20,5%. В большинствѣ стран Европы имѣло мѣсто тоже сокращеніе посѣвных площадей в размѣрѣ нѣскольких процентов.

Присоединившіяся к этому неблагопріятныя климатическія условія привели к тому, что ожидаемый міровой сбор хлѣбов в 1924 г. (впервые за послѣдніе годы) довольно значительно ниже сбора предыдущаго года*).

Эти неблагопріятные виды на урожай 1924 г., начавшіе выясняться в отношеніи озимых посѣвов уже зимою и сыграли главную роль в нѣкотором ослабленіи обезцѣненія с.-х. продуктов к веснѣ 1924 г., которое усматривается уже из приведенных выше данных на март 1924 г., и которое с тѣх пор успѣло обозначиться еще явственнѣе**).

Надо отмѣтить, что кромѣ неблагопріятных перспектив сбора хлѣбов, в этом начавшемся еще зимою процессѣ повышенія хлѣбных цѣн сыграли нѣкоторую роль и другія обстоятельства, как-то: усиленная закупка Дальняго Востока, в связи с землетрясеніем; мѣры по оказанію кредита страдающим от кризиса земледѣльцам; начавшіяся попытки синдицированія сельских хозяев (правда, болѣе или менѣе успѣшно

*) The Economist. Monthly Supplement, Oct. 1923.

**) Я говорю «в основных своих отраслях», ибо спеціальныя промышленныя культуры, — как показал, в особенности, опыт послѣдних лѣт, — способны довольно чутко и быстро реагировать на конъюнктуру.

*) Согласно опубликованной в іюлѣ Римским Институтом сводкѣ по 14 странам сбор пшеницы должен быть на 8% ниже прошлогодняго.

**) Мы не располагаем сколько-нибудь полными и сравнимыми данными индексных чисел за время позже марта 1924 г.: но, что процесс относительнаго повышенія цѣн на продукты полеводства продолжается с тѣх пор (послѣ нѣкотораго перерыва в апрѣлѣ) довольно интенсивно, об этом говорят имѣющіяся в нашем распоряженіи свѣдѣнія о движеніи хлѣбных цѣн на главнѣйших рынках.

осуществленныя, повидимому, лишь в Австраліи) и проч.

Таким образом, в основѣ того обезцѣненія продуктов полеводства по отношенію к промышленным товарам, которое мы наблюдаем на западѣ в 1923 году и в меньшей степени — наблюдаем в 1924 году, лежит (помимо прочих дѣйствующих в том же направленіи привходящих обстоятельств в различных странах) разница в самом существѣ соотвѣтствующих отраслей производства, разница в доступной им быстротѣ реагированія на рыночную конъюнктуру.

Но если это так, то, замѣтим попутно, имѣется довольно мало общаго в основных причинах «цѣнностнаго сдвига» к невыгодѣ сельскаго хозяйства в сов. Россіи и в странах Запада.

В Россіи — как я это подробно выясняю в другом мѣстѣ — причина обезцѣненія с.-х. продуктов кроется, главным образом, не в том, что сов. промышленность лучше, чѣм сельское хозяйство, приспособляется к рыночной конъюнктурѣ, а, наоборот, в том, что она не *приспособляясь, имѣет возможность выдерживать кризис, живя за счет казенных субсидій.*

Такого положенія нѣт, конечно, в странах Запада*), и с этой точки зрѣнія русскій цѣнностный сдвиг представляет собой нѣчто специфическое, связанное со всѣм своеобразным строем сов. экономики. Надо при этом замѣтить, что довольно значительное смягченіе обезцѣненія с.-х. продуктов, которое имѣло мѣсто в теченіе зимы и весны 1923—24 гг. достигнуто лишь в слабой степени за счет сокращенія субсидій гос. промышленности и пониженія цѣн ея издѣлій, а главным образом — за счет стихійнаго повышенія хлѣбных цѣн, благодаря форсированію хлѣбнаго экспорта в условіях скудости хлѣбных рессурсов страны.

С. Кон.

*) За исключеніем, может быть, одной Польши, гдѣ положеніе в 1923 г. представляло в этом смыслѣ нѣкоторую, хотя и довольно слабую, аналогію условіям сов. Россіи.

В ГЕРМАНІИ

ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНСТВА*)

1. Существенныя различія между германским и русским крестьянством.

Когда приходится писать для русскаго читателя о крестьянских отношеніях в Германіи, цѣлесообразно прежде всего отмѣтить основное различіе между русским крестьянством и тѣм, что мы в Германіи понимаем под словом «крестьяне».

Современное правовое положеніе германскаго крестьянства больше не содержит в себѣ отзвуков того времени, когда с понятіем крестьян связывалась принадлежность к наслѣдственному состоянію, права и обязанности котораго отличались от прав и обязанностей других состояній. Выраженіе «крестьянин» означает, скорѣе, лишь профессіональное положеніе, которое никакими правовыми рамками не отдѣлено от других профессій. Мы привыкли называть «крестьянами» тѣх сельских хозяев, которые лично принимают постоянное участіе в производимых в своем хозяйствѣ работах, и хозяйство которых достаточно велико, чтобы составлять основу существованія крестьянской семьи. Среди сельскаго населенія, без сомнѣнія, и посейчас, имя «крестьянина» часто прилагается только к преемникам жителей деревни, первоначально принадлежавших к наслѣдственному крестьянскому сословію. Различіе между ними и многочисленными хозяйствами прежде несамостоятельными, но с теченіем времени развернувшимися в независимыя сельско-хозяйственныя единицы, еще не стерлось вполнѣ; оно сказывается до сих пор в том общественном уваженіи, которым пользуется настоящій крестьянин в кругу прежних маломочных поселян (Kossäten, Büdner, Brinksitzer,

*) Статья принадлежит перу д-ра полит. наук, прив.-доц. Берлинскаго университета *К. фон-Дитце* и написана специально для «Крестьянской Россіи». Редакція солидаризируется не со всѣми соціально-економическими воззрѣніями автора и его освѣщеніем международных политических отношеній. — *Ред.*

Häusler и т. п.), которых теперь он по своему хозяйственному положенію ничѣм не превосходит. Так, еще во многих мѣстах держится обычай, что наслѣдник стараго крестьянскаго двора может жениться только на дочери настоящаго крестьянина, и первыя мѣста, в деревенской церкви, очень часто удерживаются за членами старых крестьянских семей. Но эти покоящіяся на историческом развитіи общественныя различія все же недостаточно значительны для того, чтобы в настоящее время служить основой раздѣленія на группы мелких сельских хозяйств Германіи. И, таким образом, слово «крестьянин» распространяется обычным словоупотребленіем на всѣх самостоятельных сельских хозяев, которые принимают участіе собственным трудом в обработкѣ земли своего хозяйства.

То, что этим понятіе крестьянства отграничивается снизу от тѣх, кто не являются сельскими хозяевами по своему главному занятію, покоится не только на особо сложившемся словоупотребленіи, но и на особенности положенія германскаго крестьянства, по сравненію с положеніем в дореволюціонной Россіи.

Проведеніе, так называемаго, освобожденія крестьян в обѣих странах различалось в существенных пунктах, и потому имѣло различныя послѣдствія. В нѣкоторых германских государствах, прежде всего в восточных частях Пруссіи, в которых существовало сильно развитое помѣщичье хозяйство, привлекавшее крестьян к работам в крупных имѣніях, крупныя крестьянскія хозяйства повсюду совершенно освобождались от прежних связей с помѣщичьими и получили возможность самостоятельнаго существованія на своих участках. Взамѣн этого, одновременно с освобожденіем крестьян, помѣщикам было предоставлено пріобрѣтеніе земли мелких неработоспособных крестьянских дворов. Так как, именно в эту эпоху основныя техническія успѣхи сельскаго хозяйства дѣлали болѣе чѣм недостаточной старую, основанную на рабочей повинности крестьян организацію крупных хозяйств, то помѣщики восточной Германіи завели собственный рабочій скот и, создав себѣ кадр чисто наемных рабочих, сдѣлали свои хозяйства независимыми от услуг сосѣдних крестьян.

Площадь крестьянских хозяйственных земель, вслѣдствіе этого, замѣтно уменьшилась (только в одной восточной Германіи на 800.000—1.000.000 гектаров); прежніе держатели мелких участков, или их преемники, оказались большей частью совершенно лишенными своих земельных владѣній и образовали новые кадры наемных рабочих, поселенных в помѣщичьих постройках. Семьи их, в этом положеніи, были однообразно снабжены работодателями маленькими участками земли для нужд собственнаго маленькаго хозяйства, но эта земля больше не составляла их собственности, а отводилась из года в год, в предѣлах помѣщичьих полей, как вознагражденіе за произведенныя работы. Земельное обезпеченіе, таким образом, составило лишь часть рабочаго договора и удерживало рабочих от его прекращенія.

В Западной и Южной Германіи, гдѣ помѣщичьи имѣнія изстари не принимали значительных размѣров, не было и побужденій к тому, чтобы послѣ освобожденія удерживать крестьян в зависимости от помѣщичьих хозяйств.

В Россіи при освобожденіи крестьян не было проведено столь же опредѣленнаго размежеванія между крестьянскими хозяйствами и основанными на использованіи наемных рабочих крупными имѣніями. В большинствѣ случаев крестьяне были обезпечены собственной землей в столь небольших размѣрах, что на доход от этой полученной земли не могли существовать их семьи. Этим они вынуждались искать подсобных заработков. Они их находили в качествѣ наемных рабочих крупных имѣній, или же арендовали у крупных владѣльцев землю, причем вознагражденіе часто состояло в обязательствѣ выполненія работы. Так как и экономическія условія сельско-хозяйственнаго производства были менѣе развиты, чѣм в Германіи в эпоху освобожденія крестьян, то для русских землевладѣльцев, поскольку они гораздо меньше, чѣм их восточно-германскіе сотоварищи, были расположены к дѣятельному участію в хозяйствованіи на своих землях, не возникало повода к созданію крѣпкаго кадра наемных рабочих, которое к тому же сопряжено с большимит трудностями. Старая организація труда

в крупных имѣніях была по существу удержана в большинствѣ мѣстностей Россіи. Владѣльческія земли, поскольку онѣ не сдавались в аренду крестьянам, обрабатывались, как и, прежде, главным образом, крестьянами же. В отдаленных областях даже до самой революціи сохранилось пользованіе крестьянским рабочим скотом и инвентарем для вспашки и уборки владѣльческих полей. Измѣнились только правовыя формы, но от этого, при часто очень тяжелых условіях аренды и найма, положеніе крестьян по существу не улучшилось. Наоборот, с увеличеніем населенія при недостаткѣ иных средств существованія все сильнѣе ощущавшійся земельный голод ставил большинство русских крестьянских хозяйств в возрастающую зависимость от землевладѣльцев. В противоположность этому, развитіе Германіи привело, в общем, к чистѣйшему размежеванію между помѣщичьим и крестьянским хозяйством.

Германскій крестьянин не является, как это зачастую до послѣдняго времени было в Россіи, промежуточным элементом между самостоятельным сельским хозяином и наемным рабочим, которому владѣніе собственной землей только мѣшает в примѣненіи рабочей силы; он не только юридически, но и фактически независим от помѣщичьяго хозяйства, а потому и вся его психологическая позиція по отношенію к помѣщикам существенно иная, чѣм в Россіи.

2. Значеніе крестьянства и его различных групп в Германіи и ея отдѣльных частях.

Германское крестьянство обнаруживает исключительно большую дифференціацію, как по значенію в рамках общаго аграрнаго строя, так и относительно групп, из которых оно слагается. Крестьянскія хозяйства дѣлятся на крупныя, мелкія и среднія. В то время как крупныя крестьянскія хозяйства, регулярно и в значительном числѣ, употребляют наемных рабочих, а мелкія крестьянскія хозяйства покоятся почти исключительно на рабочей силѣ лиц, принадлежащих к той же семьѣ, в средних хозяйствах, наряду с членами семьи, употребляется нѣсколько постоянных рабочих и работниц, а также принимаются временные рабочіе на время пахоты и жатвы. Крупно-крестьянскія хозяйства, в общем располагают от 20 до 100 гектаров сельско-хозяйственной площади. Не принадлежащая к семьѣ рабочая сила составляет в них, по положенію 1907 года, в среднем 60% всѣх занятых в хозяйствѣ лиц. Хозяйства, имѣющія болѣе чѣм 100 гект., во многих частях страны принадлежат к собственно крупным хозяйствам, в которых лицо с соотвѣтственным образованіем цѣликом занято одним только управленіем. В хозяйствах размѣрами менѣе, чѣм 20 гект. употребленіе наемных рабочих, поскольку оно вообще встрѣчается, составляет лишь дополненіе хозяйствованія семьи. Число «посторонних работников» составляло в 1907 г. в хозяйствах с 2—5 гект. — 14%, с 5—10 г. — 20% и с 10—20 г. — 34% всѣх занятых в хозяйствѣ лиц. Из с. х. территоріи всей Германіи в 1907 г. приходилось на хозяйства —

до 2-х	гектаров	5,4%
от 2 до 5	»	10,4 »
» 5—20	»	32,7 »
» 20—100	»	29,3 »
100 и болѣе	»	22,2 »

Хозяйства менѣе, чѣм с 2-мя гект. почти сплошь являются несамостоятельными. В 1907 г. их владѣльцы по своему основному занятію составляли: самостоятельные сельскіе хозяева только 13%, сельск.-хоз. рабочіе — 15%, самостоятельные предприниматели в промышленности, торговлѣ и транспортѣ (включая ремесленников и мелких торговцев) — 20%, наемные рабочіе промышленных, торговых и транспортных предпріятій — 36%. Остающаяся доля дѣлилась между неимѣющими профессіи лицами, рентьерами и мелкими чиновниками. Эти так наз. парцелярные хозяйства служили, главным образом, для удовлетворенія личных потребностей их владѣльцев. Исходя из этого, мы в правѣ при разсмотрѣніи германскаго крестьянства игнорировать хозяйства такого размѣра.

Напротив, группа хозяйств с 2—5 гект. насчитывала в числѣ своих владѣльцев 71% самостоятельных сельских хозяев. Владѣльцы этой категоріи хозяйств принадлежат, таким образом, в своей преобладающей

части к подлинному крестьянству. В цѣлом крестьянскія хозяйства в 1907 г. занимали около 70% с.-х. территоріи Германіи.

Для того, чтобы выявить наглядную картину значенія, которое имѣет в Германіи крестьянство в цѣлом и по отдѣльным группам, необходимо различать разныя части страны. Если принять во вниманіе лишь главнѣйшія части ея, можно исходить для этой цѣли из слѣдующаго подраздѣленія:

1. В восточной Германіи, которая в період с переселенія народов 12-го столѣтія, была населена славянскими племенами, а затѣм, главным образом, с двѣнадцатаго по четырнадцатый вѣк, заселилась, под предводительством германскаго рыцарства, германцами, крупныя имѣнія пріобрѣтают, неизвѣстные в других мѣстах, большіе размѣры. Их доля в общей сельско-хозяйственной территоріи достигает здѣсь свыше 40%. В восточной Гольштиніи, Мекленбургѣ и нѣкогда шведской Передней Помераніи, гдѣ вплоть до новѣйшаго времени власть дворянства могла проявляться почти неограниченно, эта доля еще значительно выше. Напротив, в старых прусских провинціях, благодаря умѣлой защитѣ крестьян прусскими королями до начала девятнадцатаго вѣка, крестьяне удерживают болѣе половины с.-х. земель. В отдѣльных мѣстностях площадь крестьянских земель еще больше; таково положеніе округов старой колонизаціи, как Западный Бранденбург и Саксонія. В этих районах так же, как и в большинствѣ прочих мѣстностей Восточной Германіи, крестьянскія хозяйства являются по преимуществу крупными. Только в Силезіи и нѣкоторых других мѣстах, гдѣ славянское населеніе удержалось в большом количествѣ, как в Лаузитцѣ, в восточной Задней-Помераніи и в мѣстах литовскаго нарѣчія, выступают мелкія хозяйства менѣе, чѣм с 20-ю гектарами.

2. В западной и южной Германіи крупныя земельныя предпріятія никогда не имѣли большого значенія. Здѣсь установившееся еще в средніе вѣка преобладаніе крестьянских хозяйств удержалось до сегодняшняго дня. При этом проявляются и отдѣльныя важныя различія. Можно различить район, главным образом, мелкаго крестьянства и два, отдѣленных им один от другого, крупно-крестьянских округа.

а) Мелко-крестьянскій район захватывает берег средняго и верхняго Рейна с притоками и распространяется по Майну вплоть до Тюрингіи. В этих мѣстах хозяйства менѣе, чѣм с 5-ю гект. составляют от 36 до 60%, с.-х. территоріи, хозяйства же болѣе, чѣм в 20 гект. — только от 6 до 18%. Промышленность, вслѣдствіе большого избытка рабочих сил, в густо населенных крестьянских мѣстностях распространена здѣсь гораздо сильнѣе, чѣм по всей странѣ и представляет многочисленные случаи подсобнаго заработка для членов крестьянских семей.

б) Сѣверо-западная Германія характеризуется господством крупно-крестьянских хозяйств болѣе, чѣм в 20 гект., которыя здѣсь занимают почти половину с.-х. площади. На сѣвер Рейнской Области и Вестфалію падает наибольшая концентрація германской промышленности, вліяніе которой сказывается на сельском хозяйствѣ сосѣдних областей и часто вызывает дробленіе крупно-крестьянских дворов.

в) Южная Германія являет также сильное распространеніе болѣе крупных крестьянских дворов. Но наряду с ними, сильнѣе, чѣм на сѣверо-западѣ, выступают среднія крестьянскія хозяйства, имѣющія от 5 до 20 гект. Они охватывают здѣсь в общем почти половину с.-х. площади. Промышленность в этом районѣ имѣет небольшое значеніе.

3. Владѣльческія отношенія и наслѣдственные обычаи германских крестьян.

Во всей Германіи, за исключеніем немногих узко ограниченных мѣстностей, крестьянское хозяйство покоится, в большинствѣ случаев, на использованіи собственной земли. Доля арендованной земли к общей площади сельских хозяйств составляла в 1907 г. по Германіи для хозяйств с 2—5 гект. — 16,6%, с 5—20 г. — 9%, с 20—100 г. — 7,5%. Исключительно арендованной землей пользовалось из хозяйств с 2—5 гект. — 4,7%, с 5—20 г. — 2,3%, с 20—100 г. — 3,9%. Арендующіе крестьянскіе дворы находятся в наибольшем числѣ в немногих мѣстностях, историческое

развитіе которых шло иными путями, чѣм развитіе остальной Германіи; таково положеніе в Передней Помераніи, восточной Гольштиніи и нѣкоторых частях сѣв.-зап. Германіи, гдѣ уже очень рано землевладѣльцы обратились к временно арендным отношеніям. В пастбищных хозяйствах на берегах Сѣвернаго моря аренда цѣлых крестьянских хозяйств встрѣчается тоже болѣе часто. Это явленіе наблюдается здѣсь впервые в новѣйшее время. Распространенное в этих мѣстах, — связанное с небольшим количеством рабочей силы, — разведеніе мясного скота привело к тому, что перед войной многіе крестьяне-владѣльцы сдавали свои земли в аренду и жили в городѣ в качествѣ рентьеров. Но в большинствѣ районов, именно в крестьянских хозяйствах, аренда по существу является лишь дополненіем покоящагося на крестьянской земельной собственности аграрнаго строя. Там, гдѣ крестьянскія хозяйства ею пользуются, она служит, как показывают приведенныя цифры, главным образом, к увеличенію уже существующаго собственнаго хозяйства. Она дает возможность крестьянам согласовать площадь обрабатываемой земли с состояніем рабочей силы или инвентаря и нерѣдко, о чем будет сказано подробнѣе, подняться в высшую имущественную группу.

Сдают крестьянам землю в аренду большей частью учрежденія: церковь, общины, школа, нерѣдко и само государство.

Наряду с этим, и болѣе крупныя крестьянскія хозяйства, ощущающія трудности в обезпеченіи необходимой рабочей силой, часто сдают в аренду части своих владѣній болѣе мелким хозяйствам. Помѣщики тоже сдают отдѣльные участки. Но, в общем, аренда не вызывает тяжелой хозяйственной зависимости мелких крестьянских хозяйств от болѣе крупных земельных владѣній. Жалобы на чрезмѣрно высокія арендныя цѣны и на эксплуатацію землевладѣльцами арендаторов-крестьян, вслѣдствіе этого, раздаются лишь в единичных случаях, всего сильнѣе из густо населенных мелко-крестьянских районов. Вознагражденіе за предоставленіе земли, состоящее в обязательствѣ отработки, встрѣчается в единичных случаях, чаще всего в отдѣльных сѣв.-вост. округах, у так наз., Heurrling'ов.

На пространствѣ большей части Германіи крестьянскіе дворы по смерти владѣльца переходят исключительно к одному наслѣднику, большей частью к старшему сыну. Как общее правило, они и между живыми отчуждаются только цѣликом.

Обычай реальнаго дѣлежа господствует только в вышеозначенных зап. и южно-германских мелкокрестьянских районах. Сыновья крестьянина или даже всѣ его дѣти получают там по смерти владѣльца по наслѣдству участки земли.

В связи с этим, в этих областях распространен и обмѣн земельных участков между живыми. Слѣдствіем того и другого является здѣсь большее, в общем, значеніе арендного хозяйства для крестьян, чѣм в областях с господством единонаслѣдія, так как путем дѣлежа наслѣдства хозяйства часто принимают нецѣлесообразные размѣры, могущіе быть исправленными арендованіем или сдачей в аренду. Даже наслѣдники отдѣльных участков часто бывают вынуждены их сдавать, не будучи в состояніи самостоятельно обрабатывать их.

Распространенность обмѣна земельных участков, во многих случаях являющаяся коррективом частых наслѣдственных дѣлежей, с другой стороны, дает возможность также и городским капиталистам обращаться и извлекать ренту из сдачи в аренду.

4. Расширеніе крестьянскаго семейнаго хозяйства до войны.

В послѣднее десятилѣтіе перед войной в Германіи, так же как в большинствѣ других частей цивилизованнаго міра, общее развитіе шло в сторону роста болѣе мелких крестьянских хозяйств, при одновременном уменьшеніи площади крупных имѣній и крупно-крестьянских предпріятій. С.-х. площадь в Германіи с 1882 по 1907 год увеличилась у хозяйств с 2—5 гект. на — 114.000 гект., у хозяйств с 5—20 г. на цѣлых — 1.264.000 гект., а у крупных предпріятій болѣе, чѣм в 100 гект. на — 731.000.

Если выразить измѣненіе в процентах к состоянію 1882 года, то получается у хозяйств с 2—5 и 5—20 гект.

увеличенiе на 3,6% и 13,8%, у хозяйств с 20—100 г. и болѣе чѣм 100 гект. уменьшенiе на 6,9% и 9,4% их с.-х. площади. Это движенiе основывалось лишь в незначительной части на прямо или косвенно поощряемой государством «внутренней колонизацiи».

Распространенiе семейно-крестьянскаго хозяйства происходило в огромном большинствѣ случаев, как слѣдствiе общаго хозяйственнаго развитiя, без искусственной помощи.

Дѣятельность Германскаго государства в области внутренней колонизацiи даже приблизительно не достигала того размѣра, который наблюдался в Россiи послѣ 1906 г. Наибольшее значенiе она имѣла в Пруссiи. Серьезная колонизацiонная дѣятельность, которую вели прусскiе короли в 17 и в особенности в 18 и началѣ 19-го в., вслѣдствiе либеральной политики, была оставлена; и только в послѣднiя десятилѣтiя 19-го вѣка Прусское правительство опять поставило перед собой эту задачу. Движущiе мотивы в данном случаѣ лежали преимущественно в области нацiональной политики и политики в отношенiи населенiя. Стремились создать сильное и прочное германское крестьянство на бывшей польской территорiи, а также утвердить болѣе здоровый соцiальный строй и преграду распространяющемуся польскому влiянiю в слабо заселенной (вслѣдствiе преобладанiя крупных помѣстiй) части восточной Германiи, путем болѣе густого насажденiя крестьянских дворов. Так были изданы законы—1886 г. о внутренней колонизацiи (Ansiedlungsgesetz) для Познани – Восточной Пруссiи и законы о рентных имѣнiях (Rentengutsgesetze) девятидесятых годов. Только в Познани и Восточной Пруссiи проведенiе колонизацiи находилось в руках государства. Здѣсь эта задача падала на государственныя комиссiи по колонизацiи. В других восточных провинцiях государство сохранило за собой лишь право надзора (через посредство учрежденiй земельнаго вѣдомства — Landeskulturbehörden) за частной переселенческой дѣятельностью. Средством дѣйствительнаго надзора со стороны этих учрежденiй служило данное только им право рѣшенiя об обезпеченiи государственным кредитом при основанiи новых поселенiй. Предоставленiе дѣла колонизацiи частным лицам практиковалось, однако, не всюду, и с 1899 г. для проведенiя в жизнь проектов колонизацiи были образованы смѣшанныя колонизацiонныя товарищества. Они приняли юридическую форму товариществ с ограниченной отвѣтственностью. В состав их входили: государство, коммунальныя корпорацiи, кооперативные союзы, города, коммерческiя общества (Erwerbsgesellschaften) и частныя лица. Эти смѣшанныя товарищества работали рука об руку с учрежденiями земельнаго вѣдомства и, в общем, оказались полезными.

До 1910 г. в Пруссiи было основано 32.175 новых участков с 438.150 гект. земли, включая сюда и поселенiя в Познани и Восточной Пруссiи, созданныя комиссией по колонизацiи. Эти числа относятся почти исключительно на восточныя провинцiи и в них, преимущественно на Познань и Восточную Пруссiю. Как показывает сравненiе с вышеприведенными цифрами прироста крестьянских хозяйств за 1882—1907 гг., на счет покровительствуемой государством внутренней колонизацiи не приходится и трети прироста крестьянских хозяйств Германiи за этот перiод. Что общее экономическое положенiе крестьянских хозяйств было благопрiятно видно также из того, что лишь ничтожно малый процент вновь созданных дворов не смог удержаться.

5. Экономическое положенiе германскаго крестьянства перед войной.

Указанное увеличенiе обрабатываемой крестьянскими хозяйствами сельско-хозяйственной площади не могло бы разсматриваться, само по себѣ, как показатель особо счастливаго положенiя крестьянскаго хозяйства. Однако, и другiе факты показывают, что условiя существованiя крестьянских хозяйств складывались тогда, не только относительно, но и абсолютно, благопрiятно.

Принудительныя отчужденiя с торгов, а также и добровольныя продажи крестьянских дворов были относительно рѣдки. Движенiе цѣн на с.-х. продукты, начиная со второй половины 19 вѣка, благопрiятствовало в особенности тѣм продуктам, наиболѣе удобныя условiя производства которых

создаются мелким крестьянским хозяйством.

Важнѣйшіе из них: молоко, масло и свѣжее мясо. С 1881 по 1910 г. в Германіи цѣны пшеницы упали на 1%; цѣны ржи возросли на 11%, масла — на 38%, мясо крупнаго скота — на 71% и молочныя цѣны — на всѣ 100%. Эмиграція за океан, в которой принимали особенно сильное участіе как раз густо населенные мелкокрестьянскіе районы, с конца 19 вѣка почти совершенно пріостановилась. Что касается отлива из деревни, то он, как это показали изслѣдованія проф. Зеринга, гораздо сильнѣе затронул наемных рабочих крупных имѣній, чѣм крестьянское населеніе. Все же в города ушел не малый процент и членов крестьянских семей и, благодаря расцвѣту германской промышленности, нашел себѣ там хорошее примѣненіе.

Вообще положеніе германскаго крестьянскаго хозяйства покоилось на быстром развитіи германской индустріи. Промышленные центры были платежеспособными покупщиками продуктов крестьянских хозяйств. Их усиленію обязано, в значительной мѣрѣ, отмѣченное повышеніе цѣн. Кромѣ этого была необходима возможность отлива в города, для того чтобы не создалось перенаселенія крестьянских поселков. При господствующем в большей части Германіи обычаѣ ограниченнаго наслѣдованія, для того чтобы основы соціальнаго строя деревни остались здоровыми, младшіе сыновья вынуждаются в большинствѣ случаев проводить свою жизнь, с опредѣленнаго возраста и женитьбы, за предѣлами отцовскаго хозяйства, часто далеко от родного участка. При густой заселенности Германіи и устойчивом ростѣ ея крестьянскаго населенія уже давно не имѣлось в его распоряженіи земель, достаточных для снабженія ими младших крестьянских сыновей на новых мѣстах. Оставшіеся внѣ земли рабочія силы и капиталы находили себѣ лучше вознаграждаемое примѣненіе за предѣлами сельскаго хозяйства. Поэтому тогда не ставилось и вопроса об интенсификаціи сельскаго хозяйства, а также вопроса об осушеніи болотных пространств, как средства созданія достаточных возможностей прироста крестьянскаго населенія. Критическое увеличеніе земельной тѣсноты у крестьянских хозяйств было отвращено тѣм, что избыточная часть крестьянскаго потомства могла удовлетворительно пристроиться в неземледѣльческих профессіях. Таким образом, общее положеніе, в котором находилось германское крестьянство в теченіе послѣдних десятилѣтій перед мировой войной, слѣдует признать дѣйствительно здоровым и благопріятным.

6. Хозяйственное положеніе германских крестьян со времени войны.

Во время войны многочисленныя крестьянскія хозяйства попали в очень тяжелое положеніе вслѣдствіе недостатка рабочей силы. Даже тяжелыя полевыя работы зачастую могли выполняться только женщинами и стариками. Кто ѣздил по странѣ во время войны часто поражался картиной производившейся на крестьянских полях вспашки или бороньбы стариками и женщинами.

Но все же и военныя событія, даже введенное тогда государственное регулированіе производства с.-х. продуктов, от котораго, по понятным основаніям, легче было уклониться семейному хозяйству, чѣм использующему преимущественно чужих рабочих болѣе крупному предпріятію, отнюдь не привели к общему кризису положенія германскаго крестьянства.

В первые годы послѣ войны положеніе это опредѣлялось, главным образом, вліяніем обезцѣненія денег и проведеніем государственнаго регулированія сбыта и распредѣленія с.-х. продуктов. Обезцѣненіе денег освободило крестьянство, как и всѣх ипотечных должников, почти полностью от их, большей частью сильно возросшаго, ипотечнаго долга. Правда, сначала, в особенности мелкіе крестьяне, неправильно поняв значеніе паденія денег, понесли большіе убытки, пробуя сохранить свои сбереженія и доходы в бумажных марках. Но очень скоро и они научились разбираться в измѣнившихся условіях денежнаго обращенія. Поскольку крестьянскія хозяйства выступают в роли арендаторов, обезцѣненіе денег принесло им большей частью пониженіе арендной платы. Цѣны на продукты крестьянскаго хозяйства поднялись значительно быстрѣе, чѣм цѣны на потребляемые им товары. Путем своевременной по-

купки и поздней продажи для многих создалась возможность получить значительныя выгоды. Кромѣ того, как раз расцѣнку мяса государство предоставило снова вольному рынку, а хозяйства менѣе, чѣм в 20 гект. были избавлены от обязательств доставки хлѣба по государственным раскладкам, которыя оплачивались много ниже рыночных цѣн. Таким образом создались важныя преимущества крестьянских семейных хозяйств, по сравненію с болѣе крупными.

Эти преимущества еще усиливались вліяніями рабочих отношеній. Трудовой строй мелких и средних крестьянских хозяйств остался непоколебленным, так как он основывался на совмѣстной работѣ членов семьи, под руководством ея главы. Производительность членов, по сравненію с довоенным временем, не испытала существеннаго уменьшенія. Наоборот, крупныя имѣнія, вслѣдствіе сильнаго паденія притока польских пришлых рабочих, были вынуждены замѣнять их мѣстными рабочими семьями, оплачиваемыми относительно выше, чѣм прежде. Между тѣм производительность труда этих послѣдних, в особенности в первые годы по окончаніи войны, была много меньше прежней. Результаты тѣх преимуществ, которыя возникли вслѣдствіе этого для семейных хозяйств, не могли проявиться с достаточной наглядностью в період обезцѣненія денег, потому что крупные владѣльцы, вслѣдствіе своих преимуществ в торговом отношеніи, сумѣли его учесть гораздо быстрѣе крестьян. Это послѣднее обстоятельство не давало крупным хозяйствам почувствовать в полной мѣрѣ указанных неблагопріятных хозяйственных отношеній. Однако, эти времена уже прошли. Если даже настоящія попытки государства создать устойчивое платежное средство не будут, вслѣдствіе политики наших западных сосѣдей, имѣть длительнаго успѣха, то все же вряд ли найдутся столь мало чему либо научившіеся люди, которые и дальше не сумѣли бы справиться с неблагопріятными послѣдствіями обезцѣненія денег.

Этим самым явственно выявится благопріятное положеніе мелких и средних крестьянских хозяйств, по сравненію с крупными имѣніями и крупно-крестьянскими хозяйствами, которым приходится бороться с большими затрудненіями в дѣлѣ обезпеченія себя рабочими. Вслѣдствіе этого, даже независимо от подлежащих рѣшенію государства мѣр в области внутренней колонизаціи, можно разсчитывать в будущем на дальнѣйшее развитіе мелко и средне-крестьянских хозяйств.

Относительно благопріятное положеніе германскаго сельскаго хозяйства, создавшееся за послѣдніе годы, не должно побуждать к преувеличенію его абсолютной доходности. Выраженные в золотѣ, доходы германских сельских хозяйств и, в частности, крестьянских хозяйств, несмотря на отдѣльныя преходящія конъюнктурныя выгоды, за послѣдніе годы навѣрное не были выше и, по всей вѣроятности, были значительно ниже, чѣм до войны. Это обнаруживается, например, в пониженіях в среднем по сравненію с довоенным временем, цѣнах на землю и арендной платѣ. Тѣм не менѣе, крестьянскія хозяйства, также, как и крупныя имѣнія, в общем употребили за послѣдніе годы немалые средства, чтобы преодолѣть воздѣйствіе на них войны, а также предпринять нѣкоторыя улучшенія. Так, по частным наблюденіям, снабженность сельско-хозяйственными машинами, усилилась. Пополнены, большей частью, и постройки.

Нерѣдко слышатся жалобы на чрезмѣрно возросшія у крестьян издержки на предметы роскоши. Однако, эти явленія не слѣдует обобщать и выводить из них далеко идущія заключенія. Земледѣльческіе доходы еще не выровнялись в такой мѣрѣ как в мирное время. Скотовладѣніе все еще меньше, чѣм перед войной. Перепись скота 1 декабря 1922 г. обнаружила отсталость от уровня послѣдних мирных лѣт: свиней на 35%, рабочаго скота на 12%, коров на 10%. Увеличилось только число овец и коз, имѣющих малое значеніе для крестьянскаго хозяйства. Оборот мясного скота, по сравненію с 1913 г., уменьшился еще гораздо сильнѣе, и средній убойный вѣс проданных животных был гораздо меньше, чѣм до войны. Таковы факты, при которых не может быть рѣчи об общем процвѣтаніи германскаго крестьянства, тѣм болѣе, что

и соотношеніе цѣн передвинулось к невыгодѣ сельскаго хозяйства. Как раз в послѣдніе мѣсяцы цѣны сельско-хозяйственных продуктов обнаруживают растущее отставаніе от цѣн товаров, пріобрѣтаемых сельскими хозяйствами. За 50 кгр. пшеницы в 1913 г. платили в среднем 8,25 м., теперь же платят только 6—7 м., между тѣм как одновременно с этим промышленныя издѣлія стоят еще много выше мирных цѣн. Цѣны на скот нѣсколько благопріятнѣе, но и онѣ понижены по сравненію с мирным уровнем.

Относительно выгодное состояніе цѣн на скот благопріятно вліяет на мелкія хозяйства. Будет ли онѣ большим и далѣе, предсказать сейчас с опредѣленностью нельзя. Во всяком случаѣ оно не может выравнять общую тенденцію цѣнообразованія, дѣйствующую к невыгодѣ с.-х. продуктов, относительно остальных продуктов, а также все болѣе увеличивающееся налоговое давленіе. Преимущества, которыя обнаружило по сравненію с крупным предпріятіем семейное хозяйство своей лучшей укрѣпленностью против кризиса в період наиболѣе тяжелаго экономическаго положенія, еще не достаточны, чтобы считать прочным будущее германскаго крестьянства.

Удар, нанесенный германской промышленности войной, серьезно угрожает положенію германскаго сельскаго хозяйства, в особенности крестьянскаго, независимо от его вліянія на цѣнообразованіе. Как указывалось выше, благопріятное положеніе крестьянскаго хозяйства перед войной, в существенной части основывалось на том, что избыток крестьянскаго населенія мог находить себѣ хорошее примѣненіе за предѣлами сельскаго хозяйства. Эта возможность закрыта на неопредѣленное время. Бѣгство от земли, на которое прежде раздавалось столько жалоб, со времени войны потеряло прежнее значеніе. Скорѣе даже становится ощутительным обратный отлив из города элементов, еще не вполнѣ потерявших связь с земледѣльческой родиной. Этим ставится перед крестьянством жгучій вопрос, как ему слѣдует в будущем пристраивать своих сыновей и дочерей. Если у сельскаго населенія Германіи удержится высокая рождаемость и до сих пор наблюдавшійся, вслѣдствіе нея, сильный прирост, то оно будет стоять перед опасностью земельной тѣсноты, которая скоро станет ощутимой. Опасность эта является тѣм болѣе грозной, что при господствующем политическом положеніи почти не приходится принимать во вниманіе эмиграцію. Тѣм большее значеніе пріобрѣтает вопрос о том, каковы виды на расширеніе и интенсификацію крестьянских хозяйств в предѣлах германских границ, и что со времени войны предпринято для этого государством.

7. Государственныя мѣропріятія послѣвоеннаго времени по распространенію крестьянских хозяйств.

Непосредственно послѣ окончанія военных событій внутренняя колонизація Германіи получила новыя правовыя основы. Общія положенія о ней содержались в распоряженіи о пріобрѣтеніи земель для надобностей внутренней колонизаціи от 29 января 1919 г. и впослѣдствіи были замѣнены общегосударственным законом о внутренней колонизаціи (Reichssiedlungsgesetz) от 11 авг. 1919 г. На основаніи этих законов были изданы потом отдѣльными странами постановленія для их осуществленія. Проведеніе внутренней колонизаціи, таким образом, является, как и раньше, дѣлом отдѣльных государств, но послѣднія должны слѣдовать в нем основным положеніям заложенным в общегосударственных законах. Эти основныя положенія считают задачей колонизаціонной политики созданіе новых крестьянских участков, а также увеличеніе наличных мелких хозяйств до размѣров самостоятельнаго продовольственнаго участка. Послѣдняя задача т. наз. дополнительное надѣленіе (Anliegersiedlung) означает существенное нововведеніе. Проведеніе колонизаціи должно быть вручено колонизаціонным предпріятіям, которыя могут быть или смѣшанными товариществами вышеописаннаго вида или государственными учрежденіями. В Пруссіи, которая теперь, как и раньше, имѣет наибольшее колонизаціонное значеніе, т. к. охватывает главнѣйшіе крупно-владѣльческіе округа, удержаны для новой колонизаціи смѣшанныя колонизаціонныя товарищества.. Дополнительное надѣле-

ніе осуществляется под наблюденіем учрежденій земельнаго вѣдомства. Для цѣлей колонизаціи предназначаются государственныя владѣнія, а также болота и пустоши. Кромѣ того, колонизаціонныя учрежденія имѣют право преимущественной покупки всѣх появляющихся на рынкѣ земельных участков размѣром болѣе 25 гект.; в округах, гдѣ крупныя имѣнія (с площадью выше 100 гект.) занимают болѣе 10% всей сельско-хозяйственной площади, учреждаются союзы для «поставки» земли (Landlieferungsverbände). Им вмѣняется в обязанность доставить для нужд колонизаціи треть площади крупных имѣній, или такое количество земли, чтобы для с.-х. площади у этих послѣдних не превышала 10%. Эти союзы являются принудительным объединеніем крупных владѣльцев. Им дано право и вмѣнено в обязанность отчуждать в необходимых случаях нужную землю по требованію колонизаціонных учрежденій. Для этой цѣли они должны, однако, избрать преимущественно имѣнія плохо управляемыя, принадлежащія к владѣніям чрезмѣрно большого размѣра, пріобрѣтенныя за время войны не сельскими хозяевами, неоднократно мѣнявшія владѣльца за послѣднія 20 лѣт или не управляемыя своими собственниками. Так же и прежнія крестьянскія владѣнія, поглощенныя в теченіе послѣдних 30 лѣт крупными предпріятіями, должны быть выдѣлены из состава послѣдних, со всѣми принадлежащими к ним постройками. Отчужденіе имѣній, ведущихся в хозяйственном или соціальном отношеніи образцово, не должны имѣть мѣста.

Таким образом, германское земельное законодательство оказалось далеко не столь радикальным, как в сосѣдних восточных государствах. Предѣльный размѣр земельнаго владѣнія не установлен, и при выборѣ подлежащих раздѣлу имѣній в рѣшающей инстанціи являются сами крупные земельные собственники.

Тѣм не менѣе, приведенныя основы достаточны для созданія необходимаго для ближайшаго времени земельнаго фонда. Если при господствѣ этих правовых основ колонизація все-таки сдѣлала меньше успѣха, чѣм ожидали ея друзья, то причины этого слѣдует искать, главным образом, в общих экономических трудностях. Обезцѣненіе денег на долгое время уничтожило сбереженія поселенцев и все болѣе суживало возможность внесенія стоимости возведенія построек и снабженія инвентарем. Право преимущественной покупки со стороны колонизаціонных учрежденій сдѣлалось иллюзорным, т. к. с 1921 г. поступали в продажу лишь совершенно прогорѣвшія имѣнія, которыя были неудобны для колонизаціи. При отчужденіи вопрос об установленіи соотвѣтствующаго вознагражденія вел к большой непрочности и хлопотливости этого способа. А многочисленныя выступленія против колонизаціи, поддерживаемыя членами всѣх политических партій, во многих случаях помогали разстроить проведеніе отчужденія. Со времени введенія учета дохода в натурѣ, неблагопріятныя слѣдствія обезцѣненія денег стали менѣе чувствительны. Кромѣ того, законом 7 іюня 1923 г., для размѣщенія изгнанных из Польши германских колонистов введен ускоренный порядок отчужденія, а также вообще устранены нѣкоторыя недостатки имперскаго закона о внутренней колонизаціи. Поэтому слѣдует ожидать, что современное правовое регулированіе станет болѣе удобным орудіем для достиженія намѣченной цѣли.

Достигнутые со времени войны результаты колонизаціонной дѣятельности, выражаются в слѣдующих цифрах. За 1919—21 гг. общеполезныя колонизаціонныя предпріятія Германіи (за исключеніем Вюртемберга, Бадена и Брауншвейга) устроили 6.359 новых дворов, с 53.280 гект., и в порядкѣ дополнительнаго надѣленія увеличили 84.552 наличных мелких хозяйств на 75.462 гект. Среди послѣдних находится болѣе 30.000 крестьянских дворов, впервые, путем надѣленія землей, превращенные в самостоятельныя хозяйства. Наибольшее значеніе колонизація, как и прежде, имѣет в восточных частях страны. Дополнительное надѣленіе пріобрѣло значеніе также и для других областей, в особенности Гессена, Ольденбурга, Саксоніи и Ангальта. Особенное значеніе оно имѣло в Силезіи, гдѣ уже со средневѣковья было особенно велико число самостоятельных дворов.

Как показывают цифры Пруссіи,

обнимающія годы с 1919 по 1922, колонизаціонная дѣятельность, по сравненію с довоенным временем, замѣтно усилилась. В то время как до войны ежегодно устраивалось около 1.500 новых дворов, в 1919 их число правда достигло лишь 822, но в слѣдующіе 3 года оно было 1.743, 2.174 и 2.655; в общей сложности 7.394 новых дворов с 64.075 гект. В среднем, на каждый новый двор приходится 8,7 гект. Это усиленіе колонизаціи тѣм болѣе примѣчательно, что провинціи, представлявшія до войны главную область колонизаціи, Познань и Восточная Пруссія, в своей большей части утеряны Пруссіей.

Кромѣ того слѣдует отмѣтить, что одновременно путем дополнительнаго надѣленія создается большое число самостоятельных крестьянских хозяйств.

Указанное развитіе земельной колонизаціи уже сейчас не может удовлетворить всѣх требованій. Как уже говорилось, вслѣдствіе глубокаго упадка германской промышленности, младшим крестьянским сыновьям становится все труднѣе найти себѣ выгодное примѣненіе. В этом же направленіи дает себя чувствовать и сильное ограниченіе арміи, в которой прежде многіе сыновья крестьян служили долгіе годы унтер-офицерами, чтобы потом быть принятыми на должности младших служащих в государственныя или общественныя учрежденія. Чѣм дольше тянется настоящее положеніе, тѣм сильнѣе увеличивается численность скопившагося в деревнях избыточнаго населенія, которое не знает, что ему предпринять. Это обстоятельство, уже в предшествующіе годы, пробовали использовать нѣкоторыя политическія теченія и партіи. Со стороны радикальнаго имперскаго союза для осуществленія колонизаціи и реформы арендных отношеній, в началѣ 1923 г. было выставлено предложеніе произвести народное голосованіе законопроекта, имѣвшаго цѣлью отчужденіе средних и крупных земельных владѣній без вознагражденія. По проекту, каждый владѣющій полем, лугом или лѣсом в размѣрах, превышающих два продовольственных участка, должен был уступить государству треть излишка площади против двух продовольственных участков, без вознагражденія. Размѣр продовольственнаго участка опредѣлялся при этом в 12 гектаров лучшей и 50 наихудшей земли. Отчужденную землю государство должно было сдавать в наслѣдственную аренду площадями, не превышающими продовольственнаго участка, причем было предложено исчислить ренту до смѣшного низко.

Предложенное народное голосованіе не состоялось. Вообще проект, сначала возбудившій понятное вниманіе, затѣм сошел со сцены. Крайности его требованій были отклонены самой соціал-демократической партіей. Но вскорѣ соціал-демократы со своей стороны внесли предложеніе, по которому всѣ частные владѣльцы, имѣющіе болѣе 750 гект. с.-х. и болѣе 100 гект. лѣсной площади, должны передать излишки сверх этого размѣра государству за вознагражденіе. Лѣсныя владѣнія государство должно удержать в собственном управленіи, а с.-х. площадь, по возможности, передать для потребностей внутренней колонизаціи. Это предложеніе, в существо котораго я не могу здѣсь входить, можно спокойно сказать, не будучи несправедливым к его иниціаторам, болѣе отвѣчало стремленію создать приверженцев партіи среди сельскаго населенія, чѣм желаніе практической работы. Вслѣдствіе этого оно до сих пор еще не поступило на разсмотрѣніе Рейхстага, конечно, будучи живо обсуждаемо в прессѣ и в политических собраніях. Современное положеніе германскаго народнаго хозяйства не допускает проведенія внесенных предложеній — это, конечно, хорошо извѣстно самим иниціаторам. В с.-д. партіи тоже нѣт единства взглядов на колонизаціонный вопрос.

Разрушеніе существующих хозяйственных предпріятій было бы при осуществленіи упомянутых предложеній неизбѣжно, слѣдствіем этого явилось бы сильное паденіе производства, при котором стало бы немыслимым добываніе необходимых для осуществленія с.-д. проекта средств.

8. Позиція германскаго крестьянства по отношенію к политическим и хозяйственным вопросам момента.

Германское крестьянство, как это явствует из фактов, опредѣляющих его соціальный строй, до сих пор не представляет собой революціоннаго

элемента. Вообще нѣмцу трудно даже представить себѣ крестьянскую революцію. Крупный крестьянин в большинствѣ случаев является предпринимателем; но и мелкій и средній крестьянин тоже крѣпко связан с существующим хозяйственным строем, с правом собственности на землю. Хозяйство крестьянина большей частью настолько велико, чтобы обезпечить семьѣ достаточное содержаніе. Он не подвергается также в общем эксплоатаціи со стороны крупных землевладѣльцев или городских капиталистов. Поэтому всѣ домогательства, направленныя на ограниченіе или отмѣну частной собственности находили сильнѣйшій отпор как раз среди крестьянства. Изложенныя предложенія, направленныя на радикальное отчужденіе крупной земельной собственности, именно в крестьянствѣ нашли слабый отклик. Крестьянин, сознательно или безсознательно, опасается, что ломка основ частной собственности, рано или поздно может оказаться невыгодной для него самого*).

Эта основная позиція германскаго крестьянства находит свое выраженіе и в политических направленіях, пріобрѣвших значеніе в его средѣ. Соціалистическія и коммунистическія партіи до сих пор нигдѣ не могли на долго укрѣпиться среди крестьян. Различныя крестьянскія организаціи, не имѣя собственно партійно-политической оріентаціи, стоят, однако, довольно близко к опредѣленным политическим партіям. Большая часть германских сельских хозяйств, в том числѣ также германских крестьян, входят в состав государственнаго союза земельных собственников (Reichslandsbund), представители котораго чаще всего принадлежат к правым партіям. В него входят не только болѣе крупные, но также многочисленные мелкіе и средніе крестьяне.

Имперскій Союз земельных собственников образовался из союза сельских хозяев, основаннаго в девятидесятых годах прошлаго столѣтія для защиты дѣйствующих покровительственных хлѣбных пошлин против экономической политики германскаго канцлера Каприви. В католических областях он имѣет меньшее значеніе. Здѣсь крестьянскія организаціи примыкают чаще всего к партіям, представляющим интересы католическаго населенія, — к центру и к баварской народной партіи. В Баваріи рядом с ними стоит особый баварскій Крестьянскій Союз, посылающій нѣсколько собственных депутатов в Ландтаг и Рейхстаг и до сих пор входящій в правительство вмѣстѣ с баварской народной партіей и имперскими партіями, «Германскій Крестьянскій Союз», лидеры котораго принадлежат к демократическим партіям, был основан, впервые за нѣсколько лѣт до войны. В отличіе от Имперскаго Союза земельных собственников, Герм. Крест. Союз выдвигает на первый план исключительно интересы болѣе мелких сельских хозяев. В первое время послѣ войны Союз пріобрѣл было большое значеніе, но не смог его удержать в полной мѣрѣ.

В общем можно сказать, что германское крестьянство политически оріентировано направо. Даже там, гдѣ оно не может быть причислено к настоящим правым партіям, его представители образуют, большей частью, правое крыло смежной партіи, как это часто замѣчается особенно в центрѣ. Баварія, — в настоящее время наиболѣе политически право оріентированное государство Германіи, является типичной крестьянской страной и ея политика опирается преимущественно на крестьянствѣ. Крестьянскія организаціи, возникшія на почвѣ колонизаціи, до сих пор, несмотря на их объединеніе в «Имперскій союз мелких сельских хозяев» (Reichsverband ländlicher Kleinbetriebe), не смогли увеличить свое вліяніе, главным образом, вслѣдствіе существенных затрудненій, вызванных обезцѣненіем денег, и противоположностей в земельно-арендных отношеніях, в которых организаціи представляют интересы мелких арендаторов.

Общее политическое значеніе партій и теченій, опирающихся на сельское хозяйство, и в особенности на крестьянство, в послѣднее время замѣтно возросло.

*) Обычно наемные рабочіе крупных имѣній и их союзы являются наиболѣе рѣзкими противниками раздѣлов. В общем они обставлены так, что тяжелая участь переселенца привлекает лишь немногих; при раздѣлѣ же имѣній они опасаются потерять свои мѣста.

Непосредственно послѣ войны и политическаго переворота сельское хозяйство могло оказывать мало вліянія на господствовавшее тогда направленіе, но его политическій вѣс сильно увеличился одновременно с ростом его экономическаго значенія.

Германская промышленность и всѣ зависящія от нея хозяйственныя отрасли находятся в тяжелом положеніи. В частности союзы промышленных рабочих больше не располагают, как это было до сих пор, необходимыми средствами, чтобы отстаивать свое вліяніе или вести большую экономическую борьбу. При ухудшившемся состояніи германскаго народнаго хозяйства, продовольственное положеніе само собой пріобрѣтает большое значеніе. Это чувствуется и в новѣйшем политическом развитіи.

Как показывает состав различных сельско-хозяйственных организацій и их отношенія между собой, в политической позиціи крестьянства до сих пор не возникло острых противорѣчій крупным землевладѣльцам. Если, однако, сгущеніе крестьянскаго населенія скоро не найдет возможностей отлива, то серьезная противоположность интересов, во всяком случаѣ, чрезвычайно вѣроятна. Внутренняя колонизація, при современных неблагопріятных условіях, несмотря на замѣтный успѣх, не могла развить достаточной интенсивности для устройства избыточнаго крестьянскаго населенія. Независимое от государственной дѣятельности расширеніе крестьянскаго хозяйства за счет крупных имѣній, частью уже имѣло мѣсто. Немало имѣній, особенно в западной Германіи, за послѣдніе годы было сдано в аренду мелкими участками, без вмѣшательства учрежденій.

В будущем с достаточной увѣренностью можно ожидать дальнѣйшаго расширенія семейно-крестьянских хозяйств, за счет крупных имѣній и крупно крестьянских предпріятій, если только ход вещей не будет нарушен неудачным вмѣшательством, в особенности, если не будет искусственно ограничена склонность землевладѣльцев к сдачѣ земли в аренду законодательным регулированіем арендных отношеній (арендным законодательством). Но даже, если крестьяне этим путем смогут расширить обработанную ими площадь, грозит опасность, что созданное облегченіе само по себѣ будет недостаточно и недостаточно скоро станет дѣйствительным. Поэтому должны быть приняты во вниманіе еще и другія средства к устраненію настоящих затрудненій. Сильная эмиграція может приниматься в расчет лишь в послѣднюю очередь. Экономическое положеніе стран, с которыми в этом вопросѣ нужно считаться, и враждебность, как послѣдствіе войны, дѣлают эмиграцію практически почти неосуществимой. Важная и трудная задача должна быть разрѣшена по существу внутри германских границ.

Дѣло идет здѣсь не только о проблемѣ германскаго крестьянства, но также и всего народнаго хозяйства Германіи. Оно должно сдѣлать вывод из политическаго развитія послѣдних лѣт. Эти выводы ужасны, но неоспоримы, поскольку господствует настоящее положеніе, при котором разоруженная Германія, одна без надежды на чью либо помощь, противостоит своим могущественно укрѣпившимся сосѣдям.

Положеніе германскаго народнаго хозяйства расшатано отобраніем источников силы германской индустріи. К этому присоединяются всѣ остальныя тяготы и лишенія, наложенныя на германскую хозяйственную жизнь мирным договором. Нужно освободиться от необоснованных надежд и иллюзій, чтобы поставить на новый базис хозяйственную жизнь обезоруженной Германіи. Освобожденіе может быть найдено только в значительном усиленіи сельскаго хозяйства, которое вслѣдствіе этого сможет стать достаточно платежеспособным покупателем для оставшихся частей германской промышленности. Сельскому хозяйству должна быть предоставлена возможность увеличить свои доходы и охватить и производительно занять гораздо большее количество людей, чѣм это было до сих пор.

Это станет возможным, если упомянутыя болота и пустоши будут приспособлены для сельско-хозяйственной культуры и густого заселенія и если одновременно существенным улучшеніем обычных хозяйственных пріемов будут созданы предпосылки увеличенія продукціи старой культурной площади, в особенности, в крестьянских хозяйствах. Заселеніе болотных земель и пустошей, и при

господствѣ имперскаго закона о колонизаціи, до сих пор мало продвинулось вперед; и в этой области еще многое остается сдѣлать. Общее повышеніе способа веденія крестьянских хозяйств также возможно без употребленія слишком крупных капиталов. Прежде всего урожаи зерна могут быть замѣтно повышены распространеніем примѣненія высококачественнаго сѣменного матеріала. В этом же направленіи может дѣйствовать раціонализація удобренія, также как усовершенствованіе способов обработки земли, примѣненія и храненія кормовых средств.

Положеніе не безнадежно, но не слѣдует недооцѣнивать его серьезности. Только если удастся так поставить германское сельское хозяйство, что страшно искалѣченный хозяйственный организм Германіи останется жизнеспособным, то будет обезпечено и будущее германскаго крестьянства. Тогда его потомство, в своей большей части сможет находить примѣненіе в сельском хозяйствѣ, а также и промышленность снова, хотя и в значительно меньшем размѣрѣ, чѣм прежде, будет в состояніи принимать сельское населеніе.

В ином случаѣ надвигающійся кризис выразится в измѣненіи политической позиціи крестьянства, в особенности мелкаго. Если в сельских мѣстностях удержится и будет увеличиваться относительное перенаселеніе, то тогда в особенности мелкіе крестьяне придут к тому, что будут ждать своего благополучія только от разрушенія крупных хозяйств, как это имѣет мѣсто в других странах. Тогда и направленныя на радикальные перевороты домогательства будут падать на иную почву, чѣм до сих пор.

К. фон-Дитце.

В ШВЕЙЦАРІИ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО*)

Швейцарія — страна крестьянскаго хозяйства, славящаяся своим скотоводством, молочным хозяйством и в особенности сыровареніем, занимает территорію в 41.298 кв. килм. и имѣет населенія 3,8 милл. Плотность населенія 92 чел. на один кв. клм.

Швейцарія богата горами, около $^3/_5$ площади всей ея территоріи занято Альпами. Неудобных земель насчитывается 25 %, лѣсов 21 %. При большой плотности населенія и обиліи неудобных земель, земледѣліем занимается только около $^1/_3$ части всего населенія, большая же часть его занята в промышленности и торговлѣ.

В Швейцаріи, так же как и в других промышленных странах, наблюдается рост населенія, занятаго в промышленности, торговлѣ и транспортѣ, и, наоборот — уменьшеніе земледѣльческаго населенія, что видно из нижеслѣдующих данных о распредѣленіи населенія по занятіям:

Занятіе	1870 г.	1880 г.	1900 г.	1910 г.
	в тысячах человѣк			
Сельское хозяйство . .	1.145	1.114	1.101	1.040
Промышленность и ремесла	979	1.102	1.384	1.604
Торговля	176	213	285	378
Транспорт	48	101	167	234
Общественная служба и др. профессіи . . .	133	156	191	253
Итого	2.481	2.706	3.128	3.509

Сельское хозяйство Швейцаріи отличается интенсивностью, индустріализаціей, коммерческой постановкой и совершенной организаціей.

Правительство Швейцаріи придает серьезное значеніе с. хозяйству и от-

*) По матеріалам книги проф. *Эдуарда Райха* «Svýcarské zemědělství».

пускает на мѣропріятія большія средства, что видно из отпусков правительством кредитов на сельское хозяйство по годам:

1893 год	913	тысяч франков
1900 »	2.220	» »
1910 »	3.932	» »
1915 »	4.072	» »
1920 »	7.973	» »

По количеству расходываемых средств, отпускаемых для земледѣлія, на первом мѣстѣ из с.-х. мѣропріятій стоит меліорація почвы, за нею слѣдуют помощь земледѣльческому страхованію, опытному дѣлу, с.-х. образованію и т. д.

В виду того, что территорія Швейцаріи большей частью занята горами, преобладающими угодьями на удобных землях являются луга и пастбища и только незначительная часть занята пашней.

При умѣренном климатѣ, достаточном количествѣ осадков и при обиліи пастбищ и лугов — здѣсь развилось в большом масштабѣ животноводство, которое и является главной отраслью сельскаго хозяйства.

Сравнительное значеніе отраслей сельскаго хозяйства видно из приводимой ниже таблицы об относительном валовом доходѣ отдѣльных отраслей земледѣлія в 1920 г.:

Животноводство	74.08%
Полеводство	10.17%
Садоводство	7.50%
Виноградарство	6.58%
Огородничество	1.67%

В области животноводства происходит быстрый рост количества крупнаго рогатаго скота, свиней и лошадей и уменьшеніе овец и коз. Измѣненіе по годам было слѣдующим в тысячах голов:

	1886 г.	1906 г.	1916 г.	1921 г.	Разница между 1886 г. и 1921 г. в %
Лошади	99	135	137	134	+ 35,7
Круп. рог. скот	1.213	1.498	1.616	1.425	+ 17,5
Свиньи	395	549	545	639	+ 61,7
Овцы	342	210	173	244	— 28,5
Козы	416	362	359	329	— 20,9

За время войны произошло нѣкоторое сокращеніе лошадей и крупнаго рогатаго скота, за недостатком кормов; в общем же не наблюдается увеличенія интенсивных отраслей животноводства — разведенія крупнаго рогатаго скота и свиней, и сокращеніе экстенсивных — разведенія овец и коз. Вмѣстѣ с количественным ростом животных поднялась также производительность их. Так коровы в 1866 г. в среднем давали в год молока 2.000 кгр., в 1916 г. уже 3.000 кгр.

Наибольшаго успѣха земледѣльцы Швейцаріи достигли в области разведенія крупнаго рогатаго скота. Швейцарскій симментальскій скот теперь отличается однотипностью, гармоническим сочетаніем полезных свойств, здоровьем, прекрасным экстерьером и высокой производительностью. Вѣс лучших симментальских коров равняется от 650 до 750 кгр. Средняя удойливость коров колеблется от 2.500 до 3.000 кгр. в год, а при улучшенном кормленіи даже от 3.500 до 4.000 кгр. Разведеніе крупнаго рогатаго скота покрывает не только мѣстную потребность в нем, но остается излишек его, который вывозится заграницу.

Успѣх в разведеніи крупнаго рогатаго скота был достигнут исключительно самими крестьянами, организованными в спеціальные союзы и кооперативы по разведенію скота, причем свыше 60% крестьян владѣли менѣе чѣм 10 головами скота каждый.

Общее производство молока и его использованіе (в милліонах центнеров) было слѣдующим:

Годы	Общее производство	Потребленіе		
		В цѣлом видѣ	Переработано	Скормлено телятами и т. д.
1911	24,7	9,5	11,0	4,2
1916	25,6	11,2	9,9	4,5
1919	18,8	9,5	4,9	4,4
1921	22,5	9,4	8,7	4,3

Отсюда видно, как сильно сократилось общее производство молока во время войны, хотя теперь оно почти достигло размѣров довоенных. Значительное количество молока идет на переработку его в молочные продукты. Оно перерабатывается на сыры, концентрированное молоко и масло.

Особенно развито в Швейцаріи сыровареніе. По техникѣ сыроваренія швейцарцы до сего времени не имѣют конкурентов. Перед войной швейцарскіе сыры в большом количествѣ вывозились за границу, главным образом, в Германію, Австрію, Францію и Америку.

Во время войны и послѣ нея, в связи с паденіем валюты в воевавших государствах и развитіем сыроваренія в Америкѣ, вывоз сыров из Швейцаріи сильно сократился. Так, в 1912 году было вывезено сыру 301.059 центн., в 1914 г. — 347.848, в 1916 г. — 201.696, в 1920 г. — 12.095 центн.

Производство концентрированнаго молока в Швейцаріи значительно. Перед войной его вывозилось заграницу ежегодно около 350.000 центн., в 1916 г. было вывезено 398.000 центн. в 1919 г. — 100.000 центн.

Производство масла не покрывает потребности страны, и оно ввозилось из заграницы.

Полеводство Швейцаріи дает всего 10,17% валового дохода от с.хозяйства. Несмотря на это техника стоит довольно высоко, и по урожайности Швейцарія не уступает Даніи и стоит далеко выше Чехословакіи.

Урожайность полей в період времени 1917—1921 г. была слѣдующая (в центн. на гектар):

Страны	Рожь	Пшеница	Ячмень	Сахарная свекла	Картофель
Швейцарія	19.5	20.8	18.1	348.3	157.5
Данія	14.5	29.5	20.9	250.5	148.6
Чехословакія	12.4	14.0	13.7	206.2	75.2

По отдѣльным культурам вся культ. площадь Швейцаріи распредѣлялась в 1920—21 г. так: хлѣбов — 17,8%, искусств. и прир. луга — 70,3%, корнеплоды — 5,8%, торг. растенія — 0,2, огороды — 0,7 и др. культуры — 3,9%. Площадь занятая зерновыми хлѣбами прогрессивно уменьшается, хотя временно, во время войны, она повысилась. Наоборот, воздѣлываніе пропашных и кормовых трав увеличивается. Полеводство дает хлѣбнаго зерна, хватающаго только на три мѣсяца для прокормленія населенія.

Третьею отраслью швейцарскаго хозяйства является садоводство. Садоводству удѣляется достаточное вниманіе, и площадь под садами, вслѣдствіе высокой доходности, за послѣдніе годы сильно увеличилась.

Виноградарство, вслѣдствіе иностранной конкуренціи и недостатка рабочих рук, с каждым годом уменьшается. Площадь, занятая виноградниками, с восьмидесятых годов уменьшилась к настоящему времени болѣе чѣм в два раза.

Всѣ земли с.-х. пользованія в Швейцаріи раздѣляются по типам хозяйств слѣд. обр.:

Величина хозяйств в гектарах	Общая площадь в гектарах	Площадь занимаемая ими ко всей площади в %
От 0,5 до 3	177,566	8,0
» 3,1 » 10	628,276	28,4
» 10,1 » 15	244,261	11,0
» 15,1 » 30	325,727	14,7
» 30,1 » 70	218,739	9,9
Свыше 70	618,037	28,0
Всего	2.212.606	100—

Преобладающим типом хозяйств являются среднія крестьянскія и за ними слѣдуют крупныя крестьянскія хозяйства, имѣющія свыше 30 гект. земли, причем площадь этих хозяйств до 85% составляют пастбища. У средних и мелких хозяйств преобладают луга, и уже большой процент составляет пашня, сады и виноградники, а также культуры хлѣбов.

Что касается вопросов организаціи, народно-хозяйственном и частно-хозяйственном значеніи отдѣльных типов хозяйств в Швейцаріи, то свѣдѣнія об этом разработны крестьянским секретаріатом, который с начала XX ст. ведет счетоводственныя обслѣдованія, захватывающія ежегодно не менѣе 400 хозяйств.

По этим данным за время с 1901 по 1920 г. сложеніе капитала в крестьянских хозяйствах было слѣдующим в франках на гектар:

Капитал земли	2155	фр.
» меліорации	17	»
» построек	1497	»
» растеній	491	»
Живой инвентарь	608	»
Мертвый инвентарь	246	»
Капитал оборотный	280	»
Всего	5312	»

Нужно отмѣтить, что капитал хозяйства на 1 гект. во фр. с 4.965 в пятилѣтіе 1901—1905 гг. увеличился до 7.264 в 1920 году. Это увеличеніе объясняется ростом цѣнности живого инвентаря и в меньшей степени земли, построек и мертваго инвентаря.

Народно-хозяйственное значеніе и доходность отдѣльных типов хозяйств видна из нижеслѣдующих данных Крестьянскаго Секретаріата за період времени с 1901 по 1921 годы:

Размѣр хозяйств	3—5 гект.	5—10 гект.	10—15 гект.	15—30 гект.	Свыш. 30 гект.
Производительность 1 гект. земли во фр.	1479	1007	902	826	708
Сбывалось продуктов на рынок в % к общей продукціи	67	73	77	80	83
Доход семьи на 1 гект. площади во фр.	702	588	477	374	256
Производственный расход во фр. на 1 гект.	822	630	537	482	407
Чистый доход на 1 гект. во фр.	231	282	281	269	236
% на затраченный в хозяйство капитал	3,07	4,41	4,85	5,06	5,95

Под доходом семьи здѣсь разумѣется чистый доход хозяйства плюс плата за работу всѣх членов семьи.

Из этих данных видно, что производительность земли с увеличеніем размѣра хозяйства уменьшается, но

вмѣстѣ с тѣм уменьшаются производительные расходы, и, в концѣ концов, чистый доход в различных типах хозяйств мало разнится. Зато процент на вложенный капитал с увеличеніем размѣров хозяйства также увеличивается и тѣм увеличивает частно-хозяйственное значеніе этих высших групп хозяйств. С точки зрѣнія народно-хозяйственной, типы хозяйства с меньшей площадью по производительности земли предоставляют большую цѣнность, чѣм крупныя. К сожалѣнію, не имѣется данных о производительности человѣческаго труда в хозяйствах разных типов. По количеству отчуждаемых продуктов, с народно-хозяйственной точки зрѣнія, большой интерес представляют крупныя хозяйства, ибо с увеличеніем размѣров хозяйства увеличивается % отчуждаемых продуктов. Для крестьянских хозяйств большое значеніе имѣет доход семьи, который в мелких крестьянских хозяйствах выше, нежели в крупных. Это обстоятельство имѣет огромное значеніе при конкуренціи различных типов хозяйств, придавая устойчивость мелким хозяйствам.

В различных системах хозяйств Швейцаріи производительность земли неодинакова и увеличивается при переходѣ от экстенсивных к интенсивным системам хозяйств, что видно из слѣдующих данных за 1901-1920 гг.

Система хозяйства	Производительность 1 гект. земли во франк.
Альпійскія хоз.	589
Улучшен. трехпольная	880
Травопольная	1046
Травопольныя в лучших фрукт. районах	1422

Чистый доход в спеціализирующихся хозяйствах по одной какой-либо отрасли сельскаго хозяйства был вычислен Крестьянским Секретаріатом за 1904—1920 гг. и выражается слѣдующими данными:

Типы хозяйств	Чистый доход 1 гект. во франк.
Садоводственное	701
Молочное	636
Комбинированное (молоко, откорм)	293
Откорм волов	243
Племенное	174

Из данных счетоводственнаго обслѣдованія видно, что мелкія крестхозяйства имѣют извѣстныя организаціонныя свойства, которыя помогают им успѣшно выдерживать конкуренцію с крупными хозяйствами.

Вообще же швейцарское сельск. хозяйство, базирующееся на крестьянских хозяйствах, могло достигнуть цвѣтущаго состоянія, в котором оно сейчас находится, только при условіи развитія земледѣльческих объединеній, с.-х. коопераціи и с.-х. образованія.

В Швейцаріи переход от натуральнаго хозяйства к денежному произошел безболѣзненно и успѣшно во вт. пол. XIX ст. В это время, под вліяніем дешеваго американскаго и русскаго хлѣба, швейцарское хозяйство должно было перестраиваться, переходя от культуры хлѣбных злаков к культурѣ кормовых трав и пропашных. Этого же расширенія кормовой площади требовало животноводство, которое быстро развивалось под вліяніем спроса на молочные и другіе животноводственные продукты со стороны увеличивающагося усиленным темпом населенія городов.

Поэтому начинается постепенное уменьшеніе посѣвной площади хлѣбов и увеличеніе посѣва кормовых трав, а также животноводства. Так, например, количество коров с 1866 г. до 1916 г. увеличивалось с 553.205 гол. до 849.011 гол.

Производство молока сильно растет и продажа его превышает потребленіе в хозяйствѣ. Хозяйства начинают спеціализироваться на производствѣ опредѣленных продуктов, дающих наивысшую доходность. Остальные же продукты, необходимые для покрытія потребностей хозяйства, покупаются со стороны. Создаются вполнѣ коммерческія хозяйства. Появляется необходимость покупать большія количества товаров с рынка, а также и продавать много продуктов своего хозяйства. Для достиженія в этом отношеніи больших выгод крестьяне начали объединяться в кооперативныя организаціи.

Кромѣ того, веденіе денежнаго интенсивнаго хозяйства требовало знаній и опыта. Для обезпеченія себя в этом отношеніи крестьяне начали организовывать спеціальные земледѣльческіе союзы и общества. Спеціальныя земледѣльческія организаціи

первыми объединились в три союза, соотвѣтственно трем народностям, населяющим Швейцарію.

Их дѣятельность распространяется на всю территорію Швейцаріи, и число членов в них быстро растет, что видно из слѣдующей таблицы роста членов в союзах по годам:

Земледѣльч. союзы:	1906 г.	1910 г.	1920 г.
Нѣмецкій	31.565	49.606	81.448
Француз.	18.604	23.064	34.034
Итальян.	3.300	2.867	6.000

Из кооперативных с.-х. организацій первыми начали основываться в 80-тых годах с.-х. товарищества по покупкѣ товаров, которыя позднѣе начали вести операціи по сбыту. Теперь они объединяются в 12 с.-х. кооперативных союзов с 772 мѣстными кооперативами и 80.000 членов.

В то же время начинают быстро распространяться товарищества по разведенію крупнаго рогатаго скота. Теперь их насчитывается 1765 с 64.000 членов. Кромѣ того имѣются 257 товариществ по птицеводству и кролиководству с 20.000 членов и 143 пчеловодственных товарищества с 16.000 членов. Союзы товариществ по разведенію рогатаго скота организуют ежегодно выставки, ведут племенныя книги, контроль над дойными коровами и использованіем ими кормов и т. д. Центральный союз организует экспорт скота. Благодаря работѣ товариществ и союзов, их объединяющих, были достигнуты однотипность крупнаго рогатаго скота, его здоровье, хорошій экстерьер и высокая производительность.

К самым старым кооперативным организаціям Швейцаріи принадлежат сыроваренныя и молочныя товарищества. Первыя сыроваренныя товарищества возникли еще в XVIII столѣтіи. Теперь в Швейцаріи насчитывается 3519 товариществ для использованія и переработки молока. В них объединено свыше 100.000 членов. В кооперативных товариществах перерабатывается и продается молоко от 520.000 коров или от 70% всѣх коров Швейцаріи. Всѣ товарищества объединены в 25 мѣстных союзов, которые входят в Центральный Союз производителей молока.

Обществ для страхованія скота было в 1920 г. — 2101 с болѣе нежели 150.000 членов. Для страхованія от градобитія организовано общество, которое в настоящее время имѣет около 85.000 членов.

Кромѣ того в 1920 г. имѣлось в Швейцаріи товариществ кредитных — 226, винокуренных — 52, альпійских — 337, машинных — 19, мельничных — 41, для использованія фруктов — 117, для молотьбы хлѣба — 270 и т. д.

Всего с.-х. кооперативов и специальных земледѣльческих организацій в Швейцаріи было в 1910 г. — 6231 с 293.719 членов, а в 1920 г. уже — 10942 с 657.082 члена.

Всѣ с.-х. кооперативы и земледѣльческія организаціи, за исключеніем страховых, кредитных и альпійских товариществ, объединены в Швейцарскій Крестьянскій Союз, организованный в 1897 году для защиты интересов земледѣльцев и помощи им. Швейцарскій Крестьянскій Секретаріат организован Союзом совмѣстно с правительством. Он является земледѣльческим научным центром и ведет обслѣдованія швейцарскаго земледѣлія. Во главѣ обѣих организацій с момента их возникновенія стоит проф. Лаур.

Рост членов Крестьянскаго Союза представляется в слѣдующем видѣ:

1897	год	70.000	членов
1900	»	78.319	»
1910	»	144.377	»
1920	»	331.474	»
1 января 1924	»	381.190	»

Союз имѣет 52 секціи. В нем имѣются всѣ политическія, и вѣроисповѣдныя направленія и всѣ народности Швейцаріи.

Начало развитія с.-х. образованія в Швейцаріи считается с 1807 года, когда Эммануил фон-Фелленберг заложил частный с.-х. институт. Перед войной в 1914 году Швейцарія имѣла одно высшее учебное заведеніе, 5 низших с.-х. школ, 18 зимних с.-х школ, 3 молочных и 2 огородо-садоводственных. Всѣ с.-х школы, за исключеніем высшей, содержатся на средства кантонов с помощью государства. Высшее с.-х учебное заведеніе в Цюрихѣ содержится на средства союзнаго государства.

Всѣ с.-х. школы хорошо оборудованы, помѣщаются в раціонально-устроенных зданіях и обезпечены опытными преподавательскими силами.

Преподавателями с.-х. школ всѣх типов могут быть только лица окончившія высшее с.-х. учебное заведеніе и имѣющія с.-х. практику.

В низшія с.-х. школы принимаются лица, имѣющія земледѣльческую практику в возрастѣ не моложе 17—18 лѣт.

Поступающій в школу должен имѣть предварительное начальное образованіе в размѣрѣ 6 классов народной школы и 3 классов двухклассной школы или же средней.

Всѣ с.-х. школы и спеціальныя по возможности организуются по близости к опытным учрежденіям.

Женское с.-х. образованіе представлено лѣтними женскими школами, которыя открываются при зимних с.-х. школах в лѣтнее время.

В. Каратаев.

В АМЕРИКѢ

СЕЛЬСКІЯ ПРОБЛЕМЫ*)

I

Сложный комплекс проблем, касающихся деревни, ея значенія для государства и націи, ея взаимоотношеній с городом и необходимости прогрессивнаго развитія всѣх сторон ея жизни, стоит перед современной Европой во весь рост. Однако, глазам американскаго общества эти проблемы явились сравнительно недавно.

В теченіе столѣтій Америка не знала земельной тѣсноты. Земледѣльцы просто занимали все новыя и новыя площади свободной, иногда совершенно дѣвственной земли. Только около шестидесяти лѣт назад земли в сельско-хозяйственном смыслѣ удобныя, в границах Соединенных Штатов оказались занятыми. Земельнаго «голода» в Америкѣ, однако, нѣт и до сих пор и еще долго не будет. Просто количество земли в распоряженіи американскаго народа стало ограниченным извѣстными предѣлами, хотя и очень большими. Это привело к медленному, но неуклонному росту цѣн на землю, а слѣдовательно и на продукты земледѣлія, что остро затронуло интересы экономическіе городских, руководящих жизнью, слоев населенія, и побудило их впервые обратить пристальное вниманіе на деревню.

Обнаружено было, что рост цѣн на землю ведет к развитію капиталистическаго землевладѣнія и арендаторскаго земледѣлія за счет сокращенія трудовой земельной собственности. Прогресс сельско-хозяйственнаго производства при этом сильно задерживается. Рост цѣн на продукты земледѣлія, первоначальной причиной котораго был рост цѣн на землю, мог со временем стать показателем отставанія с.-х. производства от увеличенія населенія. Населеніе увеличивается в Америкѣ с большой быстротой и никаких тенденцій к пониженію не замѣчается. Задача максимальнаго увеличенія с.-х. продукціи стала в порядок дня. Вмѣстѣ с тѣм ясно сознавалось, что при выполненіи этой задачи нельзя ограничиваться мѣропріятіями чисто агрономическаго характера, а необходима мобилизація всей техники и всего аппарата современной экономической организаціи.

Но и этого оказалось недостаточно. Экономическое усиленіе земледѣльцев вело лишь к тому, что, по достиженіи извѣстнаго уровня обезпеченности средних лѣт фермер сдавал свою землю в аренду и уходил в город. Среди молодежи, выросшей на фермах, этот процесс принял стихійные размѣры. Необходимым оказалось принять мѣры к удержанію на землѣ лучших элементов земледѣльческаго населенія, наиболѣе передовых, развитых, экономически и производственно сильных. Если они

---

*) Очерк составлен по заданію и матеріалам Русскаго Научнаго Института Сельской Культуры в Прагѣ. Здѣсь он печатается в сокращенном видѣ. Для очерка использованы: *P. Vogt.* Introduction to Rural Sociology (New York, 1923). *I. Gillelte.* Constructive Rural Sociology (New York. 1923). *Mac Carr.* The Rural Community (New York. 1923). *Hazlitt.* La Situation en Amerique. (Rev. Econom, Intern., Vol. I et II, 1924). *Леви.* Народное хозяйство С. А. С. Ш. (Берлин, 1922).

все-таки будут уходить в города, то сдѣлать все возможное для качественнаго поднятія их преемников на землѣ. Проблема из технической и экономической выросла в соціальную. Рузевельт ясно и полно формулировал заданіе в слѣдующих выраженіях: «Наша цивилизація покоится на здоровьи, привлекательности и всесторонней полнотѣ сельской жизни, так же как и на ея экономическом благополучіи... Развитіе всѣх сторон сельской жизни является нашей обязанностью, чтобы кормить и одѣвать націю, чтобы вливать в города свѣжую кровь, чистыя тѣла и свѣтлые мозги, способные переносить страшный ход современной жизни. Нам нужны в деревнѣ люди, которые в будущем, как и в прошлом, окажутся упорством и силой націи во время войны, ея руководящим и сдерживающим разумом во время мира». Эти слова были сказаны Рузевельтом в посланіи к Комиссіи по обслѣдованію сельской жизни, созданной в 1908 г. Федеральным правительством. Итак, только в 1908 году вопросы сельской жизни в широком діапазонѣ привлекли вниманіе руководящих кругов Америки. До тѣх пор Федеральным правительством было издано лишь нѣсколько незначительных распоряженій, касавшихся сельскаго кредита и агрономіи.

С этого времени земледѣліе разсматривается уже не только, как отдѣльная отрасль производства, пусть даже важнѣйшая, но и как особый строй жизни, который необходимо укрѣплять и развивать в интересах соціальнаго цѣлаго. В глазах общества значеніе пріобрѣтают не только экономическіе интересы сельскаго населенія, но и всѣ другіе его интересы — политическіе, санитарные, эстетическіе, правовые, соціальные, научные, религіозные и т. п. Этому способствовал и дух американской демократіи. Проблема была поставлена двояко — с точки зрѣнія національной, соціальной и государственной, и с точки зрѣнія индивидуальной. Вторая постановка вопроса неизбѣжно приводила к признанію необходимости культурнаго развитія жизни в сельских мѣстностях.

Количественное сокращеніе сельскаго населенія и качественное пониженіе с.-х. производства, конечно, являются слѣдствіями цѣлаго ряда причин, из которых каждая, в свою очередь, чрезвычайно сложна и является самостоятельной проблемой. Ниже будут разобраны главныя из них и наиболѣе характерныя для Америки, будут обрисованы и тѣ дѣйствія, при помощи которых американцы надѣются их побороть. Слѣдует отмѣтить, что американскіе изслѣдователи соціальной жизни смотрят на будущее, в общем, оптимистически и разсчитывают, что острых кризисов удастся избѣжать. При этом они почти не считают нужным дѣйствовать путем законодательнаго или административнаго вмѣшательства государственной власти, полагаясь на силы самого общества и на раціональную дѣятельность его организацій. Это, характерное для американцев, стремленіе приводить изслѣдователей к концентраціи вниманія и усилій на сторонѣ опять-таки культурной, и к платоническим призывам к взаимному сотрудничеству всѣх со всѣми (collaboration and cooperation), когда дѣло заходит в область экономики.

———

Первое, что бросается в глаза при самом даже поверхностном взглядѣ на американскую жизнь, — это чрезвычайно быстрый рост американских городов. Явленіе это приняло в Америкѣ совершенно исключительные размѣры. По данным американских цензов (причем за город считается поселеніе с числом жителей в 8.000 и выше) этот рост виден из слѣдующей таблицы:

Год	Число городов	Увеличеніе за 10 лѣт в %	Процент городского населенія в отношеніи всего населенія	Увеличеніе за 10 лѣт
1790	6	—	3,3	—
1800	6	—	4,0	—
1810	11	83,3	4,9	—
1820	13	18,1	4,9	—
1830	26	100,0	6,7	—
1840	44	69,2	8,5	—
1850	85	93,1	12,5	4,0
1860	141	65,8	16,1	3,6
1870	226	60,2	20,9	4,8
1880	285	26,1	22,7	1,9
1890	445	56,1	29,0	6,3
1900	547	22,9	32,9	4,0
1910	768	40,6	38,7	5,7
1920	924	20,3	43,8	5,1

В теченіе болѣе столѣтія росло, как число городов, так и процент, выражающій отношеніе числа жителей в них к населенію всей страны. В колебаніях цифр послѣдняго ряда никакой тенденціи к пониженію не замѣтно. Условія, вызывающія рост городов и благопріятствующія ему, очевидно, остаются в силѣ. Послѣднее время офиціальная американская статистика, послѣ нѣкоторых сомнѣній, начала относить к городам поселенія с числом жителей начиная от 2.500 человѣк. При таком масштабѣ, урбанизація страны характеризуется слѣдующими цифрами:

Годы	Общее число населенія	Городское населеніе	Сельское населеніе	% горожан.	% сельскаго насел.	% увеличенія	
						в городах	в сельск. мѣст.
1880	50.155.783	14.772.498	33.383.345	29,5	70,5	—	—
1890	62.947.714	22.720.223	40.227.491	36,1	63,9	53,8	13,6
1900	75.994.575	30.797.185	45.197.390	40,5	59,9	35,5	12,3
1910	91.972.226	42.623.383	49.348.883	46,3	53,7	38,3	9,1
1920	105.710.620	54.304.603	50.866.899	51,4	48,6	25,1	3,1

Обѣ группы населенія неуклонно растут, но первая гораздо быстрѣе второй. Принимая во вниманіе, что в настоящее время обѣ группы по численности почти равны, городская даже больше сельской, нетрудно сдѣлать вывод для будущаго.

Увеличеніе городов, конечно, идет за счет нѣскольких источников — кромѣ естественнаго прироста здѣсь играют роль иностранная иммиграція, расширеніе самой площади занимаемой городами и инкорпорація ими окружающей мѣстности с ея населеніем; наконец, одним из источников является иммиграція сельских жителей. За період с 1900 по 1910 год эти источники в послѣдовательном порядкѣ дали 21,6%, 41,0%, 7,6% и 29,8% общаго увеличенія числа городского населенія. Таким образом, 37,4% прироста городов совершается непосредственно за счет сельских мѣстностей, Но даже если отбросить инкорпорацію городами сельских мѣстностей и индустріализацію цѣлых районов в ущерб сельскому хозяйству, то и тогда весьма существенным остается вопрос о передвиженіи сельскаго населенія в города, о «тягѣ» в город. В цѣлом рядѣ мѣстностей эта тяга приняла такіе размѣры, что повела к закрытію многих сельских школ и церквей, за почти совершенным исчезновеніем учеников и прихожан. Эти факты настолько обезпокоили общественное мнѣніе, что с цѣлью выяснить их причину были предприняты многочисленныя изслѣдованія в отдѣльных штатах. Была сдѣлана попытка связать уменьшеніе сельскаго населенія с распространеніем сельско-хозяйственных машин, но корреляція полученных данных не привела ни к чему. Вмѣстѣ с тѣм, одновременно с уменьшеніем числа жителей, число ферм в той же мѣстности увеличивалось, так что другое предположеніе об уменьшеніи числа семейств, занимающихся земледѣліем, также не оправдалось. Изслѣдованія, произведенныя тогда над распредѣленіем сельскаго населенія по возрастным группам, привели к новому выводу, вполнѣ опредѣленному: к установленію факта паденія рождаемости в сельских мѣстностях Америки. Это явленіе, в свою очередь, имѣет причины, конечно, лежащія в области экономической.

Реальная борьба с паденіем рождаемости, конечно, невозможна, если не считать широких и глубоких экономических мѣропріятій, проводимых в государственном масштабѣ и государственной властью. Поэтому американцы сразу отнеслись к этой проблемѣ, как к фронту, на котором воевать не стоит, а все вниманіе направили на тягу в города. Здѣсь можно вести борьбу путем культурной работы, ибо именно культурная отсталость деревни является главной причиной ухода из деревни лучших элементов земледѣльцев. Америка не знает тяги в город от безземелья.

II

Не останавливаясь на разсмотрѣніи узко-технических, агрономических методов развитія производительности земледѣлія, мы разсмотрим экономическія и соціальныя явленія, препятствующія этому развитію или, наоборот, помогающія ему. Одно из этих явленій уже упоминалось — это уход в города лучших элементов с.-х. населенія, упоминалось и о надеждах, возлагаемых американцами на борьбу с этим явленіем путем культурных мѣропріятій. Однако, при близком подходѣ к дѣлу был обнаружен ряд причин, мѣшающих общему повышенію культурнаго уровня сельской жизни. Причины эти, уменьшающія, кромѣ того, и с.-х. продукцію, лежат в области земельных отношеній, в области размѣров и форм землевладѣнія и землепользованія.

За послѣдніе семьдесят лѣт средніе размѣры фермы в Соединенных Штатах колебались слѣдующим образом:

1850 год.	203	акров
1860 »	199	»
1870 »	153	»
1880 »	134	»
1890 »	137	»
1900 »	146	»
1910 »	138	»
1920 »	148	»

По отдѣльным районам средніе размѣры ферм колебались от 113—695 акров в 1850 году, до 75—480 акров в 1920 году, в зависимости от района и періода, то повышаясь, то понижаясь. В результатѣ всѣх этих колебаній ясно обозначается тенденція к сохраненію фермы в 100—300 акров, как основного типа в большой части страны. Спеціальныя изслѣдованія, произведенныя с цѣлью выяснить причины устойчивости этого размѣра ферм, показали, что он является хозяйственно наивыгоднѣйшим и сложился в результатѣ свободнаго земельнаго оборота и свободных экономических отношеній, вообще, господствовавших в Америкѣ. Главнѣйшій из новых факторов земледѣлія — распространеніе с.-х машин, в силу технических и хозяйственных условій также способствует сохраненію ферм, с площадью в 200—400 акров. Кромѣ того, в том же направленіи вліяет и недостаток наемной рабочей силы в сельском хозяйствѣ Америки, заставляющій земледѣльца предпочитать тип фермы, для обработки которой было бы достаточно силы его самого и семьи. Такой тип опять-таки представляет собой ферма в 150—350 акров. Наблюдающееся в нѣкоторых районах вытѣсненіе хлѣбных культур садоводством и молочным хозяйством, со своей стороны, может вести и фактически ведет лишь к дальнѣйшему уменьшенію площади отдѣльных ферм.

Однако, в этот желательный ход вещей в нѣкоторых районах вклинивается противоположный процесс концентраціи земельных владѣній. Причины его лежат, однако, внѣ области сельскаго хозяйства, а в обрабатывающей промышленности. Правда, по данным правительственной комиссіи по обслѣдованію производственных отношеній, фермы, с площадью выше 1000 акров, занимали в послѣднее время около 19% всей сельско-хозяйственной площади Соединенных Штатов, принадлежа менѣе чѣм 1% землевладѣльцев. Но эти крупныя помѣстья являются еще пережитками тѣх времен, когда земля была еще очень дешева и оборот ея был очень интенсивен. Не они являются характерными для специфическаго современнаго процесса концентраціи земель, обратившаго на себя вниманіе американцев. Этот новѣйшій процесс захватывает лѣсныя площади, земли богатыя ископаемыми, водныя силы и вызывается общей тенденціей промышленности.

Сельское хозяйство, как таковое, концентраціи земельной собственности не знает и не размѣр земельных владѣній, а капиталистическая природа владѣнія обуславливает собой большинство отрицательных явленій в земледѣліи, во всем строѣ сельской жизни в Америкѣ.

Увеличеніе арендаторских хозяйств за счет собственнических трудовых наблюдается в Соединенных Штатах почти повсемѣстно. На всей территоріи страны было:

Годы	Собств. труд. хозяйств	Арендаторск. хозяйств
	В процентах	
1880	74,5	25,5
1890	71,6	28,4
1900	64,7	35,5
1910	63,0	37,0
1920	61,9	38,1

(Число хозяйств, руководимых наемным персоналом, составляло в 1880 г. — 1,0%, числа всѣх хозяйств, в 1910 году — 0,9%).

Причины происхожденія и развитія аренды в разных районах разнообразны, но, в общем, вездѣ главную роль в этом сыграл рост цѣн на землю. Изслѣдованія, произведенныя в отдѣльных районах, дали вполнѣ опредѣленные результаты. Так, в Пенсильваніи, в тѣх частях штата, гдѣ цѣна на землю была сравнительно выше — арендаторы составляли 29% всѣх хозяев, там, гдѣ цѣна была средней — 21%, низкой — 16%. Для того, чтобы пріобрѣсти участок земли необходимо имѣть довольно значительный капитал. Каждое послѣдующее поколѣніе земледѣльцев все дольше и дольше остается в классѣ арендаторов, пока не накопит этого капитала. В штатѣ Iова наблюденія показали, что средній возраст пріобрѣтенія земельной собственности в настоящее время на шесть лѣт выше, чѣм был двадцать пять лѣт назад, тогда средній возраст покупателей земли был 28 лѣт, теперь он — 34 года. По вычисленіям проф. I. Gillette хозяева собственники и арендаторы слѣдующим образом распредѣлялись по возрастным группам:

Возраст	1890 г. Собств.	1890 г. Аренд.	1900 г. Собств.	1900 г. Аренд.
	В процентах			
До 25 лѣт	32,6	67,4	27,7	72,2
25—34 л.	49,8	50,2	45,3	53,7
35—44 л.	64,0	36,0	64,4	35,6
45—54 л.	73,3	27,7	70,7	29,3
От 55 лѣт	82,2	17,7	81,4	18,6

Размѣры ферм, эксплуатируемых арендаторами, близки к размѣрам ферм, эксплуатируемых владѣльцами. В 1910 г. средняя площадь первых была — 96,2 акра, вторых — 151,6 акров; в 1920 году соотношеніе было — 107,9 акра и 162,2 акра. Необходимо учитывать, что арендатор снимает для своего хозяйства исключительно земледѣльчески годныя земли, в то время, как площадь собственнических хозяйств включает в себя и земли негодныя для обработки. Слѣдовательно, главный фактор производственной потенціи обѣих групп сельских хозяев почти одинаков. Результаты же производственной дѣятельности существенно различны.

В теченіе послѣдних лѣт на хлѣбной биржѣ в Чикаго, например, было отмѣчено регулярное паденіе процента крупных сортов, среди общаго количества доставляемаго маиса, и повышеніе процента мелких сортов. Это объясняется постепенным истощеніем почвы в районах, в которых арендное землепользованіе развивается особенно интенсивно. Конечно, арендатор строит свои расчеты не столько на производительности даннаго, занимаемаго им участка земли, сколько на сберегательной кассѣ, куда он кладет свои сбереженія. С другой стороны, и землевладѣльцы теряют интерес к производительности своей земли, поскольку, уходя в город, втягиваются в его жизнь, в его коммерческія и промышленныя предпріятія.

Арендное землепользованіе отражается, однако, не только на истощеніи земли, но на всѣх вообще сторонах хозяйства. До сих пор большинство арендаторов живет в крѣпких постройках, поставленных еще предками современных владѣльцев земли. Но в недалеком будущем эти постройки начнут разрушаться и тогда либо с.-х. населеніе окажется живущим в разваливающихся, негодных жилищах, либо неизбѣжно должен появиться новый тип построек, соотвѣтствующих новым условіям землепользованія, спеціально-арендаторских.

Что же касается существующих в настоящее время жилищных условій для обѣих групп сельских хозяев, то они видны из слѣдующих примѣров (штат Огіо):

Система отопленія

	Паровое	Водяное	Печи
В домах собственников	7,4%	12,6%	79,0%
В домах арендаторов	0,9%	2,8%	96,3%

Система освѣщенія

	Газ	Ацетилен	Электричество	Керосин
В домах собственников	7,6%	21,9%	1,0%	69,5%
В домах арендаторов	6,7%	2,8%	—	89,5%

	Система вентиляціи		
	Хорошая	Удовлетворительная	Неудовлетворительная
В домах собственников .	5,1%	34,4%	60,6%
В домах арендаторов .	—	11,5%	88,5%

	Стирка бѣлья производится	
	В спеціальн. помѣщеніи	В кухнѣ
В домах собственников .	43,9%	56,1%
В домах арендаторов .	2,9%	97,1%

	Колодцы или иные источники воды расположены	
	Болѣе чѣм в 100 фут. от отхожих мѣст	Менѣе чѣм в 100 фут. от отхожих мѣст
В домах собственников .	61,9%	38,1%
В домах арендаторов .	28,9%	71,1%

Простой обзор этих таблиц без всяких комментаріев указывает на неутѣшительныя перспективы сельской санитаріи и гигіены при дальнѣйшем распространеніи арендного землепользованія. При этом специфическій трудовой доход арендатора выше такого же дохода собственника-хозяина, а чистый общій доход того и другого почти равны, слѣдовательно, всѣ обрисованныя выше явленія вызываются не бѣдностью арендатора, а незаинтересованностью его в благоустройствѣ хозяйства. Можно суммировать экономическія послѣдствія арендаторства. Они сводятся к истощенію почвы, к развитію хозяйственных систем, имѣющих цѣлью быстрым оборотом капитала достигнуть быстрых осязательных результатов, совершенно не считаясь с результатами конечными, к разрушенію и обезцѣненію существующих построек и инвентаря. Кромѣ того, развивается индифферентизм и арендаторов и владѣльцев к благоустройству и матеріальному благополучію не только отдѣльнаго хозяйства, но и всей общины.

Эти явленія в конечном счетѣ обусловят дифференціацію сельскаго населенія и появленіе класса «удовлетворяющагося арендаторскими домами и вообще условіями арендаторской жизни и характери ующагося еще рядом других черт, соціальных и политических» (prof. *P. Vogt.* «Introduction to Rural Sociology).

Соціальные результаты складывающихся земельных отношеній были также подвергнуты спеціальным изслѣдованіям. Одним из первых слѣдствій развитія арендаторства является разница в духовных и умственных интересах. По данным, относящимся к штату Огіо и рисующим картину подписки на періодическія изданія, может быть составлена слѣдующа таблица (в процентах):

Род изданій	Число подписчиков		Превышеніе подписчиков хоз.-собст. над арендаторами
	Хозяев-собств.	Хозяев-аренд.	
Общаго характера . .	94,9	89,7	5,2
Спец. женских . . .	27,1	21,7	6,4
Реклама	14,3	11,8	2,5
Агрономія	57,9	42,8	15,1
Религія	13,2	4,9	8,3
«Серьезные» журналы .	13,6	4,4	9,2

Арендаторы выписывают меньше изданій, чѣм хозяева собственники. Замѣчательно при этом рѣзкое различіе в количествѣ изданій агрономических, религіозных и «серьезных журналов». Относительно меньшей заинтересованности арендаторов в спеціальных вопросах земледѣлія, послѣ сказаннаго выше, говорить больше не приходится. Меньшую причастность арендаторов к духовной жизни могут подтвердить еще и цифры такой таблицы (штат Миссури):

	Из всего числа хозяев-собственников	Из всего числа хозяев-арендаторов
Числилось членами церков. прихода	40,7%	29,6%
Посѣщало воскрес. школу	30,5%	18,5%

В одной из общин штата Огіо из всего числа хозяев собственников только 7% не принадлежало к церковному приходу, среди арендаторов таких было 15%. В другой общинѣ арендаторы составляли 41% всѣх хозяев и всего лишь 21% членов прихода. Анкеты, выяснявшія причины религіознаго абсентеизма, среди арендаторов установили, что это явленіе вызывается неосѣдлостью арендаторскаго элемента. Подавляющее большинство отвѣтов гласило, что на прежнем мѣстѣ жительства семья исправно посѣщала церковь, но на новом мѣстѣ не успѣла достаточно близко сойтись с сосѣдями, вообще не вошла еще в жизнь общины.

Эта же неосѣдлость вліяет и на прохожденіе дѣтьми арендаторов курса обученія в школѣ. В то время, как среди болѣе старших возрастов образовательный ценз собственников и арендаторов отличаются друг от друга немногим (с образованіем не выше сельской школы — 84,4% собственников и 88,7% арендаторов, со средним образованіем — 10,4% собственников и 5,1% арендаторов), в молодом поколѣніи различіе оказывается гораздо большим:

	Дѣти собств.	Дѣти аренд.
% оканчивающих сельскую школу.	32,7%	12,7%
Из них оканчивает среднюю школу..	22,7%	17,9%
Достигает высшей школы	9,4%	3,0%

Среднiй срок аренды в Америкѣ сравнительно короток (до 4 лѣт). Этот срок, конечно, различно отзывается на отдѣльной фермѣ и на цѣлой общинѣ. Арендатор может послѣдовательно мѣнять ряд участков в предѣлах одной и той же общины. В одной из общин штата Огіо, гдѣ средній срок аренды равнялся 4,5 годам, средній срок пребыванія в общинѣ был 20,5 лѣт. Но во всяком случаѣ, слѣдует признать сельское населеніе Соединенных Штатов недостаточно осѣдлым.

Суммировать соціальныя послѣдствія складывающихся земельных отношеній можно слѣдующим образом: 1) пониженіе моральнаго и интеллектуальнаго уровня значительной, вѣроятно скоро преобладающей, группы сельскаго населенія, 2) ослабленіе соціальных связей и организмов в сельских мѣстностях, 3) классовая дифференціація сельскаго населенія доселѣ, однороднаго.

Политическій строй С.-А. С. Ш. основан на принципѣ максимальной свободы частной собственности. Результаты полнаго и послѣдовательнаго осуществленія этого принципа — налицо в обрабатывающей промышленности Америки. Концентрація капитала достигла в ней нигдѣ не виданных размѣров. Если при этом соціалистическія настроенія в городском пролетаріатѣ очень слабы, то это объясняется частью исключительно высоким уровнем заработной платы. Американская промышленность с самаго своего возникновенія должна была дорожить рабочей силой, и в этом объясненіе высоких ставок заработной платы. В результатѣ — соціалистическія идеи особым успѣхом в Америкѣ не пользуются и до сих пор.

Превращеніе трудовой земельной собственности в капиталистическую и распространеніе арендкаго землепользованія может создать в сельских мѣстностях почву, благопріятную если не для соціализма в чистом видѣ, то для разнаго рода уравнительных идей. В будущем сельское населеніе будет, вѣроятно, высказываться за налоги, направленные к экономическому нивеллированію. Подобныя перспективы, конечно, обезпокоили американских политиков и изслѣдователей соціальной жизни. Одновременно пришлось признать, что никакими экономическими мѣропріятіями отдѣльных организацій дѣлу не помочь. С другой стороны, законодательное вмѣшательство означало бы предотвращеніе соціализма грядущаго соціализмом настоящим. Поэтому сфера этого вмѣшательства ограни-

чивается в проектах изслѣдователей очень узкими рамками. Считается возможным введеніе налогов, комбинированных со спеціальной цѣлью побудить капиталистическаго земельнаго собственника отчудить землю, и введеніе соотвѣтствующих систем сельскаго кредита. Послѣдній должен содѣйствовать пріобрѣтенію земли лицами, желающими ее обрабатывать. Одновременно онѣ должны дать возможность лицам, желающим вложить капитал в землю, покупать не землю, а земельныя бумаги. Федеральный закон о сельском кредитѣ был недавно принят конгрессом.

Одна мысль, что когда-нибудь может быть выдвинуто требованіе національзаціи земли приводит американских писателей в ужас. Они твердо считают частную собственность на землю идеалом. По словам одного из них «лучшій способ вспахать горы до самых их вершин, состоит в том, чтобы передать их в частную собственность мелким владѣльцам». Но при этом они впадают в крайность и проекты, предлагаемые ими для предотвращенія грозящей опасности, почти цѣликом разсчитаны на культурную работу и совершенно не затрагивают непосредственно области экономических отношеній

«Арендаторская проблема серьезна, но рост постояннаго сельскаго пролетаріата является еще болѣе серьезной проблемой» говорит профессор соціологіи *Vogt*. Дѣйствительно, увеличеніе количества сельско-хозяйственных рабочих является весьма замѣтным фактом сельской жизни в Соединенных Штатах. Статистических данных, непосредственно рисующих этот процесс, не имѣется, однако размѣры его становятся ясными из сопоставленія нѣкоторых других сводок. Так, например, по данным, относящимся ко всей территоріи Соединенных Штатов было:

	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Лиц, занятых во всѣх областях дѣятельности, кромѣ с.-х.	9.678.224	14.169.735	18.691.468	25.599.411	30.661.090
Лиц, занятых в с. х., кромѣ с.-х. работников	4.389.999	5.561.583	5.970.889	6.479.511	6.490.530
Работников в сельск. хозяйствѣ	3.323.876	3.586.583	4.410.887	6.088 714	4.462.628

(под работниками в сельском хозяйствѣ понимаются лица, занятыя земледѣльческим трудом, но не являющіяся самостоятельными хозяевами, руководителями с.-х. производственных единиц, другими словами — эта категорія заключает в себѣ, как наемных рабочих, так и взрослых дѣтей, или родственников фермера, помогающих ему в хозяйствѣ).

Увеличеніе каждой из трех групп по десятилѣтіям было таково:

	1880-90	1890-00	1900-10	1910-20
I Группа . .	46,4%	31,8%	48,3%	19,7%
II Группа . .	26,7%	7,3%	2,5%	0,1%
III Группа . .	7,1%	22,9%	38,3%	26,6%

Число работников в сельском хозяйствѣ, начиная с 1890 г., росло гораздо быстрѣе числа хозяев. Рѣзкое паденіе числа работников в період с 1910 по 1920 г. объясняется вліяніем войны, выкачавшей молодежь из сельских мѣстностей, а также (главным образом) тѣм, что перепись 1920 года была произведена не в апрѣлѣ, как обычно, а в январѣ. При сопоставленіи этих данных с тѣм, что средняя численность фермерской

семьи постоянно уменьшается и что еще много других причин сокращает количество дѣтей, работающих на родительской фермѣ, рост с.-х. пролетаріата слѣдует признать очень значительным. Еще большее значеніе он пріобрѣтает, если принять во вниманіе широкое распространеніе с.-х. машин, уменьшающих потребность в рабочей силѣ, низкій, сравнительно с городом уровень заработной платы и растущую тягу молодежи в города. В 1910 г. число наемных земледѣльческих рабочих опредѣлялось в 2.636.966 человѣк. Очевидно, что рост цѣн на землю и, в связи с ним, рост арендной платы создают условія, при которых не только для того, чтобы купить землю, но и для того, чтобы стать арендатором, необходимо имѣть сравнительно немалый капитал. Даже положеніе арендатора понемногу становится привелегированным и доступ в него затрудняется.

Соціальные результаты этого явленія, конечно, весьма неблагопріятны. Большая часть (болѣе 1.500.000) сельских пролетаріев не являются постоянными рабочими, а рабочими сезонными и поденщиками. Каждый год волна в полтора милліона человѣк перекатывается и расплескивается по всѣм штатам. Движеніе это идет неорганизованно, руководят им случайныя свѣдѣнія и слухи о спросѣ на труд. Предложеніе труда часто бывает несвоевременным и, наоборот, в нужный момент оно отсутствует. Широких общественных мѣропріятій для урегулированія этого явленія до сих пор не принимается. Попытки к этому сдѣланы лишь в нѣскольких штатах. Считается желательным созданіе сѣти сельских бюро труда, объединяемых по районам и областям. Но такія мѣры могут улучшить лишь экономическія невыгоды явленія, вред его с соціальной точки зрѣнія может быть ослаблен только увеличеніем осѣдлости пролетарской группы населенія. Иначе неизбѣжны самыя печальныя послѣдствія, вродѣ рисуемых в полицейской сводкѣ одного из штатов (Минезота) — во время пребыванія в районѣ пришлаго элемента преступность повышается в 10—20 раз.

Эта основная, с точки зрѣнія соціальной, мѣра практически проводится в нѣкоторых районах и вызвана к жизни причинами экономическими. В цѣлях обезпеченія себя необходимой рабочей силой фермеры, в нѣкоторых штатах, сообща строят для рабочих болѣе или менѣе оборудованное жилище, в котором послѣдніе остаются жить со своими семьями круглый год. Нѣкоторыя свекло-сахарныя предпріятія создают карликовыя фермы, с постройками и оборудованіем, и сдают их в аренду под условіем, что арендатор займется производством свеклы. Другія свекло-сахарныя компаніи на льготных условіях продают небольшіе участки земли, часть которых, согласно договору, заключенному при продажѣ, должна засѣваться свеклой. Однако, мѣры, принимаемыя свекло-сахарными предпріятіями, не играют большой роли, т. к. эти предпріятія предпочитают предоставлять землю эмигрантам, а не отечественным пролетаріям, расчитывая на автономическую аккумуляцію рабочей силы — вновь прибывающіе эмигранты тянутся к своим землякам.

В послѣднее время признается необходимым привлеченіе с.-х. рабочих к полноправному участію в жизни общины, для чего до сих пор, не только фактически, но и юридически, требовалось владѣть хозяйством.

Таковы чисто практическіе пути, находимые личной инициативой, которыми Америка пользуется для урегулированія одного из важнѣйших вопросов своего сельскаго хозяйства и сельской жизни вообще. Вѣроятно и этот вопрос принадлежит к числу тѣх, которые требуют государственнаго вмѣшательства, но американцы об этом не думают. И в результатѣ наиболѣе глубокіе изслѣдователи приходят перед ним в тупик, как это бывает с ними всегда, как только обнаруживаются опасныя тенденціи, при темпѣ и размахѣ американской жизни, быстро превращающіяся в ясно выраженные процессы.

Такой же угрозой для будущаго Америки являются тенденціи, обнаруженныя в результатѣ обслѣдованія соотношенія между громадным развитіем производительности отдѣльных сельских хозяйств и размѣрами приносимаго ими дохода. Департамент Земледѣлія послѣ ценза 1910 г. опубликовал свои работы над опредѣленіем средняго уровня специфическаго трудового дохода земледѣль-

цев*). Он был опредѣлен в размѣрѣ 318 долларов. Многочисленныя эпизодическія изслѣдованія в період с 1907 по 1911 г. в восемнадцати штатах, принадлежащих к различным сельско-хозяйственным районам, привели к довольно сходным результатам. 49,4% обслѣдованных хозяйств (всего около 4.000) давали своим владѣльцам специфическій трудовой доход от 200 до 500 долларов, средней всего ряда была группа хозяйств, дававших 300—399 долларов трудового дохода. Отклоненія от этих средних в самых разнообразных районах были сравнительно невелики. Такой результат статистических работ ясно указывал на то, что по всей территоріи Соединенных Штатов постоянно дѣйствует какая-то сила, нивеллирующая трудовые доходы сельских хозяев. Болѣе широкія обслѣдованія и сопоставленія различных данных указали эту силу — увеличеніе с.-х. продукціи имѣет тенденцію непосредственно отражаться на цѣнах земли. Трудовые доходы остаются на одном уровнѣ, различная производительность в различных районах создает разницу в цѣнѣ на землю. От увеличенія с.-х. продукціи выигрывает не арендатор, а только землевладѣлец. Спеціалисты, изучавшіе это явленіе, утверждают, что и через двадцать лѣт, несмотря на прогресс земледѣлія в цѣлом, размѣр трудового дохода немногим будет отличаться от опредѣленнаго в настоящее время. Дѣйствительно, в теченіе всего времени, пока производились обслѣдованія — т. е. в теченіе 8 лѣт — трудовой доход не обнаружил тенденціи к повышенію и повидимому подчиняется тѣм же законам, что и заработная плата в промышленности.

Это явленіе имѣет чрезвычайно важное значеніе для всего будущаго страны. Если арендаторство станет господствующей, а может быть и исчерпывающей, формой сельскаго хозяйствованія и «в будущем доход фермера будет ограничен предѣлами заработной платы в городах, а все остальное будет отдаваться землевладѣльцу, то, без сомнѣнія, Америкѣ суждено имѣть класс нехозяйствующих земельных собственников и класс крестьян, такой же скверный, как и во всѣх других странах». (*P. Vogt.*)

III

Описанные экономическіе процессы и тенденціи широко вліяют на другія стороны сельской жизни. Неудовлетворительныя санитарныя условія в отдѣльных хозяйствах и цѣлых общинах, являющіяся прямым слѣдствіем капиталистическаго землевладѣнія, значительно ухудшили физическое здоровье и крѣпость сельскаго населенія. В Америкѣ вообще на сельскую санитарію обращалось сравнительно мало вниманія. Главное вниманіе санитарных имедицинских учрежденій было обращено на города. Смертность в городах стала понижаться с большой быстротой и гораздо быстрѣе, чѣм в сельских мѣстностях. Движеніе кривой смертности может быть выражено слѣдующей таблицей:

	Смертность в городах	Смертность в сельских мѣстностях
	(на 1.000 человѣк)	
1800 г. ..	22,1	15,0
1895 г. ..	20,0	15,1
1900 г. ..	18,5	15,1
1905 г. ..	17,5	14,5
1913 г. ..	15,0	12,5

С 1800 г. смертность в городах понизилась на 7,1 единиц, в сельских мѣстностях всего лишь на 2,5 единицы. В нѣкоторых районах уже обозначилась болѣе низкая смертность среди городского населенія. сравнительно с населеніем сельским. Это имѣло мѣсто в штатѣ Нью-Іорк, гдѣ расположен и величайшій город во всей странѣ. В 1913 г. смертность в городѣ Нью-Іоркѣ была равна 13,7; а на остальной территоріи штата 15,8. В поселеніях с числом жителей в 8.000 и выше смертность была 14,5, в прочей мѣстности 15,5. Конечно, цифры, относящіяся к одному штату, тѣм болѣе к Нью-Іорку, не могут

---

*) Под специфическим трудовым доходом фермера подразумѣвается т. н. labour income (рабочій доход). Это будет остаток, который получится за вычетом из чистаго годового дохода: 1) расходов по содержанію семьи, 2) расходу на оплату труда членов семьи, 3) процентов на вложенный в ферму капитал. У арендатора послѣдняго вычитаемаго нѣт, на его мѣстѣ является арендная плата.

быть характерными для всей страны. Здѣсь такое соотношеніе городской и сельской смертности объясняется большим количеством сравнительно молодых иммигрантов в составѣ городского населенія, а также большой численностью еврейскаго населенія. Евреи, как извѣстно, отличаются долговѣчностью. Это распространенное мнѣніе находит подтвержденіе в данных статистики народонаселенія. Один американскій статистик прямо заявляет, что «половина американских дѣтей умрет не достигнув 47 лѣт, в то время как половина еврейских дѣтей умрет послѣ 71 года»

В общем, конечно, смертность сельскаго населенія ниже смертности в городах, а главное количество смертей благопріятнѣе распредѣляется по отдѣльным возрастным группам. Иллюстраціей может служить слѣдующая таблица, составленная на основаніи регистраціи 413.960 смертных случаев в городах и 342.857 случаев в сельских мѣстностях:

Умерло в возрастѣ	В городах	В сельск. мѣстност.
до 5 лѣт	26,2 %	23,3 %
от 5 до 24 лѣт	9,5 »	9,9 »
от 25 до 44 »	19,3 »	13,9 »
от 45 до 64 »	22,9 »	18,7 »
выше 64 лѣт	22,1 »	34,2 »

Ясно, что если в результатѣ раціональной политики удалось добиться значительнаго пониженія смертности среди городского населенія, то при обращеніи большаго, чѣм до сих пор, вниманія на сельское населеніе, для него могут быть созданы весьма благопріятныя условія.

Медицинскій осмотр перваго милліона новобранцев, призванных во время послѣдней войны, а также многочисленныя районныя обслѣдованія показали, что здоровье сельскаго населенія в общем очень немногим лучше, чѣм здоровье населенія городского. Кромѣ неудовлетворительности санитарных условій, к числу недочетов сельской жизни с точки зрѣнія здравоохраненія слѣдует отнести также и недостаток медицинской помощи. Районныя обслѣдованія показали, что здоровье населенія в районах отдаленных от городов хуже чѣм в болѣе близких.

Особое мѣсто занимает вопрос о несчатных случаях при производствѣ с.-х. работ. Согласно данным Федеральнаго Департамента Труда сельское хозяйство, по количеству несчастных случаев, стоит на 25 мѣстѣ из 53 перечисляемых профессій. Одно из наиболѣе крупных страховых предпріятій в пятилѣтіе 1907—12 поставило фермеров на 33 мѣсто из 62 профессій, перечисляемых в порядкѣ сравнительной опасности, сопряженной с выполненіем профессіональной работы. Таким образом, оказывается, что сельское хозяйство стоит приблизительно в серединѣ списка профессій, расположенных в порядкѣ убывающей или возрастающей опасности, с ними связанной. Такое положеніе, конечно, ненормально, и причиной его является недостаточная безопасность с.-х. машин при обращеніи с ними.

Еще недавно, на анкету разосланную по всѣм штатам с вопросом, какія мѣры принимаются для здравоохраненія в сельских мѣстностях, многіе штаты отвѣчали, что спеціальных мѣр не принимается, вопрос сельскаго здравоохраненія из общих вопросов здравоохраненія не выдѣляется. За послѣднее время в этой области сдѣлано многое. В большом количествѣ созданы спеціальные органы сельской санитарной и медицинской службы, предприняты обширныя работы по санитарной статистикѣ, обращено вниманіе на роль, которую в дѣлѣ здравоохраненія может сыграть школа, как мѣсто наблюденія за подрастающим поколѣніем. Кромѣ того организуются популярныя лекціи с демонстрированіем соотвѣтствующих кинематографических фильм, публикуются листовки. О размѣрах, которые приняла эта работа, можно судить по тому, что в теченіе 1914—15 учебнаго года в одном штатѣ (Пенсильванія) было подвергнуто осмотру около 485.000 дѣтей и подростков в школах. Послѣ осмотра было написано болѣе 350.000 писем родителям с указаніями на мѣры, которыя они должны примѣнять для излѣченія того или другого недостатка в здоровьи ребенка. Наконец, было приступлено к организаціи окружных общественных сельских больниц. Первым на этот путь стал штат Іова, в 1909 году принявшій закон, согласно которому в каждом графствѣ постановленіем большинства населенія может быть введен спеціальный налог для организаціи

и содержанія общественной больницы. Другіе штаты вскорѣ послѣдовали этому примѣру. Несмотря на достигнутые успѣхи, всѣ эти мѣропріятія на общем фонѣ «арендаторских домов» оказываются недостаточными.

Менѣе зависимой от санитарных, а слѣдовательно экономических, условій является проблема охраненія психическаго здоровья. Цѣлым рядом обслѣдованій было установлено, что слабоумные встрѣчаются в сельских общинах чаще, чѣм в городских. Под давленіем пресса жизни в городах слабоумные быстро деградируют, попадают в тюрьмы или благотворительныя заведенія и выключаются из общества. В сельских мѣстностях пресс жизни давит слабѣе, слабоумные часто работают в качествѣ чернорабочих на фермѣ и вмѣсто общественнаго надзора находятся под надзором семьи или пользуются совершенной свободой. Сельское населеніе не отдает себѣ должнаго отчета о вредѣ пребыванія слабоумнаго на свободѣ; нерѣдки случаи браков между слабоумными. Об опасности таких браков для общества говорить не приходится*).

Мѣры, предлагаемыя для борьбы с этой опасностью, весьма радикальны — запрещеніе слабоумным вступать в брак, даже полная изоляція их. Мѣры должны проводиться законодательным порядком, а школа должна их популяризировать. В результатѣ ожидается сильное сокращеніе преступности и проституціи среди сельскаго населенія.

В то время, как большое количество слабоумных характерно для сельских мѣстностей, душевно больные в прямом смыслѣ слова встрѣчаются чаще в городах. Согласно данным 1910 г., и относящимся ко всей территоріи Соединенных Штатов, из 66.769 человѣк, принятых в теченіе года в лѣчебницы для умалишенных, 36.654 человѣка были горожанами и всего лишь 20.442 — сельскими жителями. Число душевно больных составляло таким образом 86 человѣк на 100.000 городского населенія и 41 человѣка на 100.000 сельскаго населенія. Существует рѣзкое различие в типах душевных заболѣваній в городах и в сельских мѣстностях. Душевныя заболѣванія в городах преимущественно связаны с алкоголизмом, венерическими болѣзнями и употребленіем наркотиков. Так напр., алкоголизм являлся причиной заболѣванія в 16,8 % случаев, в сельских мѣстностях он давал лишь 10,4% заболѣвших. Преобладающее число душевно больных земледѣльцев страдало меланхоліей и разстройствами, близкими к ней. Отсюда дѣлаются выводы о разных мѣрах борьбы с распространеніем душевных заболѣваній. В городах борьба должна быть направлена против развитія пороков, а в сельскую жизнь должно быть внесено разнообразіе и привлекательность.

Моральный уровень населенія, как это видно из предшествующаго, стоит в чрезвычайно тѣсной связи с психическим здоровьем. В этой области особенно трудно дѣлать общіе выводы, ибо моральное состояніе отдѣль-

---

*) Примѣрами могут служить двѣ семьи, изслѣдованныя в штатах Нью-Іорк и Нью-Джерсей. Семья Килликак в штатѣ Нью-Іорк происходит от солдата времен революціи и слабоумной женщины, или вѣрнѣе от их незаконнорожденнаго сына. Из 480 человѣк его потомства было 146 слабоумных, 46 вполнѣ нормальных, психических способностей остальных опредѣлить не удалось. Из этих же 480 человѣк 33 были ненормальными в половом смыслѣ, 24 алкоголиками, 3 эпилептиками, 3 уголовными преступниками, 8 душевнобольными. Эти потомки вступали в брак с другими лицами и, в результатѣ, образовалась группа в 1.146 человѣк; из которых 262 слабоумных, 197 вполнѣ нормальных.

Семья Джук в Нью-Джерсей имѣла до 1200 потомков. Из них 709 было подвергнуто изслѣдованію. 540 из них были из рода Джук, а 169 вступивших с ними в брак. Из 305 прямых потомков семьи Джук, достигших зрѣлаго возраста, были 73 проститутками, 51 сифилитиками, 49 уголовными преступниками, 148 пользовались призрѣніем благотворительных учрежденій. Из 169 лиц, вступивших в брак с прямыми потомками Джуков было 55 проституток, 16 сифилитиков, 27 уголовных преступников, 58 пользовались призрѣніем. 52,4% женщин в этой семьѣ были безнравственны.

наго индивида и коллектива не поддается учету цифрами. Возможен лишь учет проявленій, т. е. поступков, притом в большинствѣ случаев приходится учитывать не проявленія морали, а проявленія антиморальности. Кромѣ того, с точки зрѣнія соціологической, моральные принципы не обладают абсолютностью, а обусловливаются рядом причин, из которых главную роль играют причины экономическія. Поэтому практически невозможно давать моральную оцѣнку каждому дѣйствію человѣка. Из всего множества дѣйствій должна быть выдѣлена группа, наименѣе подверженная вліянію экономики. Такой областью является половая жизнь. Здѣсь воля обнаруживает высокую внутреннюю сопротивляемость против подчиненія экономическим мотивам. Эту область и слѣдует брать за объект изслѣдованія при попытках опредѣлить моральный уровень отдѣльных людей и соціальнаго организма.

Довольно распространенным является мнѣніе, что кадры проституціи в городских центрах пополняются главным образом женщинами, пришедшими в город из деревни. Статистическія данныя, собранныя в нѣскольких крупных американских городах дали совершенно обратные результаты. Из общаго числа женщин, попавших в полѣ изслѣдованія, процент родившихся в городах колебался от 57 до 82, родившихся внѣ городов — от 18 до 43. Что касается низкаго уровня нравственности, наблюдаемаго в нѣкоторых отдѣльных земледѣльческих общинах, то его слѣдует приписать наслѣдственности. Там проблема из соціологической превращается в біологическую. Данных по моральной статистикѣ, захватывающих большія массы населенія, к сожалѣнію, в Америкѣ не имѣется. Однако, наблюденія, произведенныя в отдѣльных мѣстностях, дают достаточный матеріал для опредѣленных заключеній. Из общаго числа венерических заболѣваній на города приходится от 62 до 70%, из общаго числа разводов — 71—77%. Итак, половая мораль в городской средѣ ниже, чѣм в сельской. Опасность для послѣдней растет по мѣрѣ прогресса средств сообщенія и установленія болѣе тѣсной связи между группами населенія городского и сельскаго. Американцы видят два пути к удержанію сельской морали на современной ея высотѣ — школу и церковь.

IV

Американскіе взгляды на сельскую школу быстро эволюціонируют. Первоначальной задачей школы считалось развитіе мыслительных способностей ученика, затѣм цѣлью ея стало воспитаніе и подготовка индивида для борьбы за существованіе. Наконец, теперь широкое распространеніе получает теорія, согласно которой обязанностью школы является общественное воспитаніе ученика. Во многих педагогических институтах будущим учителям читается подробный курс соціологии. Согласно этому принципу перестраиваются и дополняются программы и методы преподаванія*). Разбор этих вопросов завел бы в область педагогики; для цѣлей же настоящаго очерка достаточно указать на тѣ общественныя функціи, которыя в результатѣ новых взглядов, возлагаются на сельскую школу. Школа должна быть центром художественной жизни общины, а для этого даже школьныя зданія должны по возможности отвѣчать требованіям эстетики. Школа должна быть архивом и музеем общины, собирая всевозможные матеріалы о жизни ея в прошлом и настоящем. Школа естественно должна быть общественной библіотекой. Лицо, стоящее во главѣ школы, является наиболѣе образованным и знающим в общинѣ, и, пользуясь этим, школа должна стремиться стать соціальным центром общины во всѣх возможных случаях.

При выполненіи перечисленных функцій школа имѣет всѣ преимущества перед церковью. Общеніе между ней и населеніем интенсивнѣе; она также может объединить вокруг себя всѣх членов общины, в то время, как церковь, в виду большого количества различных сект и направленій в религіи, может собрать вокруг себя лишь ограниченное число своих при-

*) Спеціальное вниманіе должно быть обращено на борьбу против развитія в дѣтях представленія о городской жизни, как лучшей по сравненію с сельской. Дѣтям должно внушаться уваженіе к сельскому хозяйству, как профессіи и образу жизни.

хожан. Правда и церковь имѣет перед школой одно преимущество — она является непосредсвенно носительницей высших идеалов и лучше других может бороться против крайняго индивидуализма. Но, при общем для всѣх американских религіозных теченій, практическом и реальном духѣ, это утвержденіе американских соціологов в значительной степени теряет свою истинность.

Американскій христіанизм всегда обращал большое вниманіе на заповѣдь о любви к ближнему и отдавал предпочтеніе вопросам соціальнаго благоустройства перед вопросами небеснаго благополучія. И несмотря на это, казалось бы, приближеніе к жизни религіозность сельскаго населенія Соединенных Штатов падает. Интересно отмѣтить, что при этом религіозность всей страны, включая и города, повышается. Так говорит статистика церковных приходов. Возможны возраженія, что внѣшнее дѣйствіе, каким является принадлежность к приходу, еще не доказывает внутренней религіозности. Но это вѣрно лишь в очень слабой степени. Духовная и обрядовая сторона всякой вѣры так тѣсно связаны между собой, что полное пренебреженіе обрядами для большинства людей обозначает и внутренній индеферентизм, или, в концѣ концов, вызывает его. Борьба с безвѣріем, уже существующим, является задачей чисто духовной, борьба же с возможностью постепеннаго развитія безвѣрія через ослабленіе внѣшних религіозных связей лежит в области матеріальной. Нѣкоторыя причины ослабленія этих связей были уже указаны. Таковыми являются передвиженіе населенія из одного района в другой, тяга в города, классовая дифференціація и развитіе арендаторства. Эта послѣдняя причина дѣйствует тѣм сильнѣе, чѣм больше старая церковь оказывалась пропитанной собственническим духом. Во многих мѣстностях на религіозной жизни отражается низкій уровень матеріальнаго благосостоянія общины; при системѣ содержанія церкви и причта за счет прихожан эта причина оказывает весьма могущественное дѣйствіе. Чисто американским явленіем, также вредно отражающимся на религіозной жизни, является обиліе различных исповѣданій и сект. Почти в каждой общинѣ имѣется минимум по двѣ церкви — пресвитеріанская и методистская.

Наконец, церковь, по мнѣнію американцев, не сумѣла играть должной роли в повседневной жизни общины, вслѣдствіе низкаго уровня развитія причта и недостатка финансов. Одно время финансовое положеніе многих сельских церквей было столь тяжелым, что нерѣдки были случаи, когда общинная церковь для добыванія средств пускалась в коммерческія предпріятія, вродѣ устройства увеселеній, футбольных и боксовых матчей и т. д.

Ослабленіе церкви вызывается еще одной причиной, лежащей в самой догматикѣ нѣкоторых исповѣданій. Статистика указывает, что если та или иная церковь принимает в свой состав лишь лиц достигших извѣстнаго возраста, то число членов ея падает значительно быстрѣе, чѣм в церкви, принимающей в свой состав и дѣтей. С точки зрѣнія поддержанія религіозных связей между людьми естественно выгоднѣе возлагать на индивида отвѣтственность за выход из церкви, чѣм за вхожденіе в нее.

Эта причина упадка церкви не может быть уничтожена. Во всѣх остальных случаях американцы предлагают соотвѣтствующія мѣропріятія. Для улучшенія финансоваго положенія рекомендуется причту выступать с декларативной программой соціальной работы, которую он намѣрен выполнять, и лишь послѣ этого приступать к сбору средств. Для осуществленія этой работы представителям различных исповѣданій рекомендуется создавать объединенные комитеты. В общем взгляд на будущее церкви является оптимистическим. Считается, что при активном участіи церкви в жизни общины она поднимет свой авторитет, что поведет к развитію религіознаго настроенія в населеніи и укрѣпит настоящую американскую «христіанскую цивилизацію».

V

Мы коснулись главнѣйших проблем сельской жизни в Америкѣ.

Кризис религіозной стороны этой жизни, затрудненія в дѣлѣ просвѣщенія, недостатки морали, психическаго и физическаго здоровья земледѣль-

ческаго населенія в общих чертах очерчены нами. Незатронутыми остались такія крупныя явленія, как кооперація и политическія движенія.

Если бы мы обратились к ним и попытались вскрыть их затрудненія и тѣневыя стороны, то анализ привел бы нас и тут к ненормальности земельных отношеній, как к причинѣ, которая обычно либо порождает данный недуг, либо в какой-то мѣрѣ мѣшает его устраненію.

Широко развившіяся арендаторское землепользованіе и капиталистическое землевладѣніе играют очень пагубную роль в американском сельском хозяйствѣ. Прямое или косвенное их вліяніе можно прослѣдить во всѣх отрицательных моментах сельской жизни Америки. Подробное изслѣдованіе всякой тревожной тенденціи не только в экономикѣ, но и в соціальной сферѣ, неизбѣжно приводит к арендаторскому вопросу. В лучшем случаѣ, он тормозит благопріятный ход общественной жизни, в худшем — рождает и подталкивает опасные процессы.

В разрѣшеніи ненормально сложившихся земельных отношеній — ключ к радикальному устраненію одних недугов и значительному ослабленію других. Задачей дня является сохраненіе занимаемых позицій за трудовой земельной собственностью и отвоеваніе позицій ею потерянных. Это американцами осознано.

Н. В. Быстров.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

С. Н. ПРОКОПОВИЧ. — *Крестьянское хозяйство.* По данным бюджетных изслѣдованій и динамических переписей. Берлин. 1924, 246 стр.

Названіе книги гораздо больше, чѣм ея содержаніе. Послѣднее давало бы право назвать книгу — «К вопросу о крест. х-вѣ» и снабдить подзаголовком — «Об опытѣ примѣненія метода корреляціи к анализу статистических в частности бюджетных матеріалов о нем», но ни в каком случаѣ не право на то заглавіе, которое дал автор — «Крестьянское хозяйство».

Книга содержит изложеніе работ автора по этому методу с анализом табличных матеріалов бюджетных изслѣдованій по 2 уѣздам Вологод., Новгород. и Тамбовск. губерніи и по Старобѣльскому уѣзду Харьковск. губерніи. Эти работы, на кои положено громадное количество труда, требуемаго данным методом, составляют заслугу автора в вопросах использованія бюджетно-статистическаго матеріала уже с давних (довоенных) лѣт. В книгѣ послѣдовательно излагаются таблички коэффиціентов корреляціи и выводы из них по слѣдующим вопросам крестьянскаго хозяйства и соотвѣтственным главам книги: валовой доход крестьянскаго хозяйства, аренда и сдача земли, личные расходы крест. семьи, труд в крестьянском хозяйствѣ, промысловые заработки, динамика крест. хозяйства и вліяніе рынка на крест. х-во. Всѣм этим главам предпослано предисловіе, излагающее сущность и значеніе корреляціоннаго метода для анализа бюджетной статистики. Метод позволяет тоньше, точнѣе и безспорнѣе проанализировать статистическіе ряды (цифр), чѣм глазомѣрное их сопоставленіе. В этом его сила. Послѣдняя опредѣляет и положительное значеніе рецензируемой книги, дающей в распоряженіе читателя мѣру связей в элементах крест. хозяйства, представленнаго указанными бюдж. изслѣдованіями.

Книга констатирует именно эту мѣру коррелятивной (но еще не причинной) связи между элементами крестьянскаго хозяйства и позволяет дѣлать цѣнныя сравненія вообще и в частности для уясненія природы крестьянскаго хозяйства, вопрос о которой вновь и рѣзко раздѣлил агро-экономистов на разные лагери. Мы не можем тут ни прослѣдить, ни тѣм болѣе оцѣнить выводов автора книги — кои он спѣшит сдѣлать на основаніи сопоставленія вычисленных им коэффиціентов корреляціи. Отмѣтим только, что увлеченный примѣняемым методом, автор преувеличивает его роль вообще и в частности для освѣщенія природы крест. хозяйства. Вѣдь ряды цифр «творятся» изслѣдователем, исходя из какого то логическаго основанія, сводящагося к тому или другому представленію (болѣе или менѣе гипотетическому или уже теоретически утвержденному). Утонченный метод анализа при помощи коэффиціентов корреляціи сам по себѣ, как пріем чисто техническій, ничего не прибавляет к тому логическому основанію, которое привело к образованію рядов цифр. Основательность вывода из послѣдних, хотя бы и при помощи коэфф. кор-ціи, зависит всецѣло от правильности этого логическаго основанія рядов.

При чрезвычайно сложном взаимоотношеніи элементов крестьянскаго х-ва между собой и с разными сторонами безконечно мѣняющейся среды, каждая комбинація статистических рядов и, слѣд., их анализ должны примыкать к опредѣленной и цѣлостной концепціи крестьянскаго хозяйства с его с.-хоз. производством и промысловыми заработками. Без этого условія статистическіе ряды имѣют неопредѣленную цѣнность или даже никакой. Мы вправѣ поэтому ожидать от книги, посвященной «крестьянскому хозяйству», чтобы она строилась на том или другом связном пониманіи крестьянскаго хозяйства.

Между тѣм этого в книгѣ нѣт. Правда, на стр. 15 и 16 имѣется перечень «составных частей» бюджетных изслѣдованій, кои автор группирует, как исходные моменты для своего дальнѣйшаго анализа матеріалов этих изслѣдованій. Но эта схема совершенно чужда идеѣ различнаго значенія для строя и результатов крестьянскаго хозяйства, как разных частей «хозяйственнаго имущества» (например — скота мясного, молочнаго, разных видов скота рабочаго), так и каждой из производительных отраслей сельскаго хозяйства, хотя эта идея является прочным пріобрѣтеніем науки «организаціи с.-х».

В книгѣ совершенно не поставлены также вопросы о соотношеніи всѣх сторон крестьянскаго хозяйства между собой, освѣщеніе которых было бы основаніем хотя бы для предложеннаго автором вышеуказаннаго перечня тем (глав) книги о крестьянском хозяйствѣ. Без этого книга является лишь собраніем несвязанных между собой очерков, хотя и на темы, относящіяся к одному предмету. Отсутствіе «теоріи» предмета, дѣлает анализ автора отдѣльных сторон уязвимым на каждом шагу и, конечно, не давало бы права автору для столь рѣзкой критики и отзывов, которые он пишет на протяженіи почти всей книги, по отношенію представителей трудово-потребительской или — правильнѣе — организаціонно-производственной концепціи крестьянскаго хозяйства (Чаянов, Челинцев и др.). Эта критика слаба уже тѣм, что она нигдѣ не дала себѣ труда продумать концепцію противника в цѣлом. Надо отмѣтить, что и передача С. Н. Прокоповичем воззрѣній ряда авторов, им оцѣниваемых, дѣлается недостаточно бережно. Напр., А. И. Скворцов отнесен к противникам Тюнена и к сторонникам мнѣнія о преимущественном значеніи для с. х-ва плотности населенія сравнительно с рынком, что, конечно, не вѣрно, если только формулировать его теорію в *цѣлом* (ср. «Экономика Земледѣлія», т. I, «Вліяніе парового транспорта» и пр.). Читатель, освѣдомленный в литературѣ предмета, не один раз встрѣтит в рецензуемой книгѣ приписываніе «противникам» таких мнѣній, от коих тѣ должны открещиваться, и только потому, что цитата и ссылка на них взяты без контекста.

Работа г. Прокоповича, поскольку она выходит за передачу коэффиціентов корреляціи, вычисленных автором, производит впечатлѣніе написанной наспѣх и потому мало продуманной. Нельзя, напр., оставаясь серьезным, недостаточно быстрое развитіе научной теоріи крестьянскаго хозяйства объяснять господством подворных переписей и недостаточными пріемами анализа статист. таблиц (т. е. непримѣненіем математических пріемов и, в частности, метода корреляціоннаго), как это дѣлает автор (стр. 4 и 5). Значеніе метода коэфф. кор-ціи преувеличено автором не только пренебреженіем к разработкѣ цѣлостной концепціи крестьянскаго хозяйства, но и частым приложеніем его там, гдѣ это противорѣчит логикѣ вопроса, т. е. гдѣ прилагать его не надо и гдѣ это ничего не доказывает. Напр., ищется коэффиціент для отношеній ѣдоков-работников к валовой доходности х-ва, или к общему числу дней труда, затраченнаго в х-вѣ, или производительности 1 дня работы вообще в х-вѣ и пр. А главное из этих коэффиціентов дѣлаются широкіе выводы о подчиненном значеніи состава семьи для организаціи крестьянскаго хозяйства. Между тѣм ясно, что одно и то же отношеніе ѣдок-.работн. (смотря по возрасту семьи) бывает обязательно в х-вах разной площади, разнаго имущества, разной производительности и пр., и что оно обнаруживаеть свое значеніе лишь при нахожденіи связи с ним числа дней работы в году и годовой производительности работника.

Размѣры рецензіи не позволяют нам указать ряд промахов автора в его положительных выводах о природѣ крестьянскаго хозяйства и в его выпадах против противников, кои проистекают от недоработанности им «теоріи» и от преждевременности примѣненія коэфф. корреляціи.

Метод С. Н. Прокоповича не достаточен, чтобы убѣдить в рядѣ дѣлаемых им весьма отвѣтственных выводов о крестьянском хозяйствѣ, но, ставя вопросы рѣзко, книга его поднимает интерес к данной темѣ. Приходиться пожалѣть, что поспѣшное в изложеніи и мѣстами несистематичность в нем при обиліи фактическаго матеріала затрудняет штудированіе этой книги.

А. Челинцев.

С. Н. ПРОКОПОВИЧ. *Кредитная кооперація в Россіи.* — Москва 1923. Изд. Центральнаго товарищества «Кооперативное Издательство». 144.+9. стр.

Раньше книги С. Н. Прокоповича, заглавіе которой мы выписали, вышли почти одновременно двѣ работы небезызвѣстных кооперативных изслѣдователей, посвященныя кооперативному кредиту: Л. С. Зака и М. Л. Хейсина. Обѣ вызваны одной и той же побудительной причиной — исполнившимся 50-лѣтіемъ существованія кредитной кооперацiи в нашей странѣ, обѣ вышли почти одновременно — в свободнѣйшем 1917 г. и — обѣ оказались одинаково малоудовлетворительными. Л. С. Зак прналег на «теорію» кооперативнаго кредита и большую часть своей тощенькой книжки посвятилъ изображенію техники банковаго дѣла. А М. Л. Хейсин совершил поистинѣ Мараѳонскій бѣг на историческую дистанцію и описал судьбы кредитной кооперацiи приблизительно такъ, как можетъ описать пейзаж, быстро бѣжавшій и сильно запыхавшійся человѣк.

Изслѣдованіе г. Прокоповича о кредитной кооперацiи, конечно, несравненно выше двухъ вышеуказанныхъ работ. Как экономист, автор разсматривает кооперативный кредит в его связи с народным хозяйством, тонко анализируя всѣ нити этой связи. Наиболѣе интересна в этом отношенiи вторая глава — «хозяйство членов кредитных кооперативов» (16—37 стр.), гдѣ автор перечисляет тѣ достиженiя, какими может гордиться организацiя кооперативнаго кредита. Солидно обставлены цифровым матеріалом три главы, посвященныя разбору операцiонной дѣятельности кредитных кооперативов, именно — «средства кредитных кооперативов» (т. е. собственные капиталы, вклады и займы), «ссуды» и особенно «товарныя операцiи», гдѣ приведены данныя, мало бывавшiя в оборотѣ кооперативной литературы. Слабѣе послѣдняя глава — о дѣятельности «кредитныхъ союзов». В книжкѣ, вышедшей в 1923 г., мы вправѣ были бы ожидать обработки матеріалов, заканчивающихся 1919 г., это было бы тѣм умѣтнѣе, что в январѣ 1920 г. на территорiи, подвластной большевицкой партiи, т. е. в громадной части Россiи, кредитная кооперацiя была обвинена в буржуазной ереси, осуждена и упразднена. Дѣятельность кредитных союзов, к сожалѣнiю, и послѣ книжки г. Прокоповича еще ждет своей обработки.

Есть нѣсколько вопросов кооперативнаго строительства, в которых мы принципiально и, повидимому, безнадежно расходимся с автором. Отмѣтим их.

Первый вопросъ — о круговой порукѣ в кредитной кооперацiи. С. Н. Прокопович повторяет и даже подчеркивает свое прежнее отрицательное отношенiе к ней. Он косвенно квалифицирует круговую поруку, как «бюрократическiй предразсудок» и в доказательство ея ненужности ссылается на акцiонерную практику, преудобно обходящуюся без круговой поруки (стр. 45).

Отпихнуться от круговой поруки презрительной кличкой «бюрократическiй пердразсудок» все-таки будет трудно. Самый неумолимый человѣк насчет круговой отвѣтственности был, как извѣстно Райффейзен, котораго заподозрить в бюрократическом ослѣпленiи нельзя. Посмотрите, как глубоко у него обоснована круговая порука и как тѣсно сплетена со строенiем того удивительно сплоченнаго организма, который извѣстен под именем райффейзенской кассы. Это вѣрно, что в акцiонерном дѣлѣ нѣт круговой поруки, зато там есть другое требованiе, весьма твердо соблюдаемое: каждый чужой рубль долженъ быть обезпечен десятью копѣйками акцiонернаго капитала. У нас было величайшим стѣснѣнiем требованiе десятикратной нормы обязательств к основному капиталу в кредитных кооперативах (вот это, дѣйствительно, если хотите, «бюрократическiй предразсудок»), а Райффейзен считал цѣлесообразным начинать дѣло с вкладов и займов, без всякаго основного капитала, давая взамѣн его круговую поруку. Замѣтим кстати, что Германiя ввела ту же круговую поруку в государственном масштабѣ, и курс рентной марки показывает, что это — не так плохо.

Второй вопрос — о конкуренцiи государственных сберегательных касс кредитным кооперативам, о чем С. Н. Прокопович говорит неоднократно (стр. 9, 52). Мы отрицаем вѣрность этого положенiя. Если говорить строго-дѣловым языком, то слѣдовало бы скорѣе поднять вопрос о конкуренцiи кредитных кооперативов сберегательным кассам, а не наоборот. Какую, в самом дѣлѣ,

могли составить конкуренцію сберегательныя кассы с их 3,6% роста на вклады кредитным кооперативам, которые свободно платили и 6%, и 7%, и даже 8%! Напомним, что такого же рода опасенія высказывали кооперативные союзы в тѣх городах, гдѣ Московскій Народный Банк открывал свои отдѣленія. Они, мол, будут отбивать у нас «кооперативные» вклады! — обижались союзы. Обслѣдованіе дѣла выяснило, что привлеченіе средств в союзы пошло быстрѣе именно в тѣх городах, гдѣ были открыты отдѣленія Моск. Нар. Банка, и что никаких вообще привилегированных *кооперативных* вкладов нѣт и не бывает. Так было и здѣсь — в дѣлах сберегательных касс и кооперативных организацій.

Третій вопрос касается размѣра ссуды соотвѣтственно с ея назначеніем. Отмѣчая недостаточность кредита (исчисляемаго, замѣтим, в средних величинах), автор развивает слишком прямолинейный взгляд на кредитованіе: ссуда должна окупать *всю* лошадь, *всю* корову, *весь* мертвый инвентарь и т. п. В жизни так никогда не бывает. Неясность внесена знаменитой «книгой требованія ссуд» и развившейся привычкой (вѣроятно, под вліяніем необдуманных требованій правительственнаго надзора) строгой конкретизаціи каждой ссуды. Создавшейся поговоркѣ: «просишь на лошадь, а дают на одну ногу» мы можем противопоставить, вырвавшееся у одного сельскаго делегата на съѣздѣ, замѣчаніе: «да вѣдь если вѣрить тому, что у нас записано в книгѣ, то у нас уже табуны лошадей у каждаго должны быть»...

Тема эта — очень пространная, и мы на ней останавливаться не будем.

Отмѣтим еще нѣсколько второстепенных погрѣшностей.

Автор ошибается, полагая, что репрессивныя мѣры «в случаѣ израсходованія ссуды не по назначенію — хотя бы в формѣ требованія досрочнаго возврата взятых денег — у нас совершенно не примѣняются» (стр. 72) В «Вѣстникѣ Мелк. Кредита» помѣщен цѣлый ряд противоположных сообщеній.

Мы раздѣляем сѣтованія автора на краткосрочность кредита, в то время как крестьянское хозяйство нуждается преимущественно в ссудах долгосрочных, но не можем слѣдовать сужденіям — что и при краткосрочных и даже безсрочных вкладах, можно было бы безоглядно кредитовать заемщиков на долгіе сроки (76—79). Это — путь опасный: расшатать вкладную операцію легко, а возстановить ее — даже не придумаешь, какими способами удалось бы.

Совершенно для нас непонятным является, что автор, так внимательно разсмотрѣв дѣятельность кооперативов первичных и их союзов, не отвел особой главы обозрѣнію дѣятельности Московскаго Народнаго Банка. Мы говорим совершенно опредѣленно — «главы», — считая, что шестилѣтняя дѣятельность Банка по ея охвату давала матеріал для многих самостоятельных и цѣнных выводов. Не грѣх было сказать и о земских кассах мелкаго кредита; хотя сами кассы, по своему устройству не принадлежат к кооперативной группѣ, но благотворная роль их в дѣлѣ строительства кредитной коопераціи и финансированія ея несомнѣнна. Наконец, автор даже не обмолвился о финансовом содѣйствіи кредитной коопераціи другим кооперативным отраслям — промысловой и потребительской. В кооперативной прессѣ есть на этот счет любопытный матеріал.

В результатѣ мы считаем книгу г. Прокоповича научно и обстоятельно составленным этюдом, далеко не исчерпывающим всѣх вопросов теоріи и исторіи «кредитной коопераціи в Россіи», но, в своих ограниченных рамках, дающим ряд обдуманных и хорошо доказываемых положеній и обобщеній. У лиц, занимающихся дѣлами и вопросами коопераціи, эта книга должна быть под рукой.

Константин Храневич.

АЛЕКСАНДР ЛОЗОВЫЙ. *Сельско-хозяйственная кооперація и значеніе ея в современных условіях.* Изд. «Красная Новь». Москва 1923.

В послѣднее время стали появляться — правда, очень рѣдко — книги по коопераціи, написанныя коммунистами и носящія ярко-коммунистическую окраску, но вмѣстѣ с тѣм проникнутыя стремленіем авторов их заглянуть правдѣ в глаза и гдѣ-то поискать выхода из тѣх контрастов, в которых ежеминутно

сталкивается «теорія и практика» в русской жизни. Авторы их еще не окончательно потеряли нормальное зрѣніе на явленія жизни и видимо даже склонны задумываться над вопросом — а что же будет завтра, если чего-то не предпринять и на что-то не рѣшиться. Правда, в поисках «чего-то» — тѣх реформ и нововведеній, которых так страстно ждет Россія — они не имѣют мужества отступить от общей коммунистической программы, но в их произведеніях уже проблескивают здравыя мысли и сужденія.

К такого рода работам мы относим книжку г. Александра Лозового, которая во многих отношеніях заслуживает вниманіе людей, интересующихся вопросами с.- х. коопераціи.

В достаточно обширном «введеніи» (15 стр.) автор устанавливает основныя положенія и общую точку зрѣнія на предмет в строго коммунистическом духѣ. От Лозового мы узнаем, напр., что «кооперативный капитализм, *как разновидность государственнаго капитализма*, облегчает учет и контроль над производством, что является предпосылкой для соціализма» (стр. 5), что «только непосредственная связь соціалистической промышленности с кооперативным капитализмом, с устраненіем промежуточных частно-капиталистических формацій, порожденных Нэп'ом, создает прочную базу для развитія соціалистическо-экономической системы» (стр. 6), что «кооперація... получает в совѣтской экономической системѣ характер хозяйственной организаціи, формы которой *не противорѣчат* основным положеніям хозяйственнаго строительтва совѣтских республик на соціалистических началах» (стр. 7) и, наконец, что «так как с.-х. кооперація осуществляет дѣятельность свою в системѣ государственнаго капитализма, выполняя сплошь и рядом плановыя заданія государственных органов по проведенію мѣропріятій экономическаго и культурнаго характера, то вполнѣ естественно, что она должна при подобнаго рода взаимоотношеніях *быть под контролем государства* (стр. 10 — курсив всюду наш).

В том же введеніи мы встрѣчаем, однако, и здравыя сужденія автора. «Конечно — говорит г. Лозовой — цѣлью с.-х. коопераціи является вовлеченіе возможно-широких слоев населенія — по возможности всего населенія — в кооперативное движеніе, но нужно разбираться в методах самого вовлеченія, что *часто игнорируется потребкоопераціей, и нѣкоторые ретивые кооператоры*, вмѣсто использованія каких-либо методов по вовлеченію населенія в кооперацію, *пользуются просто кооперативным нахрапом* (прим. троек Ставрополья, Сибири). А всякій нахрап, будь то административный или кооперативный, в современных условіях не дает желаемых результатов». (стр. 11 — курсив наш).

Глава I посвящена обозрѣнію «главных этапов в развитіи кооперативной мысли». Оуэн и Фурье... Вильям Кинг... рочдельскіе піонеры... Якоб... Губер и Лацарь... Луи Блан... Лассаль... Шарль Жид... Оппенгеймер .. — всѣ они получают по легкому подзатыльнику от г. Лозового за то, что «мыслили перестроить капиталистическій мір без классовой борьбы, а мирным путем»... Мы говорим — «легкому» — потому что на обзор и опроверженіе ученія не менѣе десятка лиц автором использовано всего — лишь 25 страниц. От неудовольствія автор быстро переходит в благодушное настроеніе, когда начинает комментировать туманные обрывки мыслей о коопераціи Ленина, Маркса и Энгельса и манифест 1869 г. от имени перваго интернаціонала.

Глава II посвящена обзору «характерных особенностей развитія коопераціи в разных странах» и представляет собою сжатый и толковый пересказ того, что имѣется в популярных изданіях по этому вопросу.

Остальныя четыре главы посвящены обзору состоянія коопераціи (преимущественно сельско-хозяйственной) в Россіи и представляют собою интересную часть книги. Большей частью, не мудрствуя лукаво, автор описывает тѣ крупицы, которыя остались послѣ разгрома коопераціи большевиками, и упивается тѣми перспективами, которыя предстоят пред с.-х. коопераціей в соціалистически-коммунистическом государствѣ. Автору извѣстно, что к 1918 г. «с.-х. союзов насчитывалось 500, и с.-х. кооперація объединяла до 14 милл. крестьянских хозяйств *при оборотных средствах в один милліард золотом*» (стр. 123—курсив наш). Это не мѣшает автору неоднократно заявлять, что с.-х. кооперація, можно сказать, свѣт увидѣла только при большевиках и только теперь начинается ея настоящее развитіе. Малопонятным представля-

ется увлеченіе г. Лозового колхозами и с.-х. коммунами. Малопонятным — потому, что от автора не скрыты тѣ несовсѣм доброкачественные мотивы, которые в свое время вызвали быстрый рост этого рода организацій; видит он и развал их (стр. 190—191). Тѣм не менѣе, это не мѣшает ему воспѣвать это самое неудачное созданіе большевиков в области кооперации и даже высказывать сожалѣніе о прекращеніи сугубаго покровительства власти колхозам, «бывшим в центрѣ вниманія всей сельско-хоз. политики земельных органов до 1921 г., а послѣ этого очутившимся «в положеніи пасынков» (стр. 158).

С внѣшней стороны книжка г. Лозового не чужда недостатков. Автор, так сказать, попутно увлекается разными техническими вопросами, попадающими под перо: то цѣлых 6 стр. отводит подробному описанію техники кормленія скота (92—98), то вдруг увлекается преимуществами сбыта картофеля в переработанном видѣ и подробно описывает процент переработки картофеля и т. д.

В распредѣленіи матеріала не видим строгой системы — книга, видимо, писалась наспѣх, почему автор иногда с легкостью перепрыгивает от темы к темѣ, от вопроса к вопросу. Все изложеніе носит, конечно, тенденціозно-коммунистическій характер, но иногда, как контр-революціонный lapsus, у автора прорывается здравая мысль, хотя она не оказывает никакого вліянія на окончательные выводы. Так, в одном мѣстѣ (стр 78) автор признал, что «наиболѣе воспріимчивые ко всякаго рода агрикультурным улучшеніям», это — «зажиточные слои крестьянства», но затѣм на всем протяженіи книги он требует обязательно изничтожить их, дыбы выдвинуть «бѣдняцкіе» элементы. — «Надежд на вклады» — вздыхает автор в другом мѣстѣ (стр. 14) — «мало при современном недостаткѣ денежных средств в деревнѣ». Так как автор — горячій сторонник развитія кредита для с.-х. промышленности, то, казалось бы, ему должна улыбаться перспектива появленія денежных излишков у крестьянства. Но самое понятіе «излишек» мыслится автором, как нѣчто такое, что подлежит «изъятію». Пред духовным взором встает призрак «кулака», и — здравая логика обрывается.

Книжка г. Лозового должна представлять собой апологію с.-х. кооперацiи в условіях совѣтской Россіи. На человѣка неосвѣдомленнаго, она может произвести впечатлѣніе, что эта отрасль кооперацiи, при незначительных сучках и задоринках, все-таки процвѣтает. В самом дѣлѣ, и в области полевых культур, и в пчеловодствѣ, и в маслодѣліи, и в садоводствѣ с виноградарством — «всюду жизнь». И это не только в кондовой Россіи, но и на Дальнем Востокѣ, и в Туркестанѣ, и в Азербейджанѣ, и во вновь появившейся Туркреспубликѣ...

На нас повѣствованіе автора производит иное впечатлѣніе. Мы не сравним его с путешествіем по кладбищу русской кооперацiи, ибо это было бы тоже преувеличеніем: мы знаем, что кооперація не умерла. Но в результатѣ дурного большевицкаго хозяйничанія кооперація пострадала не меньше, чѣм нива от саранчи, или большой город от многомѣсячной осады непріятелем.

Книжка г. Лозового — это путеводитель по раззоренным нивам всероссійской кооперацiи, вокруг которых только что начинают работу обнищавшіе хозяева.

Константин Храневич.

С. ЗАГОРСКІЙ. *Условія труда в совѣтской Россіи.* (L'Evolution des Conditions du Travail dans la Russie des Soviets). Женева. 1924. 278 стр.

Книга С. Загорскаго вышла в изданіи Междунар. Бюро Труда при Лигѣ Націй в Женевѣ. Это солидно документированное изслѣдованіе юридических и соціальных условій, в которыя поставлен труд в современной Россіи. В основѣ его лежит изученіе официальной и неофиціальной совѣтской литературы, охватывающей період до конца 1923 г. В приложенном спискѣ источников мы насчитали 74 названія разнаго рода изданій: журналов, отчетов, докладов, распоряженій и сочиненій отдѣльных авторов.

Данныя приводятся по всѣм вопросам, трактуемых книгой, путем сопоставленія двух періодов: до нэпа и в перід нэпа.

В первой главѣ дается очерк положенія и роли комиссаріата труда: затѣм

идут обзоры: 1) движеніе заработной платы, 2) коллективные договоры, 3) способы улаживанія конфликтов, 4) регламентація рынка труда, 5) страхованіе, 6) инспекція и 7) профессіональные союзы. В приложеніи, которое занимает $^1/_3$ книги, даны детальныя описанія состоянія отдѣльных видов промышленности, числа рабочих и т. п. с присоединеніем статистических таблиц, в которых приводятся данныя послѣдних лѣт по сравненію или с 1913 г. или вообще с дореволюціонным періодом, что дѣлает эти таблицы особо интересными. Таблицы и детальныя данныя касаются: 1) статистики рабочих, 2) зараб. платы, 3) распространенія коллект. договоров, 4) конфликтов в области промышленности, 5) рынка труда, 6) соціальн. страхованія, 7) инспекціи, 8) профессіональнаго движенія, 9) движенія цѣн, прожиточнаго минимума и проч.

К сожалѣнію, не выходя из рамок библіографической замѣтки, мы не можем использовать эти поучительныя таблицы, с цѣлью, хотя бы нѣкоторыми из них, иллюстрировать положеніе рабочаго вопроса в совѣтской России.

Ограничимся выводами, к которым приходит автор в итогѣ своего многосторонняго анализа.

Нэп внес большія измѣненія в матеріальныя условія жизни рабочих. Центральная власть ограничивается в настоящее время только фиксацией минимума заработной платы, предоставляя все остальное свободной игрѣ интересов. Система фондов зараб. плат была оставлена. Путь невмѣшательства и примѣненіе коллективных договоров привел к концу 1922 г. к значительному повышенію заработной платы, — особенно в легкой промышленности. Но это повышеніе не коснулось всѣх областей в одинаковой степени. Образовалась слишком рѣзкая разница в оплатѣ труда, что вызвало вмѣшательство професс. организацій в пользу нивеллировки ея. Разными мѣрами, в частности увеличеніем субсидированія національзированных предпріятій (в 1923 г. они получили до 300 милл. зол. руб.), удалось достичь уравненія заработ. плат.

Но несмотря на всѣ эти мѣры, матеріальное положеніе рабочих жалкое — зараб. плата в госуд. предпріятіях во вторую треть 1923 г. не превышала 55% платы довоеннаго времени.

Одновременно с этим начинается общее сниженіе зараб. плат., объясняемое общим упадком промышленности. С упадком ея, с ростом концентраціи предпріятій, увеличилась безработица, уже дававшая себя чувствовать в началѣ 1922 г. К іюлю 1923 г. безработных было до 500 тыс., к концу года 870 т. (главн. образом, в Петроградѣ и Москвѣ). Особенно сильно безработица коснулась наиболѣе квалифицированнаго труда. Биржи труда не играют никакой роли, ибо их обходят обѣ стороны: рабочіе и предприниматели, предпочитая свободный договор и обращаясь к ним лишь для полученія формальной санкціи. Одновременно подрывали значеніе бирж труда и профессіональныя организаціи — устраивая своих членов непосредственно. Государственная помощь безработным носит случайный характер. Только 7% было утилизировано на общественных работах и 12% были устроены на мѣстах. Общая сумма государственной субсидіи (деньгами и натурой) на предмет устройства обществ. работ равняется 1.300.033 з. р. К первому августа 1923 г. число выполненных рабочих часов на этих работах равнялось 2.038.663. В 44-х городах были организованы артели безработных, числом 299; число безработных занятых ими не превышало 25 тыс.

Страхованіе подверглось значительному измѣненію. Понемногу оно свелось к обязательному страхованію постоянно занятых рабочих, причем число их всячески ограничивалось. Взносы стали крайне неаккуратными и положеніе сберег. касс сдѣлалось критическим. Так, в началѣ 1923 г. было внесено только 30—35% взносов и задолженность разных органов кассам достигла суммы 38.842 милліардов сов. рублей. Выдача пенсій, пособій и сбереженій сократилась до минимума. Задолженность предпріятій по обязательным взносам продолжает расти и общее положеніе ухудшается с переходом на реальную валюту. Так, напримѣр, фонды, предназначенные на пособія в случаях болѣзни, были совершенно исчерпаны уже к срединѣ 1923 г.

Инспекція труда касается лишь предпріятій с весьма ограниченным числом рабочих. В общем, лишь 10,5% всего числа рабочих обслуживается инспекцией, а 89,5% находится внѣ надзора ея. Объясняется это нежеланіем со стороны заправил крупных предпріятій подвергать себя контролю, да и сами

инспектора избѣгают государственных предпріятій. В 1922 г. по финансовым соображеніям число инспекторов было уменьшено с 1150 до 808. К концу 1922 г. среди инспекторов было 75% рабочих; так как была констатирована полная непригодность их к отвѣтственному дѣлу инспекціи, то на новых выборах были повышены требованія ценза кандидатов.

В послѣднее время отмѣчается в инспекціи труда, так же как и в других отраслях совѣтскаго управленія, паденіе процента коммунистов и увеличеніе безпартійных. Процент коммунистов понизился с 77,8% (янв. 1919) до 63,3% (дек. 1922), тогда как процент безпартійных за этот період поднялся с 11,12% до 34,82%. Среди инспекторов техников только 70% имѣют высшее технич. образованіе. Наиболѣе важную роль в дѣлѣ инспекціи играют инспектора, назначенные профессіональными союзами.

С декретом 10 апр. 1923 г., который ввел систему управленія національзированных предпріятій путем назначенія дирекцій или директоров верховным совѣтом народн. хоз., — роль профессіональных союзов, как регулирующих органов, свелась к минимуму. Их представители допускались лишь к участію в ревизіонных комиссіях. Что касается непосредственнаго участія рабочих в управленіи предпріятіями, то оно постепенно падало. Так, в 1920 г. среди директоров предпріятій насчитывалось рабочих 63,5%, в 1923 же году их было только 33% в крупной промышленности и 46% в мелкой. При этом, коммунистов среди них насчитывалось лишь 29—35%. В трестовых предпріятіях в 1920 г. было 51,4% рабочих-директоров, а в 1922 г. только 29,2%; число коммунистов понизилось с 61% в 1921 г. до 37,2% в 1922 г. Профессіональные союзы пытались противостоять политикѣ изолированія их от дѣл непосредственнаго руководства производством, но их усилія не привели ни к чему. Главное вниманіе союзов обращено на коллективные договоры и, в особенности, на примирительную роль в случаях конфликтов. Тяжелыя условія, как результат общей экономической депрессіи, заставили, между прочим, отказаться от системы автоматической записи всѣх рабочих в союзы, а также перейти к системѣ обязательных индивидуальных взносов членов. В общем, профессіональное движеніе переживает глубокій кризис, как результат общих условій, среди которых не малую роль играет привычка строить свои расчеты на безграничныя субсидіи из средств казначейства. Общее число синдицированных рабочих с 8,4 милл. в іюлѣ 1921 г. понизилось до 7,9 милл. к 1 окт. 1921, затѣм продолжало понижаться, дойдя до 6,7 милл. к 1 янв. 1922, 5,8 милл. 1 апр. и 4,4 милл. к 1 окт. 1922 г. Немалую роль в разстройствѣ союзов сыграла также тактика коммунистической партіи, чрезмѣрная централизація, бюрократизація профессіональных органов и рост их оторванности от рабочих масс, которая, с своей стороны, числясь в списках союзов, на самом дѣлѣ не принимает никакого участія в жизни их. На этой почвѣ вырастают попытки вернуть союзам их прежнее значеніе, попытки, исходящія из рядов безпартійных, т. н. оппозиціи.

Такова, в кратких чертах, картина условій труда в сов. Россіи, развернутая в книгѣ г. Загорскаго.

Нельзя не высказать пожеланія, чтобы изслѣдованіе г. Загорскаго появилось на русском языкѣ: в нем автор сумѣл бы, вѣроятно, еще болѣе оживить собранный и изученный матеріал нѣкоторыми выводами, — чего естественно он избѣгал во французском изданіи, предназначенном не для широкаго распространенія и, до нѣкоторой степени, офиціальном.

А. Шилков.

В. А. МЯКОТИН. *Очерки соціальной исторіи Украины в XVII—XVIII вв.* Прага. Издательство «Пламя». 1924 г. Т. I. Выпуск I, стр. 285.

Изслѣдованіе В. А. Мякотина представляет собою плод многолѣтних изысканій в архивных хранилищах Кіева, Петербурга, Москвы, Чернигова и Полтавы. Эти изысканія начаты были им с 1890 г. и продолжались в теченіе 12 лѣт. К началу 1900 г. автор закончил собраніе матеріалов, но обработка их была отложена надолго по той причинѣ, что автор был оторван от кабинетнаго труда дѣятельным участіем в политической борьбѣ. Только с 1912 г. в «Русском

Богатствѣ» начали появляться статьи В. А. Мякотина, совокупность которых должна была составить первый том его изслѣдованія по соціальной исторіи лѣвобережной Малороссіи. В настоящее время первый выпуск этого перваго тома и вышел отдѣльным изданіем.

Все изслѣдованіе должно будет составить три тома. В первом томѣ прослѣживается соціальная эволюція, развернувшаяся в гетманской Украинѣ послѣ возстанія Хмельницкаго, и приведшая в конце концов к возникновенію там привиллегированнаго землевладѣнія и обособленнаго крестьянскаго сословія.

Второй том будет посвящен исторіи постепеннаго закрѣпощенія крестьян, освобожденных возстаніем Хмельницкаго. В третьем томѣ будет дана разработка статистических данных так называемой Румянцевской Описи Малороссіи, произведенной в 1767—68 гг. и заключающей в себѣ, как бы сказать, цифровой итог вѣковой исторіи гетманщины.

Вышедшій теперь первый том показывает в полной мѣрѣ, какое крупное пріобрѣтеніе для нашей научно-исторической литературы представляет собою изслѣдованіе В. А. Мякотина. Громадное количество документальнаго матеріала положено в основу этого изслѣдованія. В обработкѣ этого матеріала чувствуется мастер своего дѣла. Выдвигаемыя автором схемы отличаются ясностью, отчетливостью, тщательною обоснованностью и строгою научностью. В изложеніи автора нѣт и слѣда какой-либо предвзятой тенденціозности, что приходится особенно оцѣнить в настоящее время, когда даже громоздкіе спеціальные труды по исторіи Малороссіи и козачества нерѣдко оказываются проникнутыми духом романтической идеализаціи историческаго прошлаго.

Под пером В. А. Мякотина исторія отнюдь не является служанкой политики, и, движимый исключительно научно-соціологическим интересом, он получает в силу этого возможность представить читателю объективный, реалистическій рисунок исторической дѣйствительности.

Первый том изслѣдованія В. А. Мякотина открывается разсмотрѣніем соціальной подкладки возстанія Хмельницкаго. С документами в руках автор подчеркивает то важное обстоятельство, что это возстаніе, по внѣшности объединившее казаков и крестьян, на самом дѣлѣ отнюдь не спаяло тѣх и других в единую массу. Напротив того, при переговорах с Рѣчью Посполитой Хмельницкій, по словам В. А. Мякотина, «как-будто забывал о крестьянских массах, которыя он призывал к оружію и дѣйствія которых сообщили козацкому войску его сукрушительную силу». Так было при заключеніи и Зборовскаго и Бѣлоцерковскаго договора с Рѣчью Посполитой, так было и при составленіи Переяславльских «статей», когда Хмельницкій отдавал Малороссію под высокую руку московскаго царя.

Во всѣх этих случаях Хмельницкій, по выраженію В. А. Мякотина, чувствовал себя «козацким гетманом стараго типа, представителем не столько страны, сколько опредѣленной общественной группы, живущей своими обособленными интересами. Выдвигая на первый план вольности казаков, вождь возстанія не думал о переустройствѣ всего склада соціальных отношеній и вопреки стремленіям малорусскаго крестьянства примыкал к принципу, выдвинутому польскими панами: «чтобы козак был козаком, а хлоп хлопом». Точно так же и в Переяславльских «статьях» было удѣлено много мѣста и вниманія козачеству, его правилам и преимуществам, в то время, как за всѣми остальными общественными классами, в том числѣ и за крестьянством Малороссіи эти «статьи» Хмельницкаго стремились сохранить то самое положеніе, которое они занимали и до возстанія. И тотчас послѣ присоединенія Малороссіи к Москвѣ члены козацкой старшины поспѣшили выпросить себѣ царскія грамоты на «маетности со крестьяны и со всѣми угодьи».

Установив эти интересные факты, В. А. Мякотин обращает, однако, вниманіе на то, что дѣйствительная соціальная жизнь края далеко не укладывалась в рамки тѣх норм, которыя были установлены в актах переговоров и соглашеній гетманскаго правительства с Москвою. В гораздо большей мѣрѣ эта жизнь обуславливалась фактическими послѣдствіями только что пережитаго краем возстанія. Изслѣдованію этих фактических отношеній и посвящено все послѣдующее содержаніе книги.

Здѣсь наш автор начинает прямо с опроверженія распространеннаго, можно сказать, ставшаго каноническим утвержденія всѣх историков Малорос-

сіи о том, что возстаніе Хмельницкаго ниспровергло и с корнем уничтожило всѣ владѣльческія права шляхтичей, основанныя на прежних «крѣпостях». Это положеніе, признанное непреложным, опирается, однако, всего только на одну фразу одного судебнаго документа. При разборѣ в 1729 г. одного спорнаго земельнаго дѣла, отвѣтчик, опровергая ссылку истицы на имѣвшуюся у нея крѣпость, заявил, что та крѣпость «козацкою де шаблею есть скасована». Эта то фраза о «скасованіи» всѣх шляхетских крѣпостей козацкою саблею и пошла гулять по всѣм историческим работам в качествѣ общей характеристики порядков землевладѣнія, созданных в Малороссіи возстаніем Хмельницкаго. Между тѣм для опроверженія этой характеристики стоило только дочитать до конца названный документ. И лишь теперь В. А. Мякотин установил, что истица побѣдоносно доказала тогда несостоятельность этой знаменитой фразы, представив суду универсал Хмельницкаго, коим уже послѣ возстанія та ея крѣпость гетманом была подтверждена и «прочіе по нем гетманы и полковники ту крѣпость подтверждали, а не касовали». И суд рѣшил дѣло в пользу обладательницы этой крѣпости. Этот любопытный эпизод показывает, сколь шатки иныя положенія, выдвигавшіяся в литературѣ по исторіи Малороссіи.

Вопреки утвержденіям прежних историков В. А. Мякотин документально устанавливает, что возстаніе Хмельницкаго вовсе не уничтожило без остатка всѣ прежнія шляхетскія владѣнія и по окончаніи возстанія гетман охотно удовлетворял просьбы шляхтичей о подтвержденіи им прежних их имѣній, причем, вопреки мнѣнію А. М. Лазаревскаго, в этих подтвердительных универсалах, как документально доказано В. А. Мякотиным, рѣчь шла не только о землѣ, *но и о правѣ шляхтичей на крестьянскій труд*. В еще большей мѣрѣ сохранилось послѣ возстанія монастырское землевладѣніе, причем, как говорит автор: — «Хмельницкій прилагал с своей стороны всѣ усилія к тому, чтобы сохранить в имѣніях монастырей тѣ порядки, против которых боролись массы малороссійскаго крестьянства, примкнувшія к возстанію».

Итак, возстаніе отнюдь не сломило цѣликом стараго соціальнаго порядка. Остались частныя земельныя вотчины, остались и зависимые крестьяне. Правда, вопреки усиліям Хмельницкаго, руководившагося «соціальным консерватизмом примкнувших к возстанію высших классов малорусскаго общества», — наибольшая часть крестьян все же сбросила с себя помѣщичью власть, а с другой стороны, владѣльческія права над зависимыми крестьянами подверглись фактически сильному сокращенію. В частности крестьяне, сидѣвшіе на частных «маетностях», пріобрѣли право широкаго свободнаго распоряженія своими земельными участками, доходившаго до того, что они свободно отчуждали эти участки на сторону и даже иногда продавали их самому владѣльцу маетности.

Возстаніе уничтожило затѣм прежнія раздѣлительныя грани между отдѣльными классами, мѣщанами, крестьянами, козаками. Тѣм не менѣе, скоро начала довольно быстро развиваться новая общественная дифференція, разсмотрѣнію которой в книгѣ В. А. Мякотина и посвящены многія насыщенныя документальными примѣрами страницы. С одной стороны, населеніе разбилось по двум группам: «товариства» или козаков и «поспольства», в котором соединялись мѣщане и крестьяне. А с другой стороны, само «товариство» скоро вступило в процесс соціальнаго расчлененія на рядовую козацкую массу и «значное товариство», из коего затѣм образовалась «старшина». Этот послѣдній процесс, сыгравшій громадную роль в дальнѣйшей соціальной исторіи края, разсмотрѣн В. А. Мякотиным с большою подробностью и наглядностью. Автор слѣдит за отображеніем этого процесса и на правительственном строѣ Малороссіи (гетман эмансипируется от рады, выборные полковники и сотники замѣняются назначенными гетманом, и всѣ эти органы власти, высвобождаясь из под вліянія широких масс населенія, стали пріобрѣтать над послѣдним все бóльшую власть) и на складѣ соціальных отношеній (раздача старшиною прежних панских земель большими кусками в однѣ руки, раздача свободных сел в частное владѣніе членам старшины, появленіе новой группы владѣльцев имѣній, т. наз. «державцев маетностей», возобновленіе борьбы между свободным селом и владѣльческим имѣніем, борьбы, как одно время казалось народным массам, уже разрѣшенной возстаніем Хмельницкаго).

Остальная часть книги В. А. Мякотина посвящена разсмотрѣнію различных форм землевладѣнія в лѣвобережной Украинѣ XVII—XVIII вв. И здѣсь автор — в отличіе от многих других историков — исходит от той мысли, что возстаніе Хмельницкаго не вызвало коренного переворота в строѣ прежних отношеній. Буря возстанія снесла, и то не вполнѣ, землевладѣніе помѣщичье, но не затронуло непосредственно других видов и форм землевладѣнія. В. А. Мякотин совершенно отрицает мнѣніе Лазаревскаго, Ефименки и Филимонова о том, что непосредственно послѣ возстанія вся земля была признана общей. Нѣт, она по прежнему раздѣлялась между отдѣльными частными землевладѣльцами и между «сябринными» и «общинными» союзами.

В. А. Мякотин дает подробный очерк «сябриннаго» землевладѣнія в лѣвобережной Малороссіи, столь живо напоминающаго своими основными чертами «долевое» землевладѣніе русскаго Сѣвера, изученное г-жей Ефименко по сѣверным крестьянским веревным книгам. Отчетливо очерчен автором и процесс распаденія сябренных союзов, смѣнившихся развитіем личной собственности на землю и подворным землепользованіем.

На ряду с сябренным землевладѣніем в Малороссіи существовало и общинное. В. А. Мякотин подробно прослѣживает топографическое распространеніе и внутреннюю эволюцію послѣдняго. Первоначально это была крупная община, в которой нѣсколько сел сообща владѣли всѣми землями большой округи, практикуя в ея предѣлах захватное пользованіе землей без всяких меж и граней. С разростаніем населенія и сокращеніем земельнаго простора начался процесс разложенія этого строя. Отдѣльные хозяева, пользуясь порядком захватнаго пользованія, стали захватывать слишком обширные куски, осваивать их в собственность, продавать части их на сторону. Община в цѣлом стремилась бороться с этими явленіями, но борьба становилась все труднѣе. Борьба на почвѣ захватнаго порядка велась не только между отдѣльными хозяевами, но и между цѣлыми селами и наступал момент распаденія крупнаго общиннаго союза на его составныя части — сельскія общины. Но затѣм и внутри сельских общин начиналась земельная междуусобица между козаками, посполитыми и державцами маетностей, и такая борьба приводила к дальнѣйшему распаденію общины, которое выражалось в раздѣлѣ ея земель между козаками и посполитыми, а то и между всѣми ея отдѣльными членами в личную собственность.

На ряду с этим умножались и такіе случаи, когда земля уходила из рук общины и без раздѣла, в виду того, что полковники и сотники раздавали своей властью общинныя земли в собственность отдѣльным лицам из среды «знатнаго товариства», а также монастырям, содѣйствуя таким путем образованію на мѣстѣ общиннаго владѣнія частной земельной собственности. К концу XVIII ст. от широко распространеннаго за сто лѣт перед тѣм общиннаго землевладѣнія сохранились лишь ничтожные остатки, а на мѣстѣ его разрослось землевладѣніе все разроставшагося в своем могуществѣ класса «державцев», в состав котораго входили козацкая старшина, монастыри и часть духовенства.

Таковы общія очертанія тѣх процессов, которые прослѣжены в книгѣ В. А. Мякотина на основаніи обильнаго документальнаго матеріала, весьма искусно введеннаго автором в свое изложеніе.

Уже из этого обзора можно видѣть, какой большой научный интерес представляет изслѣдованіе В. А. Мякотина.

А. Кизеветтер.

ЛЮБОР НИДЕРЛЕ. *Быт и культура древних славян.* С предисловіем академика Н. П. Кондакова. Приготовил к печати С. Н. Кондаков. Издательство «Пламя». Прага 1924 г.

И. И. ЛАППО. *Западная Россія и ея соединеніе с Польшею в их историческом прошлом.* Изд. «Пламя». Прага 1924 г.

Проф. Е. Ѳ. ШМУРЛО. *Введеніе в русскую исторію.* Изд. «Пламя». Прага 1924 г.

Акад. С. Ѳ. ПЛАТОНОВ. *Прошлое русскаго сѣвера.* Изд. «Обелиск». Берлин. 1924 г.

За послѣдніе мѣсяцы книжный рынок обогатился цѣлым рядом новых трудов по русской исторіи. Настоящій перечень, однако, далеко не полон.

Вышеуказанныя работы касаются различных сторон и эпох русскаго историческаго прошлаго, а труд проф. Нидерле выходит из рамок чисто русской исторіи, охватывая собой глубокое прошлое всѣх славян вообще.

Работа извѣстнаго чешскаго ученаго представляет собой краткое изложеніе второй части его капитальнаго труда по начальной исторіи и этнографіи славян, носящаго общее заглавіе «Славянскія Древности». Эта вторая часть под особым заглавіем «Быт древних славян» вышла на чешском языкѣ отдѣльным изданіем и заключает в себѣ четыре тома.

Русское изданіе, значительно сокращенное, касается матеріальной культуры древних славян и жизни их от колыбели до могилы. Нельзя не привѣтствовать выхода в свѣт этого изданія, представляющаго выдающійся интерес не только для спеціалистов-историков, но и для широкаго круга читателей. Богатство собраннаго автором фактическаго матеріала, осторожность и вмѣстѣ с тѣм убѣдительность допускаемых автором выводов и гипотез, умѣлое использованіе разнообразных и подчас разнорѣчивых источников, наконец, простота и ясность изложенія, — все это неоспоримыя достоинства труда проф. Нидерле. С особенной тщательностью разработан отдѣл, касающійся предметов одежды и украшенія. Здѣсь автору приходиться оперировать со сложным лексическим и филологическим матеріалом, разбираться в разносторонних и разновременных вліяніях, которым естественно подчинялись славяне при столкновеніях с культурами болѣе глубокими и богатыми. Благодаря эрудиціи автора, относительно узкая и спеціальная тема его изслѣдованія развертывается постепенно в широкую и убѣдительную картину, изображающую общія условія жизни наших предков во времена глубокой древности.

Однако, хотѣлось бы отмѣтить нѣкоторыя частности, которыя, не вызывая прямых возраженій, требуют, тѣм не менѣе, дополнительнаго обсужденія. Прежде всего вопрос о славянской прародинѣ и о первых отмѣченных источниками сдвигах славян. Автор, видимо, принимает мнѣніе, что земли славянскаго праотечества простирались от Одера до Десны и верхняго теченія Днѣпра, иначе говоря, славяне первоначально жили вокруг Полѣсья. Мнѣніе это опирается на многочисленныя свидѣтельства, однако не объясняет других вполнѣ правдоподобных извѣстій о судьбѣ древних славян, как, например, о присутствіи их в составѣ Дакійскаго царства и о передвиженіи части их на сѣверо-восток от Дуная. Вовсе не касается автор и первой, отмѣченной источниками, попытки славян к объединенію под видом военнаго союза во главѣ с племенем дулѣбов (IV в.), жившим по теченію Зап. Буга. Нѣкоторые наши историки склонны считать, что расселеніе восточных славян по тѣм мѣстам, на которых их застает исторія, началось не ранѣе VII вѣка, послѣ пятивѣковой стоянки в сѣверных предгорьях Карпат.

Далѣе, несомнѣнно слишком категорично сужденіе автора, что «относительное богатство и культурный расцвѣт в Кіевской области надо отнести всецѣло за счет чужих вліяній, — восточных и византійской культуры в особенности» (стр. 19). Вліянія эти, разумѣется, были, но самый факт быстраго усвоенія болѣе развитых культур указывает на существованіе в Кіевѣ класса населенія, достаточно подготовленнаго к их плодотворному воспріятію. Недаром имѣются свидѣтельства, что западным иностранцам Кіев казался соперником Константинополя. А Пыпин, в своей Исторіи Русской Литературы (стр. 146 и 147), касаясь древняго, Кіевскаго періода, говорит, что этот період нашей литературы «представляет замѣчательное разнообразіе произведеній и свѣжую оригинальность». Вряд ли все это можно объяснить простым механическим заимствованіем.

Необходимо еще отмѣтить интересное предположеніе автора, что слова лѣтописца о «звѣринском» образѣ жизни древних славян относятся главным образом к их сексуальной распущенности. Нравы древних славян в области сексуальных отношеній естественно должны были вызвать в лѣтописцѣ-христіанинѣ столь суровую оцѣнку.

В заключеніе — нѣсколько замѣчаній лицам, приготовившим труд проф. Нидерле в русском переводѣ. Вряд ли удобно слѣдующее выраженіе: «участники (свадебных маскарадов) переодѣваются в различных диких звѣрей: лошадей, коз, медвѣдей, и даже евреев» (стр 31). Спорно также отнесеніе оружія к предметам домашняго обихода (стр. 85).

Книга проф. И. И. Лаппо «Западная Россія и ея соединеніе с Польшею в их историческом прошлом» распадается на двѣ основныя части. В первой говорится об отношеніи русскаго правительства, общества и исторической науки к прошлому и настоящему Западной Руси — «губерніям, присоединенным от Польши» по офиціальной терминологіи XVIII и нач. XIX вѣков. Вторая часть содержит в себѣ историческій очерк отношеній Литовско-Русскаго государства с Польшей, начиная от брака Ягайлы с Ядвигой и кончая временем раздѣлов Польши. Обѣ части не равноцѣнны по своей убѣдительности. В первой несомнѣнно вѣрна основная мысль, что ни русским правительством, ни русским обществом не сознавалось вполнѣ опредѣленно, что огромное большинство земель, отошедших к Россіи послѣ раздѣлов Польши, принадлежали собственно не Польшѣ, а входили в состав Литовско-Русскаго государства, имѣвшаго свое, отличное от остальной Польши, устройство, особое не сливавшееся этнографически с польским населеніе и свои собственныя историческія традиціи. Лишь в серединѣ XIX вѣка историческая наука начинает пристальнѣй всматриваться в судьбы Литовско-Русскаго государства, не только отдѣляя эти судьбы от судеб собственной Польши, но извлекая из изученія их много цѣннаго также и для русской исторіи. Постепенно мѣняется и отношеніе к этому вопросу со стороны правительства и общества, в котором пробуждается чувство національнаго единства.

Нам представляется, однако, что автор недостаточно широко выявляет причины неправильнаго первоначально отношенія к Западной Руси. Сосредотачивая свое главное вниманіе на столкновеніи и борьбѣ двух національных культур — польской и русской — автор оставил в тѣни момент соціально-политическій, который несомнѣнно много содѣйствовал установленію неправильнаго курса русской политики в Западной Россіи. Лишь вскользь автор говорит, что Павел I в желѣзной организаціи католичества и в польском землевладѣніи искал опоры против распространенія идей французской революціи (стр. 21). Также вскользь касается автор «расхожденія интересов крестьян и землевладѣльцев» в Западной Россіи (стр. 61). Между тѣм, именно этот момент — стремленіе русскаго правительства опереться на привилегированный и соціально-близкій ему землевладѣльческій элемент, в огромном большинствѣ католическій и польскій (ополячившійся) — и диктовал правительству курс, уродливый и близорукій с точки зрѣнія русских національных интересов. Для иной линіи поведенія правительству Екатерины II, Павла I и Александра I нужно было бы искать опоры в широких демократических слоях западно-русскаго населенія в ущерб землевладѣльческому классу, чего разумѣется по общим политическим условіям того времени невозможно было ожидать.

Далѣе, вряд ли необходимым является для обоснованія центральной мысли автора указанія на многочисленныя проявленія враждебности поляков по отношенію к русским и русской культурѣ. Говоря о дѣятельности Муравьева, автор недостаточно отдѣляет идейной ея стороны от самой системы, от способов проведенія русской національной политики, в виду чего Муравьевскія жестокости и казни получают у автора мягкое опредѣленіе «преобразованій» (стр. 69).

Во второй части своего труда автор дает в сжатом видѣ, но в ясном и отчетливом изложеніи богатый матеріал, касающійся взаимоотношеній Литовско-Русскаго государства и Польши. Особое вниманіе автор удѣляет акту Люблинской уніи 1569 года. Рядом убѣдительных доказательств он разрушает установившійся в политикѣ, в литературѣ и отчасти в наукѣ взгляд, что с момента Люблинской уніи оба государства объединились в одно унитарное государственное тѣло. Наоборот, выработанный в Вильнѣ послѣ Люблинскаго сейма 3 Литовскій статут, утвержденный Сигизмундом III Вазой на коронаціонном сеймѣ 1588 года, ни разу не упоминает о Люблинской уніи. Содержаніе этого статута сводилось: 1) к сохраненію отдѣльности от Польши Великаго Княжества Литовскаго, его государственнаго значенія и неприкосновенности его территоріи, 2) к особой присягѣ главы государства, 3) к отдѣльной и независимой от коронной — рады В. К. Литовскаго, и 4) к лишенію поляков права на пожалованіе землями. Именно этот акт на практикѣ лег в основу дальнѣйших отношеній обоих государств, тогда как акт Люблинской уніи явился ско-

рѣй теоретическим основаніем польских притязаній. Идея защиты своей государственной самостоятельности от этих притязаній стала клониться в Литовско-русском государствѣ к упадку только тогда, когда высшіе слои литовско-русскаго общества уступили религіозному и національно-культурному натиску Польши. И только конституція 3-го мая 1791 года, как это недавно отмѣтил польскій историк Кутшеба, вступила на почву полнаго единства связанных Люблинской уніей государств.

Отчетливое и убѣдительное выявленіе изложенной точки зрѣнія на существо литовско-русско-польских отношеній в прошлом — несомнѣнная заслуга проф. Лаппо. Его труд приковывает вниманіе к обстоятельствам, точное знаніе и пониманіе коих сейчас особенно необходимо.

Проф. Е. Ѳ. Шмурло задался цѣлью дать в своей книгѣ «Введеніе в Русскую Исторію» общее представленіе об исторіи, как наукѣ, об элементах, из которых она строится, и о научном обоснованіи этого построенія. Далѣе, автор стремится намѣтить и освѣтить тѣ духовные и матеріальные факты, которые опредѣлили направленіе историческаго пути, пройденнаго русским народом, и установить основные этапы этого пути. В зависимости от поставленной цѣли книга распадается на двѣ части: в первой даются общія положенія, касающіяся исторіи любого народа, вторая говорит о судьбах русской народности.

Работа проф. Шмурло не претендует быть самостоятельным изслѣдованіем. Это сжатая сводка предварительных свѣдѣній, которыя необходимы каждому приступающему к изученію исторіи вообще, а русской исторіи в частности.

Трудность задачи автора заключалась в том, чтобы не впасть в двѣ возможныя крайности: доступность книги начинающему заниматься исторіей читателю легко могла превратиться в излишнюю популярность изложенія, наоборот, необходимость научнаго обоснованія выдвинутых в книгѣ главных положеній свободно и незамѣтно могла увести автора вглубь затронутых вопросов и создать нѣкоторую громоздкость. Автор удачно избѣг эти крайности. Ему удалось хорошо сочетать научную обоснованность и насыщенность содержанія с простой, ясной и доступной формой изложенія.

Автор оцѣнивает попытки русских историков раздѣлить исторію русскаго народа на отдѣльные періоды. Необходимо отмѣтить, что вполнѣ убѣдительнаго и общепризнаннаго наукой дѣленія русской исторіи на эпохи не существует. Начиная от Татищева и кончая Ключевским каждый видный русскій ученый-историк выдвигал свою собственную схему, правильность которой обосновывал болѣе или менѣе серьезными и убѣдительными доказательствами. Однако, до сих пор ни одна схема не может почитаться общепризнанной в наукѣ, оспариваются грани эпох, по разному трактуется содержаніе и смысл того или иного періода.

Проф. Шмурло также пытается установить основныя явленія русской исторіи и строит свою схему, которая, однако, не вытекает с логической необходимостью из им же самим принятой и установленной смѣны явленій. Автор осторожно оговаривается, что предлагаемая им схема «не может претендовать на абсолютную непререкаемость» (стр. 176). Вот эта схема: (в ея основных дѣленіях): Древняя Русь 862—1462, Литовская Русь 1462—1686, Московская Русь 1462—1725, Императорская Русь 1725—1917.

В этой схемѣ ясно бросается в глаза, что автор центр тяжести видит в политической, внѣшней исторіи русскаго народа. Однако и здѣсь грани эпох намѣчены крайне условно и неубѣдительно. Несомнѣнно, что московская Русь началась ранѣе 1462 года, нельзя допустить, что исторія Литовской Руси входит в аспект общей русской исторіи только с 1462 года, трудно согласиться подвести под одно опредѣленіе «Древней Руси» столь различные по своему внутреннему складу и смыслу періоды, как Кіевскій и сѣверо-восточный. Что касается опредѣленія основных явленій русской исторіи, то здѣсь автор опять оттѣняет главным образом политическіе и духовные факторы русскаго историческаго процесса; в этом случаѣ ему естественно приходится нѣсколько переоцѣнивать значеніе татарскаго завоеванія. Наоборот, соціальная исторія русскаго народа, исторія общественных форм остается у автора на втором планѣ, являясь в его изложеніи лишь сравнительно незначительной струей в общем потокѣ русской жизни.

Работа проф. Шмурло несомнѣнно должна стать хорошим и вѣрным пособіем для лиц, начинающих самостоятельное изученіе русской исторіи.

Небольшая работа акад. С. Ѳ. Платонова «Прошлое русскаго сѣвера» касается исторіи колонизаціи Поморья, торговых сношеній с иностранцами и постепеннаго проникновенія русских в Мангазею и далѣе, вглубь Сибири. Прекрасное знаніе эпохи русскаго Средневѣковья позволяет автору в сжатой формѣ, но выпукло и ясно намѣтить основные моменты этой колонизаціи и вскрыть ея тайныя движущія силы.

Русскій Сѣвер во многом был отличен от остальной Московской Руси. Прежде всего там не было служилаго землевладѣльца и крѣпостной зависимости крестьян: «на громадном большинствѣ поморских земель их дѣйствительным хозяином со всѣми чертами собственника был крестьянин», говорит С. Ѳ. Платонов. Однако, не всегда было так. Автор выясняет, что первоначальное заселеніе Поморья шло из Новгорода и направлялось торговыми интересами новгородских бояр. Колонизація шла партіями, которыя формировались в крупных боярских хозяйствах, и весь Сѣвер постепенно покрывался боярскими поселками промышленнаго характера. Главным богатством края, привлекавшим новгородских капиталистов, были мѣха. Крестьянским Сѣвер стал только тогда, когда Москва, отвоевав Поморье у Новгородцев, «извела» новгородских бояр, превратив крестьян в «сирот государя Московскаго». Тѣм самим прежнія боярщины превратились в крестьянскія волости.

Обстоятельно и подробно выясняет автор, как постепенно новгородская колонизація стала испытывать давленіе новаго колонизаціоннаго потока с юга, со средней Волги, с Клязьмы и Оки. Главными движущими силами этого потока были инок и пахарь. Вслѣд за этим потоком тянется на сѣвер и московская государственная власть.

Особую главу автор посвящает торговым сношеніям с иностранцами-англичанами и голландцами, со второй половины XVI вѣка начавшими соперничать в дѣлѣ завоеванія сѣверно-русскаго рынка. Торговая дѣятельность, путешествія и изслѣдованія отдѣльных иностранцев много содѣйствовали оживленію края: кругозор и интересы наших предков расширялись и направлялись дальше на сѣверо-восток, за Урал, к сказочно-богатой Мангазеѣ.

Этому движенію за Урал, в Сибирь, удѣлена послѣдняя глава работы акад. Платонова. Роль и значеніе Строгановых, направленія и характер сношеній с Мангазеей, все это изложено автором с совершенно исключительным мастерством. Книжка эта будет несомнѣнно дорога не только спеціалистам, но всѣм вообще, интересующимся нашим прошлым.

Б. Е.

С. П. МЕЛЬГУНОВ. *«Красный террор» в Россіи*. Изданіе 2-е. Берлин, Ватага. 1924, стр. 312.

Дать полную картину ужаса, пережитаго и переживаемаго Россіей под названіем «краснаго» террора, сосчитать жертвы его, подвести итоги пролитой крови, погибших и искалѣченных жизней — задача невыполнимая. Не настало еще время и нѣт возможности собрать и провѣрить нужный для этой цѣли матеріал. Потребуется огромная работа, чтобы исчерпать хотя бы в слабой степени неисчислимое количество человѣческих документов, сюда относящихся, чтобы измѣрить «цѣну крови и ужасов», которую суждено испытать русскому народу.

Автор «краснаго террора» и не ставит себѣ исчерпывающей задачи, считая ее невыполнимой. Он группирует факты, подводит нѣкоторые итоги, — то и дѣло оговариваясь относительно непровѣренности источников, невозможности точных данных и пр., но в таком случаѣ встает вопрос, — своевременно-ли писать, публиковать о красном террорѣ, оперируя с малым матеріалом и с не вполнѣ научными методами изслѣдованія?

Автор справедливо отводит эти возраженія и сомнѣнія указаніем на важность и своевременность, во-первых, работы по коллекціонированію и описанію всего того, что уже накопилось и, во-вторых, на совершенную не-

обходимость широкаго печатнаго использованія этого матеріала в цѣлях привлеченія общественнаго вниманія, в цѣлях агитаціи, не терпящей отлагательства. И в этой области приходится сталкиваться с возраженіями, продиктованными разными мотивами и разными оцѣнками большевицкаго террора. «Какой смысл, говорят, толковать о «красном» террорѣ, как о чем-то особо-важном, специфическом, когда мы знаем «бѣлый», «зеленый» и других цвѣтов террор, когда на самом дѣлѣ это лишь неизбѣжные эпизоды гражданской войны, нормальные спутники революціи, кровавый туман еще не затихнувшей всемірной войны-бойни». «Бѣлый» и пр. терроры, конечно, факт нашего прошлаго, настоящаго и, может быть, будущаго, также как и террор гражданской войны. И обо всем этом надо говорить и писать. Но это не может никаким образом отодвинуть в тѣнь или совсѣм упрятать специфическое лицо «краснаго» террора, ибо это явленіе особаго порядка и по своим непревзойденным доселѣ размѣрам и, что особенно важно, по своему качеству и по своим методам. Вѣдь большевики со своим послушным аппаратом убійц и палачей явили міру особую систему планомѣрнаго террора и свои особые пріемы угнетенія и насилія!

Охватывает жуть, когда начинаешь перелистывать страницу за страницей книгу «Красный террор» или подобную ей по характеру книгу «Чека» (загранич. изд. П. С. Р.).

Вот институт «заложников». Отвратительная система, продиктованная холодным расчетом и в основѣ своей несущая отрицаніе незыблемых, казалось, законов морали, справедливости. Уничтоженіе невинных людей, как возмездіе, как эквивалент пролитой чужой крови. Жуткая картина массоваго и единичнаго истребленія этих людей «в отвѣт» на «происки врагов» или как предостерегающая «угроза» этим врагам. Истребленіе далѣе *возможных* врагов, тысяч офицеров, интеллигентов, крестьян и пр., чтобы «сразу» раздѣлаться с гидрой буржуазіи. Огромных размѣров «бойня» на югѣ, под водительством «землячки», Бэла-Куна и других людей-звѣрей и этот их гимн крови:

«Нѣт больше радости, нѣт лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей».
(Сборник стихов «Улыбка Чека»).

Ужасны страницы, описывающія жизнь и «работу» Ч. К. или нынѣшняго Г. П. У. Отбросы человѣчества, уголовная отборная братія на службѣ «великой» идеи переустройства міра на основах коммунизма. Особый цинизм в казни, истязанія и утонченныя пытки, смертники, насилія над женщинами... тюрьмы с вывѣской «кладбища мертвых», «дома мертвых», в устройство и содержаніе которых вложено столько изобрѣтательнаго ума и кровожадности.

Всего не перечтешь.

Книга С. П. Мельгунова вышла вторым изданіем. Сдѣлан перевод ея и на иностранные языки. Пожелаем ей дальнѣйшаго широкаго успѣха. Пусть она будит засыпающую совѣсть и зовет к протесту.

А. Аргунов.

Русская зарубежная книга. Труды Комитета русской книги. Вып. I. Части I и II. Изданіе Ком. русск. книги и изд. «Пламя». Прага 1924, стр. 304.

В маѣ и іюнѣ 1924 происходила в Прагѣ выставка русской зарубежной книги. Комитет, руководившій выставкой, организовал параллельно разработку данных о количествѣ и характерѣ изданной зарубежной литературы на русском языкѣ, в результатѣ чего и появилось разбираемое произведеніе.

Первая часть посвящена обзорам вышедших книг по соотвѣтствующим отдѣлам, причем обзоры включают в себѣ как краткую характеристику итогов издательской дѣятельности в данной области, так и оцѣнку отдѣльных произведеній. Обзор философской литературы составлен проф. Г. Флоровским, политической экономіи акад. П. Б. Струве, правовѣдѣнія — проф. Н. С. Тимашевым и А. В. Маклецовым, исторіи — проф. А. А. Кизеветтером, исторіи литературы — Е. А. Ляцким, художественной литературы — М. Л. Слоним, дѣтской литературы — В. Н. Бобринской, медицинской — проф. С. А. Острогорским, сельско-хоз. литературы — В. А. Евреиновым и періодической печати —

В. А. Розенбергом. Обзоры хотя и не дают точнаго учета результатов творческой работы эмиграции в литературно-издательской средѣ, но по ним легко составить представленіе как о характерѣ этой работы, о ея качествѣ, так и о преимущественном устремленіи в ту или иную область. Общій вывод, отмѣченный всѣми составителями обзоров, сводится к тому, что, несмотря на крайне неблагопріятныя условія (среди которых играет видную роль отсутствіе матеріальной издательской базы и недостаточная покупательная способность заграничнаго рынка), все же итоги достигнутые зарубежной литературой весьма серьезны. И не будь неблагопріятной матеріальной обстановки, зарубежное издательство могло бы развиться до огромных размѣров, так как налицо имѣется достаточный запас творческих сил и потребность в книгѣ, особенно для грядущей Россіи.

Вторая часть «Русской Зарубежной Книги» включает в себѣ библіографическій указатель за 1918—24 г. и краткое введеніе к нему с нѣкоторыми цифровыми итогами.

Хотя эти цифровые итоги и оставляют желать многаго в смыслѣ точности, на что указывают и сами составители, но все же они дают возможность до нѣкоторой степени измѣрить количественную сторону литературно-издательской работы заграницей.

Указателем зарегистровано всего 4200 названій, с общим тиражем до 75 милл. экземпляров (не считая тиража газет и журналов). По отдѣлам названія распредѣляются так: 1) газет и журналов — 478, 2) справочныя и проч. изданія — 93, 3) философск.-религ. — 146, 4) соціальн. наук — 428, 5) естествен. и прикладн. наук — 655, 6) литературы и искусства — 1653, 7) исторіи — 303, 8) дѣтской литературы — 273, 9) учебников, словарей и проч. — 171.

На первом мѣстѣ стоят, как видно, книги художественной литературы, затѣм по спеціальн. и прикладн. наукам (видное мѣсто занимает здѣсь сельско-хоз. литература) и періодическая печать. Отдѣл соціальных наук представлен главн. образом изданіями, носящими довольно условное названіе «политики». В историческом отдѣлѣ фигурируют главным образом изданія, посвященныя воспоминаніям о годах революціи и гражданской войны.

Библіографическій указатель вызывает много недоумѣній и возраженій, как со стороны методологической, так и фактическаго распредѣленія матеріала. На каждом шагу натыкаешься на нарушеніе элементарных условій систематизаціи, которое можно объяснить или чрезмѣрной спѣшностью работы, когда не видно достаточнаго знакомства с внутренним содержаніем произведеній, или неопытностью в общепринятых методах классификаціи. Из массы примѣров возьмем нѣсколько в видѣ образчиков. В отдѣлѣ «общія сочиненія» — названіи лишенном всякой опредѣленности, сбиты воедино журналы, газеты, сборники, календари, сонники, такія изданія, как «оракул и чародѣй» и мн. др. В подъотдѣлѣ «сборников разных статей» — по чисто внѣшнему заглавному признаку объединены соціологическія статьи П. Л. Лаврова (хрестоматія из его произведеній) и «Авіаціонный Бюллетень». Почему «Архив русской революціи» или сборники «Крестьянская Россія» отнесены к журналам, наряду с изданіями вродѣ «Казачій Сборник» или «Бюллет. К-та чл. Учр. Собранія», а «Ученыя записки», выходящія в Прагѣ — к сборникам. Особенно сумбурен отдѣл «Политики». Здѣсь и воспоминанія о нѣмецком плѣнѣ Аскольдова и опыт. д-ра Гершун «Семья и большевизм» и соч. Каутскаго, М. Горькій — «О русском крестьянствѣ», «Идейное обоснованіе землед. интернаціонала» и «Голодающая Россія» Д. Маркова, А. Шрейдер «Республика Совѣтов» и т. д. и т. д. Всего не перечтешь.

Несмотря на всѣ эти замѣчанія «Русская Зарубежная Книга» является весьма интересным и полезным справочником для всякаго интересующагося судьбой русской книги.

А. А.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ В РЕДАКЦІЮ

А. Олар, проф. Сорбоны. Теорія насилія и французская революція. Париж. 1924. Русское Кн-во Я. Поволоцкій и Ко. Стр. 41.

Труды К-та Русской Книги. Русская зарубежная книга. Выпуск I ч. I и II. Прага 1924 г. Из-во «Пламя». Стр. 142+162.

В. В. Лепешкин, проф. Организм с точки зрѣнія физики и химіи (по нов. правоп.). Прага. 1924 г. Изд. «Пламя». Стр. 132.

Русская Школа за рубежем. кн. 5, 6, 7, 8 и 9. Прага. 1924 г. Изд. «Земгора».

И. И. Лаппо. Западная Россія и ея соединеніе с Польшей в их историческом прошлом. Прага. 1924 г. «Пламя». Стр. 225.

Александр Введенскій. Философскіе очерки. Прага. 1924 г. «Пламя». Стр. 238.

Донская Лѣтопись. Книга 1 — 341 стр., книга 2 — 376 стр. 1923 г. Изд. Донск. Истор. Комиссіи.

Н. П. Малицкій. Кооперативное законодательство 1 изд. Изд. Кооперативной библіотеки. Прага. 1924 г. Стр. 103.

Кооперація и сельское хозяйство. Записки Русскаго Института с.-х. коопераціи в Прагѣ. Книга 1. Прага. 1924 г. Стр. 186.

Циммерман, М. А. Очерки новаго международнаго права. Прага. 1923 г. Изд. «Пламя». Стр. 310.

Современныя Записки. Кн. XIX, XX. 1924 г. Париж.

Новиков, М. М. и *Шкафф*. Невидимые друзья и враги животн. организма. «Пламя». Прага. 1924 г. Стр. 114.

Ген. *Головин* и адм. *Бубнов*. Тихоокеанская проблема в XX ст. Прага. 1924 г. Изд. «Пламя». Стр. 288.

Ученыя Записки. Том I, вып. I, II и III. Прага. 1924 г. Стр. 125, 176, 285.

Любор Нидерле. Быт и культура древних славян. Прага. 1924 г. Изд. «Пламя». Стр. 285.

Из дневника В. М. Пуришкевича. Убійство Распутина. Кн-во Я. Поволоцкій и Ко. Париж. 1924 г. Стр. 99.

Н. Макаров. Организація сельскаго хозяйства. The YMCA Press Ltd. Берлин. 1924 г. Стр. 418.

Эрнест Дени. Возрожденіе Чехіи. Прага. 1922 г. Изд. «Наша Рѣчь». Стр. 250.

Познер С. Дѣла и дни Петрограда. 1917—21 (восп.-размышл.). Берлин. 1924 г. Стр. 63.

Вѣстник Русскаго Національнаго К-та. №№ 8 и 9. 1924 г. Париж. Стр. 88.

Воля Россіи. Кн. №№ 1—13. 1924 г. Прага.

Проф. *Лапшин*. Философія изобрѣтенія и изобрѣтеніе в философіи. Прага. Изд. «Пламя». 1924 г. Стр. 255.

Знамя Борьбы. Орган загр. делегаціи партіи лѣвых с.-р. и союза с.-р. максималистов. №№ 4 и 5.

Зоркій Н. Доказано ли научное существованіе вполнѣ самостоятельнаго украинскаго языка. Ужгородъ. 1924 г. Стр. 20.

На чужой сторонѣ. Кн. IV, V и VI. Ист.-лит. сборники под редак. С. Мельгунова. Изд. «Ватага и Пламя». Берлин-Прага. 1924 г.

Акад. *Платонов.* Учебник русской исторіи для средней школы. Част I и II. Прага. Изд. «Пламя». 1924 г. Стр. 238 и 208.

Л. Витмак. Овощное сѣменоводство. Изд. А. Ф. Девріена. Берлин. 1924 г. Стр. 85.

Агр. *Тимофеев.* Консервированіе фруктов и овощей. Берлин. Изд. А. Ф. Девріена. 1924 г. Стр. 84.

Агр. *Медвѣдев.* Сыровареніе. Руководство для сыроваров. Берлин. Изд. А. Ф. Девріена. 1924 г. Стр. 124.

Г. М. Ярков. Русскій яичный экспорт и кооперація. Под ред. Н. В. Малолѣтенкова. Берлин. 1923 г. Кн-во. «Кооперат. Мысль». Стр. 67.

Проф. *Шмурло.* Введеніе в русскую исторію. Прага. Изд. «Пламя». 1924 г. Стр. 180.

В. А. Мякотин. Очерки соціальной исторіи Украины в XVII—XVIII в. Прага. Изд. «Пламя». Стр. 288.

Календарь «Село» за 1923 и 1924 год. Изд. Савеза Землъорадника. Бѣлград.

Наша спілка, число 1, 2—3. Видає Українська Селянська спілка. Прага. 1923.

Бем, А. Л. План новой реформы совѣтской школы второй ступени Прага. 1924 г. Стр. 16.

Бюллетень Педаг. Бюро по дѣлам средней и низшей русской школы заграницей. №№ 4, 5. 1924 г. Прага.

Казачій Путь. Орган общеказачьяго сел.-хоз. союза №№ 1—33. Прага, 1924 г.

Кооперативное Обозрѣніе. Бюллетень росс. кооперативов заграницей №№ 1—6. Берлин. 1924 г.

Казачьи Думы. Общеказачій журнал №№ 17—33, Софія. 1924 г.

Соціалистическій Вѣстник, Центральной Росс. Соц. Дем. Рабочей Партіи. №№ 72—87. Берлин. 1924 г.

Хутор. Двухнедѣльный журнал, посвященный интересам русскаго земледѣлія. №№ 34—36. Прага. 1924 г.

Ст. Иванович. Российская Коммунистическая партия. Изд. «Свободная Россія». Берлин. 1924 стр. 48.

M. A. B. Bulletin du Bureau International Agricole. Prague. Janvier, Fevrier, Mars, 1924. p. 53.

Zemědělský Archiv №№ 1—2, 3—4, 5—6. Praha. 1924.

Národní Kultura, Revue ústřední školy dělnické. roč. III čís. 1—3, 4, 5, 6, 1924. Praha.

Soviet Russia, Legal and Economic conditions of Industrial and Commercial Activity in Soviet Russia. — P. Apostol, count W. N. Kokovtzoff. Charles Miller. Prof. A. Michelson, prof. P. Gronsky, prof. M. Bernatzky, A. Miller, prof. A. Pilenko. Ed. P. S. King and Son. — J. Povolozky et C-e, Paris, p. 174.

d'Evolution des Conditions du travail dans la Russie des Soviets. Ed. Bureau international du travail. Jenève. 1924. p. 278.

Esekiel Gordon. La réforme monétaire dans la Russie des Soviets. Ed. J. Povolozky et C-ie.

Antonín Pavel. Sibiřské úvahy. I. Nákladem «Památníku Odboje» v Praze. 1924. Str. 251.

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

Сборники

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

под редакціей

А. А. Аргунова, А. Л. Бема, С. С. Маслова.

Изданіе посвящено разработкѣ вопросов, выдвигающихся перед демократической Россіей и, в особенности, перед будущим строителем ея — трудовым крестьянством.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ:

№ 1. От редакціи. Сергѣй Маслов. Восходящая сила — *Ст. Иванович.* Русскій соціализм наших дней — *Ф. Щербина.* Кардинальный вопрос текущаго историческаго момента — *И. Демидов.* Возрожденная Россія и ея земля — *А. Шилков.* Крестьянство и совѣтская власть — *С. Николаев.* Политическія настроенія крестьянства на Дальнем Востокѣ — *П Богданов.* Крестьянство в Эстоніи — *Б.* Аграрный вопрос на Югѣ Россіи — *А. Омельянов.* Старое и новое — *Библ. отдѣл.* Страниц 120.

Цѣна — 6 корон чехословацких.

№ 2—3. А. Кизеветтер. Крестьянство в исторіи Россіи — *П. Сорокин.* То, что часто забывается — *Ст. Иванович.* Деревня в соціальной революціи — *С. Прокопович.* Производительность крест. хозяйства — *С. Маслов.* Возрожденіе Россіи и крестьянство — *П. Виноградов.* Задачи просвѣщенія в крест. Россіи — *П.* К вопросу о возстановленіи жел. дорог — *П. Гронскій.* Земское самоуправленіе и пути его возрожденія — *Діонео.* Ирландскій крестьянин — *П. Сорокин.* Россія послѣ нэпа — *С. Маслов.* Сельско-хоз. кооперація в современной Россіи — *А. Омельянов.* Старое и новое — *А. Аргунов.* Объединенная эмиграція — Отдѣл *«Из печати и жизни»: Е. Кускова.* М. Горькій о крестьянствѣ — *Н. У.* Крестьянскія организаціи в Швейцаріи — *3. А.* Крестьянство Латвіи на выборах — *А.* Политическія организаціи крестьянства Литвы — *С.* Крестьянство Польши на выборах в сейм — *Е. Вальницкій.* В Галиціи — *А. Ш.* «Съѣзд русских земледѣльцев» в Прагѣ — *3. А. Спудов.* Значеніе и организація землед. хозяйств различных типов (по изслѣд. проф. Брдлика) — Мелкія замѣтки. В библіогр. отдѣлѣ статьи: *А. А. Чупрова, А. Шилкова, Н. Чаадаева,* и др. Страниц 255.

Цѣна — 10 корон чехословацких.

№ 4. П. А. Сорокин. Город и деревня — *Н. П. Макаров.* Русская экономическая мысль в вопросах сельскаго хозяйства — *П. Н. Милюков.* Республика или монархія? — *Баратынскій.* На распутьѣ трех дорог — *Діонео.* Вѣчная аренда. Отдѣл *«Крестьянское движеніе»: Н. А. Ульянов.* Крестьянскій союз в Швейцаріи — *С. Дупаринов.* Болгарскій народн. Землedѣльческій Союз — *Инж. Ю. Фидлер.* Пути чешскаго аграризма. Отдѣл *«В Россіи»: Б. Д. Бруцкус.* Новый строй земельных отношеній — *С. С. Кон.* Совѣтскіе финансы — *А. Е. Малахов.* Промысловая и кустарная кооперація — *В. Ф. Булгаков.* К характеристикѣ духовнаго облика русскаго народа. Отдѣл *«В эмиграціи»: А. А.* Съѣзд русских инженеров — *А. Бем.* Съѣзд дѣятелей средней и низшей русской школы — *Н. В. Быстров.* Русское студенчество в эмиграціи. Отдѣл *«Из печати и жизни»:* Государственные дѣятели о Россіи — *А. А. Чупров.* К вопросу об основах кредитоспособности землedѣльца — *В. У.* Міровое сельское хозяйство во время войны и послѣ нея —

З. А. Крестьянская демонстрація — *В Чехословакіи: З. А. Спудов.* Организація земледѣльческих хозяйств различных типов (по Брдлику), *М. Г.* Сельско-хоз. образованіе; *Л. Я.* К юбилею Ан. Швегло; *М. С.* Съѣзд с.-х. земледѣльческих организацій. *В Даніи: Кр.* Крестьянская культура. Перемѣщеніе земли. В библ. отдѣлѣ статьи: *А. А. Чупрова, А. Кизеветтер, Н. М., П. С.* Страниц 203.

Цѣна — 10 крон чехословацких.

№ 5—6. С. В. Завадскій. Русскій человѣк в русском словѣ — *А. А. Кизеветтер.* Крестьянство в русской научно-историч. литературѣ — *Н. С. Тимашев.* Центр и мѣста в послѣреволюціонной Россіи — *Др. Б. Цитович.* Вопросы здравоохраненія в будущей Россіи — *К. Р. Кочаровскій.* Возврат интеллигенціи к крестьянству — *П. А. Сорокин.* Населеніе, класс, партія — *С. С. Маслов.* К вопросу об обществ. положеніи крестьянства. Отдѣл *«Крестьянское движеніе»: А. Омельянов.* Болгарскій опыт — *М. С. Московлевич.* «Союз Земледѣльцев» в Юго-Славіи — W. Партія «Пяста» в Польшѣ — *П. А. Богданов.* Эстонское крестьянство на выборах в парламент. Отдѣл *«В Россіи»: В. Кильдинскій.* К результатам аграрной революціи — *Д. А. Лутохин.* Интеллигенція под совѣтами — *В. Ф. Булгаков.* О религіозной жизни — *Учительница.* Три года в деревнѣ — *Мар—ин.* Крестьянство в повстанчествѣ Крыма — *Ф. И. Колесов.* Лѣса и лѣсная кооперація. Отдѣл *«Из печати и жизни»: Проф. Фр. Козентини.* Фашизм в Италіи — *Діонео.* Англійская деревня. *В С.-А. С. Штатах: З. А. Спудов.* Народное хозяйство — *М. И. Волков.* Кооперація в хлѣбной торговлѣ — *К. М. Оберучев.* Фермерскія бюро — Письмо С. Гамперса. В библіогр. отдѣлѣ статьи: *Б. Д. Бруцкуса, проф. А. Н. Челинцева, Н. П. Малицкаго, А. А. Леонтьева, В. Ижемскаго.* Страниц 250.

Цѣна — 15 корон чехословацких.

№ 7. Сергѣй Маслов. К вопросу об общественном положеніи крестьянства — *Д. Иванцов.* Промышленность и возстановленіе крестьянскаго хозяйства — *А. Челинцев.* Опыт построенія мѣстной с.-х. политики — *Ек. Кускова.* Россійская коммунистическая партія — *А. Аргунов.* Наша позиція — Отдѣл *«Аграрныя реформы»: Петр Богданов.* Аграрная реформа в Эстоніи — *М. Московлевич.* Аграрная реформа в Югославіи — *Іонеско Сизести.* Аграрная реформа в Румыніи и ея слѣдствія — Отдѣл *«В Россіи» А. Челинцев.* Сельское хозяйство в 1923 г. — *С. Кон.* Цѣны на продукты с.-х. и промышленности — *К.* Нэп и крестьянское хозяйство — *Учительница.* Из деревенских настроеній — *Д. Лутохин.* Русскій рабочій в эпоху «рабочей власти» — *Н. С. Тимашев.* Из жизни совѣтской юстиціи — Отдѣл *«Из печати и жизни»:* Сельско-хозяйственное образованіе в разных странах — *С. Кон.* Міровой рынок капиталов — *Н. Жекулин.* Денежное хозяйство Чехословакіи за 5 лѣт — *Б. Бруцкус.* Развитіе земельных отношеній в Польшѣ — В библіографическом отдѣлѣ статьи: *Н. В., В. Ижемскаго, В. Кильдинскаго, А. Спудова,* и др.

Стр. 214. Цѣна — 15 корон чехословацких.

Адрес Редакціи:

«Krestjanskaja Rossija» Ul. Karoliny Světlé č. 16, Praha. Tchécoslovaquie.

Генеральное представительство во всѣх странах (за исключеніем Америки и Франціи) кн. маг. «Пламя» — Praha II., Ječná ul. 32.

Представительство во Франціи: кн. маг. «La Source» 9-bis rue Vineuse, Paris (XVII-e).

Представительство в Америкѣ: кн. маг. А. Чернова «Труд» — A. Chernoff. Book Shop, 14 th Str. New-York NY.